

Российская академия наук
Институт психологии

Проблемы социальных конфликтов в современной психологии

сущность, детерминанты,
регулирование

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, Д. А. Китова

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2018

УДК 159.9

ББК 88

П 78

Рецензент:

доктор психологических наук, профессор А. В. Суворов

Коллектив авторов:

Вместо введения, Вместо заключения – А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, Д. А. Катова; гл. 1, 4, 11–12, 14, 18 – В. А. Соснин; гл. 2–3 – А. Л. Журавлев, А. А. Вакин; гл. 5 – А. Л. Журавлев, Д. А. Катова, В. А. Соснин; гл. 6 – А. В. Юренич; гл. 7 – А. А. Вакин; гл. 8, 17 – Д. А. Катова; гл. 9 – А. Л. Журавлев, Д. А. Катова, А. В. Юренич; гл. 13 – В. А. Соснин, Ю. В. Ковалева; гл. 15–16 – В. А. Соснин, А. А. Смирнов; гл. 19 – А. А. Смирнов, Н. Ю. Суздальн, А. Н. Курочкин; гл. 20 – А. Л. Журавлев, Д. А. Катова

П 78 Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование.

Работа посвящена изучению социальных конфликтов: рассматриваются тенденции их исследования в психологии, проанализированы психологические аспекты современных социальных конфликтов, возникших на рубеже XX–XXI вв.; представлены психологические механизмы регулирования социальных конфликтов. В рамках психологии конфликта рассмотрены следующие проблемы: справедливости, агрессивности личности, психологической безопасности общества, неудовлетворенности материальными условиями жизнедеятельности, коррупции, терроризма, социально-психологических детерминант противостояния культур и других проявлений конфликта цивилизаций.

Надеемся, что книга будет полезна психологам, социологам, политологам, студентам психологических, социологических и политологических факультетов вузов, слушателям учебных подразделений правоохранительных структур и оперативным сотрудникам.

ISBN 978-5-9270-0371-6

Содержание

Тенденции психологического исследования социальных конфликтов (Вместо введения)	5
--	---

Раздел I ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Глава 1. Психологические аспекты исследования социальных конфликтов	17
Глава 2. Психологические особенности разных типов конфликтов: личностные и социальные детерминанты	30
Глава 3. Методологические подходы к изучению социальных конфликтов в психологии	40
Глава 4. Социально-психологические тенденции изучения организационных конфликтов	48
Глава 5. Большие социальные группы как субъекты конфликтного взаимодействия	56

Раздел 2 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Глава 6. Агрессивность личности как социально-психологическая проблема современного российского общества	75
Глава 7. Динамика организационных противоречий между совладельцами бизнеса в предпринимательском цикле	90
Глава 8. Неудовлетворенность экономическими условиями жизнедеятельности как источник социальной напряженности	102
Глава 9. Коррупция как фактор дестабилизации общественных отношений	115
Глава 10. Представления о справедливости в детерминации социальных конфликтов	136

Глава 11. Психологические аспекты межнациональных и межконфессиональных конфликтов в современном мире	145
Глава 12. Терроризм как глобальная форма проявления конфликта цивилизаций	163
Глава 13. Психологические проблемы ядерного сдерживания и стратегической стабильности	171

Раздел 3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Глава 14. Переговоры как основной механизм регуляции социальных конфликтов (на примере переговоров с террористами)	191
Глава 15. Психологические операции в механизме современных международных конфликтов	233
Глава 16. Роль СМИ в детерминации противоправного поведения	252
Глава 17. Личностные ресурсы молодежи как фактор противостояния деструктивным воздействиям	275
Глава 18. Информационно-психологические механизмы геополитического противодействия	291
Глава 19. Теория и технологии социальной деструкции в XXI веке (на примере «цветных революций»)	306
Глава 20. Интернет как психологический ресурс геополитического противодействия	343
Некоторые итоги и перспективы психологического исследования социальных конфликтов (Вместо заключения)	364
Литература	371

Тенденции психологического исследования социальных конфликтов (Вместо введения)

Историко-развитие каждого человека и общества можно, в частности, представить как историю преодоления череды непрерывно возникающих, по-разному развивающихся и своеобразно завершающихся конфликтов. Конфликты лежат в основе развития человека и общества, поскольку даже само понятие «развитие» определяется как преодоление больших и малых конфликтов и устойчивое стремление к состоянию гомеостаза¹, который априорно не всегда возможен или возможен лишь на короткий период времени. Чаще всего сохранение социального и психологического гомеостаза (динамического равновесия) требует целенаправленных, скоординированных усилий. В силу такой онтологии гносеология развития человека и общества тесно связана с наличием динамических изменений социальной среды, детерминируемых прежде всего проблемами сохранения социально-психологической цельности, идентичности, самобытности и автономии, — к примеру, свободы человека самостоятельно принимать и реализовывать жизненно важные социальные решения в соответствии со своими интересами. Именно поэтому человеческие сообщества вынуждены непрерывно выживать и развиваться в условиях «всезерного» конфликта интересов межличностных, межгрупповых, социальных, геополитических.

К настоящему времени в современной науке сложилось два различающихся подхода к пониманию конфликта. В одном из них конфликт определяется как столкновение разнонаправленных сил, т.е. весьма широко. При таком понимании конфликты возможны и в неживой природе. Другой подход заключается в понимании конфликта как столкновения противоположных целей, интересов, пон-

1 Гомеостаз — стремление системы воспроизводить себя, восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды.

ций, мнений, взглядов активных субъектов жизнедеятельности. Этот подход предполагает, что субъектом конфликтного взаимодействия может быть либо отдельное лицо, либо группы людей.

В психологии понятие конфликта также применяется достаточно широко, адресуясь фактически ко всем разнообразным явлениям, связанным с психикой людей. Конфликтом называют и межличностные трудности, и внутрличностные переживания, и крайние явления (предмет психотерапевтической работы), и столкновение алгоритмов решения учебных задач у обучающегося, и др. (Гришина, 2000).

К примеру, одно из «собирательных» определений социального конфликта представлено в работах А. В. Соснина и П. А. Лунев: это процесс развития и разрешения противоречивости целей, отношений и действий людей, детерминируемый объективными и субъективными причинами и протекающий в двух диалектически взаимосвязанных формах – скрытых противоречий или открытых действий сторон на индивидуальном и групповом уровнях (Соснин, Лунев, 1996). В данном аспекте социальный конфликт следует рассматривать и как противоречие потребностей и интересов двух сторон, проявляющееся в их взаимодействиях, и как стремление разрешить данное противоречие силовыми или мирными способами. Социальный конфликт как системный феномен может возникать и развиваться на межличностном, групповом, межгрупповом, государственном и межгосударственном уровнях.

Эти позиции во многом повлияли на логику, структуру и организацию исследований социальных конфликтов в современном мире. Большинство ученых сходится во мнении, что конфликт – системный и непреходящий фактор нашей жизнедеятельности (Г. Спенсер, У. Самнер, Л. В. Парето и др.). В частности, Г. Зиммель рассматривал социальный конфликт как одну из традиционных форм социализации человека (Зиммель, 1994). Широко известна позиция М. Вебера, убежденного в том, что конфликты, которые связаны с *сферами влияния собственного статуса* и расширенным влиянием, именно присутствуют в деятельности любой организации и государства (Weber, 1950). И. В. Кляш обращает внимание на *эмоциональную специфику социального конфликта*, отмечая, что тема «противоречивости, конфликтности человеческого бытия и ее преодоления очень характерна для русской экзистенциальной философии» (Кляш, 1998, с. 17).

За всю историю существования, которую можно исчислять как «минувшие пятьдесят веков», человечество пережило более сорока пяти с половиной тысяч войн, больших и малых, и доныне, в XXI веке, логика конфликта остается доминирующей: в мире «продолжа-

ются конфликты и войны, активизируются вспышки ненависти и насилия, террористические акты, действия националистических группировок, растет поток беженцев» (Солдатова, Нестик, 2011, с. 15).

Исследование конфликтов как самостоятельное направление в рамках социальной психологии и социологии зародилось в 1940–начале 1950-х годов. Неисчерпывающий обзор и анализ состояния этих исследований в западной психологической науке можно найти в четырехтомной монографии Дж. Бертон (Бертон, 2013).

Отечественный психолог Н. Н. Леонев выделяет в истории исследования феномена конфликта три основных этапа. На первом этапе (до 1924 г.) изучение конфликта не выступает как самостоятельная отрасль знания, а происходит в логе различных научных дисциплин – философия, социология, право, психология. Вторым этапом (1924–1989 гг.) связан с появлением исследования конфликтов как самостоятельного направления исследования, хотя также в рамках конкретных научных направлений, число которых постепенно росло и достигло одиннадцати. Характерной особенностью этих исследований выступает отсутствие единых междисциплинарных теоретических, методологических и эмпирических подходов к изучению проблемы. Именно в этот период, а точнее, к середине 1970-х годов, в отечественной социальной психологии появляется ряд диссертационных работ, посвященных данной проблематике (Гришина, 1995; Соснин, 1979; Фрыгина, 1980; и др.). Третий этап исследований (с начала 1990-х годов и до нашего времени) связан с выделением данного направления в самостоятельное научное явление, когда начинают многократно усиливаться междисциплинарные исследования проблемы, наблюдается значительное увеличение публикационной активности ученых.

Первопроходцем в выделении конфликта как фактора развития можно считать Ч. Дарвина, положившего именно его в основу своей теории эволюции, согласно которой главным фактором эволюции является естественный отбор. Эта позиция на многие годы стала ведущей в изучении конфликтов, способствовала закреплению постулата о неизбежности конфликта интересов во взаимоотношениях между людьми и неизбежной враждебности взаимодействия групп с различными интересами. Враждебность по отношению к «чужей» группе, поддерживающая внутреннюю стабильность и сплоченность «своей», стала основанием многочисленных исследований в самых разных отраслях знания (К. Лоренц, А. Бандура, С. Берковиц, Р. Дарендорф, Л. Коэер, Р. Коллинз, Л. Кривоберг и др.). Австрийский военный исследователь Г. Ратценгофер рассматривает

социальные конфликты как основу прогрессивного исторического развития, детерминантами которого он видит различия интересов и целей его субъектов – людей, групп, общностей, государства. Он дает определение социальному конфликту через обоснование изначальной природной, сущностной враждебности человека, проецируя ее в на поведение групп.

Вместе с тем история развития человека со временем породила новую идею – идею социальной непримлемости конфликта. Существенный вклад в развитие этой теории внес социолог Т. Парсонс, который предложил рассматривать конфликты как историчное явление, граничащее с «социальной патологией», которой присущи субъективистская природа и временный характер. С утверждением данной теории начались разворачиваться первые разговоры о возможных моделях личностного и общественного равновесия, о необходимости стабильного развития общества и терпимого отношении к плюрализму мнений (Дж. Ландберг, Э. Мью, Л. Уорнер).

В настоящее время активно развиваются новые концепции конфликта, изучаются технологии разрешения конфликтов и анализируются прикладные возможности их использования. Подобная работа происходит в самых разных отраслях научного знания: в конфликтологии (А. Г. Здравомыслов, А. В. Дмитриев, А. Я. Анцупов, В. Н. Шаленко, Е. И. Степанов, Н. И. Леонков, Н. В. Гришнина, В. А. Соснин, М. М. Лебедева, О. В. Аллахвердова и др.), философии (С. С. Батынин, В. И. Григорьев, О. А. Митрошенков, Л. Шестов, О. Б. Шулепова и др.), политологии (А. Г. Бельшакова, А. В. Глухова, А. И. Колыба, Э. А. Пронин и др.), психологии (А. А. Бодалева, В. Ф. Агеев, Н. И. Оболюв, И. А. Кох, Я. А. Анцупов, А. И. Шипилов, Н. В. Гришнина, Ф. М. Бородин, А. К. Зайцев, Н. И. Леонков, А. Г. Здравомыслов и др.) и других областях.

В психологической науке обращение к проблеме конфликта и понимание необходимости ее исследования первоначально возникли в рамках теоретических концепций классического психоанализа, который традиционно объясняет «человеческие несчастья» слабой сущностью человеческой природы (в частности, врожденной предрасположенностью к конфликтам и агрессивному поведению). Считалось, что конфликт является результатом проявления внутренних импульсов человека, которые непременно требуют своего выхода (Фрейд, 1921). Многочисленные последователи Фрейда – Ф. Ранк, В. Райх, К. Г. Юнг – также придерживались его идей об универсальном характере человеческой враждебности. Многие исследователи того времени (Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе и др.) нача-

ли на этой основе разработку теории социальных конфликтов. Так, М. Хоркхаймер представил миру новый тип человека – «авторитарную личность», а Э. Фромм выявил у представителей среднего класса Германии (1931 г.) установки «к принятию тоталитарного режима» (по убеждению автора, он обнаружил у людей даже потребность в тоталитарном режиме).

К изучению природных детерминант личностной и социальной конфликтности обратились многие психологи. Например, К. Хорни в свое время ввела в научный оборот понятие «базисной тревожности» (Хорни, 2004). Основой ее теории выступало утверждение о том, что неврозы генерируются нарушением равновесия в человеческих взаимоотношениях и вызывают компенсаторные стратегии поведения, которые со временем становятся частью характера человека и приобретают характер потребностей.

Среди отечественных психологов к анализу конфликта обращался М. Н. Мяснищев. По его утверждению, конфликт пронизывает в социальном поведении человека, выступая психической презентацией высвобившего противоречия; при этом если переживания, связанные с конфликтной ситуацией, становятся ведущими переживаниями человека и не находят своего разрешения, то они могут перерастать в неврозы (Мяснищев, 1960).

Одним из наиболее известных авторов, который провел значимые исследования психологической природы конфликтов в отечественной психологии, является В.С. Мерлин. Им были разработаны теоретические основы конфликта, исследованы особенности мотивации в конфликтных ситуациях, представлены типичные взаимоотношения личности в конфликтах, описаны виды конфликтов, изучена их динамика. Мерлин определил внутрилличностный конфликт как «состояние более или менее длительной дисинтеграции личности, выражающееся в обострении существовавших ранее или в возникновении новых противоречий между различными сторонами, свойствами, отношениями и действиями личности» (Мерлин, 1990, с. 9).

К. Левин, рассматривая межличностные конфликты, описал конфликт как противоречия между потребностями человека и внешней средой, тем самым связав в рамках конфликта внутренний и внешний мир человека. Согласно его теории, внешние воздействия, отражаясь во внутреннем мире, вызывают внутрилличностный конфликт, который, в свою очередь, провоцирует внешнюю активность личности и проявляется в рождении социальных конфликтов – межличностных, межгрупповых, международных.

В психологической литературе можно найти немало разработок по анализу функциональных последствий конфликтов. Среди них особо выделяется позиция М. Дойча. Автор предлагал, в силу невозможности искоренения социальных и личностных конфликтов, акцентировать внимание исследователей на факторах позитивного протекания и разрешения конфликта. Он отмечал, что конфликт как явление часто вызывает позитивные и даже продуктивные последствия, в ходе его разрешения или по его истечению люди нередко остаются удовлетворенными конечным результатом и не испытывают при этом чувства утраты (Deutsch, 1994). Продолжая рассуждения о природе и последствиях конфликта, автор отмечает еще один аспект проблемы. В результате продуктивного разрешения конфликта «характерные процессы и эффекты, обусловленные данным типом социального отношения, имеют тенденцию усилиться вызвавший их тип социального отношения» (ibid., p. 15), т. е. возникает ситуация пролонгированности опыта конфликтного взаимодействия, что переводит размышления психологов к новому витку исследования конфликтов.

В частности, психологической анализ конфликтов начали связывать с изучением мотивов конфликтного поведения. Впервые такие исследования провел Ч. Макклиток. Он получил экспериментальным путем и представил четыре вида мотивов социального конфликта – кооперация, индивидуализм, соперничество и альтруизм, а Д. Макрет и Д. Кравиги дополнили их и добавили до шести позиций. Они выделяли еще два мотива – агрессию и равенство. Позже исследователи выявили, что причинами социальных конфликтов заключаются в факторах непосредственного взаимодействия между группами (М. Шериф, Г. Теллафел, Дж. Кемпбелл), а реализованный (состоявшийся) конфликт их интересов впоследствии порождает отношения конкуренции и ожидание реальной угрозы со стороны другой группы. Также психологами были выделены факторы сдерживания конфликтов, – например, сходство ценностей ориентаций (Трашнина, 2009).

Традиция отечественной парадигмы исследования конфликтов основывается как на концепции социальной и личностной сущности человека, так и на процессуальных концепциях социального взаимодействия. В частности, Я. Л. Коломинский, Б. Д. Парыгин, Э. А. Орлова и Л. Б. Филонов в исследовании и анализе социального конфликта опираются на осознаваемые и неосознаваемые особенности психики и поведения человека, обращаются к таким его социальным характеристикам, как склонность к борьбе и сотрудни-

честву и особенности межличностного взаимодействия или общения, к конструкту психологического состояния, пытаются разграничить конфликтное взаимодействие и конфликтные взаимоотношения, определить место межличностных конфликтов в структуре социального взаимодействия и социальных отношений. Такое обстоятельное понимание конфликта позволило современным отечественным исследователям проводить изучение социальных конфликтов в контексте деятельностного подхода (Н. В. Гришвина, А. Л. Свенцицкий, Е. С. Кузьмин), а исследовательский интерес сосредоточить на изучении конфликтного взаимодействия в различных сферах деятельности. В этом направлении изучались конфликты в различных коллективах: научно-исследовательских (А. Г. Адлюкверда, В. И. Антонок, М. А. Иванов), воинских (Н. Ф. Феденко, В. П. Галлицкий, М. П. Крашвин, А. И. Китов) и педагогических (В. Н. Афонькова, Б. С. Алшеш, М. М. Рыбакова, Л. В. Симонина). Проблемы управления конфликтами в разное время занимались Т. П. Галкина, Н. С. Данакин, В. В. Колдов, А. В. Сергеевчук, Г. П. Щедровицкий и др.

Накопленный отечественными психологами научный материал позволил получить целый свод работ теоретического и методологического плана, в которых представлены развернутый понятийный аппарат, структура, динамика, функции, последствия социальных конфликтов, предложены механизмы их регуляции (А. Я. Аншуков, М. С. Вершинин, И. Я. Герасименко, Н. В. Гришвина, О. Н. Громова, А. В. Дмитриев, А. И. Дощев, А. А. Ершов, А. Г. Здравомыслов, В. И. Кудрявцев, Л. А. Петровская, А. И. Шипилов и др.).

В 1950-е годы работы Л. Коэра и Р. Дарендорфа (которых можно назвать основоположниками конфликтологии) наметили начало нового этапа исследования конфликтов. Авторы предложили позитивную «конфликтную модель» общества, выделив более десяти благоприятных функций конфликта. Она положила начало исследованию организационных конфликтов, что стало концептуальной основой современной парадигмы изучения данного феномена. Так постепенно произошло развитие теории позитивности конфликта, которая ориентируется на понимание неизбежности противостояния в социальных взаимодействиях и его позитивно-функциональной роли в совершенствовании и гармонизации этих взаимодействий.

Итак, как уже отмечалось выше, в конце XX в. наметился стабильный переход от парадигмы конфликтного социального мышления, ориентированного на социальное противоборство, к парадигме бесконфликтного взаимодействия и сотрудничества как принципу устойчивого социального развития. В частности, один из сторон-

ников такого подхода, Т. Парсонс, утверждал, что современное общество существует благодаря способности людей действовать согласно вырабатываемым в ходе их социальных взаимоотношений нормам и ценностям. Другой представитель этой школы, А. Смолл, рассматривал конфликтное взаимодействие как ведущий и универсальный принцип развития общественных процессов и стремился доказать, что в его результате неизбежно вырабатывается социальное согласие и что этот опыт передается от поколения к поколению через механизмы социализации. В русле этой парадигмы российский ученый А. Г. Шмелев предложил концепцию продуктивной конкуренции, которая основывается на убеждении в том, что новые уровни материального и культурного прогресса достигались человечеством не путем истребления сильными субъектами слабых, а путем создания все более масштабных и разнообразных по формам коалиций, в рамках которых сильные добровольно ограничивали свою власть над слабыми. Таким образом, в современной социальной психологии постепенно сложилась убежденность, что конфликты не просто неизбежны, но крайне важны для развития цивилизации, что однополярный мир не менее опасен, чем многополярный, с его конфликтами и войнами (Психологические исследования..., 2018).

Тем не менее, думается, что истина где-то между двумя вышеоцененными противоположными воззрениями на природу социальных конфликтов. Конфликты неизбежны, однако для того, чтобы привести их к гармоничному разрешению, нужно учесть их адекватно оценивать и эффективно ими управлять. Необходимо также учитывать, что происходящие ныне значимые с социальной точки зрения изменения в жизни мирового сообщества связаны с конфликтами такого масштаба и глубины, которые не были свойственны (по форме, а иногда и по содержанию) всей предыдущей истории развития человечества. Все это явилось основанием для подготовки данной монографии.

В ее первом разделе рассматриваются теоретические представления о социальном конфликте в контексте истории его исследований в социальной психологии; представлены психологические особенности разного типа индивидуально-психологических и социальных детерминант конфликтов; анализируются современные методологические и организационные проблемы социально-психологических особенностей взаимодействия в условиях конфликта, социально-психологические детерминанты и тенденции организационных конфликтов; раскрываются психологические особенности больших социальных групп как субъектов конфликтного взаимодействия.

Во втором разделе исследуются конфликты, причины которых обусловлены тремя факторами: 1) психологической природой человека; 2) социально-экономическими условиями жизнедеятельности общества; 3) геополитическим состоянием современного мира. В первом случае это агрессивность личности и ее проявления в современном российском обществе. Во втором анализу подвергаются социальные и психологические аспекты современного российского общества, духовно-религиозная проблематика межнациональных и межконфессиональных конфликтов, современное состояние экономической жизнедеятельности населения Российской Федерации. Рассматриваются конкретные факторы социальной напряженности в современном обществе, освещается проблема социальной справедливости в детерминации социального конфликта, рассмотрены коррупционные угрозы как латентные факторы массовой социальной напряженности. Наконец, в третьем случае внимание авторов уделено на изучение актуального состояния социальных конфликтов современного мира. В частности, анализируются психологические проблемы межнациональных и межконфессиональных конфликтов, проблемы космополитизма, русофобии; освещаются история и современное состояние терроризма, который рассматривается как глобальная проблема конфликта цивилизаций; подвергнуты исследованию психологические аспекты геополитических конфликтов, среди которых важнейшее место занимают социально-психологические детерминанты противостояния Запада и России.

В третьем разделе монографии рассмотрены психологические механизмы регулирования конфликтов в современном обществе. Основное внимание уделено анализу средств воздействия на конфликт, которые могут быть совершенно разнонаправленными: одни помогают разрешать конфликт, другие, напротив, служат его искусственному разжиганию. С целью изучения механизмов первого порядка рассмотрены психологические операции как инструмент борьбы с терроризмом, – в частности, проведен исторический анализ исследования переговоров, выявляются и анализируются личностные ресурсы молодежи как фактор противостояния деструктивному воздействию. Исследуется неоднозначная роль СМИ в психологической регуляции конфликтов. Современные СМИ рассматриваются как с точки зрения ресурса детерминации противоправного поведения личности в социуме, так и с точки зрения возможностей масс-медиа (в том числе и электронных) в разрешении конфликтов через воздействие на массовое сознание и поведение больших социальных групп. Для изучения механизмов второго порядка пред-

принято исследование психологических технологий деструктивного воздействия, сопряженного с психологическими технологиями эскалации конфликтов. Анализу подвергаются психологические технологии разжигания общественных и глобальных конфликтов (через использование Интернета как психологического ресурса геополитического противоборства), психологические особенности информационно-психологических войн как механизма международного противоборства, теоретические основы и информационно-психологические технологии деструктивного воздействия (на примере «цветных революций»).

В социальной психологии к настоящему времени накоплен большой массив данных и поставлено множество новых вопросов, которые требуют профессиональной рефлексии и осмысления в рамках социальной психологии конфликта как *системного феномена современной социальной реальности со свойственными ему структурно-динамическими характеристиками*. Сегодня проблема исследования природы (сущности, детерминант, динамики развития, способов, механизмов и технологий разрешения) глобальных социальных конфликтов стоит особенно остро.

Цель работы — обобщить и структурировать современные тенденции анализа конфликта в социальной психологии и предложить дальнейшие направления исследований.

Раздел I

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Глава I

Психологические аспекты исследования социальных конфликтов

Конфликт как социальный феномен — неотъемлемый атрибут жизни и функционирования любого общества. Изучение конфликтов является «междисциплинарной» областью исследований, которые проводятся как в рамках социальной психологии, так и в ряде других общественных дисциплин — социологии, истории и политологии. Такая ситуация обусловлена самой спецификой предмета исследования, его системным характером.

Вот одно из «сборительных» определений социального конфликта: «...это процесс развития и разрешения противоречий целей, отношений и действий людей, детерминированных объективными и субъективными причинами, протекающий в двух взаимосвязанных формах: в форме скрытых противоречивых психологических состояний и в форме открытых действий сторон на индивидуальном и групповом уровнях» (Соскин, Луков, 1996, с. 9).

В социальной психологии конфликты исследуются на индивидуальном уровне как специфический вид общения, на внутригрупповом и межгрупповом уровнях — в рамках психологии групп, а также в прикладных областях дисциплины — в психологии организации и управления, этнической, педагогической психологии и т.д.

Конструктивные и деструктивные элементы конфликта

Когда люди думают о конфликте, они чаще всего ассоциируют его с агрессией, угрозами, спорами, враждебностью, войной и т.п. Бытует мнение, что конфликт — явление всегда негативное, что его необходимо по возможности избежать и немедленно разрешить, как только он возникает. Это представление о конфликте имеет в своей основе два убеждения: во-первых, конфликт — это фиксация чего-то

неправильного, плоского, ненормального; во-вторых, он создает деструктивные последствия (Deutsch, 1994; Folger, Poole, 1984).

Деструктивные элементы конфликта таковы:

1. *Процессы конкуренции.* Стороны конкурируют друг с другом, так как считают, что их цели не совпадают, противоречивы и недостижимы одновременно. Однако нередко в действительности цели не находятся в оппозиции и сторонам не обязательно конкурировать. Кроме того, процессы конкурентного взаимодействия имеют собственные побочные эффекты, так что конфликт, вызвавший конкуренцию, также может вести к дальнейшей эскалации.
2. *Искажение восприятия.* При интенсификации конфликта восприятие окружающей среды искажается. Люди склонны рассматривать окружающий мир в соответствии со своими перспективами в дальнейшем развитии конфликта. Следовательно, они предпочитают интерпретировать людей и события как находящиеся либо на их стороне (за них), либо на другой (против них). Кроме того, мышление имеет тенденцию становиться стереотипным и пристрастным; участники конфликта одобряют людей и события, которые подтверждают их позицию, и отвергают то, что, как они подозревают, выступает против них.
3. *Эмоциональность.* Конфликты, как правило, эмоционально нагружены с отрицательным знаком, поскольку стороны переживают беспокойство, раздражение, досаду, гнев или фрустрацию. В конфликте эмоции доминируют над разумом, мышлением, и стороны при эскалации конфликта могут стать более эмоциональными.
4. *Уменьшение коммуникации.* Коммуникация между сторонами ухудшается, идет на убыль. Стороны перестают взаимодействовать с теми, кто с ними не согласен, в пользу тех, кто выражает согласие. Взаимодействие, общение между конфликтующими сторонами, которое действительно происходит, нередко состоит из попыток нанести удар, принизить, разоблачить или развенчать позицию другой стороны и придать дополнительный вес своим аргументам.
5. *Ухудшение понимания.* Центральные вопросы спора становятся расплывчатыми. Возникают обобщения, и начинают выдвигаться новые спорные вопросы, поскольку эскалация конфликта, как водоворот, втягивает в себя как другие спорные вопросы, так и «живиных» посторонних. Стороны конфликта перестают отдавать себе отчет в том, как возник конфликт, в чем он реально состоит, что могло бы разрешить его.

6. *Жесткие предложения* (защелкивание на позициях). Участники становятся заложниками своих позиций. Получая высказывания другой стороны, они более жестко придерживаются своей точки зрения и становятся менее уступчивыми, так как опасаются потерять свое лицо и выглядеть глупо. Процессы мышления становятся более ригидными и упрощенными феномен «черно-белого» мышления, «или-или»).
7. *Преувеличение различий, взаимная слабовина*. Поскольку конфликтующие стороны становятся заложниками своих позиций, они склонны рассматривать друг друга и свои позиции как целиком противоположные, тогда как в действительности этого может и не быть. Значение факторов, которые их разделяют, преувеличивается и выдвигается на первое место, тогда как их сходство и общность недооцениваются и приуменьшаются. Как следствие, оппоненты концентрируют все усилия на том, чтобы победить в конфликте за счет другой стороны, не стремятся отыскать общую почву для разрешения спора. Так формируется образ коварного врага, которого надо победить любой ценой.
8. *Эскалация конфликта*. Отмеченные выше процессы ведут к дегуманизации другой стороны и стремлению усилить давление друг на друга, еще жестче заявляя свои позиции, увеличивая ресурсы для достижения победы, упорству все больше, чтобы отстоять себя. Каждая сторона уверена, что, увеличивая давление (ресурсы, упорство, энергию и т.п.), она сможет заставить другую сторону капитулировать. Однако эскалация конфликта ведет лишь к его еще большей интенсификации вплоть до того, что стороны теряют саму способность взаимодействовать друг с другом или разрешить спорный вопрос.

Отмеченные процессы обычно связываются с представлениями о конфликте вообще. Однако это характеристика только деструктивного конфликта. Фактически, как отмечают многие исследователи, конфликт может быть и продуктивным, или функциональным.

К конструктивным элементам конфликта можно отнести следующие:

1. Обсуждение конфликтных вопросов может стимулировать членов группы и организации в целом на творческое решение проблем.
2. Конфликт может повысить вероятность группового и организационного изменения и адаптации. Конфликт ориентирует внимание руководства на проблемы, которые создают неудобства и сложности для нормального функционирования персонала.

3. Конфликт способен укреплять взаимоотношения, повышать уровень групповой морали и улучшать психологический климат в группе.
4. Конфликт может помочь более глубокому осознанию себя и других (например, в ходе анализа его причин).
5. Конфликт часто влечет за собой развитие личности. В ходе конфликта руководители могут обнаружить, как их стиль руководства влияет на подчиненных, последние же – выявить те технические или межличностные навыки и умения, которые им необходимо приобрести или улучшить.
6. Конфликт может стимулировать психологическое развитие. Люди становятся более аккуратными и реалистичными в самооценках, развивают саморефлексию, уменьшают эгоцентрические наклонности, могут повысить самооценку и уверенность в себе.
7. Конфликт может приносить удовлетворение и радость, он дает возможность работникам «испустить» сильные переживания, принять другие представления о проблеме и людях и положительно оценить многогранность своих взаимоотношений.

Таким образом, современное представление о конфликте таково: он не просто деструктивен или продуктивен, но одновременно содержит в себе обе возможности. И цель его разрешения состоит не в том, чтобы подавлять, устранять его, но в том, чтобы научиться управлять им: деструктивные элементы держать под контролем, а конструктивные использовать для эффективного разрешения и урегулирования конфликта.

Основные положения социально-психологического подхода к исследованию конфликта

При исследовании конфликта в социальной психологии наиболее популярны и разработаны подходы, развиваемые в русле теории равновесия, когнитивного диссонанса и т. п. Основной акцент делается на социальную перцепцию и согласованность/несогласованность когнитивных структур личности (установок, представлений, мотивов, ожиданий и т. п.). Эти структуры выступают реальными регуляторами социального поведения людей. Возникновение и осознание несовместимости в познавательных структурах личности приводит к внутреннему конфликту ценностей и устремлений (дисбаланс, диссонанс). Появляются две мотивационные тенденции: либо игнори-

ровать новый опыт, т. е. отвергать его, проявляя разные формы психологической защиты, не стремиться к выведению существующих представлений, продолжать вести себя по-прежнему (при этом потенциальная вероятность возникновения открытого конфликта только увеличивается), или, наоборот, стремиться привести свои взгляды и установки в соответствие с новым опытом и скорректировать свое поведение в изменившейся ситуации. При этом конфликт понимается как социально-психологическое явление, в котором стороны проявляют взаимоконключающие несовместимые формы поведения на основе противоречивости своих целей и установок, отраженных в их когнитивных структурах.

Опираясь на эти общие тезисы, суть социально-психологического подхода к анализу конфликтов можно свести к следующим положениям (Deutsch, 1973; Соснина, 1979):

- участники конфликта при взаимодействии исходят из своих субъективных представлений о конфликтной ситуации и социальном контексте, хотя эти представления могут не совпадать с объективной реальностью;
- конфликтное взаимодействие детерминировано первоначальными мотивами участников конфликта, но сам конфликтный процесс формирует новые мотивы и изменяет старые;
- необходимо учитывать более широкий социальный контекст конфликтного взаимодействия, – исторические, экономические, политические и иные факторы, на фоне и в условиях которых протекает конфликт;
- закономерности конфликтной динамики на индивидуальном уровне применимы для анализа конфликтов как на групповом, так и на международном уровне, главное при этом – учитывать детерминанты социально-политического, экономического уровней.

В настоящее время эти положения являются доминирующей теоретической базой для проведения экспериментальных и полевых исследований конфликта в социальной психологии. На основе данного подхода была разработана и в определенной мере экспериментально подтверждена социально-психологическая теория конфликта-сотрудничества (Deutsch, 1973; Соснина, 1979). Эта теория обобщает и систематизирует данные о механизмах и тенденциях развития конфликтов по конструктивному или деструктивному руслам и дает рекомендации по анализу и управлению конфликтами. Ее положения нашли широкое применение в практике регулирования конфликтов

на предприятиях, в организациях, а также для анализа конфликтов на более высоких социальных уровнях – коммунальном, этническом, региональном, международном.

Административный подход: новая парадигма исследования конфликта

В связи со стремлением исследовать конфликт на более широкой сравнительной основе в конце 1980-х годов возник новый подход к анализу и урегулированию конфликтов в обществе. Он получил название административного, или *структурной теории конфликта* (Visher, Dukes, 1990). Его сторонники утверждают, что все люди и группы имеют ряд универсальных социальных потребностей (или потребностей социального существования), которые в принципе неустраняемы. К ним обычно относятся: потребность в национально-этнической идентичности; потребность в безопасности, в независимости принятия решений, в участии и признании, в самореализации и развитии собственного социокультурного потенциала. Глобальными источниками и причинами конфликтов в обществе являются недостатки в институциональной системе общественного устройства. Мера разрыва между степенью удовлетворения потребностей существования и ожиданиями и требованиями властей к населению есть мера подлинной легитимности или illegитимности властных структур, независимо от того, насколько они подкрепляются законами и юридическими нормами. Если люди и группы не удовлетворяют своих потребностей существования в рамках действующих социальных институтов, они будут искать их удовлетворения вне этих рамок. Это и есть глобальная причина всех социальных конфликтов и нестабильности в обществе.

На основе данных положений выдвигается ряд принципов анализа и разрешения конфликтов:

- необходимо тщательное исследование как степени удовлетворения потребностей существования социальных групп, так и недостатков функционирования социальных институтов, недостатков управления обществом, осуществляемого властными структурами;
- главный акцент в анализе необходимо делать на источниках возникновения конфликта и их устранении, а не на сдерживании или частичном урегулировании конфликтов без структурных изменений институциональной системы общества;

- при анализе принятия политических решений следует просчитывать вероятное развитие событий и принимать такие решения, которые бы максимально исключали возможность возникновения источников конфликтов в будущем.

Системность анализа достигается только тогда, когда он начинается с конкретной проблемы или конкретного конфликта. Именно конкретная проблема или конфликт определяют, каковы приемлемый уровень (или уровни), единица (или единицы) анализа, какие области науки наиболее полезны для исследования возникшего противоречия.

Проблемы типологии и дефиниции

Концептуальное решение вопроса о дефиниции и основаниях классификации конфликтов не является каким-то абстрактным, чисто терминологическим. Оно имеет важное методологическое значение, поскольку: а) фактически сводится к проблеме объема теории (несколько широка и полно можно учесть класс конфликтных явлений в рамках одной теории); б) напрямую будет влиять на исследовательскую практику, так как от разного решения этих вопросов анализ причин, процесса и последствий конфликта будет иметь различное содержание.

Рассмотрим проблемы дефиниции и типологии, опираясь на концептуальную модель социального конфликта, разработанную в отечественной социальной психологии (Соснин, 1979). Поскольку она отражает системный многуровневый характер социального конфликта, ее можно представить в матричном виде, строки которой – это уровни анализа социального конфликта, столбцы – структурные элементы конфликта. Данная модель дает обобщенный «набор» возможных оснований для типологий, определений, систематизации и сравнения результатов исследований конфликтных явлений (см. таблицу 1).

Наиболее часто встречающийся в социологии и социальной психологии способ классификации конфликтов основывается на критериях «тип участника» и «вид структурных отношений». Разработки конфликтных типологий, основанных на этих критериях, привели к сведению обоих параметров к простым дихотомическим: по типам участников – отдельные индивиды и групповые образования; по типам отношений – принадлежность участника к системе (группе) или его автономия на фоне общей социальной среды. Наиболее компактная типология подобного рода была предложена М. Дойчем. На струк-

Таблица 1
Концептуальная модель социального конфликта

Уровень исследования	Структурные элементы процесса				Последствия
	Участники	Причины и поле конфликта	Формы взаимодействия	Функционал в социальной среде	
Социально-философский	Общественно-экономическая формация (классы)	Противоречия между способами производства и общественными отношениями	Давление административной и бюрократической власти	Уровень развития науки и техники, общественно-политическая идеология	Сфера общественно-экономической формации
Социологический	Большие общности: классы, расы, этнолингвистические группы, нации, государства	Классовые, этнолингвистические, расовые, межгосударственные противоречия, технологические диспаритеты, социальная несправедливость	Общественные выступления, бунты, протесты, революционная борьба	Материальные, социальные, интеллектуальные ресурсы в социальных группах	Изменения или сохранение «социальной структуры общества»
Социально-психологический	Организации, группы, люди	Общественные противоречия материального производства, различия групповых интересов, психологические и личностные характеристики	Результаты переговоров, марш-прошествов, выступления на демонстрации	Материальные, социальные, интеллектуальные ресурсы и навыки	Изменения или сохранение материальных условий совместной деятельности, «психологической и групповой структуры»
Индивидуально-психологический	Индивид	Противоречия типа «субъективное – объективное», индивидуальное – общественное, психологическое и личностные характеристики	Убий, самоубийство, протесты, саможертвы, конфликты	Материальные, социальные, интеллектуальные ресурсы и навыки	Изменения или сохранение индивидуального поля

турном уровне он выделял личность, группу и нацию; по видам отношений — внутри- и межсистемный уровни. В результате он получил следующую типологию: внутри- и межличностный конфликт (индивидуально-психологический уровень); внутри- и межгрупповой конфликт (социально-психологический уровень); внутринациональный и международный типы конфликтов (социальный, или социетальный, уровень).

Основной недостаток типологий, основанных на этих критериях, заключается в том, что в них не учитываются в полной мере системность явления социального конфликта. Тип участников, представляя важную характеристику, в то же время не является единственным основанием для типологии.

Существуют типологии и на основе иных параметров, которые в концептуальной схеме относятся к ряду других структурных элементов конфликта. Так, типологии ролевых конфликтов в социально-психологических исследованиях основаны на дифференциации элемента «причина конфликта». По этому же параметру вводится типология неэротических конфликтов.

В других схемах делается акцент на элементе «последствия конфликта» и выделяются «интегративный» и «разрушительный» (конструктивный, деструктивный) типы конфликтов, а также на элементе «взаимодействие» и др. Существуют конфликтные типологии, основанные на уровнях анализа конфликтов (социально-психологический, социологический и семантический уровни), их видах (борьба, игры, дебаты) и степени структурированности (полностью неструктурированные, частично структурированные, полностью структурированные, революционные).

Другая ориентация в категоризации конфликтных явлений, развиваемая в последнее время, связана с адидисциплинарным подходом, в котором первостепенными признаются положения об объяснительном потенциале человеческих потребностей и подходе к анализу конфликта как к системному явлению. Была предложена классификация видов конфликтов, основанная на дифференциации психологических причин: утверждается, что «споры», «конфликты» и «проблемы управления» возникают по разным психологическим причинам. Следовательно, они должны сниматься посредством различных процессов урегулирования и разрешения. В основе споров лежат интересы людей. В основе конфликтов — столкновения базовых социальных потребностей существования. В основе проблем организации и управления — разные представления о средствах достижения совпадающих целей и интересов.

Для этих трех типов противоречий предлагаются и различные типы процессов их преодоления: споры – с использованием власти на основе юридических и социальных норм; конфликты – с помощью проблемно ориентированных методов, опирающихся на принципы разрешения проблем; проблемы управления – с помощью проведения дискуссий, доказательств и аргументации, улучшения коммуникации.

В историческом плане теоретические представления исследований конфликтов базируются на положениях работ Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа, Л. Козера, психоаналитической ориентации З. Фрейда, К. Хорни, теории поля групповой динамики К. Левина, на работах представителей бихевиористской ориентации (Дж. Доллард, Н. Миллер, А. Бандура, Л. Берковиц), положениях теории М. Шерифа как представителя «реалистической теории конфликтов» с теоретической вершиной в виде «конкурентно-кооперативной теории исключительного взаимодействия» М. Дойча, на исследованиях в рамках когнитивистского подхода Г. Таджфела и Дж. Тернера. Однако для настоящего исследования важно выделить и зафиксировать интегральный подход к изучению конфликта.

В целом сформировавшийся в социальной психологии подход к анализу конфликта сводится к ряду позиций:

1. Есть два или более участников конфликта (индивидуальных или коллективных).
2. Есть противоречие в достижении предмета (целей, интересов, потребностей и т. д.) конфликта (материального или нематериального) во взаимодействии.
3. У каждого участника конфликта есть свои мотивации в том, как достигать своих целей в конфликтном взаимодействии: силовыми или мирными средствами.
4. Любой конфликт в своем развитии имеет две фазы – внутреннюю (формирование у участников конфликта осознания противоречий – целей, интересов, потребностей, мотиваций и т. д.), не проявляющуюся в открытом поведении, и внешнюю – фазу открытого противостояния.

Исследователями была предложена схема разрешения конфликта (в соответствии с мотивациями индивидуальных или групповых субъектов) и типичными формами поведения (см. главу 4, рисунок 2).

В начале 2000-х годов и в зарубежной, и в отечественной социальной психологии получило интенсивное развитие прикладное направление исследований конфликтов, и особенно методов их разрешения

с разными вариантами посредничества и переговоров. Психологами были выработаны процедуры и правила, способствующие эффективному разрешению конфликтов посредством переговоров (Соснин, 1994б, с. 130–142):

Задачи организаторам переговоров

1. Определять степень вовлеченности участников в спорные вопросы в конфликте посредством обращения к его участникам.
2. Все обращения должны быть адресованы тем, кто непосредственно вовлечен в конфликт, а в больших группах – к руководителю или к близкому к нему окружению.
3. Все информационные обращения-предложения к участникам конфликта должны быть одновременны, идентичны и ограничены обсуждением только организационных вопросов.
4. Участникам следует предложить назначить своих представителей, которые могут быстро связаться с руководителями, принимающими решения.
5. Спонсоры должны послать отчеты главам сторон конфликта после каждой серии встреч или согласования возникших проблем.
6. Спонсоры должны обращать внимание на переходную стадию между неофициальными дискуссиями и официальными переговорами.
7. Необходимо стремиться, чтобы участники конфликта достигли соглашения, какую информацию в ходе переговоров можно передавать общественности (СМИ) или же не передавать ее вовсе.
8. Спонсор должен достичь соглашения о месте проведения встреч.
9. Каждого участника конфликта необходимо встретить лично. Проживать они, по возможности, должны в разных местах.
10. В ходе встреч исключаются все посторонние наблюдатели и записи посторонних в ходе переговоров, даже если участники не возражают против этого.
11. В распоряжение участников конфликта и группы посредников должны быть представлены отдельные комнаты близко от места основной встречи.
12. Каждый участник должен иметь список остальных участников и групп посредников, а также представительские карточки с именами и табличками на местах за столом переговоров.
13. Участников необходимо подготовить к первой встрече: разъяснить, что от них требуется и ожидается, ознакомить с ролью посредников.

Задачи посредников

14. Посредники должны быть сведены вместе предварительно для проведения аналитического диалога.
15. Они обязаны присутствовать при любом диалоге сторон конфликта.
16. Роль посредников – не стремиться достичь компромисса, а способствовать выяснению позиций, обнаружению ценностей, интересов и потребностей участников конфликта.
17. Посредники должны выбираться из специалистов ряда ключевых дисциплин (в зависимости от проблемы конфликта).
18. В начале встречи посредники знакомят участников с правилами процедуры ведения дискуссии, поясняют ее содержание, напоминают об обязательном соблюдении правил для успеха обсуждения.
19. Ни одна из сторон конфликта не должна выдвигать никаких требований до тех пор, пока не будет завершена анализ ситуации и достигнуто ее согласованное определение.
20. Посредники должны расширять дискуссии, помогающие прояснить ценности и потребности, но каждый раз вмешиваться в диалог на аналитическом уровне, не допуская сползания дискуссии к личным оскорблениям.
21. Посредники готовят (по результатам обсуждения) заявление или дискуссионные предложения, касающиеся совпадения или несовпадения интересов, ценностей и потребностей сторон.
22. После обсуждения спорных вопросов еще раз обсуждаются спорные проблемы – предпринимаются усилия к достижению соглашения.
23. Принимается окончательное решение.

О широте и масштабе исследований и практике урегулирования и разрешения конфликтов на постсоветском пространстве СНГ дает хорошее представление международный справочник «Разрешение и предупреждение конфликтов в СНГ» (Разрешение и предупреждение..., 2002).

На рубеже XX и XXI вв. возникли новые проблемы, связанные прежде всего с выбором пути развития цивилизации: глобализация и нивелирование суверенитета национальных государств либо отстаивание национальных интересов. В связи с этим проблема конфликта как социально-психологического феномена возродилась, но как бы в другом измерении. Она затронула целую массу сфер и областей психологического знания: психологию социальной

справедливости, психологию массового поведения в контексте конфликтной проблематики; исследование проблематики переговоров при разрешении конфликтов в современных условиях, межнациональных и межконфессиональных конфликтов, психологических операций как инструмента разрешения конфликтов, технологий социальной деструкции, информационно-психологических войн, терроризма, проблем стратегической стабильности и ядерного сдерживания. Эти и некоторые другие проблемы и станут объектом нашего дальнейшего анализа.

Глава 2

Психологические особенности разных типов конфликтов: личностные и социальные детерминанты

Типы конфликтов и их социально-психологический анализ

Как уже отмечалось, противоречие не всегда выражается в форме явного столкновения и противоборства, то есть конфликта. Конфликт происходит только тогда, когда существующие противоречия, разногласия нарушают нормальное взаимодействие индивидуальных и групповых субъектов, препятствуют достижению поставленных ими целей. Вынужденные каким-либо образом преодолеть их, субъекты вступают в открытое конфликтное взаимодействие.

Если конфликты способствуют принятию обоснованных решений и развитию взаимоотношений, то их называют *функциональными* (конструктивными). Конфликты, препятствующие эффективному взаимодействию и принятию решений, называют *дисфункциональными* (деструктивными) (о конструктивных и деструктивных элементах конфликта см. в главе I). В соответствии с классификацией Л. Козера (Козер, 1999), конфликты могут быть также *реалистическими* (предметными) или *нереалистическими* (беспредметными). Первые вызваны невозможностью удовлетворить определенные требования участников или несправедливым, по мнению одной или обеих сторон, распределением между ними каких-либо льгот, преимуществ, и направлены на достижение конкретного результата. Вторые же имеют своей целью открытое выражение накопившихся отрицательных эмоций, обид, враждебности. В таких случаях острое конфликтное взаимодействие неминуемо становится не средством достижения конкретного результата, а самоцелью. Следует также учитывать, что, начавшись как реалистический, конфликт может превратиться в нереалистический, — например, если предмет конфликта чрезвычайно важен для участников, а они долго не могут найти приемлемое решение и справиться с ситуацией, что повышает эмоциональную напряженность и требует освобождения (разрядки) от накопившихся

ся отрицательных эмоций. Нереалистические конфликты всегда дисфункциональны. Их гораздо сложнее урегулировать, направить в конструктивное русло. Надежные психологические способы профилактики подобных конфликтов в организации – создание благоприятной психологической атмосферы, повышение психологической культуры руководителей и исполнителей, овладение приемами саморегуляции эмоциональных состояний и др.

В зависимости от субъектов-участников конфликта, в социальной психологии выделяют следующие основные его типы: внутриличностный, межличностный, конфликт между личностью и группой и межгрупповой конфликт.

Внутриличностный конфликт не полностью соответствует традиционному пониманию конфликта, представленному выше, так как его участниками выступают различные психологические факторы внутреннего мира одной и той же личности, часто кажущиеся ей или являющиеся несовместимыми: потребности, мотивы, ценности, чувства и т. п. Конфликтующими сторонами могут являться и психические образования: Супер-Эго, Эго, Бессознательное. К разряду внутриличностных конфликтов можно отнести когнитивный диссонанс, описанный Л. Фестингером (Фестингер, 1999). Внутриличностные конфликты принимают различные формы. Одна из наиболее распространенных – это ролевой конфликт, когда различные роли человека «предъявляют» к нему противоречивые требования. Подобные конфликты возникают всегда там, где существующая ситуация, условия или среда в целом предъявляет противоречивые требования к субъекту деятельности, заставляя проявлять различные типы социальных ролей (К. вопросу..., 1984).

Межличностный конфликт считается самым распространенным в социальной среде. Он может быть определен как ситуация противостояния участников, воспринимаемого и переживаемого ими (или по крайней мере одним из них) как значимая психологическая проблема, требующая своего разрешения и вызывающая их активность, направленную на преодоление возникшего противоречия и разрешение ситуации в интересах обеих или одной из сторон (Гришина, 2000). Среди психологических причин возникновения межличностных конфликтов обычно выделяются: низкая культура общения, недоброжелательность, грубость; отрицательная установка сторон по отношению друг к другу; напряженные взаимоотношения сторон; такие психологические особенности участников взаимодействия, как повышенная нетерпимость, агрессивность, эмоциональная неустойчивость, коммуникативная некомпетентность,

завышенные самооценки или уровень притязаний, выраженные акцентуации характера и т. д.).

Конфликт между личностью и группой обусловлен тем, что в социуме существуют как формальные, так и неформальные группы, которые устанавливают свои социальные нормы и правила поведения, общения. Отступление члена группы от принятых норм она рассматривает как негативное явление. На этой почве и может возникнуть конфликт между личностью и группой. Другой распространенный конфликт такого типа – конфликт между группой и ее лидером, руководителем. Здесь необходимо выделить такое явление, как конформизм, заключающийся в изменении мнения члена группы под давлением самой группы. Конформизм является одним из базовых способов преодоления возникших противоречий и напряжений между личностью и группой, что чаще всего неблагоприятно сказывается на том, кто пошел по этому пути.

Наконец, последний тип конфликта – *межгрупповой конфликт*. Социальная среда включает в себя множество формальных и неформальных групп, между которыми также могут возникать конфликты: различные организации, первичные трудовые группы, политические партии и т. д. Чаще всего межгрупповой конфликт является окончательной фазой разрастания исключительного конфликта, поляризирующего социальную среду и формирующего противоположные «лагера». Межгрупповые конфликты обусловлены несоответственностью целей социальных групп в борьбе за ограниченные ресурсы (власть, богатство, территории, материальные ресурсы и т. п.) (Здравомыслов, 1995; Левина, 1982; Современная..., 2001; Современная конфликтология..., 2004), т. е. наличием реальной конкуренции.

Межгрупповые конфликты сопровождаются целым рядом феноменов, специально изучаемых в социальной психологии:

1. Проявлениями «деиндивидуализации». Члены группы не воспринимают других людей как индивидуальностей, как самостоятельных личностей, видят в них только членов другой группы, которой приписывается общее негативное поведение. Деиндивидуализация в восприятии и оценках других групп способствует проявлению, например, агрессивности к ним.
2. Проявлениями группового этноцентризма в процессе социального межгруппового сравнения, в ходе которого более высоко и положительно оценивают свою группу или ее представителей, повышают свой престиж и одновременно принижают, обесценивают чужую группу, дают ей или ее представителям отрицатель-

ную оценку. Через социальное сравнение могут инициироваться конфликты, формироваться тенденция поддерживать, «отрады-вать себя» в конфликте (так как, чтобы победить, считается необходимым оценивать себя как «положительную группу, которая правильно поступает, и отрицательно оценивать чужую группу»). Часто лидеры групп стремятся частично или полностью изолироваться от какой-либо новой информации о враждебной группе (феномен «железного занавеса»), дабы легче сохранять конфликт с ней. Наоборот, для сглаживания конфликта полезен обмен реальной информацией друг о друге.

3. Проявлениями групповой атрибуции, т. е. члены группы склонны считать, что именно «чужая группа ответственна за негативные события». Объяснение причин событий резко различается для своей и чужой групп: 1) положительному поведению своей группы и негативному поведению чужой группы приписываются внутренние причины («мы поступаем правильно, потому что мы хорошие», «они поступают плохо, потому что они плохие»); 2) негативное поведение своей группы и положительное поведение чужой группы объясняется внешними причинами, внешними обстоятельствами. Так, нападения своей группы (негативное, агрессивное поведение) объясняют внешними причинами («нас вынудили обстоятельства»), а нападения противников – внутренними («они плохие люди»). Конструктивные положительные действия чужой группы оценивают как внешне обусловленные («у них не было другого выхода, обстоятельства вынудили их „дойти на мировую“»), а порой воспринимаются как уловка, хитрость («что-то здесь не так, нельзя доверять их „миролюбивым“ предложениям»). Даже раскол внутри своей группы люди склонны объяснять действиями «чужой группы», которая «вредит нам, строит заговоры против нас» и т. д.

Социально-психологический анализ конфликта тесно связан с выяснением его причин и природы, а также с определением его границ: пространственных, временных, внутрисистемных. Пространственные границы определяются местоположением его участников; временные параметры связаны с его продолжительностью, включая начало и завершение.

Начало конфликта связано по меньшей мере с тремя условиями:

- 1) первый его участник сознательно и активно действует в ущерб другому (физические действия, демонстративное поведение, требования и т. д.);

- 2) второй участник осознает, что эти действия направлены против него;
- 3) второй участник в ответ предпринимает активные действия против инициатора конфликта, – с этого момента можно считать, что конфликт начался.

Таким образом, конфликт начинается в случае противостояния сторон; он возникает лишь тогда, когда стороны начинают активно противодействовать друг другу, преследуя свои цели. Поэтому конфликт всегда начинается как двустороннее (или многостороннее) поведение и ему, как правило, предшествуют иницирующие действия одной из сторон, выступающей в качестве инициатора конфликта.

Приведем перечень *создающих элементов конфликта*:

- 1) два и более субъекта-участника (две и более стороны) конфликта;
- 2) взаимная несовместимость целей, ценностей, интересов и т. п. сторон;
- 3) конкретные формы поведения, направленные на противодействие реализации планов, достижению интересов противоположных сторон;
- 4) применение в той или иной форме давления, силы для влияния на другие стороны;
- 5) стратегии и тактики конфликтного взаимодействия;
- 6) личностные особенности участников: агрессивность, толерантность, авторитетность и др.;
- 7) характеристики внешней среды: физические и социальные.

Динамика развития конфликта включает несколько основных стадий: *возникновение конфликтной ситуации*; *осознание конфликтной ситуации участниками взаимодействия*; *собственно конфликтные поведения*, взаимно направленные и эмоционально окрашенные действия, которые затрудняют достижение целей, интересов другой стороны (т. е. фактически противодействуют им) и способствуют реализации собственных интересов в ущерб другой стороне; *разрешимые (эскалация) конфликты* или его *разрешение* как противоположные стадии в дальнейшей динамике конфликта (зависит от участников, их личностных особенностей, от интеллектуальных, материальных и других возможностей, которые есть у сторон, от сути и масштабов самой проблемы, от позиций окружающих лиц, представляющих участников о последствиях конфликта, от стратегии и тактики взаимодействия) и т. д.

Обобщая результаты социально-психологического анализа разного типа конфликтов, можно выделить *критерии конфликта*:

- 1) взаимозависимость сторон, т.е. обе стороны зависят друг от друга: активность одного субъекта обуславливает действия другого, а эти действия вызывают ответные реакции первого субъекта, и т.д.; таким образом, происходит реальное взаимодействие сторон, однако если существуют жесткие правила взаимодействия (например, бой боксеров), то это уже не конфликт;
- 2) осознание ситуации как конфликтной, т.е. одна или обе стороны оценивают чужие действия как преднамеренно противодействующие, враждебные, мешающие достижению желаемых результатов или предпринимаемые с целью унижения;
- 3) выбор стратегии дальнейшего поведения: поиск компромисса или рационально приемлемого решения либо эскалация конфликта, усиление борьбы: например, от расхождения точек зрения (когнитивного конфликта) переходит к борьбе личностей (межличностному конфликту), затем к борьбе групп (межгрупповому конфликту).

Окончание конфликта не всегда однозначо. Он может быть завершен в случае примирения или выхода из конфликта одной из сторон, а также в результате его пресечения или прекращения через вмешательство «третьих сил».

Относительно внутрисистемных границ конфликта необходимо сказать, что он всегда происходит в определенной социальной системе: семье, группе сослуживцев, трудовом коллективе, государстве, международном сообществе стран. Выявление внутрисистемных границ конфликта связано с определением конфликтующих сторон, выступающих его главными участниками, а также с выделением других субъектов (лиц или организаций), прямо в конфликт не включенных, но являющихся элементами одной системы. В таком случае границы конфликта в системе будут зависеть от того, какое число участников в него вовлечено.

Выше было уже отмечено, что конфликт представляет собой предельно-обостренную форму существования противоречия, но он также служит и способом выявления и разрешения противоречий. В этой связи возникает вопрос: что предшествует конфликту? Можно ответить, что предшествует ему объективно сложившаяся жизненная ситуация, в которой находятся противоборствующие стороны, и сами эти стороны имеют определенные потребности, интересы, цели, к которым они стремятся. Естественно, что посягательство одной стороны на какой-либо из таких интересов другой стороны создает социально-психологическую основу конфликта. Это и есть структура противоречия, пока еще не перешедшего в конфликт, но уже обо-

значимого как конфликтная ситуация. Таким образом, конфликтная ситуация – это такое сочетание, совмещение человеческих потребностей, интересов, целей и т. п., которое объективно создает основу для реального противоборства между различными индивидуальными или групповыми субъектами.

Конфликтная ситуация может складываться объективно, помимо воли и желания будущих противоборствующих сторон (например, вынужденное окрашивание витатов в трудовом коллективе), а может быть создана или намеренно спровоцирована одной или обеими сторонами. Но каждая ситуация определяется действительными событиями, а ее субъективным значением зависит от того, какие объяснения дает этим событиям каждая сторона, в соответствии с которыми она и начинает действовать в процессе развития конфликта. Главная характеристика конфликтной ситуации – возникновение предмета конфликта (Бороздкин, Корик, 1983; Саченко, 1986; Ценцов, 1996). Предмет конфликта – это основное содержание противоречия, из-за которого и ради разрешения которого стороны вступают в противодействие, противоборство.

Функциональные особенности конфликтного взаимодействия

Поскольку в ходе конфликта разрешаются противоречия и происходит поиск путей выхода из конфликтной ситуации, то возникает вопрос о его функциях, т. е. приспособительной роли, положительной или отрицательной, – другими словами: плохо это или хорошо, что происходит конфликт? Как уже неоднократно говорилось, с обыденной точки зрения здесь может быть даже только отрицательный ответ, потому что конфликт связан с такими явлениями, как бытовые ссоры и неурядицы, служебные неприятности, межличностные, территориальные, общественно-политические противостояния и противоборства, негативные переживания и потери. Отсюда и исходит оценка конфликта преимущественно как явления нежелательного, которое необходимо избегать всеми возможными способами. Такое отношение к конфликту нашло свое отражение в феномене конфликтофобии.

При более внимательном и глубоком анализе существа этого вопроса вырисовывается другая точка зрения, согласно которой конфликт есть не только негативное социальное явление, но и позитивное. Ход рассуждений здесь примерно следующий. Да, конфликт – это нежелательное явление, начинающее разрушать нормально функционирующую социальную систему, но в его ходе появляется та-

кие силы, которые смогут вернуть социальную систему в состояние баланса и стабильности и поддерживать ее в устойчивом состоянии на принципиально новом уровне.

Наряду с этим существует также тенденция рассматривать конфликт не как отклонение от нормы (т. е. социальную патологию, «болезнь»), а как норму социальных отношений, нормальное состояние человеческих общностей. Это отчетливо просматривается в ряде работ (Бэррон, Ричардсон, 1999; Дмитриев, Кудрявцев, Кудрявцев, 1993; Здравомыслов, 1995; Коэтер, 1999; Леонов, 2000; Минцелл, 1993; Шостром, 1994; и др.).

Мортон Дойч, осуществляя мотивационный анализ конфликтного поведения, отмечал, что конфликт – это такое взаимодействие двух сторон, когда достижение целей одной стороной препятствует достижению целей другой, т. е. конкуренция, соперничество выступают как объективная ситуация конфликта. Но в то же время эмоциональное неприятие личностью другого человека, стремление к конкурентному взаимодействию с другими людьми в качестве ее психологических особенностей неизбежно способствуют конфликтному поведению.

Причины конфликтов

Важным вопросом в социально-психологическом исследовании проблемы конфликтов и их природы является выявление их причин. Анализ многочисленных конкретных исследований позволяет выделить следующие основные причины конфликтов:

- 1) *социально-экономические*: конфликты между различными субъектами в современном обществе представляют собой порождение и проявление объективно существующих социально-экономических противоречий;
- 2) *социально-психологические*: противоречия в потребностях, мотивах, целях деятельности и поведения различных людей или в социальных представлениях о них;
- 3) *социально-демографические*: различия в установках, мотивах поведения, целях и стремлениях людей, обусловленные их полом, возрастом, принадлежностью к различным имущественным, профессиональным, этническим, религиозным и другим группам.

Люди так или иначе реагируют на изменение социально-экономической ситуации, преследуя при этом свои потребности и интересы. Естественно, что притязание на удовлетворение какой-либо из таких

потребностей может являться социально-психологической причиной конфликта. Неравенство в уровне доходов и потребления между самыми богатыми и самыми бедными, фактически несформированность средних слоев в обществе, нестабильность экономического, социального и политического развития неизбежно ведут к конфликтам на самых различных уровнях: межличностном и межгрупповом, между личностью и группой и др. Острота социальной напряженности, уровень конфликтности проявляются в различных феноменах: повышенном эмоционально-психологическом фоне взаимодействия между людьми, в усилении неудовлетворенности жизнью и экономическим положением, в учащении локальных конфликтов, в превращении девиантного поведения людей в своеобразную социальную «норму», в поиске «высватого». В свою очередь, такого рода негативные социально-психологические факторы не лучшим образом воздействуют на развитие социально-экономической и политической обстановки в обществе в целом.

К рассмотренным выше причинам конфликтов следует отнести и присоединить дополнительные, имеющие специфический характер. Особенности возникновения и протекания конфликта в организации определяются тремя моментами. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, по сравнению с обществом, организация — система более локальная и простая, и это позволяет говорить о большей (по сравнению с макроуровнем) ее управляемости и, следовательно, о больших возможностях прогнозирования конфликтных ситуаций.

Во-вторых, особенности конфликта определяются ролевой структурой взаимодействия в организации, выдвиганием на первый план профессиональных качеств и должностного положения (без обращения к личностным качествам работника), а также определенной «несвободой» творческого исполнения своих ролей, ограниченных должностными инструкциями. Соотношение значимости роли и личных качеств работника в организации меняется не в пользу последних. Вместе с тем личные качества, личные проблемы работника, за редким исключением, остаются значимыми, пусть и в так называемом «снятом» виде. Эта «замаскированность» делает их трудноуловимыми для руководителя (или практического психолога), однако недоучитывать их недопустимо.

В-третьих, организация — это в некотором смысле «замкнутая общность»: локальность, четкое ролевое распределение, единый конечный продукт труда, иерархичность связей и т. п. позволяют сравнивать ее психологический микроклимат с психологическим климатом общины, особенно когда речь идет о не крупных органи-

зациях. Работник в организации находится на виду у всех, «сотрудники как бы связаны «круговой порукой», анонимность действий практически исключается, оценка коллегами (осуждение или одобрение) в значительной степени определяет не только психологическое самочувствие, но и профессиональные достижения работника.

Кроме того, в организационных конфликтах четко проявляются две особенности, характерные и для других конфликтов в обществе. Первая – референтность, сплоченность конфликтующих групп. В различных коллизиях референтные группы контролируют поведение всех членов группы, возводят мотивы конфликтов в надличностные ценности. Отчужденным таким образом личности получают самостоятельное существование и доводят затем над поведением индивидов и локальных групп, превращая конфликт в самозель. Вторая особенность проявляется в том, что структурные образования организации складываются не только по объективным признакам, но и в виде так называемых «групп сознания», или неформальных групп, объединяющих людей по убеждениям, ценностным ориентациям, настроениям и т.д. Переплетение объективных и субъективных факторов затрудняет прогнозирование поведения конфликтующих групп, делает его неопределенным, а состав этих групп – довольно разнообразным.

Основными детерминантами социальных конфликтов являются межличностные отношения в социальной сфере, в которой взаимодействуют участники конфликта. Эти детерминанты конфликта опосредуются через индивидуально-психологические особенности их участников, их ролевое поведение и качественные характеристики структурной и функциональной организации труда.

Глава 3

Методологические подходы к изучению социальных конфликтов в психологии

Некоторые методологические основания изучения конфликтного взаимодействия в социальной психологии

Можно выделить несколько уровней исследования конфликта в социальной психологии, одновременно составляющих теоретический базис для анализа и обобщений. Эти уровни задаются прежде всего сложившейся научной традицией в изучении социальных явлений в социальной психологии, которая выражается в специальном категориальном аппарате и методах исследований. И здесь конфликт выступает, с одной стороны, особым объектом изучения, а с другой – специальным предметом социально-психологического исследования.

Во-первых, в социуме всегда имеет место противоречие в системе «индивид – социальная среда», которое можно рассматривать как изначальное. Несводимость индивидуального к социальному и наоборот предполагает исходное, первоначальное расхождение в любом содержании, например, в содержании деятельности индивида, которое впоследствии может становиться собственно предметом конфликта. Эта дихотомия формируется в момент рождения человека, когда разрушается симбиотическая связь матери и ребенка. В результате происходит онтологическое противопоставление человека и окружающего мира, в котором находятся все ресурсы, необходимые для его жизнедеятельности.

Во-вторых, индивид является частью социальной структуры, которую можно представить в виде сложной системы взаимодействующих подсистем, взаимодействующих социальных слоев, взаимодействующих социальных страт и т.д. или, иными словами, социальных групп. Принадлежность индивида к социальной группе отражена в понятии идентификации, являющемся одним из центральных в социальной психологии. Отнесение себя к конкретной группе необходимо вызывает формирование феномена социального сравнения различ-

ных групп и их представителей. В этом смысле, само наличие различных групп предполагает нарушение социальной (и психологической) тождественности (возникает инаковость, непохожесть), что отражено в уже упоминавшихся феноменах «свой—чужой». Эта дихотомия требует выделения приоритетов в отношениях и поведении, которые, в конечном итоге, направлены на социальное укрепление «собственной» группы. При этом любая ситуация сравнения и выбора между различными группами предполагает некоторую содержательную их разницу, которая впоследствии, в особых, актуализирующих эту разницу, обстоятельствах, становится содержанием конфликта.

В-третьих, само целостное социальное поведение детерминируется (кроме изначальных онтогенетических предрасположенностей) специфическим социальным опытом, который является следствием (результатом) взаимодействия индивида и среды, социальной в том числе. Закрепление и повторение поведенческих актов, направленных на выживание, транслируется от одних индивидов к другим методами убеждения, подражания, психического заражения, внушения и, наконец, обучения. Здесь конфликт как форма поведения, основанная на противодействии, сопротивлении, борьбе, воспринимается сам себя как сложившийся стереотип реального социального поведения или как форму установочного поведения. Другими словами, социальная установка как готовность к поведению является изначальным генератором конфликтного поведения.

В целом можно сказать, что конфликт есть одновременно и интрапсихическое, и интерпсихическое состояние несовместимости чего-то с чем-то у субъектов или состояние противоречия. Осознание того факта, что индивид целостен в своих проявлениях и не может быть описан конечным числом теоретических схем, тем более в условиях существующего разнородного методологического базиса, делает затруднительным обобщения, претендующие на статус универсальности. Таким образом, исследования фактически распадаются на многочисленные эмпирические области (Дюренко, 2000; Зигерт, Ланс, 1990; Изучение межличностных отношений..., 1991; К вопросу..., 1984; Ковчик, Малнева, 1994; Лебедев, Лавренко, 1989; Сулимова, 1996; Хащенко, 1993; Целцов, 1996; и др.), результаты которых слабо поддаются интеграции с точки зрения какой-то одной из теоретических моделей.

Все вышесказанное делает изучение конфликтов на социально-психологическом уровне весьма непростым. Дополнительные трудности возникают из-за практической невозможности воспроизведения однотипных условий разворачивания конфликтов, поэтому

такой метод исследования, как эксперимент, становится крайне трудно применимым. Диагностика конфликта также связана со значительными трудностями.

Необходимо выделить социально-психологическую феноменологию, активно представленную в самом конфликте такими явлениями (и, соответственно, понятиями), как установка, восприятие, социальная роль, ожидания (экспектации), атрибуция. Сюда же нужно отнести групповые нормы и правила взаимодействия членов группы, коллективные и личностные ценности, идеалы и др.

Остановимся на компонентах (факторах), которые описывают и определяют конфликт, – в частности, объединяем предложенные Н. В. Гришиной (Гришина, 2000) и Н. Н. Вересовым (Вересов, 1998) совокупности компонентов конфликта.

Социальный компонент составляют более объективные атрибуты конфликта:

- особенности социальной среды (наличие социальных напряжений, ресурсов и др.);
- особенности социальной ситуации, сформировавшейся «здесь и сейчас»;
- сформированные отношения сторон друг к другу (взаимоотношения);
- наличие пространства для разворачивания конфликта;
- социальные различия сторон (возрастные, гендерные, статусные, вынужденные и др.).

Индивидуальный компонент составляют субъективные атрибуты:

- психологическая готовность к конфликтному поведению (конфликтная установка);
- индивидуально-психологические особенности (агрессивность, некомпетентность, ригидность, характеристики саморегуляции и др.);
- социально-психологические особенности (коммуникативность, толерантность, ценностные ориентации и др.);
- значимость цели, достигаемого результата конфликта.

Анализ основных понятий в социальной психологии конфликта

Понятие «конфликт» сегодня не принадлежит системе понятий какой-то одной области науки или практики. В междисциплинарном обзоре работ по исследованию конфликтов А. Я. Анцуповым

и А. И. Шпилевым (Ашутков, Шпилев, 1999) выделяются следующие области научного знания, так или иначе изучающих конфликты (по степени убывания количества публикаций): психология, социология, политология, история, искусствоведение, педагогика, право-ведение, социобиология, математика, военные науки и философия.

Несмотря на значительный интерес к проблеме конфликтов и длительную историю ее изучения, до настоящего времени общепризнанного определения понятия «конфликт» пока не сложилось, а может быть, и не появится в будущем, поскольку слишком разные явления попадают под содержание данного понятия. Тем более, что многие специалисты, занимающиеся темой конфликтов, высказывают скептическое мнение по поводу возможности (и необходимости) создания общей универсальной теории конфликтов, применимой к анализу и объяснению разнородных конфликтных явлений. По мнению Ф. Е. Васильева, «если задаться целью найти дефиницию, которая не противоречила бы ни одному из высконивших взглядов на конфликт, она звучала бы абсолютно бессодержательно: конфликт – это столкновение чего-то с чем-то» (Васильев, 1984, с. 42).

Как уже говорилось выше, в современной науке сформировались два принципиально отличающихся подхода к пониманию конфликта. В одном из них конфликт определяется как столкновение сторон, сил, т. е. весьма широко. При таком понимании конфликты возможны и в неживой природе. Другой подход заключается в понимании конфликта как столкновения противоположных целей, интересов, позиций, мнений, взглядов активных субъектов. Здесь предполагается, что субъектом конфликтного взаимодействия может быть либо отдельное лицо, либо группы людей (Гришина, 2006).

В психологии понятие конфликта применяется достаточно широко, фактически адресуясь ко всем разнородным явлениям, связанным с психикой людей. Конфликтом называют и межличностные трудности, и внутрилличесные переживания, и кризисные явления (предмет вектораналитической работы), и столкновение алгоритмов решения учебных задач у обучающегося, и др. (Гришина, 2006). Тем не менее, приведем некоторые наиболее распространенные определения. «Психологический словарь» (Большой психологический словарь, 2003) трактует конфликт как трудноразрешимое противоречие, связанное с острыми эмоциональными переживаниями. Н. В. Гришина рассматривает его как биполярное явление – противостояние двух начал, проявляющее себя в активности сторон, направленной на преодоление противоречия, причем каждая из сторон конфликта представлена активным субъектом (субъектами)

(Гришина, 2000). А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов предлагают следующее определение: «Под конфликтом понимается наиболее острый способ решения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями» (Анцупов, Шипилов, 1999, с. 158).

Итак, авторы большинства существующих определений конфликта сходятся на том, что в его основе лежит «столкновение». Любой конфликт, независимо от его характера, конкретного содержания и вида, обязательно содержит в себе момент противодействия, противостояния, соревнования. Однако при всей близости понимания компонентов или признаков конфликта ни одно из определений не может быть принято в качестве универсального либо в силу ограниченности охватываемых им явлений, либо из-за многозначности включенных в него терминов.

В рамках данной работы мы остановимся лишь на одном аспекте исследования конфликта – социально-психологическом, анализ специфики которого уже неоднократно осуществлялся учеными (Гиттельмахер, Коталовская, Марушкин, 1995; К вопросу..., 1984; Петровская, 1977; и др.). Опираясь на данные работы, скажем, что это частный случай рассмотрения конфликта, но он наиболее значим для понимания социальных столкновений и порождаемых ими конфликтов.

Следует сразу оговориться, что наряду с понятием «конфликт» в социальной психологии используются близкие ему по смыслу, но не тождественные по содержанию термины «враждебность», «соперничество», «конкуренция», «кризис» и др.

Конкуренция – это особый тип противостояния, целью которого является получение одностороннего преимущества или доступа к дефицитным ресурсам. В конкуренции четко обозначены и осознаваемы цель и конечный результат. Конкуренция есть одна из форм протекания конфликта. Нередко в качестве синонима понятия «конкуренция» используется другой термин – «соперничество».

Соревнование – более формализованный и мерный тип соперничества, при котором четко определены, а нередко и записаны, формы и цели, а протекание этого взаимодействия носит прикладной социальный характер.

Враждебность – это фиксированная и резко выраженная психологическая готовность (установка) к конфликтному поведению. Враждебность не всегда выливается в конфликт (как и не в любом конфликте доминирует враждебность), но нередко присутствует в нем.

Кризис – это состояние системы, при котором невозможно одновременное удовлетворение интересов двух и более социальных групп, стремящихся к разным целям. Кризис – это результат аномальных изменений в содержании и формах жизнедеятельности социальных субъектов, серьезных нарушений механизма социального контроля. Кризису часто предшествуют и его сопровождают конфликты, но не каждый конфликт порождает кризис.

Противоречие – объективно существующее, но не всегда осознаваемое и внешне проявляемое состояние социальной системы, при котором рассогласованы интересы, цели, ценности ее элементов или свои между ними. Противоречие всегда лежит в основе конфликта. Но конфликт, в отличие от противоречия, есть внешняя форма проявления противоречия, т.е. противоположающееся взаимодействие субъектов по поводу противоречия определенного содержания.

Но что же такое социально-психологический конфликт? Понятно, что он объединяет в себе два компонента – психологический конфликт и социальный конфликт, – но объединяет их таким образом, что обозначает новую сущность, иной тип самих явлений или иной тип понимания уже привычных явлений. Психологический конфликт – это трудноразрешимое в рамках прежних представлений и поведения субъекта противоречие, вызванное совокупностью внешних и внутренних факторов и связанное с сильными переживаниями, эмоциями, неясностями, как правило, негативный характер. Социальный конфликт – это ситуация, когда стороны (субъекты) открытого взаимодействия преследуют какие-то свои цели, которые противоречат друг другу или взаимно исключают друг друга, что вызывает взаимное противодействие, противостояние. Объединяя эти два суждения, мы выдвигаем свое понимание конфликта как социально-психологического явления через систему взаимосвязанных и необходимых признаков:

- существует ситуация открытого столкновения в форме противостояния или противодействия двух и более сторон, являющихся активными субъектами;
- проявляющийся тип взаимодействия вызывает определенный тип отношения между сторонами – взаимные негативные отношения, отношения взаимной неприязни или вражды;
- каждая из сторон преследует свои цели, основанные на потребностях и мотивах, испытывая затруднения (барьеры) в их достижении из-за действий другой стороны (других сторон);
- конфликтное взаимодействие опосредствуется неким общим для всех сторон предметом, именуемым ресурсом конфликта;

ресурс всегда ограничен, его меньше, чем это необходимо сторонам;

- взаимная зависимость сторон не позволяет каждой из них уйти от взаимодействия;
- сформированные в конфликтном взаимодействии отношения в совокупности с переживаниями невозможности достижения своей цели вызывают у сторон сильные негативные эмоции.

Предложенные признаки, по нашему мнению, позволяют определить круг явлений, к которым можно относиться как к предмету социально-психологического содержания и использовать социально-психологическую методологию для их анализа.

Необходимо разделить феномены социально-психологического конфликта и социально-психологического противоречия.

Если в первом случае мы имеем дело с открытым противодействием, противоборством, т.е. с поведением, то во втором случае – лишь с осознанием различий в социальных установках, отношениях, мнениях, ожиданиях и т.д., т.е. всего того социально-психологического комплекса феноменов, которым характеризуются взаимодействующие социальные субъекты. Это различие, воспринимаемое как противоречие (несогласованность, разнородность), и вызывает острые переживания, но само по себе может и не выливаться в открытое противодействие, противоборство.

Разделение данных явлений предопределяет и дифференциацию понятий, которые описывают различные компоненты (а возможно, и этапы) социально-психологического конфликта. К таким понятиям мы отнесим также межличностную и межгрупповую напряженность и собственно сам конфликт.

Межличностная и межгрупповая напряженность есть следствие описанного выше социально-психологического противоречия, а ее сопутствующими проявлениями являются не только осознание этого противоречия, но и обязательные последующие острые переживания. Детерминанта данного явления опосредована не только различием в целях, мотивах и т.д., но и базовым принципом деления социума, группы на «своих» и «чужих». Приписывание участникам совместной жизнедеятельности определенных социальных атрибутов порождает восприятие различных членов группы (социального окружения) как тождественных себе (равных) – «своих», и как других, не своих, отличных – «чужих». К. Лоренц эту особенность дифференциации субъектов по принципу «свой–чужой» определяет как необходимую базу для формирования напряженности между ними и последующего конфликта (Лоренц, 1994).

Конфликт же есть не только готовность действовать определенным образом (это можно понимать как социальную установку на конфликт или состояние предконфликта), но прежде всего само реальное поведение в виде противодействия, противоборства. Важно отметить, что напряженность и конфликтная установка не всегда выливаются в конфликт, в то время как конфликт подразумевает наличие и напряженности, и конфликтной установки. Таким образом, напряженность является необходимым, но не достаточным условием возникновения и существования конфликта. Чтобы конфликт реализовался (проявился), необходимо наличие дополнительных условий.

Предложенное выше понимание конфликта как социально-психологического явления дополним некоторыми соображениями. Во-первых, противоречие должно быть актуализированным, т. е. воплощенным во взаимодействии конфликтующих сторон с противоречивыми ценностями, целями, мотивами, установками. Во-вторых, можно представить конфликт как способ удержания противоречия в процессе его разрешения. В-третьих, само понимание и интерпретация конфликта участвующими в нем сторонами определяются не только различными личностными (в широком смысле) факторами, но и опосредуются всей социальной средой, в которой разворачивается конфликт. Социальная среда формирует потенциальное пространство конфликта, задавая возможные конфликтные основания (пересечения потребностей и интересов), которые будут влиять на возникновение и протекание каждого конкретного конфликта. В-четвертых, конфликт можно рассматривать в некотором смысле как состояние некой незавершенности и неразрешимости социальной ситуации привычными способами, которая ставит конфликтующие стороны перед осознанием своей беспомощности в какой-то текущей период совместной жизнедеятельности.

Глава 4

Социально-психологические тенденции изучения организационных конфликтов

Организационные конфликты – в целом достаточно известная и разработанная тема в социальной психологии. Любой конфликт может выполнять как положительные, так и отрицательные функции. Конфликт не обязательно должен устраняться, – скорее, им нужно эффективно управлять. Авторы, принадлежащие к школе «человеческих отношений», были склонны считать, что конфликта нужно избегать. Обычно они рассматривали его как признак неэффективной деятельности организации и плохого управления. Современная точка зрения заключается в том, что даже в организациях с эффективным управлением конфликты не только возможны, но могут быть полезными.

Конечно, конфликт в организации не всегда имеет положительный характер. В ряде случаев он может мешать удовлетворению потребностей как отдельной личности, так и достижению целей организации. Но во многих ситуациях конфликт помогает выявить разнообразие точек зрения, дает дополнительную информацию и т. д., способствуя эффективности процесса принятия решений в группе. Конфликты могут быть функциональными и благотворными для деятельности организации. Роль конфликта в основном зависит от того, насколько эффективно им управляют.

Классификация организационных конфликтов

В современной литературе существуют разнообразные классификации организационных конфликтов, которые основываются на наличии различных подходов к объекту и/или предмету исследования, различных толкованиях самого определения, хотя в каждом случае речь идет о взаимодействии людей. Опираясь на традиции отечественной парадигмы исследования конфликтов и на наиболее обоб-

шенную их классификацию (см. главу 2), отметим, какие особенности имеют разные типы конфликтов в организации.

Организационный конфликт – это интерактивное состояние, проявляемое в разногласиях и противоречиях между индивидами и группами в организации; процесс развития и разрешения противоречий и взаимоотношений членов организации в контексте организационного функционирования.

Внутригрупповой конфликт в организации может принимать различные формы, но это прежде всего ролевой конфликт, когда к одному человеку организация предъявляет противоречивые требования.

Междолюбовный конфликт в организации, пожалуй, является самым распространенным. Чаще всего это борьба руководителей за ограниченные ресурсы, капитал или рабочую силу, время использования оборудования и т.д. Каждый из участников конфликта считает, что он должен убедить вышестоящее начальство выделить ресурсы именно ему, а не другому.

Не менее распространен на предприятиях конфликт между личностью и группой. Как показал Хоторнский эксперимент, производственные группы устанавливают неформальные нормы поведения. Каждый должен их соблюдать, чтобы быть принятым группой. Однако, если ожидания группы находятся в противоречии с ожиданиями отдельной личности, может возникнуть конфликт. Например, кто-то захочет заработать больше, делая сверхурочную работу, перевыполняя нормы, а группа рассматривает такое «усердие» как негативное поведение. Аналогичный конфликт может возникнуть и на почве должностных обязанностей руководителя: между необходимостью обеспечивать производительность и соблюдать правила и процедуры организации. Руководитель parfois вынужден вводить дисциплинарные меры, которые могут оказаться непопулярными в глазах подчиненных, и тогда группа может нанести ответный удар – изменить отношение к руководителю и снизить производительность труда.

Наконец, в организациях, которые состоят из множества групп – как формальных, так и неформальных, – имеет место *междолюбовный конфликт*. Неформальные организации, которые считают, что руководитель относится к ним несправедливо, могут сплотиться и попытаться «рассчитать» с ним снижением производительности. В крупных организациях какое-либо подразделение может попытаться увеличить свою прибыльность, продвывая готовую продукцию внешним потребителям, вместо того чтобы удовлетворить потребности других подразделений компании в своей продукции по более низкой цене.

Еще одна классификация организационных конфликтов предложена У. Мастенбруком (Мастенбрук, 1996). Она основана на разграничении типов отношений в организациях – деловых, эмоциональных, отношений взаимозависимости, проблемных отношений – и соответствующих этим отношениям конфликтов (см. таблицу 2 и рисунок 1).

Таблица 2
Типы конфликтов в организации и формы их урегулирования
(источник: Мастенбрук, 1996)

Виды конфликтов	Эффективное поведение	Результат
Деловые	Анализ проблемы, эффективная техника проведения деловых переговоров и принятие решений	Достижение лучшего решения
Социально-эмоциональные	Формирование открытости коммуникации, сотрудничество с обеих сторон	Достижение понимания с обеих сторон
Ресурсные	Эффективное ведение переговоров	Достижение компромисса
Словесные	Анализ и обсуждение структурирования взаимозависимости	Достижение оптимального/продуктивного взаимодействия

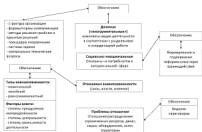

Рис. 1. Виды (типы) отношений в организации (источник: Мастенбрук, 1996)

Причины организационных конфликтов

Причинами конфликтов в организациях являются: неопределенность норм и критериев оценки различных видов труда; неодинаковые условия труда, оплаты, перспективы роста, конкуренция за ресурсы и фонды; различия в профессиональной подготовке и образовании, социальном статусе членов группы; несовершенство межгрупповых каналов коммуникации; функционально-ролевые неопределенности. Все конфликты в организациях могут обуславливаться не одной, а несколькими причинами.

Основными причинами обычно считают распределение ограниченных ресурсов, взаимозависимость задач, различия в целях, в ценностях, в поведении и жизненном опыте, а также неудовлетворительные коммуникации. Рассмотрим их подробнее.

Распределение ограниченных ресурсов. Даже в крупных организациях ресурсы всегда ограничены. Руководство решает, как распределить материалы, людские ресурсы и финансы между различными группами, чтобы наиболее эффективным образом достигнуть целей организации. Выделение большей доли ресурсов какому-то одному руководителю, подчиненному или группе неизбежно означает, что другие получат меньшую долю от общего количества. Не имеет значения, чего касается это решение: за каким из секретарей закрепить компьютер, какому факультету университета дать возможность увеличить количество преподавателей, какой руководитель получит дополнительные средства для расширения своего производства, какое подразделение будет иметь приоритет в обработке данных, – люди всегда хотят получить больше. Таким образом, необходимость делить ресурсы неизбежно ведет к различным видам конфликтов в организации.

Взаимозависимость задач. Возможность конфликта существует везде, где один человек или группа зависят в выполнении своих задач от другого человека или другой группы. Например, руководитель производственного подразделения может объяснить низкую производительность своих подчиненных неспособностью ремонтной службы достаточно быстро восстанавливать оборудование. Руководитель ремонтной службы, в свою очередь, может винить кадровую службу: не взяли на работу новых сотрудников, в которых нуждалось его подразделение. Аналогичным образом, если один из инженеров, занятых разработкой новой продукции, не будет как следует работать, другие могут почувствовать, как это отражается на их возможностях выполнить свое собственное задание, что может привнес-

ти к конфликту между группой и инженером, который, по мнению остальных, работает плохо. Поскольку все организации являются системами, состоящими из взаимозависимых элементов, при неадекватной работе одного подразделения взаимозависимость задач может стать причиной конфликта.

Различия в целях. Возможность конфликта увеличивается по мере того, как организация становится более специализированной и разбивается на подразделения. Специализированные подразделения сами формулируют свои цели и могут уделять большее внимание их достижению, чем достижению целей организации. Например, отдел сбыта может настаивать на производстве более разнообразной продукции, потому что это повышает конкурентоспособность организации и увеличивает объемы сбыта. Отдел снабжения может захотеть закупить большие объемы сырья и материалов, чтобы снизить себестоимость продукции. Финансовый отдел может захотеть воспользоваться деньгами, взятыми под товарно-материальные запасы, и инвестировать их, чтобы увеличить общий доход на инвестированный капитал. А исследовательское подразделение компании может требовать больше ресурсов для своих исследований.

Различия в автономии. Представление о какой-то ситуации в организации зависит от желания людей достигнуть определенной цели. Вместо того чтобы объективно оценить ситуацию, люди могут рассматривать только те ее аспекты, которые, по их мнению, благоприятны для их подразделения и их личных потребностей. Это весьма распространенная причина конфликта. Подчиненный может считать, что имеет право на выражение своего мнения, в то время как руководитель полагает, что подчиненный имеет право выражать свое мнение только тогда, когда его спрашивают, и беспрекословно делать то, что ему говорят. Например, высокообразованный персонал отдела исследований ценит свободу и независимость, и если их начальник вдруг сочтет необходимым следить за их работой, то это, вероятно, вызовет конфликт. Конфликты часто зарождаются в организациях здравоохранения между администрацией, которая стремится к рентабельности, и медицинским персоналом, для которого ценностью является качество оказываемой больным помощи.

Различия в поведении и житейском опыте. Эти различия могут увеличить возможность возникновения конфликта. К примеру, люди с агрессивными чертами характера очень часто создают вокруг себя атмосферу конфликта. Такие люди, как правило, авторитарны, догматичны, безразличны к уважению других людей, которые постоянно проявляют враждебность и готовы оспаривать каждое слово.

Неудовлетворительные коммуникации. Плохая передача информации в организациях является причиной и следствием конфликта. Она может действовать как катализатор конфликта, мешая группе или отдельному человеку понять ситуацию с точки зрения других подразделений организации. Вызвать конфликт способны также неоднозначные критерии качества, неточность в определении должностных обязанностей сотрудников и подразделений, возникающие требования к работе.

Управление конфликтами в организации

Существуют разные способы урегулирования конфликтов в организации. Р. Блейк и Дж. Мутон в 1964 г. предложили концептуальную схему для классификации типов и стилей управления конфликтами на межличностном уровне: принуждение, уход, сглаживание, компромисс и разрешение проблем. В 1976 г. эта схема была модернизирована К. Томасом.

В 1985 г. М. Рихим, используя аналогичную концептуализацию и опираясь на схему мотивации и типичных форм поведения участников конфликта (см. рисунок 2), предложил свою классификацию.

Рис. 2. Схема мотивации и типичных форм поведения участников конфликта.

Обозначения: по вертикальной оси – мотивация участника на удовлетворение потребностей партнера, от 1 (максимальное удовлетворение потребностей партнера) до 0 (отсутствие мотивации на удовлетворение потребностей – и своих, и партнера); по горизонтальной оси – мотивация участника на максимальное удовлетворение своих потребностей, от 0 (отсутствия) до 1 (максимальная ориентация); правая вертикальная шкала рисунка (сверху) – максимальная ориентация на удовлетворение потребностей обоих участников конфликта.

«Ориентация на себя» означает стремление индивида удовлетворить свои потребности и интересы, «ориентация на других» – стремление или предрасположенность индивида удовлетворить потребности и ожидания других. Комбинации этих параметров дают пять конкретных стилей (или способов) управления конфликтами:

- *интегрируемые* – высокая ориентация на себя и на других; этот стиль включает открытость, обмен информацией, высказание и проверку различий для достижения эффективного решения, приемлемого для обеих сторон;
- *услуживаемые, или соглашаемые* – низкая ориентация на себя и высокая на других; этот стиль ассоциируется с попытками преуменьшить важность различий и акцентировать внимание на общности, совпадениях, чтобы удовлетворить потребности других, пренебрегая своими собственными интересами;
- *доминируемые* – высокая ориентация на себя и низкая на других; данный стиль идентифицируется с ориентацией «выиграть/проиграть», с «чужим» поведением для достижения победы;
- *избегаемые, или уход* – низкая ориентация на себя и на других; данный стиль ассоциируется с уходом в сторону, удалением себя (психологически или физически) от ситуации конфликта;
- *компромисс* – равная ориентация на себя и других; этот стиль включает тактику типа «ты мне – я тебе», т.е. обе стороны что-то теряют, чтобы достичь взаимоприемлемого решения.

В исследовательской практике существует множество модификаций и классификационных схем методов урегулирования конфликтов на всех уровнях (Бертон, Дьюкс, 1996; и др.) и достаточно количество научных трудов по этой тематике (Соснин, Лукин, 1996; и др.). Достаточно полным переводным источником по проблеме ведения переговоров является монография В. Мастенбрука (Мастенбрук, 1993), в которой дан анализ изданий, посвященных технологиям урегулирования конфликтов. В другой монографии этого автора «Управление конфликтными ситуациями» (Мастенбрук, 1996) рассмотрены методы урегулирования конфликтов, возникающих в организации.

Управление групповыми конфликтами, и организационными в том числе, включает два процесса – диагностику конфликта и выбор стратегии вмешательства. Диагностику ставят исходя из измерения параметров конфликта и анализа диагностических данных. Анализу подлежит ряд параметров:

- интенсивность конфликта на индивидуальном, групповом и межгрупповом уровнях;

- стили управления конфликтами членов организации с руководством, подчиненными, коллегами;
- источники конфликта и основания выбора стилей;
- интенсивность конфликта, ее сопоставление с соответствующими нормами;
- взаимосвязи интенсивности конфликта и конфликтных стилей, источники конфликтов.

Существует два вида стратегий вмешательства в управление конфликтами. В *поведенческих стратегиях* делается акцент на групповой эффективности через изменение организационной культуры (установок, норм, ценностей, убеждений и т.д.) и, как следствие, поведения. В *структурных стратегиях* акцент делается на изменении характеристик: систем коммуникации, вознаграждений, наказаний и т.д.

Таким образом, организационные конфликты – это разновидность социальных конфликтов, которые с психологической точки зрения отражают противоречие, возникающее между работниками, коллективами различных организаций в процессе их совместной деятельности. Организационные конфликты могут возникнуть из-за несоответствия интересов в распределении полномочий или ресурсов в процессе решения деловых проблем, они имеют различную интенсивность и продолжительность во времени. Важно, чтобы система управления конфликтами на предприятии учитывала психологические возможности разрешения конфликтных ситуаций.

Глава 5

Большие социальные группы как субъекты конфликтного взаимодействия

В современных условиях развития общества возникают задачи осмысления и разработки новых, отвечающих изменяющимся экономическим, политическим и социокультурным условиям, технологий воздействия на массовое сознание и поведение и противостояния деструктивному воздействию на них. Социально-психологическую проблематику массового поведения важно анализировать в связи с возможностью использования интернет-технологий, позволяющих воздействовать на массовое поведение людей, минуя контроль властных структур. Важно также ответить на вопрос: что может предложить психологическая наука (особенно социальная и политическая психологи) для позитивного воздействия на функционирование больших социальных групп в динамично изменяющихся условиях развития общества?

В политической истории нашего государства накоплен определенный опыт использования властными структурами психологических методов управления массовым поведением (Назаретян, 2000). В международном отделе ЦК КПСС существовал Институт общественных наук, который проводил теоретическую и практическую подготовку кадров для управления массовым поведением людей.

Объектами исследований массового поведения являются различные типы групповых образований – от конвенциональных до стихийных в различных модификациях. Предметом – психологические характеристики «взаимодействующих субъектов», типологии групповых образований, механизмы их формирования, проблема лидеров в управлении массовыми групповыми процессами.

Выделяются два основных критерия характеристики массовых групповых образований:

- критерий времени существования группового образования: долго-временные группы (демографические, политические, профес-

сиональные, религиозно-этнические) и критиковременные группы (митинги, аудитории, аудитории зрелищных мероприятий, массовые скопления людей в протестных акциях и т. п.).

- критерий *выблываемости* массового поведения: социально ориентированное или социально деструктивное поведение.

Основными психологическими характеристиками поведения больших социальных групп являются *рациональные компоненты*, как мотивация (коллективные ценности, групповые интересы и т. д.) и *аффективные переживания* (коллективные чувства, которые, как правило, в толпе выражаются неосознанно).

Важнейшими эмоциональными особенностями поведения человека в толпе (что отмечают и классические, и современные исследования) являются: эффект психического заражения (неосознанное стремление действовать как все), эффект анонимности, снижение рациональной оценки своего поведения, «психологическое отключение» от своего социального статуса.

Классические подходы к исследованию массового сознания и поведения

Известно, что первые исследования массового сознания и поведения больших социальных групп начали проводиться в психологической науке на рубеже XIX–XX вв. Вышли в свет классические работы Г. Лебона, Г. Тарда, З. Фрейда. Важный вклад в разработку этой проблемы внесла книга В. Райха «Психология масс и фашизм», опубликованная в 1933 г. (Райх, 1997). Анализ данных работ был представлен в ряде обобщающих монографий (Москвичи, 1996; Ольшанский, 2001; и др.).

Первым теоретиком исследования масс в конце XIX в. стал Г. Лебон, рассмотревший толпу как иррациональный социально-психологический феномен, возникающий при «групповом взаимодействии индивидов» (Лебон, 1995, с. 18). Затем Г. Тард указал на необходимость перестать смешивать толпу и публику (Тард, 1902), а позже А. Парк провел исследование по поиску обоснованных различий между этими двумя явлениями. Далее Г. Блувер шел в научный оборот основные характеристики участников массовых явлений: анонимность, изолированность, слабое взаимодействие, случайность социального положения, беспорядочность и т. д. (Шатко, 1950).

Книга С. Москвичи «Век толп» стала базовой для массы современных исследований, посвященных этой проблематике. В интернет-публикациях ее считают одной из основных работ, суммирую-

щих жизни классов. Вместе с тем в ней есть ряд принципиальных спорных моментов. Так, не совсем оправданно категоричное противопоставление поведения индивида (как автономного существа) и его коллективного поведения (в группе, толпе). В соответствии с идеями Г. Лебона, Г. Тарда и Э. Фрейда, Московичи (на позициях которых он стоит) как бы отрицает историю социальной и государственной организации людей с присущими общественному устройству нормами коллективного поведения. Но коллективная жизнь людей – это не обязательно потеря своей индивидуальности, и совсем не обязательно в коллективном поведении индивид будет вести себя иррационально. Следует различать поведение в общественно-государственном сообществе, где люди сознательно подчиняются юридическим и социальным нормам, и совсем другое поведение, когда массы людей выступают против политики властных структур. В последнем случае и лидеры протестных движений, и массы «заражены» идеями социальной справедливости. Заметим также, что работа Московичи, по сути, является двучленным обзором классиков. Изложение строится не в форме строгого научного анализа, а в форме эмоционального эссе с выражением индивидуального отношения исследователя к проблеме. Это, естественно, затрудняет отделение «эмоций исследователя» от его аналитических суждений.

Г. Лебон разработал традицию группового сознания. Он утверждал, что в массовых скоплениях индивиды полностью теряют чувство индивидуальной ответственности, становятся объектами заражения и влияния и, как следствие, примитивного поведения. Его концепция была поставлена под сомнение *диффузионной теорией* (Mc Phee, 1991), сторонниками которой коллективное поведение объяснялось на основе заранее выявленных индивидуальных тенденций поведения.

Классики *нормативной теории* (Tajfel et al., 1994), исследователи обратили внимание на то, что коллективное поведение осуществляется на основе возникающих норм. Ее сторонники говорили, что поведение толп приводит к возникновению новых норм, – спонтанных модификаций существующих. Но данная теория оказалась неспособной объяснить, каким образом единство большой группы может достигаться в короткий период времени.

С. Рейчер и Дж. Поттер, выдвинув свою *теорию межгрупповой переклещиваемости* (Reicher, Potter, 1985), отметили неспособность прежних теорий объяснить динамику процессов, лежащих в основе массового поведения, понятие мотивы членов массовых групповых образований. Они отметили необходимость рассмотрения различных

социокогнитивных перспектив в динамике, происходящей в ин-группах и аут-группах¹.

Д. Ваддингтон, К. Дэйвис и К. Критчер продвинулись дальше в понимании массового поведения и предложили *теорию его дезорганизации*, т.е. влияния факторов социального уровня на дисфункциональность подобного поведения. Они пришли к заключению, что дезорганизация массового поведения в принципе редко «задумывается» самими организаторами массовых мероприятий: сама динамика этих явлений чаще всего спонтанно вызывает дезорганизацию массового поведения. Естественно, лидеры протестных движений могут скрыто ставить также провокационные цели. Кроме того, среди членов массовых групповых образований могут находиться психически большие люди, которые способны своим агрессивным поведением спровоцировать дезорганизацию поведения всего массового группового образования, и это также не стоит сбрасывать со счетов.

Следующим шагом в познании теории развития массового группового образования и поведения его членов стала разработка Дж. Тернером с коллегами *теории социальной идентичности*. Согласно ей, социальная идентичность может быть представлена в ряде постулатов: это образ Я, который отражает самовосприятие себя как члена определенных социальных групп; индивиды стремятся к положительному образу себя, к сохранению и повышению собственной самооценки; оценка группы осуществляется через социальное сравнение ценностью значимых качеств и характеристик своей и «не своей» групп; положительная оценка своей группы порождает ее высокий престиж, отрицательная – наоборот (Tajfel, Turner, 1979). Исследователи утверждают, что коллективное поведение возможно только на основе взаимно исключаемых самокатегоризации и общего чувства социальной идентичности (Turner et al., 1994).

Последовательной теории проанализирована ли проблему идентичности группы, которая может развиваться как функция межгруп-

1 Ин-группа представляет собой совокупность людей, имеющих взаимно разделенные социальные нормы и общую цель (например, болельщики определенной спортивной команды). Аут-группы образуются тогда, когда одна группа массового образования противопоставляется другой: это люди, которые не входят в ин-группу, не разделяют с ней чувство социальной идентичности. Очевидный пример аут-группы – это болельщики другой спортивной команды. Однако ин-группа по своему составу и численности может формироваться в массовое скопление людей (толпу), если происходит ее противопоставление толпачи, которая в подобных случаях становится аут-группой по отношению к ней.

новой динамикой взаимодействия (Dunay, Reichel, 2009). Они доказали, что межгрупповой конфликт возникает, когда две группы имеют несовместимые представления о возможных вариантах поведения в конкретной ситуации и когда действия одной группы рассматриваются как нарушающие представления о правильности и справедливости на языке социальной идентичности другой группы.

Проблему идентичности исследовали и отечественные ученые. Так, В. А. Ачкасов доказал, что идентичность личности не выступает единократно сформированной характеристикой: она конструируется и переопределяется в процессе жизни (Ачкасов, 2013). Было выявлено также, что многонациональный характер устройства российского государства предполагает наличие *многоуровневой и сложносоставной* идентичности россиян, включающей региональную, этнокультурную и конфессиональную составляющие (Китова, 2017).

Матрица типов массовых групповых образований

Термин «массовые групповые образования» мы будем использовать как обобщающий концепт для обозначения социальных групп, участвующих в массовых групповых процессах. Типологию массовых групповых образований можно построить, исходя из представлений о социальной установке (рациональный, эмоциональный и поведенческий компоненты), а имеющиеся в литературе классификации распределять в соответствии с критериями социальной установки (см. таблицу 3).

Предложенная классификация, во-первых, позволяет делать дополнение: она открыта для включения в нее других типов групповых массовых образований, во-вторых, позволяет системно отразить проблематику типологии данных явлений.

Приходится констатировать, что современные исследования и учебные пособия, посвященные этой проблематике, преимущественно содержат только обзоры классических работ, сводятся к повторению известных типологий массовых групповых движений и т. д. В этой связи дадим краткую расшифровку наиболее известных типов массовых групповых образований. По установившейся терминологии массовые групповые образования будем называть «толпами».

Случайная толпа – скопление людей, собравшихся посмотреть на неожиданное происшествие. Это самая обыденная ситуация стихийного массового поведения, которую доводилось в жизни наблюдать любому взрослому человеку.

Таблица 3
Матрица типологий массовых групповых образований

Когнитивная составляющая (цели, мотивы)				Эмоциональная составляющая (коллективные переживания, чувства, настроения)				Поведенческая составляющая (формы поведения)			
Долго-временные образования		Кратко-временные образования		Долго-временные образования		Кратко-временные образования		Долго-временные образования		Кратко-временные образования	
1		2		3		4		5		6	
+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
1.1	1.2	2.1	2.2	3.1	3.2	4.1	4.2	5.1	5.2	6.1	6.2

Обозначения: 1 – партии, союзы, общественные организации, религиозные группы, секты, повстанческие (террористические) организации и движения; 2 – стихийные, ведомые и случайные толпы, конвенциональные группы, панические и стыдливые толпы; 3 – религиозные группы и секты, повстанческие (террористические) организации; 4 – ведомые и случайные толпы, экстремистские, агрессивные и экзальтированные толпы, панические и стыдливые толпы; 5 – партии, союзы, общественные организации, религиозные группы, секты, повстанческие (террористические) группы; 6 – ведомые и случайные толпы, экстремистские, агрессивные и экзальтированные толпы, панические и стыдливые толпы. Знаки +/- соответствуют критерию полярности поведения: социально ориентированное или деструктивное, криминальное. 1.1 – партии, союзы, общественные организации, религиозные группы; 1.2 – секты, повстанческие (террористические) организации; 2.1 – демонстрации, митинги, массовые протестные мероприятия, действующие в рамках закона; 2.2 – стихийные, ведомые, конвенциональные группы, протестные движения (толпы); 3.1 – ячейка свободная; 3.2 – секты, повстанческие (террористические) группы; 4.1 – ведомые, случайные и экстремистские толпы, демонстрации, митинги, массовые протестные мероприятия, действующие в рамках закона; 4.2 – ведомые, случайные, экстремистские и экзальтированные толпы, демонстрации, митинги, массовые протестные мероприятия, предрационные и агрессивные толпы, оппозиционные протестные группы; 5.1 – все типы групповых образований, действующих в рамках закона; 5.2 – религиозные секты, повстанческие (террористические) группы; 6.1 – все типы кратковременных групповых образований, действующих в рамках закона: демонстрации, митинги, массовые протестные мероприятия; 6.2 – протестные групповые образования, агрессивные толпы, бунты, стыдливые и панические толпы.

Коллекциональная толпа – групповое образование, состоявшееся по поводу заранее объявленного события (митинг, концерт, футбольный матч и т.п.). Сюда относится и категория «любимые» – собрание людей на культурное мероприятие или аморфная аудитория слушателей СМИ.

Экспрессивная толпа – групповое образование, выражающее доминирующие в толпе эмоции: радость, протестные настроения и т. п. Спектр эмоциональных состояний достаточно широк.

Экстремальная толпа – групповое образование, которое заражено экстремальной формой выражения своих эмоций – радости, гнева, протестной готовностью доказать свою правоту и т. д.

Действующая толпа – групповое образование, представляющее наиболее опасный вид коллективного поведения (оппозиционного, протестного) для правоохранительных структур. В ее рамках можно выделить: *агрессивная*, доминантой поведения которой является злоба, ярость и стремление доказать властям свою справедливость и правоту; *паническая*, возникающая в ситуации спасения жизни, когда люди стремятся избежать личного смертельного исхода¹.

Скандальная толпа – группа людей, которые в критической ситуации стремятся завладеть ценностями находящимися в беде. Доминируют жадность, отсутствие нравственных норм поведения. Однако слово «стяжательная» не всегда следует понимать буквально. Это может быть толпа голодных людей, не видящих другого выхода из ситуации, кроме приобретения припасов в целях выживания.

Политическая толпа – это групповое образование, которое ведет борьбу с государством на основе духовно-религиозных, идеальных мотиваций.

В литературе существует множество исследований теории толпы, в ходе которых был выявлен целый ряд значимых фактов. Например, в Англии матрица для оценки возможностей правоохранительных структур при наблюдении и обеспечении безопасности массовых мероприятий использует профиль состава толпы как совокупность ряда индикаторов (Health and Safety Executive, 1999). Дескрипторы массового группового образования включают параметры участия семейных групп, молодых людей, детей и подростков, пожилых людей и представителей конкурирующих групп. В руководстве Австралийской ассоциации управления чрезвычайными ситуациями (Emergency Management Australia) описаны типы массовых скопления людей с выделением ключевых дескрипторов, включающих физическое движение, степень участия, поведение (Australia EM, 1999). Другой инструментарий был предложен Э. Райсом и К. Маслаш (Rice, Maslach, 1993). Их подход включал сбор информации по таким па-

¹ Паническое поведение обычно не только не является спасительным, но часто становится более опасным фактором, чем тот, что спровоцировал ситуацию паники.

рамктам, как уровень вербальной активности толпы, физическое движение, участие сторонних наблюдателей. Они считали, что необходимо разрабатывать матрицу параметров измерения массового сознания толпы. Основываясь на их идеях, К. Зейтц и ее коллеги выполнили прикладное исследование для служб экстренного реагирования (полицейские, медики, пожарные и т.д.) по фиксации параметров массовых групповых образований (Zeit, Zeit, Albon, 2005; Zeit et al., 2009). Дж. Друри и С. Рейчер отметили, что, поскольку члены массового группового образования воспринимают поведение аут-группы как «незаконное», они начинают постепенно расширять границы своей группы за счет включения в нее индивидов, которые формально считались сторонними наблюдателями (Drury, Reichert, 2000). Так возникает феномен «чувства силы» в сознании толпы.

Все выделенные факторы имеют прикладное значение и могут быть использованы, например, при взаимодействии полиции с массовыми групповыми образованиями.

Проблема взаимодействия полиции и массовых групповых образований

Напомним, что классические теории массового поведения объясняли возникновение массового конфликта исходя из психологии поведения толпы в целом. Английские исследователи К. Стетт и С. Рейчер подвергли классическую модель массового поведения критике и предложили другую модель, основанную на теории социальной идентичности. Эта теория концептуализировала социальную идентичность как процесс, зависящий от межгрупповых отношений: нормы и идентичность членов массового группового образования, детерминирующие поведение членов ин-группы, могут изменяться со временем как функция взаимодействия с аут-группой. Согласно этим положениям массовой конфликт может возникать: а) когда существует расхождение между восприятием своей идентичности и поведения членами ин-группы и членами аут-группы (например, использование силы при массовых беспорядках может считаться законным с точки зрения полиции и незаконным с точки зрения демонстрантов); б) когда у протестантов возникает феномен «групповой силы» и уверенность в том, что они способны навязать аут-группе (властям) свое понимание ситуации (например, коллективно сопротивляться действиям полиции) (Stott, Reichert, 1998).

Восприятие массового группового образования (толпы) с позиции правоохранительных структур и их действия по сохранению

общественного порядка в ряде случаев приводили к феномену «самоподтверждающегося пророчества». Этот феномен хорошо известен в социальной психологии и приводил к оправданию тотального использования силы к протестным толпам как единому групповому образованию, враждебному полицейским структурам (Pattil, Pritstová, 2009; et al.).

При взаимодействии полиции с массовыми групповыми образованиями важно понимать и значимость подготовленности самих полицейских. В частности, у представителей правоохранительных структур возможен синдром «выгорания» (Maslach, Schaufeli, Leiter, 2001). Этот феномен определяется как бесчувственное и циничное отношение к людям (Кор, Егорова, Шаубелл, 1999), что недопустимо при подобных взаимодействиях и может привести к серьезным негативным последствиям.

Проблема солидарности в массовых ситуациях риска для жизни

Прочитать вопрос помогает концепция массовой паники (Derry, Cocking, Reichel, 2009). Она объясняет многие аспекты поведения больших скоплений людей. Сторонниками данной концепции были высказаны две важные идеи: 1) поскольку толпа более склонна к выражению примитивных эмоций, то массовые реакции членов толпы на опасность в панических ситуациях будут в основном инстинктивными; 2) поскольку инстинкт самосохранения социализации, в подобных ситуациях индивидуальное выживание становится основным мотивом поведения. Последнее, в свою очередь, вызывает смертельную конкуренцию за выживание среди членов панической группы.

Другой автор, Н. Кугатара, предположил, что теория социальной идентичности может объяснить ряд аспектов массового поведения в ситуациях риска для жизни. Теория самокатегоризации предполагает, что представляющая себя как личности распадаются на континууме от индивидуальной самоидентификации до коллективной. Эти поведенческие параметры личности в группе означают, что индивид способен координировать свое поведение с другими членами, не только с близкими, но и с незнакомыми. Другими словами, теория социальной идентичности предполагает, что оказание взаимопомощи и солидарности является функцией совместно разделяемой идентичности (Kugiyama, 2001, p. 573–598).

В целом названные исследования подтверждают опасность индивидуального поведения в ситуации с риском для жизни. Чем боль-

ше индивид действует инстинктивно и индивидуально, тем сильнее возможность его спасения в чрезвычайной ситуации будет блокирована действиями других членов панической группы (Mintz, 1951, p. 150–159).

Интернет-технологии и социальные движения за глобальную справедливость

Развитие интернет-технологий в последней четверти XX–начале XXI вв. кардинально изменило ситуацию взаимодействия властных структур государства и населения стран в мире. Информационные сети могут оказаться в какой-то мере намного эффективнее традиционных структур управления и взаимодействия.

Возможности Интернета позволили большим массам населения объединиться и выступить против несправедливой политики властей государства за свои права и интересы. Противники глобализации называют свою активность «движением за глобальную справедливость в мире» (Jugis, 2004, p. 341–362). Они формируют альтернативные структуры глобализации снизу, противопоставляя транснациональному доминированию бизнеса и властей над сообществами и ресурсами.

Активисты глобальных движений в целом идентифицируют себя как антикапиталисты, сторонники справедливости, или как левые либералы, хотя их идеологические принципы можно обозначить скорее как «анархизм молодого поколения». Социальные движения за глобальную справедливость являются исключительно противоречивым социально-политическим феноменом: сторонники марксистских и социально-демократических взглядов ратуют за возврат к национальному государству, другие движения поддерживают интернациональную форму глобализации снизу, третьи разделяют взгляд на успех децентрализованных интернет-сетей как глобально координированных, автономно самоорганизующихся движений (Jugis, 2004, p. 356). Не случайно Дж. Джурне, видный исследователь глобальных социальных движений, высказал сожаление: «Движения, партии и профсоюзы должны действовать вместе, каждая сторона должна занимать свою нишу и играть различные, но взаимодополняющие роли. Но до практической реализации этого пожелания, по-видимому, еще очень далеко» (ibid.). Пока же «низовые сетевые структуры и движения можно рассматривать как „демократические лаборатории“, продуцирующие политические нормы и формы, наиболее приемлемые для информационной эры» (ibid., p. 357).

Макроспсихологические факторы массового сознания и поведения

В контексте мотивации массового поведения людей исследуются и ряд других базовых макроспсихологических проблем, таких как психология революции, проблема агрессивности, феномен похищения счастья, образ коллективного будущего и др. (Юревич, Соснин, Нестик, 2017).

К макроспсихологическим факторам массового сознания и поведения в первую очередь относится *экзистенциальный леммализм*, который выступает социальным и социально-психологическим компонентом данных явлений (Макроспсихология..., 2009).

Если размышлять о макроспсихологическом феномене *социальной революции*, то необходимо шагнуть за рамки традиции объяснить его только политическими и экономическими причинами: необходим комплексный подход к объяснению причин и характера революций, причем существенное внимание должно уделяться социально-психологическим факторам (Журавлев, Юревич, 2012).

Важны для исследовательской мысли и *групповые факторы*, также оказывающие непосредственное воздействие на особенности массового сознания и поведения. В этой связи заслуживает пристального внимания социально-психологические особенности формирования *коллективного образа будущего* в больших социальных группах, которые содержат в своей основе нейробиологические, психологические и социальные механизмы. Исследования Т.А. Нестика показали, что существенное влияние на формирование *коллективного образа будущего* оказывают: ориентация на долгосрочное будущее с просональными установками; создание институциональных стимулов к долгосрочному планированию индивидуальной и коллективной жизнедеятельности; развитие коллективного воображения, целенаправленное формирование «памяти о будущем»; создание сетевых сообществ для выработки совместного образа будущего и т.д. (Нестик, 2006 и др.).

Не менее значима и такая сфера исследования массового сознания и поведения, как *коллективные эмоции*. Перспективы ее развития сопряжены с изучением переживания социальной группой коллективных эмоций, вызванных коллективной травмой (Нестик, Емельянова, 2015). Данный феномен получает освещение в исследовании *коллективной памяти* как важном психологического воздействия в глобальной информационной войне и заслуживает самого пристального внимания.

Необходны также и анализ *личностных факторов*, лежащих в основе массового сознания и поведения. Целесообразно считать его

с наиболее актуального с политической точки зрения феномена – патриотизма. Несмотря на силу его социальной востребованности, идеологической нагруженности и на обилие связанных с ним жизненных ассоциаций, феномен патриотизма только сейчас стал объектом пристального научного анализа. В частности, в ряде исследовательских работ показано, что патриотизм – это многосоставное понятие и явление, а основными элементами его ядра выступают также психологические феномены, как чувство любви к Родине, готовность приносить личные интересы в жертву общественным, самодентификация со своей страной, ее историей и народом (Соснин, 2014; и др.).

Для российского общества традиционно важно изучение и такого фактора массового сознания и поведения, как *справедливость*. Данное понятие относится к числу основных в психологической науке. Сегодня эта категория стала одной из наиболее влиятельных в социальной психологии, вызвав большое количество эмпирических исследований. Разработка и реализация теоретических основ и прикладных аспектов данной категории выступает стержневым компонентом анализа и оценки любого общества. «Вопрос о том, насколько справедливым будет наше общество, эквивалентен вопросу о том, насколько благополучным оно будет» (Юревич, Журавлев, 2016, с. 88).

Еще один важный фактор массового сознания и поведения сопряжен с таким социально-психологическим явлением, как *отношение в семье*. Как оказалось, несмотря на сложные социально-экономические преобразования в обществе, основная масса россиян считают себя счастливыми (Уровень счастья..., 2016) и основой счастья для них выступает благополучие семьи. Семья – первая в жизни человека группа, благодаря которой он приближается к ценностям культуры, осваивает социальные роли, приобретает опыт общественного поведения.

Переход страны к рыночным отношениям был ознаменован многочисленными инновациями в сфере социально-экономических взаимоотношений, которые нашли свое отражение в массовом сознании и поведении россиян. Производственные изменения в первую очередь были детерминированы *инновациями в отношениях собственности*. Одно из главных требований рыночной экономики заключалось в том, что каждый участник хозяйственной деятельности должен обладать собственностью, которая выступает инструментом получения прибыли за счет ее использования. С психологической точки зрения, собственность отражает «индивидуальный способ бытия», актуализирует хозяйственную инициативу, дает собствен-

нику чувство уверенности в себе, прививает любовь к труду и земле, и, как следствие, к своему очагу и Родине, выступает гарантом оседлости личности, объединяет членов семьи, вовлекая их в общую деятельность по сохранению и преумножению собственности, пробуждает и воспитывает в человеке правосознание (Ильин, 1993; Карпачев, Бурменко, Иванова, 2006; Китов, 2004; и др.).

Практически все приведенные выше позиции оказались для большого количества людей детерминантами внутренних конфликтов, которые сказались на общественных настроениях.

Массовое сознание и психологическая безопасность общества

Исторические перемены конца XX в. (развал СССР, разрушение плановой экономики, упадок промышленности, засилье зарубежных товаров и т.д.) усугубляются дополнительными проблемами развития общества, среди которых:

- усиление террористической активности;
- коррупционность и криминализация чиновников;
- низкий уровень жизни населения и высокий уровень налогов и инфляции;
- снижение уровня образования, медицинского обслуживания и социального обеспечения;
- экономические санкции Запада.

Все эти политические и экономические факторы находят свое отражение в психологическом самочувствии населения, вызывают чувство утраты исторической перспективы, угасание патриотизма, ощущение неостребованности интеллектуального и нравственного потенциала общества, приводят к криминализации сознания молодежи, провоцируют агрессивную-враждебную направленность межличностного взаимодействия.

Это требует обращения к рассмотрению факторов *социально-психологической безопасности* современного российского общества, оказывающих воздействие на массовое сознание и поведение.

Наиболее важной с точки зрения общественной безопасности представляется ситуация на современной международной арене в связи с *политикой перестройки и верного оружия*. Следует обратить внимание на роль государственных структур и государственных лидеров различных стран в возникновении глобальных ядерных рисков, определяющих их готовность к использованию ядерного оружия; на социально-психологические принципы, лежа-

щие в основе принятия стратегических решений различными государствами о поддержке ядерного разоружения план, наоборот, о присоединения к ядерным программам.

Серьезной угрозой психологической безопасности общества, безусловно, является терроризм. В основе распространения этого явления лежит множество факторов, среди которых особо выделяется духовно-нравственный, религиозный. Требуется особый анализ ситуация мировоззренческого конфликта западной (индивидуалистической) и восточной (традиционно коллективистической) культурных парадигмы и т.д.

Одним из важных в настоящее время является исследование социально-психологических факторов вступления молодежи в ИГИЛ. В основе ее привлекательности лежат разные мотивы: ненависть к Западу и западному образу жизни; потеря смысла жизни и желание его обрести; романтические ожидания; повышенная агрессивность и склонность к насилию; стремление к радикальному обновлению своей жизни; суицидальные мотивы. Более глубокое знание этих факторов поможет противостоять вовлечению российской молодежи в террористические организации, станет основой формирования ее антитеррористического мировоззрения (Соснина, 2016).

Одной из важнейших проблем человечества является наркомания. Ее процветанию способствует бесконтрольное распространение информации о наркотиках в мировом интернет-пространстве. Здесь нужно понять необходимость выработки современных подходов к антинаркотической пропаганде, разработки и использования психологических приемов информационной политики (пропаганды нравственности, создание условий для формирования мотивации к здоровому образу жизни и психологической работы с наркоманами). Ученые способны разработать комплекс психологических позиций по организации антинаркотической пропаганды в стране и формированию антинаркотического мировоззрения молодежи.

Классические каналы (печатные СМИ, телевидение и радио) сегодня уступают свои позиции, на смену им приходит Интернет. Применение современных информационных технологий создает новые социальные условия развития, порождает принципиально новые модели взаимодействия общества и государства. В частности, Интернет позволяет воздействовать на массовое сознание и поведение людей, минуя контроль властных структур, способствует возникновению новых политических практик подобного воздействия. Эта ситуация порождает массу психологических проблем, связанных с угрозой массовому сознанию и поведению из-за низкой подконтрольности

киберканалов для внешнего наблюдения и воздействия. Несомненно, противодействием деструктивному влиянию на массовое сознание и поведение являются психологические операции, осуществляемые и в СМИ, и в контексте специальных служб.

Проведенный выше обзор важнейших проблем исследования больших социальных групп показал наличие новых социально-психологических тенденций массового сознания и поведения, многие из которых будут уделено пристальное внимание в следующих главах этой книги. Не требует доказательств необходимость дальнейшего выявления и изучения психологических механизмов позитивного воздействия на массовое сознание и поведение в динамично изменяющихся условиях. В этих знаниях остро нуждаются не только профессиональные сообщества, но и представители власти, которые не могут рассчитывать исключительно на силовые методы взаимодействия с обществом.

Анализ проблем психологии массового сознания и поведения позволил нам, во-первых, увидеть недостаточность классических представлений о массовом поведении, в основе которых лежала теория идентификации поведения индивида в группе; во-вторых, помог обозначить ряд макропсихологических, групповых и личностных феноменов, оказывающих существенное влияние на психологию массового сознания и поведения в современных условиях развития. В-третьих, была определена значимость феномена социальной идентичности, который выступает ведущим фактором самоидентификации человека как отождествления себя с социумом в целом. Социальная идентичность должна рассматриваться не только как осознание личностью своего единства с группой (социумом), но и в его определенных поведенческих проявлениях и эмоциях, через прямое или опосредованное сопереживание успехов и неудач «своей» социальной группы, которые могут служить предпосылками или последствиями этого осознания.

Анализ протестных массовых оппозиционных выступлений в России обозначил их основные мотивы, среди которых прежде всего важны проблемы в межнациональных и межконфессиональных отношениях; низкий уровень жизни основной массы населения (проблема ЖКХ, высокий уровень налогов и т. д.); коррупция, пронизывающая практически все социальные институты общества; нарушения в выборах кампаниях. Не менее важными темами исследований являются во-первых, наличие групповых феноменов, определяющих

социально-психологические особенности массового сознания и поведения, в основе которых находят свое отражение коллективные образы будущего, коллективные эмоции и травмы, присущие обществу в целом; во-вторых, востроенность в массовое сознание и поведение таких социально-психологических феноменов, как патриотизм, справедливость, психология семьи и собственности; в-третьих, воздействие на массовое сознание и поведение общих угроз развитию человечества, ведущими из которых выступают распространение ядерного оружия, терроризм, массовое манипулирование сознанием молодежи и ее вовлечение в деструктивные структуры.

Мир вступил в новую эпоху — эпоху глобального информационного общества, где системообразующим фактором выступает Интернет с его возможностями прямой коммуникации «без границ». Интернет, наряду с традиционными методами воздействия — дипломатическими, экономическими, силовыми, — должен стать инструментом духовно-идеологического противостояния деструктивному влиянию на социальные ценности людей, что возможно через сотрудничество основных исторических субъектов мирового развития. При таком цивилизационном взаимодействии Россия должна оставаться значимым субъектом исторического развития, что актуализирует необходимость эффективного использования ее духовного, военного, социально-экономического и психологического потенциала.

Раздел 2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Глава 6

Агрессивность личности как социально-психологическая проблема современного российского общества

Вопрос агрессивности¹ является в психологической науке одним из классических, представляющих собой наиболее острые проблемы современного российского общества. Несмотря на внутринациональную стабилизацию и другие позитивные тенденции, состояние нашего общества выглядит очень тревожным. Количество убийств на 100 тыс. жителей в нашей стране почти в 4 раза больше, чем в США (где ситуация в этом отношении тоже неблагоприятна) и примерно в 10 раз превышает их распространенность в большинстве европейских стран (Давыдов, Щегов, 2003). Большое количество убийств на 100 тыс. жителей наблюдается лишь в ряде латиноамериканских и африканских стран, где идут постоянные войны и цена человеческой жизни мизеральна. Россия находится среди мировых лидеров и по количеству самоубийств, которые тоже рассматриваются как показатель одной из форм агрессии – аутоагрессии.

Уровень агрессивности в современном российском обществе: статистические показатели

Ряд статистических показателей состояния нашего общества свидетельствует о высоком уровне его агрессивности (см. таблицы 4–5).

1 Агрессия определяется психологами как «любая форма поведения, наносящего оскорбление или причиняющего вред другому живому существу, не желающему подобного обращения» (Борис, Ричардсон, 1997, с. 26), как «целенаправленное деструктивное поведение, нарушающее нормы и правила сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения, причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояния напряженности, страха, подавленности и др. (Энциклопедия, 2011, с. 36–37 и др.). Агрессивность можно понимать как установку на такое поведение, имеющуюся у личности, общества, социальных групп.

Таблица 4
Некоторые показатели состояния
современного российского общества, 2011 г.

Наименование показателя	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100000 жителей	11,7	1-е место в Европе и Центральной Азии
Смертность от самоубийств на 100000 жителей	21,8	3-е место в Европе и Центральной Азии после Литвы и Казахстана
Смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100000 жителей	13,5	1-е место в Европе и Центральной Азии

Примечание: Данные таблицы 4–5 приведены по следующему источнику: Российский статистический ежегодник, 2012; URL: <http://www.gkspravka.ru>.

Аналогичную картину высвечивают статистические показатели, которые хотя и не связаны с агрессивностью напрямую, но обнаруживают с ней косвенную связь. Например, статистика ДТП, в которых ежегодно гибнет более 20 тыс. наших сограждан, что сопоставимо с потерями нашей страны за все годы Афганской войны. Общеизвестно и подтверждено статистикой МВД, что одной из главных причин ДТП с человеческими жертвами является слишком агрессивное поведение наших водителей.

Очень тревожным выглядит и то, что в современной России ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения, от жестокости родителей страдают 2 млн детей, а 50 тыс. уходят из дома; 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужчинами; насилье над женщинами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье (Анализ положения детей в РФ, 2011).

Проведенный в 2012 г. экспертный опрос психологов продемонстрировал, что они тоже характеризуют уровень агрессивности нашего общества как очень высокий и обнаруживающий негативную динамику (Юренич, Ушаков, 2012; см. таблицу 6).

Сравнительные исследования бытовой культуры также показали, что по уровню зависти, агрессивности и ненависти к окружающим мы в начале 2000-х годов явно лидировали, по крайней мере, в Европе (Щербакова, Ялов, 2007). Причем наблюдалась тенденция к «брутализации», т. е. к еще большему ужесточению нашей общественной жизни (данное понятие занимает видное место

Таблица 5
**Число зарегистрированных преступлений по видам
(в тысячах)**

Преступления	1990	1999	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Убийство и покушение на убийство	15,6	14,8	16,8	27,5	22,2	20,1	17,7	15,6	14,3
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	41,0	49,0	57,9	50,4	47,7	45,4	43,1	38,7	38,5
Незаконное и покушение на незаконное	15,0	7,9	9,1	8,9	7	6,2	5,4	4,9	4,0
Грабеж	63,3	172,4	344,4	357,3	295,1	244	205,4	164,5	127,0
Разбой	16,3	19,4	63,7	19,8	43,3	35,4	30,1	24,3	20,1
Кража	903,1	1500,1	1379	1077	1067	1126,3	1089,6	1100,4	1038,6
Терроризм (одиноч.)	–	135	303	112	48	10	15	30	29
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	16,3	243,6	175,2	112	200,2	292,6	238,5	323,6	315,2
Нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	96,3	52,7	16,6	16,3	15,6	14,3	27,3	26,3	17,3
Из них повлекшие по неосторожности смерть человека, двух или более лиц	15,9	15,4	15,7	15,8	15,5	13,6	10,6	10,3	10,9
Взятничество	2,7	7,0	9,8	11,1	11,6	12,5	13,1	12,0	11,0
Всего зарегистрировано преступлений	1839,5	2952,4	3154,7	3053,4	3102,3	3109,8	2994,8	2621,0	2404,0

в терминологическом аппарате отечественной социологии). Около 50% наших сограждан признались, что замечают окружающим регулярно, считая такое поведение социальной нормой, причем наиболее часто это делают молодые и обеспеченные люди (Климов, 2006).

Таблица 6

Динамика агрессивности и других близких характеристик
российского общества (по результатам экспертного опроса)

Характеристика психологической атмосферы общества	Значение характеристики в баллах (от 1 до 10)				Изме- нение значения	Изме- нение значения
	1991	1999	2001	2001		
Агрессивность	3,36	3,45	6,35	3,23	3,93***	2,15*
Беспримечность	4,33	3,77	7,06	3,42	3,09***	1,44*
Враждебность	3,23	3,26	6,42	3,26	4,03***	2,03**
Вседозволенность	2,56	6,23	7,06	6,77	4,27***	3,73***
Грубость	4,27	3,06	6,71	3,19	2,92***	0,79
Жестокость	3,63	3,45	6,74	3,48	3,85***	1,82*
Законность	6,27	4,32	3,35	3,39	-2,88***	-1,95**
Злоба	3,13	4,97	6,03	6,71	3,58***	1,84**
Конфликтность	3,77	6,10	6,71	6,97	3,27***	2,33**
Наглость	3,43	3,35	7,00	3,63	4,22***	1,92*
Насилие	3,27	3,58	6,87	3,29	4,02***	2,31**
Ненависть	2,97	3,06	6,00	6,90	3,93***	2,09*
Различность	3,77	3,68	6,23	6,42	2,65**	1,91*
Словесный контроль	3,45	3,97	4,13	4,40	-1,05	-1,48*
Сквернословие	4,03	3,37	6,77	3,33	3,37***	1,34
Страх	3,17	3,48	6,03	6,42	3,25**	2,30*
Тревожность	3,36	6,13	6,32	6,94	3,44***	2,63**
Финансирование	3,43	3,4	3,87	3,83	2,38***	1,93***
Хищение	4,21	3,87	6,70	3,07	2,86**	1,46

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Институциональные проявления агрессивности

Высокая агрессивность имеет в современной России и многочисленные институциональные проявления – в виде существования большого количества организаций, преследующих агрессивные цели и основанные на агрессивном противопоставлении одних социальных групп другим. Опросы, неизменно демонстрирующие низкий уровень толерантности и высокий – национализма, тоже слу-

жат индикаторами агрессивности, пропитавшей наше массовое сознание.

В общем, повышенная агрессивность современного российского общества имеет самые различные проявления и справедливо характеризуется как одна из главных причин возникновения в нем конфликтов.

Достаточно известна следующая закономерность: в эпоху резких социальных перемен и разрушения традиционной организации общества, экономической нестабильности и социальной напряженности всегда отмечается рост насилия и агрессивности. Например, бихевиористская теория происхождения агрессии, говорит о ней как о следствии фрустрации (Dollard et al., 1939). Фрустрацию порождает самые различные стороны жизни нашего общества: и резкие социальные перемены, и массовая бедность, и чрезмерное неравенство доходов, и производные от него возникающие различия в качестве жизни различных социальных групп, и неконтролируемая миграция, и многое другое.

Вносит в нее свой вклад и отечественные СМИ, особенно телевидение, формирующее у наших сограждан, в первую очередь у молодежи, заведомо недостижимые жизненные стандарты. В частности, постоянная демонстрация гламурного образа жизни в качестве образца для подражания, недостижимых для подавляющего большинства молодежи, создает сильный источник фрустрации, порождающей агрессию. И закономерно, что наиболее высокая агрессивность фиксируется именно у молодых людей (Сочинко, Полянина, 2009).

Уровень агрессивности повышается также СМИ и более непосредственным образом — путем постоянной демонстрации сцен насилия. При этом традиционное оправдание представителей СМИ ссылками на демократические нормы и необходимость объективной информации не выдерживает критики, поскольку объективную информацию можно преподносить различными способами, вовсе не обязательно самыми натуралистическими, а привычный «труп охватывает кадр», характерный для наших телепрограмм, находится в очень отдаленном отношении к нормам демократии, но зато в самом прямом — к желанию привлечь побольше телезрителей. Другой традиционный ответ на соответствующую критику — «Не хотите — не смотрите» — основан на явном преувеличении рациональности человека и легализует обращение к наиболее инстинктивным сторонам его природы. Показательны и наши современные кинофильмы, редкий из которых обходится без сцен избиений и убийств. Ответ апологетов существующей практики — «Такова наша жизнь» — тоже мало-

убедителен, поскольку трудно поверить в то, что эта жизнь при всех ее сложностях состоит главным образом из убийств и избиений.

Широко известный в психологической науке механизм канализации фрустрации заключается в поиске «козла отпущения» (scapegoating) – в возложении вины за свои жизненные неудачи на представителей других социальных групп по принципу «Мы против них, потому что они – причина наших проблем» (Енциклопедия, 2011, с. 328). Следует отметить, что советская идеология широко использовала этот механизм, психологически грамотно создавая образы внешних для нашего общества «козлов отпущения», в роли которых выступали «империалистическое окружение», «мировая система капитализма», конкретные страны, – в первую очередь, США. Эффективность данного механизма связана и с тем, что, как хорошо известно из опыта психологии, наличие внешнего врага смягчает внутренние противоречия. Нельзя сказать, что образы внешних врагов сейчас совсем исчезли из нашего массового сознания: освещение внешней политики тех же США нашими СМИ сохраняет многие черты советской идеологии.

Следующий процесс – *интернализация образа врага* – способствует тому, что массовая агрессия переключается с внешних на внутренние по отношению к вашему обществу объекты. Это порождает такие формы агрессии, как ксенофобия, этнические и прочие межгрупповые конфликты. Так, по данным опроса наших сограждан, проведенного в 2012 г., 77% отмечали неприязнь между бедными и богатыми, 73% – между низшими и высшими классами, 72% – между властью и народом, 53% – между людьми разных национальностей, 52% – между работодателями и подчиненными и т.д. (Левашов, 2012). Другими словами, отношения между различными социальными группами нашего общества выглядят *очень* напряженными.

Механизм «переключения агрессивности» в психологии известен и проявляется и в том, что многие наши сограждане, большинство которых, как свидетельствуют опросы, недовольны властью и ее политикой (Левашов, 2007)¹, ввиду «недостижимости» этой власти для простых граждан и невозможности выместить на ней порождаемую ею агрессивность, «переключают» ее на себя и себе подобных. Причем, ввиду иррациональности этого механизма, в область проявления агрессивности попадают и те социальные группы, которые не при-

¹ В частности, «в российском общественном мнении по-прежнему преобладает представление, согласно которому проводимые экономические преобразования не отвечают интересам подавляющего большинства граждан» (Левашов, 2012, с. 1006).

частны к власти и сами страдают от ее политики (хорошо известная российская тенденция во всем винить интеллигенцию, «айсеголовых» и т. п.). Отметим также, что сама власть во все времена российской истории умело использовала данный механизм.

Агрессия, направленная на другие социальные группы, неизбежно порождает ответную агрессию с их стороны. Это делает агрессивность нашего общества кумулятивной, аккумулирующей встречные импульсы (вообще следует отметить, что агрессия почти всегда как минимум «удавляет себя», порождая встречную или вызванную агрессию, а не встречаящая такой ответной реакции агрессия служит очень редким явлением): наблюдаются своего рода «зоофермы агрессивности» и возникновения конфликтов в обществе.

«Эстафеты агрессивности» отчетливо проявляются и в семьях. Как хорошо известно из опыта психологии, дети, выросшие в агрессивной семейной среде, воспитываемые с помощью регулярных побоев, тоже в большинстве случаев вырастают агрессивными и по отношению к собственным детям практикуют аналогичные способы воспитательного воздействия. Как отмечает Е. Н. Волкова, «ребенок, подвергшийся физическому насилию и наказанию, получает информацию от значимых для него людей о том, что существует право бить других людей, применять физическое насилие, когда другие методы воздействия не достигают желаемого результата. Исследования показывают, что у ребенка, подвергнувшегося физическим мерам дисциплинарного воздействия, впоследствии могут проявиться такие особенности характера и поведения, как повышенная агрессивность, тревожность, неумение сопереживать другому человеку, заниженная самооценка, низкий социальный статус, пристрастность к алкоголю, склонность к наркомании» (Волкова, 2007, с. 46). При этом, как отмечает автор, «Отличительной особенностью россиян, по мнению специалистов, является терпимое отношение к насилию и жестокому обращению» (там же, с. 46), а запреты на физические наказания детей, введенные во многих странах, вызывают у многих полное недоумение.

Столь же ярко «эстафеты агрессивности» были выражены в нашей армии, где новобранцы, подвергаясь агрессивному воздействию старослужащих, на второй год службы стремились выместить накопившиеся негативные чувства на других новобранцах, и в прочих подобных социальных структурах (Енниколопов, 2011, с. 324).

В бихевиористские теории научился хорошо вкладываться и влияние на агрессивность нашей правоприменительной практики, порождающей острые дискуссии не только собственно юридического,

но и общенационального характера. В частности, представители тех идейных сил нашего общества, которых принято называть либералами (термин явно неудачен), утверждают, что отечественная система уголовных наказаний слишком строга, наказания эти «слабые» формы нарушения закона гипертрофированы и чрезмерность карательных санкций только повышает уровень агрессивности. Во многих ситуациях это действительно так, но существует и обратная сторона медали: «слабые» формы нарушения закона остаются безнаказанными, а это подталкивает нарушивших его к более экстремальным формам нарушений, — происходит опасный «сдвиг в область дозволительного».

Например, такая форма бытовой агрессивности, как нанесение легких побоев, редко увеличивается возбуждением уголовных дел. Это вызывает привыкание к соответствующей форме поведения и ее экстремализацию (Ениколопов, 2011, с. 325). В результате характерная для нашего общества (и малоизвестная для европейских народов) тенденция дифференцировать нарушения закона на «существенные», требующие вмешательства правоохранительных органов, и «несущественные», не заслуживающие их санкций, тоже вносит свой вклад в то, что бытовая агрессивность становится у нас нормой поведения.

Справедливости ради надо отметить, что описанная ситуация характерна не только для нашей страны. В частности, бывший мэр Нью-Йорка Р. Джулиани завоевал большую популярность среди жителей этого города главным образом тем, что сумел обуздать уличную преступность, заставив нью-йоркскую полицию бороться не с мелкими формами нарушения закона, которые она, подобно отечественным блюстителям правопорядка, была склонна игнорировать.

Нормативная система преступного мира, активно транслируемая через СМИ и продукцию массовой культуры, находит благодатную почву в обществе, испытывающем дефицит социальных ценностей (личностную аномию), а традиционное для российской культуры формальное отношение к закону только облегчает такое «вторжение». В 2000-е годы в представлении многих граждан именно воровской закон олицетворял собой справедливость (Преснякова, 2006).

Симптоматичны и такие утверждения социологов: «Элементы криминальной субкультуры сегодня так или иначе присутствуют во всех сферах жизни российского общества — от повседневной жизни до правил организации экономической и политической „игры“, от межличностных отношений до социальных институтов» (там же, с. 38). «Криминальная субкультура в последние годы масштабно проникает и в массовый культурный продукт — художественные фильмы и сериалы, блатные песни, звучащие по радио, в resto-

рваных кафе, транспорте, детективы и боевики (которыми завалены все книжные прилавки), даже в рингтоны для мобильных телефонов (там же). По данным социологических опросов, больше половины наших сограждан систематически использует блатной жаргон, к которому регулярно прибегают и представители нашей власти, чем только повышают свои рейтинги.

Влияние криминальной субкультуры на современное российское общество имеет неизбежной стороной трансляцию в нашу жизнь агрессивности, характерной для криминального мира, и превращение ее в одну из главных норм построения социальных отношений.

Большую роль играет также эрозия — разрушение традиционных ценностей и нравственных основ нашего общества, в частности, постоянно отмечаемая девальвирующая ценности человеческой жизни и человеческого достоинства. Причем чувство собственного достоинства у наших сограждан, особенно у молодежи, растет (Сочиник, Полинин, 2009), что само по себе, конечно, позитивно, но, в противовес категорическому императиву И. Канта и другим подобным нравственным принципам, не сопровождается ростом уважения к окружающим, тем самым только способствуя агрессивности.

На этом фоне, в отсутствие нравственных противовесов, формируются и распространяются антиценности, среди которых видное место занимает и сама агрессивность. Она непосредственно связана с культивированием идеологии виднидивидуализма, которая учит человека воспринимать других людей как препятствия на пути достижения его личных целей, что неизбежно оборачивается формированием агрессивной установки по отношению к ним. Например, как отмечалось выше, некоторые наши сограждане сравнивают поездку в метро в час пик с борьбой за выживание, в которой другие пассажиры воспринимаются как конкуренты за место в вагоне (Константиновский, Вознесенская, 2007).

Складывается и отсутствие видной национальной идеи, коллективных целей, которые предполагают противоположный способ восприятия окружающих — как партнеров по их достижению. Формируется идеология, выражаемая хорошо известной формулой «Человек человеку волк», которая задает соответствующие формы построения межличностных и межгрупповых отношений.

Следует принимать во внимание также характерное для современного российского общества превращение свободы в одну из главных ценностей, особенно у молодого поколения, и ее понимание как полного отсутствия запретов и ограничений (вседозволенности). На этом фоне любые исходящие от общества запреты и огра-

нижения воспринимаются как препятствия к личной свободе, тоже порождающие фрустрацию, а вместе с ней и агрессию. Данный феномен хорошо вписывается в объяснение агрессии в рамках гуманистической психологии, представители которой – К. Роджерс, В. Франкл, Ф. Перлз и др. – рассматривают агрессию как вынужденный ответ индивида на ограничение его свободы. Ярким примером служат наши учебные учреждения, в первую очередь общеобразовательные школы, где ограничения свободы учащихся неизбежны и реализуются посредством учителей, которые вызывают у многих школьников крайне агрессивную реакцию, выражающуюся, в частности, в таких неординарных прежде формах, как избиение ими учителей и издательства над ними. Часто эта агрессия, вызванная ограничениями свободы, направляется учениками и друг на друга, проявляясь в регулярно освещаемых СМИ случаях их зверского обращения с себе подобными.

На подобные механизмы накладывается тот факт, что многие из нынешних школьников являются отпрысками «пионеров отечественного бизнеса», а 1990-е годы усвоивших его криминально-агрессивные нравы и транслирующих их своим детям. А некоторые из таких родителей закрепляют подобные образцы поведения появлением в школах с целью «разобраться» с учителями, по их мнению, несправедливо обращающимися с их отпрысками. В данном случае убедительное подтверждение получает теория А. Бандуры, согласно которой поведение родителей выступает в качестве модели поведения, передаваемой детям, и, соответственно, дети агрессивных родителей, как правило, тоже агрессивны (Бандура, Уолтерс, 1999). Упомянутые выше «эстафеты агрессивности» и в этих случаях имеют очень наглядное проявление.

При этом современное российское общество переживает известное из обыденной жизни и подтверждаемое психологическими исследованиями состояние *снижения уровня саморегуляции его членов* (Юренич, Ушаков, 2012), которое в условиях либерализации, означающей смягчение различных форм *активного* контроля над ними, оборачивается общим *снижением* контроля над их социальным поведением. Это высвобождает «законные» инстинкты и наиболее разрушительные формы поведения, что согласуется с психологическими теориями агрессии, а также с теорией К. Лоренца (Лоренц, 1994). В частности, «фактором совершения злых поступков является скука и поиск острых ощущений. Насилие и агрессия могут обеспечить такие ощущения, и поэтому злые действия могут быть *забавой*» (Евдокимов, 2011, с. 325).

Все описанные и другие подобные явления имеют общий психологический знаменатель – *формирование* у значительной части наших соотечественников образа окружающего социального мира как враждебного и агрессивного, что создает у них соответствующую оборонительную–агрессивную установку по отношению к нему. Этот образ имеет и другие негативные следствия, например, в виде удручающей статистики самоубийств, нервно-психических заболеваний, болезней внутренних органов, динамика которых заметно отличается от отрицательной динамики болезней, имеющих инфекционную природу (Зарковский, 2009). Естественно, подобные явления вызваны разными причинами, в том числе и неудовлетворительным состоянием нашей медицины, но и роль в их происхождении стрессовного восприятия окружающего мира как враждебного, агрессивного и дискомфортного тоже достаточно велика.

Повышенная агрессивность в обществе имеет одной из своих составных повышенную враждебность его граждан и социальных групп по отношению друг к другу¹. Многочисленные исследования выявили связи этой враждебности с гневом и беспокойством, с расстройствами личности и ранней смертностью, а также установили ее значительную роль в этиологии и патогенезе различных психосоматических, аллергических, онкологических и психических заболеваний (Еникколопов, 2007). Таким образом, и здоровье нации существенно страдает от высокого уровня ее агрессивности.

Проблема снижения уровня агрессивности: психологические составляющие

Традиционный российский вопрос «Что делать?» в отношении агрессивности нашего общества обладает для него жизненно важным смыслом, поскольку целый ряд разрушительных для него явлений – от огромного количества убийств до межличностных столкновений – имеют в своей основе именно повышенную агрессивность.

1 Как пишет С. Н. Еникколопов, «долгие годы враждебность не отделялась (ни понятийно, ни операционально) от агрессивного поведения, в связи с чем ее самостоятельное изучение не представлялось возможным. Широко трактуемое и мало дифференцированное понятие агрессии и агрессивности надолго стало господствующим в психологии. Лишь в последние десятилетия в центре внимания исследователей оказались такие проблемы, как гнев, враждебность, аутоагрессия» (Еникколопов, 2007, с. 33). Эти понятия разводится, например, путем отнесения враждебности к когнитивному компоненту психики, а гнева – к ее эмоциональному и поведенческому компонентам (там же).

Естественно, самый простой ответ на него – указание на необходимость устранения или, по крайней мере, минимизации факторов, вызывающих агрессию. Естественно и то, что такое возможно лишь в абстракции, поскольку многие из этих факторов неизбежны и не элиминируемы, даже если не придерживаться понимания человека как агрессивного по своей природе. Так, например, в любом обществе существует достаточно большое количество высокофрустрированных личностей, которые не способны достичь поставленных перед собой целей и возлагают вину за это на окружающих. В любом обществе имеются различные социальные группы, и самый простой способ внешней атрибуции ответственности – возложение ее на «чужих», в чем-то ущемляющих ту группу, к которой человек принадлежит. Однако и в этих условиях возможно ослабление действия фрустрирующих факторов, а тем более избегание обстоятельств, вызывающих искусственную фрустрацию. Например, в западном обществе существует норма демонстрации лишь «скромного обаяния фурукузини», а не показной роскоши, выработалось негласное табу на ее демонстрацию, а многие очень состоятельные люди ведут себя так, как будто стесняются своего богатства.

Существуют и специальные меры, такие как налог на роскошь, прогрессивная шкала налогообложения и т.д., которые уменьшают социальное неравенство и таким образом снижают вероятность возникновения «рассерженных» и потому агрессивных социальных групп. Уровень же социального неравенства в нашей стране, характеризующийся очень высоким децильным индексом, дефицитом социальной и политической солидарности (Левашов, 2007), не только закладывает в социальную структуру современного российского общества мину замедленного действия (Шевяков, 2008), но и делает агрессивность имплицитно заложенной в систему социальных отношений.

Снижение уровня агрессивности предполагает: декриминализацию общества и его массовой культуры; совершенствование законодательства и правоприменительной практики; контроль над СМИ, которому так сопротивляются наши псевдолибералы, пытаясь уравнивать его в массовом сознании с контролем идеологическим; внедрение в массовое сознание адекватного понимания свободы как неизбежно предполагающей разумные запреты и ограничения; выработку объединяющих нацию идей, порождающих доброжелательные, партнерские отношения.

Существуют и инструментальные способы редукации агрессивности, к разработке которых имеют самое непосредственное отношение психологическая наука и практика. Например, американские водители, учащенные в ДТП, связанных с агрессивным вождением, вынуждены проходить тренинг по контролю над агрессивностью; соответствующую практику имеет смысл внедрить и в нашей стране. Богатыми возможностями в этом плане обладают и другие виды психологических тренингов, позволяющие, в частности, существенно корректировать имеющийся у человека образ окружающего мира.

Как отмечает Е. Н. Ениколопов, «необходимо преодолеть дисфункциональные убеждения, связанные с чувством вины и представлениями о собственной незащищенности, враждебности окружающего мира, а также с утраченным доверием к людям, самообвинением, связанной самооценкой, негативным взглядом на будущее, потерей духовных ценностей» (Ениколопов, 2011, с. 332).

Почувствовать в этом плане сюжет научно-фантастического романа Г. Гаррисона «Неукротимая планета» (Гаррисон, 1960). Прилетающий туда земной космонавт обнаруживает, что ее обитатели ведут постоянную войну на выживание с растительным и животным миром, тотально ополчившимся на людей. В то же время он замечает, что продовольствие им поставляют аборигены, живущие в лесах и мирно сосуществующие со столь агрессивным растительным и животным окружением. Расследование этой парадоксальной ситуации приводит его к открытию того, что аборигены не боятся флоры и фауны и не агрессивны по отношению к ним, что вызывает от ответное мирное отношение к ним.

Страх и агрессия вызывают ответную агрессию, эта ситуация принимает циклический характер, но исправима (это и сделал земной космонавт) путем построения отношений на основе неагрессивной доброжелательной установки. Естественно, кто-то должен начать с себя, и это, наверное, самое трудное, но существуют ситуации, когда у враждующих социальных групп возможно *одновременное* формирование доброжелательных установок.

Если обратиться к психоаналитическим теориям, согласно которым агрессивность инстинктивно присуща человеку, для предотвращения «войны всех против всех» необходимо формирование *социально приемлемых средств канализации агрессии* (например, спорт). Особая роль в этом процессе принадлежит «гражданскому обществу», недостаточная развитость которого справедливо считается од-

ним из главных пороков социальной структуры современной России, хотя позитивные изменения в данном плане очевидны (волонтерские движения, интернет-форумы и др.). Естественно, гражданское общество является не только средством канализации массовой агрессии, поскольку выполняет более разнообразные социальные и психологические функции, аккумулируя не только агрессивные импульсы, но и разнообразные позитивные устремления наших сограждан, но и в данном качестве его роль нельзя недооценивать. В частности, оно является действенным каналом проявления массового недовольства и придания ему позитивной направленности — на устранение источников этого недовольства и, в конечном счете, на улучшение общества и его институтов.

Итак, можно выделить два кардинальных направления снижения уровня агрессивности современного российского общества, а также придания агрессивным импульсам не разрушительной, а позитивной для общества направленности. Во-первых, это устранение основных источников агрессивности или, по крайней мере, ослабление их воздействия на наше общество. Во-вторых, формирование у наших сограждан *позитивной массовой психологии*, которая занимает все более заметное место в работах современных зарубежных и отечественных психологов (Селигман, 2003; и др.). При этом одно не эквивалентно другому. Как подчеркивает, например, основатель позитивной психологии М. Селигман, «устранить неблагоприятные условия, однако, совсем не то, что создать благоприятные. Если мы стремимся к процветанию и благополучию, страдания действительно нужно свести к минимуму, но кроме того в нашей жизни должны быть положительные моменты, смысл, достижения и хорошие взаимоотношения с людьми» (там же, с. 70–71).

Формирование позитивной массовой психологии, сводящей к минимуму возможность агрессивных взаимоотношений между людьми, тоже предполагает применение как инструментальных психологических методов, так и методов психологического воздействия (через систему образования, каналы массовой коммуникации и т. д.), ориентированных на общество в целом. Среди них — создание позитивных образов нашего общества и его будущего, формирование общесоциальных целей, позитивного образа окружающих, обучение разумному целеполаганию и выработке личностных смыслов.

Целесообразно и формирование у россиян «космического» самосознания, предполагающего видение нашей планеты как песчинки в космическом пространстве, обитатели которой, возможно, уни-

кальны во Вселенной в ради самосохранения должны бережно относиться друг к другу¹.

Проблема агрессивности как феномен возникновения конфликтов в российском обществе требует своего дальнейшего исследования.

1 Отметим, что формирование такого самосознания не является мифом, а неуспешно культивировалось, например, советской научной фантастикой, оказывавшей большое влияние на общество того времени, а ныне вытесненной «социальной» фантастикой, доминирующие сюжеты которой построены на том, что события происходят не в Космосе, а на Земле, обитатели которой с упорством уничтожают друг друга (Володкин, 2007), т.е. на образе человечества как агрессивного и саморазрушающегося, вряд ли заслуживающего названия «цивилизация».

Глава 7

Динамика организационных противоречий между совладельцами бизнеса в предпринимательском цикле

Научный интерес к теме предпринимательства возник в России параллельно с официализацией и легитимизацией этого социально-экономического явления в конце 80-х годов XX в. Безусловно, возник он не вдруг и не на пустом месте – предпринимательство становилось одним из важнейших явлений трансформирующегося пространства постсоветского государства.

У феномена предпринимательства чрезвычайно много граней. Он одновременно и отражает, и формирует противоречивость и наполненность общественного метаболизма активных государств, больших сообществ.

Альтернативой предпринимательской деятельности является система плановой организации социально-экономической жизни, где потребности потребления рассчитываются (прогнозируются) по сложным статистическим моделям. Каждая из этих систем имеет свои возможности и ограничения, свои риски, и ни одна из них не обладает системными долгосрочными преимуществами перед другой.

В отечественной науке за последние 25 лет было проведено много разноплановых исследований по экономике, социологии, психологии, посвященных изучению феномена предпринимательства, и каждое из них углубляло его понимание. Но горизонты возможного расширились вместе с ростом области знания, продвинувшимся повышением самого явления предпринимательства, появлением его новых форм и видов.

Изучению социальных и психологических аспектов предпринимательской деятельности посвящены работы многих отечественных ученых – психологов, социологов, конфликтологов: Г. М. Андреевой, В. А. Болдров, В. Н. Дружинина, А. Л. Журавлева, Д. А. Китова, Е. А. Климова, В. П. Попова, В. В. Раздьева, Я. М. Решина, В. М. Русалова, П. Н. Шихарева, В. П. Позыжкова, В. А. Ханжово, А. А. Обознова,

А. Б. Кутрейченко, Е. Б. Филинковой, А. И. Шипилова, А. Я. Анцупова, О. В. Сидоренко и др. Отдельно хочется отметить вклад научных сотрудников Института психологии РАН, в частности – лаборатории социальной и экономической психологии, которые на протяжении последних 15 лет систематически разрабатывали тему предпринимательства в рамках более общей темы – экономической психологии (Е. Д. Дорофеев, А. Л. Журавлев, Н. А. Журавлева, А. Б. Кутрейченко, В. П. Позняков, Е. В. Шорохова и др.).

Исторические изменения предпринимательства как явления отражаются в определенных данном понятии, принадлежащих к разным эпохам:

1. Предприниматель – это человек, действующий в условиях риска: он покупает по известной цене, а продает по неизвестной (1725 г., английский экономист Ричард Кантинльон).
2. Антрепренёр (предприниматель) перебрасывает экономические ресурсы из сферы малой продуктивности в сферу большой продуктивности и пожинает плоды (1800 г., французский экономист Жак-Батист Сэй).
3. Предприниматель – человек, переводящий дело/идею из сферы низкой добавленной стоимости в сферу высокой добавленной стоимости и зарабатывающий на этой разнице (начало XXI в., рабочее определение венчурных консультантов).

Основная цель предпринимательской деятельности – найти ту нишу, где будет максимальная экономическая отдача от вложенных усилий и ресурсов, и организовать в ней дело (бизнес). Это возможно двумя альтернативными путями:

- раньше конкурентов выявить рыночную нишу с актуальными, но неудовлетворенными (или не полностью удовлетворенными) потребностями социума и вывести в нее продукт, удовлетворяющий эти потребности;
- своими усилиями создать рыночную нишу, т. е. актуализировать скрытые потребности социума под создаваемый или уже созданный продукт.

Есть и третий способ, который до конца XX в. можно было назвать условно предпринимательством: с помощью технологических инноваций в существующей рыночной нише организовать производство продукции с гораздо более высокой эффективностью, чем у существующих игроков (предпринимателей), и выигрывать конкурентную борьбу.

Можно, таким образом, предпринимательство отразить в трехфакторном измерении: 1) скорость действий, 2) инновация в производстве, 3) инновация в технологии производства.

В существующих исследованиях практически не затрагивается вопрос о стадиях развития любого предпринимательского проекта, их теоретические и методические конструкции являются статическими. Очень мало работ, в которых изучались бы психологические особенности предпринимательской деятельности в ее динамике. А между тем именно ее изменчивость, подвижность определяет во многом складывающиеся отношения между ее участниками, их динамику в различных проявлениях. Для отражения данного димантита предпринимательской деятельности в некоем едином, сквозном и повторяющемся из проекта в проект, конструкте мы вводим и раскрываем понимание предпринимательского цикла как *последовательности взаимосвязанных этапов предпринимательской деятельности, каждый из которых обладает своим набором специфических функций и задач*.

Сфокусируемся на некоторых типах противоречий и напряжений между совладельцами в ходе их совместной предпринимательской деятельности. Рассмотрим следующие факторы напряжения, связанные с участниками (совладельцами) бизнес-проекта:

- отношение к владению активами бизнес-проекта;
- власть (формальная или неформальная);
- генерация идей (инновационность мышления);
- отношение к другим участникам проекта;
- зоны поведенческого комфорта участника по отношению к необходимому ролевому поведению на разных участках проекта, и др.

Эти факторы можно сгруппировать в три большие кластера: «Экономические факторы» (величина проекта, величина распределяемой прибыли и, соответственно, степень вознаграждения за участие в проекте); «Психологические факторы» (власть, поведенческий комфорт/дискомфорт в проекте); «Предметные факторы» (в чем суть бизнес-проекта, что производится, каково направление развития и т. д.).

Отдельно мы планируем рассмотреть противоречия между тремя ролями, которые может играть сам предприниматель (причем эти роли могут сосуществовать в любой комбинации в выбранный момент времени). Это *предпринимательская роль* (поиск новых идей, идей и проектов), *владельческая роль* (аккумуляция собственности (активов) и власти над ней) и *менеджерская роль* (использование рычагов прямого влияния на все ситуации, механизмы и процессы бизнес-проекта и концентрация ресурсов для операционного

управления). Предпринимательская роль в большей степени отвечает за инновационную, экспертную (рыночную) добавленную стоимость, владельческая – за стратегическую, комплексную (смешанную) добавленную стоимость, менеджерская – за операционную (внутреннюю) добавленную стоимость.

Понимая, что создаваемое множеством факторов пространство исследования будет чрезвычайно обширно, в рамках данной главы мы планируем сфокусироваться только на некоторых конфликтах между совладельцами предпринимательского проекта. Центральным из них будет «конфликт ожиданий» в отношении предпринимательской деятельности, ее результатов и личного вклада совладельца в процесс и результат.

Далее определим ключевым понятием.

Ожидаемое событие – это событие, которое рассматривается как наиболее вероятное в ситуации неопределенности. В процессе ожидания происходит перенос из внутреннего психологического мира субъекта во внешний мир особых конструкций (ментальных проекций), которые содержат предвосхищенные события с максимально возможными вероятностями и гипотетическими отклонениями от этих вероятностей. Ожидание всегда персонифицировано, т.е. принадлежит персоне, субъекту, в качестве которого может выступать и группа (тогда можно говорить об ожиданиях группы, или групповых ожиданиях).

Конфликт ожиданий – ситуация, когда разные субъекты деятельности, по-своему представляя себе свойства внешних объектов и субъектов и последствия их действий и взаимодействия, приходят в столкновение из-за несовпадающих ожиданий. В данном случае смысл понятия «конфликт» не тождествен классическому – открытое столкновение, противоборство субъектов); конфликт ожиданий – это столкновение прогнозов, проекций субъектов, зачастую не вербализованное ими.

Для правильной постановки вопроса сформулируем отправные точки – базовые допущения – в отношении рассматриваемых феноменов:

1. Каждый из совладельцев проекта стремится получить максимально возможную экономическую (финансовую) отдачу от своего вклада в проект в виде личных доходов из нераспределенной прибыли и/или продажи части/всего бизнес-проекта.
2. Экономическая отдача традиционно (налогово) пропорциональна размеру доли владения проектом: чем выше доля, тем выше от-

доча. Максимально возможная отдача соответствует 100% владению, а минимально возможная – 0% владения.

3. Каждый из совладельцев стремится минимизировать собственные риски и соответствующие им экономические (финансовые) потери в виде необходимости погашать долги проекта перед внешними и внутренними кредиторами.
4. Размер рисков в проекте пропорционален размеру вклада владельца и, соответственно, доле владения.

Модель предпринимательского цикла являлась методическим обобщением консалтинговой практики с начинающими предпринимателями группы консультантов по управлению. Эта группа консультантов, начиная с летних молодежных предпринимательских смен на озере Солнгер в 2009 г., проводила циклы обучающих и консультативных сессий для молодых предпринимателей – как начинающих с бизнес-идей, так и имеющих действующие бизнес-проекты.

Почему мы выбрали понятие цикла, а не кривой, как, например, у И. Адизиса (кривая жизни компании)? Мы исходили из предположения, что роль предпринимателя, а не ее конкретное наполнение кем-либо, как таковая не имеет завершения; завершения могут иметь проекты, – значит, есть некоторые регулярные процессы, повторы однотипных элементов и ситуаций, и лучше всего – и визуально, и методологически – это может отразить модель цикла.

Для качественной сфокусированной помощи были выделены и определены отдельные участки предпринимательской деятельности, – не по предмету или отрасли предпринимательства, а по набору специфических задач, говорящих о степени «зрелости» предпринимательского проекта (см. таблицу 7). Таких этапов 12, и каждый из них обладает своими уникальными (не связанными от отраслей) задачами.

Говоря о структуре противоречий, мы подразумеваем наличие неких структурных элементов и связей между ними в рассматриваемом предпринимательском цикле. Эти элементы являются характеристиками, качественно описывающими процессы на каждом этапе цикла. И здесь уместно выдвинуть ряд предположений (гипотез) как общего, так и частного характера.

Основное предположение состоит в том, что структура напряжений (противоречий) между совладельцами проекта является величиной условно заданной, статичной и зависит от начальных условий формирования проекта и специфических особенностей самих совладельцев. Она не меняется по ходу развития/изменения предпри-

Таблица 7
Этапы предпринимательского цикла

№	Название этапа	Основные функции/задачи этапа
1	Анализ рыночных возможностей	Поиск и оценка «очень возможностей» Поиск возможностей «очень возможностей» Связки «очень возможностей» с «полюсом клиентов»
2	Генерация бизнес-идей	Сбор команды проекта Определение функционально-ролевой структуры команды Сбор вариантов идей и выбор одной из «очень возможностей»
3	Разработка бизнес-концепции	Доводка идеи идеи на части: цели, этапы и т.д. Оценка привлекательности идеи как бизнеса Создание «общего бизнес-плана (концепты)
4	Реализация прототипа фирменного продукта на продажу	Создание «первого продукта на продажу» Осмысление технологий создания продукта Продажа первого продукта
5	Создание и управление договоренностями с внешними деловыми партнерами и властью	Поиск и включение внешних партнеров, поставщиков, конкурентов, покупателей Создание организационно-правовой формы бизнеса Построение «производственного джема»
6	Создание рабочего коллектива и управление им	Поиск и включение необходимых компетенций Поиск и включение сотрудников Выбор модели управления бизнесом
7	Структурирование, упорядочивание бизнеса	Описание основных структурных элементов бизнеса — структуры, бизнес-процессов и др. Поиск, внедрение систем управления контроля операций (электронное управление)
8	Вовлечение инвесторов (финансовое финансирование)	Осознание необходимости привлечения внешних денег, финансовый расчет Поиск источников финансов и переговоры Оформление сделок
9	Масштабирование и расширение бизнеса	Создание модели масштабирования бизнеса Организация и запуск масштабирования Управление процессом масштабирования
10	Передача управления частью команды управленцев	Разделение управления на административное и операционное Подбор и включение частью команды Передача части власти внешней команде
11	Продажа части бизнеса или всего бизнеса	Определение части бизнеса на продажу Поиск покупателей и переговоры с ними Оформление продаваемой части бизнеса
12	Закрытие проекта	Определение момента завершения проекта Реструктурирование, расчет по обязательствам Оформление закрытия проекта

нительского проекта. Альтернативная гипотеза такова: структура противоречий изменчива, динамична и зависит не только от начальных условий формирования проекта и особенностей совладельцев, но и от переменчивых характеристик, непосредственно связанных с этапами предпринимательского цикла.

Поскольку ролевая структура предпринимательской деятельности складывается из сочетания трех ролей: *предприниматель—владелец—менеджер*, то будет также интересно выявить, меняется ли пропорция и значимость ролей по ходу предпринимательского цикла или нет. В ходе консультационной практики предпринимателям задавался вопрос, как они видят распределение предложенных трех ролей по ходу предпринимательского цикла.

На первом этапе сбора данных предприниматели-эксперты было предложено просто проанализировать важность каждой из ролей в предпринимательском цикле. Результаты представлены в таблице 8.

Таблица 8

Экспертное ранжирование ролей в предпринимательском цикле

№	Название этапа	Предприниматель	Владелец	Менеджер
1	Анализ рыночных возможностей	1	4	4
2	Генерация бизнес-идей	1	4	3
3	Разработка бизнес-концепции	1	3	3
4	Реализация прототипа (первого продукта на продажу)	1	3	3
5	Создание и управление договоренностями с частным деловым миром и властью	2	2	3
6	Создание рабочего коллектива и управление им	3	3	1
7	Структурирование, упорядочивание бизнеса	4	2	1
8	Вовлечение инвесторов (финансовый факторинг/процессинг)	4	1	1
9	Масштабирование и расширение бизнеса	4	1	1
10	Передача управления команде управленцев	4	1	2
11	Продажа части бизнеса или всего бизнеса	4	1	2
12	Закрытие проекта	4	1	1

Примечание: 1 – самая важная роль (приоритет): от 70 до 100%, 2 – средне важная роль (поддержка): от 30 до 50%, 3 – незначительная роль (исполнение): от 10 до 30%, 4 – отсутствие вклада: менее 10%.

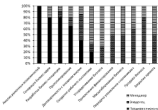

Рис. 3. График экспертных оценок распределения ролей (в %)

Последующая экспертная работа по трансформации рангов в процентное распределение дала следующую картину (см. рисунок 3). На графике видна динамика значимости активности ролей на всех этапах предпринимательского цикла.

Таким образом, можно сделать вывод, что распределение ролей неравномерно по предпринимательскому циклу: на разных этапах есть свои доминирующие роли, и они меняются от этапа к этапу. Предпринимательская роль доминирует в 4 из 12 этапов, причем непрерывно, начиная с 1 по 4 включительно. Роли владельца и менеджера по доле своего вклада перешлепываются на противоположные оставшиеся 8 этапов, иногда (в 3 этапах) выравниваются. Активности всех трех ролей (с разной степенью значимости, но все-таки активности) переплетаются на 4–6 этапах. Это означает, что на данных этапах происходит полное ролевое смещение, требующее вышней координации (интерологий).

В чем может наблюдаться ролевое противоречие? Если взять за основу три аспекта ролевого взаимодействия – борьбу за ресурсы, направленность усилий (действий) и психологический комфорт – и по ним провести анализ, получается следующая картина. В условиях стартапа ресурсы всегда ограничены (по крайней мере финансово). В этом случае роли «рассматривают» ограниченный ресурс как повышенную ценность, как благоприятную возможность улучшить результаты деятельности самой роли, сохранения или усиления ролевой комфорт. Как видно из определений, каждая из ролей достигает результата в своей специфической нише. Эти результаты взаимно по-

лезны, но не идентичны. Соответственно, каждая роль «претендует» на максимально возможные ресурсы для усиления своего вклада, который, в свою очередь, сулит и максимизацию вознаграждения за этот повышенный вклад. Вторым ограниченным ресурсом являются люди, так как в условиях запуска бизнес-проекта не приходится говорить о коллективе наемных сотрудников. Все сотрудники – команда проекта, по сути совладельцы, возможно, с разными долями участия. Ограниченность трудового ресурса ведет к избыточной функциональной нагрузке на членов команды проекта (совладельцев), зачастую «заставляя» брать на себя не свойственные им функциональные роли. Обратная реакция в виде избытка неудобных функциональных ролей также ведет к росту напряжения, так как это приводит к появлению «белых пятен» – систематическому невыполнению части важных функций проекта, а следовательно, к снижению продуктивности, сбоям, ошибкам, провалам, которые также порождают напряжения в отношениях между совладельцами проекта.

Следующее направление ролевых противоречий включает в себя триаду «Направленность усилий – фокус действий – приоритеты», которая является одним из важных конфликтогенов, так как сталкивает различные по направленности представления совладельцев о развитии проекта. Совладельцы воспринимают себя равными друг другу даже при разных долях владения проектом. Это вызывает обострение столкновения, особенно в ситуациях поляризации мнений при восприятии и оценке одних и тех же явлений. Направленность усилий весьма сильно связана с дефицитом ресурсов и рабочих функций, обостряя восприятие этих дефицитов, заставляя принимать высоко рискованные решения, которые могут оказаться фатальными для проекта.

Поведенческий комфорт – особый вид зоны потенциальной напряженности во взаимодействии совладельцев. Привычка вести себя определенным образом – реагировать более быстро или медленнее, проявлять эмоции или скрывать их, направлять или следовать – формирует устойчивые поведенческие стили (например, по модели индивидуальных различий У.М. Марстона DISC (Marston, 2012)). Столкновение разнородных поведенческих стилей, даже в отсутствие экономической составляющей, создает мощные напряжения, которые распространяются на сам предпринимательский проект и процессы в нем.

Подводя некоторые итоги этой части анализа противоречий, можно смело утверждать:

1. Экономическая составляющая играет роль в формировании и развитии напряженности, но далеко не так сильно и часто, как это можно воспринимать, исходя из стереотипов. Это всего лишь один из мощных факторов, сопровождающих жизнедеятельность бизнес-проекта на ранних стадиях.
2. Противоречия неизбежны и, следовательно, неизбежны порождаемые ими конфликтные ситуации. Предпринимательский цикл сам по себе является плацдармом столкновений, во многом благодаря которым и осуществляется предпринимательская, инновационная деятельность. Противоречия подталкивают искать новые выходы, новые идеи, новые решения, привнес дух творчества, обновления, созидательности в предпринимательскую деятельность.
3. Противоречия и связанные с ними напряжения не статичны. Они подвержены изменениям в силу объективных причин (изменчивости внешней среды, ограниченности ресурсов и т. д.), одной из которых может являться и специфичность этапов предпринимательского цикла. Этот динамизм противоречий не позволяет создавать статичные «многоразовые» решения для урегулирования конфликтных ситуаций на ранних стадиях. Необходимо дать противоречию «вылечь» и проявиться, чтобы приступить к его разрешению.

Вместо заключения к данной главе позволим себе дать краткий анализ феномена ожидания. Ожидание – намерение в получении неких важных для личности достижений целевого или процессного характера, сопряженное с эмоционально оценочной сферой (эмоционально окрашенное). Ожидание – это форма прогноза с личностным отношением к нему субъектов в сфере значимых для личности областей жизнедеятельности.

Для предпринимательской деятельности феномен ожидания будет играть если не самую главную, то одну из главных ролей, так как предпринимательская активность направлена прежде всего на будущие достижения, свершения, результаты, которые можно только прогнозировать, «ожидать».

Можно выделить два основных типа ожиданий:

- предметно-целевые (отвечают на вопрос «Что?»): их характеризует содержательная направленность на осязаемые предметы, предметные образы и целевые проследия; это переживание и представление субъектом деятельности себя и своего значимого окружения в определенных границах, категориях и условнос-

тва, окрашенных в положительные эмоциональные тона – области аттракции).

- процессно-деятельностные (отвечают на вопрос «Как?»): их в большей степени характеризует не содержание, а процессное исполнение – движение в сторону содержания, предмета, цели; они в большей степени личностно окрашены, так как суть всех социальных процессов – взаимодействие с социальными субъектами.

Смысловые ожидания, отвечающие на вопрос «Зачем?», можно отнести к варианту предметно-целевых смыслов: есть проекция ценностей, значимых конструкций, интроецируемых субъектом из внешней реальности в процессе деятельности.

Проводя опрос совладельцев бизнес-проектов, мы выявили их основные ожидания, связанные с их включенностью в предпринимательский проект совладельца (без ранжирования):

- роли в проекте и исполняемые ими функции;
- ценность вклада, отраженная в размере доли владения проектом;
- объем исполняемой нагрузки в единицу времени (темп работы);
- объем материальных затрат на движение вперед (к цели);
- попадание в целевые прогнозы (достижение запланированных результатов к указанному сроку);
- поведенческий комфорт (уровень, степень);
- соблюдение договоренностей в ходе проекта (го участникам).

Ожидания по направленности можно разделить на два условных типа:

- 1) **получаемые** (достижения, выигрыши, приобретения широкого характера): личность получает то, что является ценностью в ее системе потребностей, устремлений; в сфере предпринимательской активности это прежде всего экономические успехи, достижения (выручка, прибыль, капитализация проекта и т. п.).
- 2) **вкладываемые** (потери, проигрыш, лишения): личность лишается того, что является ценностью в ее системе потребностей, устремлений; в сфере предпринимательской активности это прежде всего экономические потери (затраты, убытки, обесценивание).

Содержание ожиданий в предпринимательской практике – это элементы процессно-предметного поля, окружающего личность предпринимателя.

Оспрашиваемое себя ожидание любого характера вызывает чувства комфорта, спокойствия, эмоциональной стабильности. Откло-

несие результатов от ожиданий в любую сторону (превышенные/недостигнутые) вызывает волнение, которое будет формировать две конкурирующие или смешанные ветви эмоциональных переживаний – страх и радость.

Предпринятый анализ феномена ожидания в предпринимательской практике создает некую базу для более детального и глубокого исследования различных его проявлений. Но это уже тема отдельных научных работ. Также нуждаются в рассмотрении феномены «обязательство» и «ответственность» применительно к предпринимательской практике.

Глава 8

Неудовлетворенность экономическими условиями жизнедеятельности как источник социальной напряженности

Переход к рыночной экономике, начатый в 1990-е годы, сыграл для населения России роль шоковой терапии. Радикальные экономические реформы резко изменили привычные условия «социалистического существования», люди оказались неподготовленными для выживания в условиях рыночных отношений. Рыночная экономика была чуждой мировоззрению советского человека. Началось глубокое расслоение населения по имущественному признаку.

Ожидавшиеся после 1991 г. положительные изменения в экономических условиях жизни людей объективно не произошли. Напротив, страна оказалась в трудном положении: в эти годы систематически обесцениваются деньги, дорожают товары, растет преступность, обостряются региональные конфликты. У людей формируется чувство обреченности и безысходности, усиливается разочарование, тает надежда на улучшение материального уровня жизни (Изард, 2000).

Отечественными психологами регулярно проводились и проводятся масштабные эмпирические исследования экономического сознания населения нашей страны, степени его удовлетворенности материальными условиями жизни, настроений россиян и др. Обратимся к анализу результатов исследований настроений россиян в начале XXI в., проведенных под руководством Д. А. Китовой (Китова, 2003, 2009).

Как видно из таблицы 9, наибольший удельный вес в структуре ответов, порождающих эмоционально окрашенные переживания, приходится на экономическую сферу и на материальные условия жизни.

Для выявления устойчивых позиций респондентов по отношению к материальным условиям жизни в опросный лист был включен вопрос: «По вашему мнению, с каждым днем ваша жизнь становится... «намного лучше», «заметьно лучше», «не меняется», «заметьно хуже»,

Таблица 9

Ответы на вопрос: «Какие проблемы волнуют вас?»

№ п/п	Характер-ответов	Процент
1	Что-либо говорить бесполезно	20,8
2	Низкая оплата труда и ее несвоевременные выплаты	20,5
3	Неуверенность в завтрашнем дне	14,3
4	Несовершенство налогового законодательства	13,9
5	Проблемы трудоустройства	13,5
6	Недостатки политического руководства страной	12,6
7	Низкая эффективность мер по стабилизации экономики	10,4
8	Проблемы образования	6,6
9	Удовлетворен сложившейся ситуацией	6,1
10	Система здравоохранения	4,2
11	Экология	4,2
12	Преступность	4,2
13	Наркотики	3,7
14	Прочие проблемы	0,5

«намного хуже»». На данный вопрос отвечали 30,2% опрошенных: «значительно хуже» – 35,3%, «намного хуже» – 18,5%. Всего около 84% опрошенных не вкладывают особых надежд на будущее; 53,8% ожидают дальнейшего ухудшения, т. е. оценивают тенденцию изменений в жизни не в лучшую сторону. Если судить по этим данным (исследование проводилось в 2009 г.), больше половины населения подвержено пессимистическим настроениям. Пик пессимизма приходится на предпенсионный возраст (51–60 лет). Это объяснимо: заработная плата низкая, а ожидаемая пенсия еще ниже.

Какие выводы можно сделать? Во-первых, традиционное мнение, согласно которому в общественном развитии упор нужно делать главным образом на молодежь, не до конца учитывает сложившуюся реальность. Во-вторых, оказывается, что чем старше человек, тем все острее он нуждается в морально-психологической поддержке. В-третьих, следует постоянно помнить, что позитивные настроения людей выступают фактором общественной стабильности.

Население России за постперестроечный период сильно политизировалось. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в таблице 10.

Таблица 10
Эффект воздействия политических событий
на настроения россиян (в %)

№ п/п	Эффект воздействия	Образование				
		Нижнее среднее	Среднее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее
1	Радости	—	2,6	10,5	22,8	11,7
2	Огорчения	—	12,4	8,4	6,25	10,7

Радуются люди или огорчаются по поводу одних и тех же событий — это оказывается в определенной связи с уровнем их образования. Так, на вопрос «Какие события за последнее время более всего вас обрадовали?» ответили «Ничто не обрадовало» 30,7% лиц с незаконченным средним образованием, 25% со средним образованием, 24,2% со средним специальным, 14,6% с незаконченным высшим и 28,3% с высшим. Как видим из таблицы, за исключением группы респондентов с незаконченным высшим образованием, политические события радуют всех приблизительно одинаково. Огорчаются политическими событиями эти люди так же в меньшей мере, чем другие. Политика не приносит ни радостей, ни огорчений группе испытуемых с полным средним образованием. Политические события волнуют этих респондентов меньше, чем многие другие события.

Дополнительный анализ показал, что население беспокоит тенденция к ухудшению условий жизни. Такие переживания испытывают 51,8% в группе с незаконченным средним образованием, 64,4% лиц со средним образованием, 64,1% — со средним специальным, 37,3% — с незаконченным высшим и 51,0% — с высшим образованием. Таким образом, из общей картины pessimизмов снова выпадают респонденты с незаконченным высшим образованием.

Таблица 11 расскажет о том, радуют или огорчают респондентов финансовые события в стране.

Мы видим, что резких различий между образовательными группами по призыву радости/огорчения по поводу финансовых событий не имеется.

Тем не менее, обращает на себя внимание численность людей, огорченных финансовыми событиями (независимо от уровня образования), низким заработком, несвоевременными выплатами, личными финансовыми затруднениями. Респонденты показывают и на другие события, вызывающие огорчения. Среди них — сниже-

Таблица 11
Эффект воздействия финансовых событий
на настроения россиян (в %)

№ п/п	Эффект воздействия	Образование				
		Ниже среднего	Среднее	Средне-специальное	Выше среднего	Высшее
1	Радости	7,7	5,8	12,6	4,2	5,3
2	Отороченности	53,7	46,2	52,5	39,5	43,2
3	Сумма эффектов	61,4	52,0	65,1	43,7	48,5
4	Разнодушие	38,6	44,0	34,9	56,3	31,5

ние курса рубля, повышение цен, рост курса доллара, экономический кризис в стране и др.

Интересно, что 25% всех безработных связывают свои позитивные эмоции с экономическими ситуациями (см. таблицу 12). Это не значит, что материально они обеспечены лучше, чем все другие группы населения, просто у них более чувствительность к доходам значительно ниже: чтобы обрадоваться, ему достаточно самых малых экономических приобретений.

Экономические ситуации вызывают сильное оторочение не только у безработных (что вполне объяснимо), но и у пенсионеров. Их радости связаны, конечно, не с размером пенсий, а с возможностью подработать дополнительно. На постоянную работу их если и берут, то на черную и низкооплачиваемую.

Таблица 12
Эмоциональные реакции людей
на экономические события (в %)

№ п/п	Эффект воздействия	Род деятельности						
		Учи-щиеся	Ра-бочие	Спе-циалисты	Сту-денты	Пред-приниматели	Пен-сионеры	Без-работные
1.	Радости	18,1	15,7	8,8	11,7	12,5	20	25
2.	Отороченности	39,1	38,6	62,8	73,4	37,5	100	74,9
3.	Сумма эффектов	57,2	54,3	74,6	85,1	50	120	99,9

В несколько лучшем положении находятся предприниматели, постоянно рискующие своим имуществом, но работа требует от них максимального напряжения сил в отличие от служащих и специалистов, которые могут не отдавать всего себя работе. Радости/заботы учащихся (и студентов) проистекают от меры щедрости их родителей, хотя некоторые из них пробуют подрабатывать самостоятельно. Наконец, рабочие могут позволить себе подработать на стороне в свободное время, соответственно, их радости порождаются и за пределами предприятия, поэтому они занимают пятое место по объему переживаний, связанных с экономическими ситуациями.

Пенсионеры на все 100% связывают свои огорчения с экономическими ситуациями. Даже состояние здоровья, которое, казалось бы, у стариков должно стоять на первом месте по силе негативного эмоционального воздействия, они не склонны относить к источникам огорчений, — конечно, не потому, что болезни их не беспокоят, а по причине низкого уровня жизни, которое болезненное переживается, чем заболевание. Даже безработные пишут (6,3%), что их огорчают в том числе и состояние здоровья, и политические события (12,5%), хотя главную боль они испытывают от давления экономических ситуаций.

Из всех семи групп (по роду деятельности) безработные оказываются наиболее отзывчивыми на политические события, с которыми связывают свои положительные переживания (18,8%). Остальные группы реагируют на политические события приблизительно одинаково. У рабочих радость, связанная с ними, почти в три раза меньше, чем радость, связанная с событиями экономическими. У специалистов и служащих позитивный настрой к политике сильнее, чем к экономике. Но тут, видимо, причина в том, что влиять на экономику, на свои материальные условия жизни, они сколько-нибудь существенно не могут, а увеличение политики содействует иллюзии влияния на нее.

Выявилось также влияние семейного положения человека на его эмоциональные реакции в отношении материальных условий жизни. Естественно предположить, что последние чаще будут радоваться и меньше огорчаться люди, не имеющие семьи. Однако такое допущение не всегда оправдывается, о чем свидетельствуют данные таблицы 13.

Видно, что одиночкам достается больше радостей (29,2%), чем семейным, но и огорчаются (65%) они по поводу экономических ситуаций гораздо чаще, чем последние. У одиночек семантическое эмоциональное пространство на 94,2% занято радостями и огорчениями от событий экономического характера.

Таблица 13

**Эмоциональные реакции одиноких и семейных людей
на экономические события**

№ п/п	Эффект воздействия	Одинокие	Состав семьи		
			2-3	4-5	более 5
1	Радости	29,1	13,2	22,5	12,2
2	Огорчения	63	47,2	56,9	67,5
3	Сумма эффектов	94,1	60,4	79,4	79,5

В семье из пяти и более человек резко падает объем радостей от экономических событий и возрастает огорчения от них. Вообще с ростом численности семьи неуклонно растут огорчения по поводу экономических событий, эмоциональное семантическое пространство все более активно заполняется ими (до 79,5%). Оценка перспектив улучшения жизни семьи по мере ее роста снижаются с 58,1% до 46,9%.

Чтобы выяснить, насколько население удовлетворено условиями жизни, был поставлен прямо следующий вопрос: «Насколько вы удовлетворены своим материальным положением?» (предыдущие вопросы характеризовали материальное положение косвенно).

Оказалось, что «полностью» удовлетворенных среди опрошенных всего 2,4%, «в основном» удовлетворены 15,3%, относятся «терпимо» – 34%. Всего, таким образом, в зоне удовлетворенных и хотя бы терпимых условий живет чуть больше половины опрошенных (51,7%), остальные относят себя к «нуждающимся» (14,6%) и «неудовлетворенным» (29%) (см. таблицу 14).

Эти данные позволяют сделать некоторые промежуточные выводы.

Социальная и природная среда, в которой живет человек, включает в себя духовные и материальные ценности людей и вещей. Соответственно, существует три типа отношения человека к жизни – духовный, материальный и вещный. Они тесно взаимосвязаны друг с другом и образуют целостное единство (Житов, 1987, с. 187–199). Вещная среда, собственно, и есть материальные условия жизни, с которыми человек непрерывно взаимодействует.

Понимая побудительной, удовлетворенность/неудовлетворенность материальными условиями жизни выполняет и другие функции. Одна из них – охранительная, с ней связана бережливость человека, его способность экономно расходовать имеющиеся в распоряжении ре-

Таблица 14

Удовлетворенность материальным положением

№ п/п	Степень удовлетворенности	От числа опрошенных (в %)
1	Полностью	2,4
2	В основном	15,2
3	Терпимо	34,8
4	Нуждается	18,6
5	Не удовлетворен	29,9
6	Ничего не знаю	3,1
7	Не ответил	1,8

курс. Другая – оценочная, т.е. выработка информации о том, насколько потребляемая вещь соответствует вкусам и запросам личности. На этот вопрос отвечает третья функция – потребительская. Она определяет, какого рода вещи нужно приобрести, чтобы вполне удовлетворить потребности, а от каких вещей можно избавиться, поскольку они не удовлетворяют потребности. Наконец, можно говорить и о конфликтотенной функции. В материальной жизни к одной и той же вещи (материальной или духовной) могут стремиться несколько человек, каждый из которых добывается ее присвоения. Вступление в борьбу за присвоение одной и той же вещи, к которой тянутся другие люди, означает вызывание в конфликт. Данная функция особенно важна в условиях выживания из-за скудости материальных условий жизни.

Возвращаясь к анализу результатов эмпирического анализа, можно увидеть, что полностью удовлетворенных материальным достатком женщины меньше, чем мужчины: 1,2% и 4,8% соответственно. Объясняется это главным образом тем обстоятельством, что финансовых возможностей у мужчин обычно больше, чем у женщин, кроме того, потребности женщины куда более разнообразнее и изысканнее, а критерии оценки удовлетворенности у них гораздо выше.

Исследование выявило некоторую зависимость общего уровня удовлетворенности и неудовлетворенности (сумма эффектов) от уровня образования. Как это ни странно, полностью удовлетворенных больше всего оказалось среди лиц, имеющих незаконченное среднее образование (7,7%). Показательна и другая цифра: лица с незаконченным высшим образованием тоже дают сравнительно высокий процент полностью удовлетворенных (4,2%); их больше, чем в груп-

нах с завершенным средним (1,9%), средним специальным (1,1%) и высшим образованием (2,7%). Беседы выявили основную причину этих расхождений. Лица с завершенным образованием (кроме среднего) ищут работу по специальности, по все бюджетные должности, на которые они чаще всего ориентируются, оплачиваются невысоко. Человек же с незавершенным образованием, как правило, ищет работу не по специальности, а по величине заработной платы.

Влияние *состава семьи* на удовлетворенность и неудовлетворенность человека событиями жизни имеет свои особенности. Среди полностью удовлетворенных наибольший процент дают одиночки (8,7%). Это понятно: здесь нет расходов на семью, все, что зарабатывает человек, тратит на самого себя. С увеличением состава семьи полностью удовлетворенных становится меньше. В семье из двух-трех человек полная удовлетворенность (2,4%) почти вчетверо ниже, чем у одиночек. Еще вчетверо снижается полная удовлетворенность в семье из четырех-пяти человек (0,6%). Но в семье из более чем пяти человек полная удовлетворенность (4,1%) возрастает, хотя остается вдвое ниже, чем у одиночек. Сдвиг в лучшую сторону происходит по той причине, что в многодетных семьях, во-первых, часто остаются бабушки и дедушки, получающие пенсию. Во-вторых, подрастают старшие дети и начинают подрабатывать. В-третьих, к многодетным семьям выше внимание государства и благотворительных организаций.

Значимых различий по признаку «полностью удовлетворен» между возрастными группами не обнаружено. Среди лиц до 20-летнего возраста в той или иной мере удовлетворены 74,5%. В значительной мере это обусловлено тем, что представители данной группы все еще находятся на иждивении родителей, если даже и устроились на работу, которая не может пока быть высокооплачиваемой. От 21 до 30 лет удовлетворенность резко снижается (39,1%), в следующей возрастной группе (31–40 лет) она снова падает до 46,5%. Падение процента удовлетворенных продолжается и у 41–50 летних (33,1%). В возрасте от 51 до 60 лет снижение удовлетворенности прекращается, даже несколько растет (37,4%) по сравнению с предыдущей возрастной группой. Происходит это по той причине, что женщины, вышедшие на пенсию в 50 лет, и мужчины-пенсионеры — льготники, получающие пенсию до 60-летнего возраста — продолжают работать. Семейный бюджет пополняется и повзрослевшими детьми. В последней возрастной группе (старше 60 лет) процент удовлетворенных снова продолжает падать (28,6%). Как видим, с возрастом удовлетворенность имеет тенденцию неуклонно снижаться.

Степень удовлетворенности жизненными событиями существенно зависит от рода занятий человека (см. таблицу 15).

Таблица 15

Зависимость степени удовлетворенности жизненными событиями от рода занятий (в %)

№ п/п	Степень удовлетворенности	Род занятий						
		Учащиеся	Рабочие	Специалисты	Служащие	Предприниматели	Пенсионеры	Безработные
1	Полностью	4,2	–	0,7	5,9	25	–	–
2	В основном	20,8	14	10,4	11,8	50	–	25
3	Терпимо	44,4	28	36,3	32,4	12,5	20	37,5
Итого:		69,8	42	47,2	49,8	75	20	62,5
4	Нуждается	12,5	12,3	14,1	26,5	12,5	40	18,8
5	Неудовлетворен	12,5	36,8	34,1	23,5	–	40	18,8
6	Ниществуя	2,8	8,8	1,5	–	–	–	–
Итого:		27,7	57,7	49,5	50	12,5	60	37,5

Среди работающих хуже всего материально удовлетворены рабочие. Полностью удовлетворенных в этой группе нет вообще. В этом отношении рабочие оказываются в таком же положении, как пенсионеры и безработные. Меньше всего удовлетворенных выявлено среди рабочих (42,0%), если не считать пенсионеров (20,0%) и безработных (40,0%). Лидируют рабочие по удовлетворенности материальными условиями жизни (57,7%). Из всех групп населения по признаку рода занятий ниществуяют только три группы – учащиеся (2,8%), специалисты (1,5%) и рабочие (8,8%), по рабочим по этому признаку впереди. Среди пенсионеров и безработных никто не считает, что он ниществуяет.

Учитывая, что неудовлетворенность материальным положением в той или иной мере может быть связана с задержками заработной платы, опросный лист предлагал указать причину подобных задержек и высказать свое мнение о путях наведения порядка в данной сфере. Перечислим некоторые причины: неправильная политика правительства (5,6%); руководители распоряжаются деньгами в корыстных целях, «прокручивают», разворовывают (33,5%). Среди мер, которые исправят положение, 8,3% рабочих считают, что нужно сме-

нить правительство и президента. Лучшие всех показатели у предпринимателей. Полностью удовлетворены из них 25%, «в основном» – 50%, «терпимо» положение у 12,5%, всего в той или иной степени удовлетворено 87,5%. 12,5% предпринимателей считают, что «нуждаются», но неудовлетворенных и нищестствующих среди них нет. Объясняется это, во-первых, свойствами частной собственности и, во-вторых, психологическими особенностями людей, выбирающих частное предпринимательство как род занятий.

Показательно, что в отличие от рабочих, которые причины своей неудовлетворенности приписывают хищениям и вводят в смену правительства и президента способ наведения порядка, предприниматели придерживаются по этим вопросам иного мнения. Они не винят чиновников и правительство, а приводит иные причины: «население небогатосововетно платит налоги» (12,5%), «неудовлетворительно работаем» (25%), «много долгов у государства» (12,5%), «неправильная экономическая политика государства» (12,5%). Пути исправления положения они связывают с необходимостью «восстановить работу предприятий» (12,5%) и «навести порядок в стране» (11,3%). Все это можно рассматривать как показатель успешного хода адаптации предпринимателей к новым условиям хозяйствования, чего нельзя сказать о рабочих.

По степени удовлетворенности за предпринимателями следуют учащиеся. «Полностью» удовлетворены среди них 4,2%, «в основном» – 2,8%, считают ситуацию «терпимой» – 44,4%. Здесь меньше, чем во всех группах (за исключением предпринимателей) неудовлетворенных частично или полностью (27,7%). Причины относительно высокой удовлетворенности и низкой неудовлетворенности здесь иные: учащиеся находятся на иждивении родителей. Удовлетворенность или неудовлетворенность большей частью зависит не от собственных усилий учащегося, а от материального достатка семьи. Даже в материально слабо обеспеченных семьях родители за счет ограничения своих потребностей, как правило, стремятся удовлетворить потребности детей.

Несколько неожиданные различия обнаружало исследование по признаку степени удовлетворенности между пенсионерами и безработными. Казалось бы, ветераны получают пенсию, а потому должны жить лучше безработных. Но среди пенсионеров зато бы «терпимо» живет 20,0%. Безработные устроены в жизни гораздо лучше: 25% из них, хотя и не «полностью», но «в основном» «удовлетворены» материальными условиями жизни, а еще 37,5% относятся к ним «терпимо». Получается, что 62,5% безработных – т. е. в 3 раза больше,

чем пенсионеров – материально в той или иной мере удовлетворены. Происходит так не потому, что безработные получают пособия, обеспечивающие большинству безбедную жизнь. Пособия эти мизерные, и получают их далеко не все потерявшие работу. Уйдя с работы, человек вынужден заново пересмотреть все возможные варианты получения доходов и находит наиболее подходящие способы заработка. Поскольку в отличие от работающего на конкретном месте трудящегося безработный имеет больше свободного времени, он почти каждый день ищет новый способ заработка.

Имущественное расслоение населения, как видим, вносит серьезные изменения в уровень удовлетворенности и неудовлетворенности людей материальными условиями жизни. Но оно порождает еще и новые коллизии во взаимоотношениях богатых и бедных, удовлетворенных и неудовлетворенных. Обобщение и контент-анализ ответов респондентов позволяют утверждать, что среди населения были широко распространены следующие чувства:

1. *Чувство неопределяемости* ситуации, невозможности как-то представить себе хотя бы в общих чертах личную судьбу в связи с проводимыми реформами. В поведенческом плане это лишает человека возможности целенаправленно организовать свою жизнь, строить реальные планы.
2. *Чувство неизвестности*, ощущение отсутствия информации. Если неопределенность порождается противоречивостью хода событий, то чувство неизвестности проистекает из того, что люди либо не имеют информации, достаточной для оценки перспектив собственной жизни, либо такая информация имеется, но в нее не верят по разным причинам.
3. *Неуверенность в завтрашнем дне*. Порождается она тем, что с течением времени видимых улучшений в материальных условиях жизни не происходит. Напротив, обстановка ухудшается, деньги обесцениваются, товары исчезают, преступность не снижается, конфликты не смягчаются. Более того, у части населения зарождается настроение бессмысленности, фаталистической предрасположенности событий к неуклонному сползанию к худшему. Неудовлетворенность имеет градации – от сомнений до чувства обреченности.
4. *Чувство несчастья*, хрупкости условий жизни. Даже те люди, которые более или менее приспособились к нынешней ситуации, не уверены, что это надолго. Отсюда – травматизация человеческих отношений, порождение новых конфликтов.

5. Чувство заброшенности, предоставленности самому себе, отсутствия всякой социальной защиты, к которой человек привык за годы советской власти; всю жизнь человека учили надеяться на государство, которое заботится о нем, на трудовой коллектив, а теперь он обречается на выживание собственными силами.
6. *Ностальгия по плановому ведеию хозяйства*, когда ясно, что надо делать, откуда получать средства и материалы, куда направлять готовую продукцию и т.д., и т.в. При этом нет опасности разориться, если не хватает денег – дают дотацию, не выполнил план – снизят его задним числом. В условиях рынка и жесткой конкуренции рассчитывать на списхождение и заботу не приходится.
7. *Встряска рыночных реалиностей* по идеологическим соображениям.
8. *Озлобленность людей*, взаимная вражда по самым разным поводам, предельная озабоченность личной судьбой, озлобленность неудачами доводит людей до крайней степени эмоционального возбуждения, ставит многих на грань готовности к социальному взрыву, к участию в протестных движениях.
9. *Спрых за семью, за ее будущее*, – весьма распространенное переживание в связи с переходом к рыночным отношениям.
10. *Остаточное неравенство стартовых условий*, сложившихся в начале перехода к рынку. Это не побуждает к активности тех, кто не успел создать себе выгодный старт, но настраивает к участию в конкуренции (ибо выигрыш маловероятен, если вообще возможен), сует среди них боязнь вырваться вперед, ненависть к ним, желание вредить им. По крайней мере, установка на мирное сосуществование с более удачливым соседством среди населения встречается пока редко, так как уравнилельные принципы социализма глубоко внедрились в психологию советского человека.
11. Чувство *ограудительного количества рыночных отношений* беспинивству населения страны помимо его воли.
12. *Одуждаие деграия привычных человеческих отношений*, сложившихся в повседневной жизни и хозяйственной деятельности как по вертикали, так и по горизонтали. Партнеры, которые еще вчера были надежными, теряют свою значимость, перестают сотрудничать, происходит обвальное разрушение деловых и личных связей, что не может не вызывать болезненные переживания. Поиск новых партнеров оказывается делом в высшей степени сложным, так как хаос в экономике не дает возможнос-

ти хотя бы приблизительно определить ситуацию, принять соответствующее решение и реализовать его.

Итак, материалы проведенного нами исследования показали, что, наряду с сопротивлявшимся рыночным отношениям, у российского населения в начале XXI в. доминировали чувства разочарования и, в первую очередь, неудовлетворенности сложившейся экономической ситуацией. Психологические ответы давали около 80% опрошенных.

Надо сказать, что и по сей день эти негативные тенденции не исчезли, о чем свидетельствуют аналитические материалы последних лет. Для примера можно обратиться к международным исследованиям удовлетворенности жизнью, которые анализируются посредством индекса удовлетворенностью жизнью А. Уайта. Индекс рассчитывается с учетом субъективного благополучия, состояния здоровья граждан, уровня жизни и доступности базового образования. По результатам исследования 2006 г., Россия занимает 167 место, уступая даже некоторым странам СНГ, таким как Узбекистан, Эстония, Казахстан (Индекс удовлетворенности..., 2006). По данным крупнейшей в мире базы пользовательского контента Numbeo, в рейтинге стран мира по уровню жизни (без учета субъективных показателей) по состоянию на 2017 г. Россия занимает 50 место (Рейтинг стран мира..., 2017), а в 2018 переместилась на 61 место (Уровень жизни..., 2018).

По мнению В. О. Рукавишников, «социальная напряженность — это... индикатор социального кризиса, конфликта. Она возникает, когда кризисные явления еще не проявляются в предельно обнаженном виде, когда отсутствует отчетливо осознаваемое противостояние» (Рукавишников, 1990, с. 3). Невозможность «нормального» удовлетворения потребностей, несомненно, является одним из первых факторов, вызывающих социальную напряженность, порождающих конфликтные ситуации, как отмечает О. Н. Иванов (Иванов, 2005). Таким образом, сложившаяся ситуация говорит о значительном уровне социальной напряженности в современном российском обществе, которая выступает серьезным индикатором не только социального самочувствия населения, но и источником всевозможных социальных и общественных конфликтов.

Проведенное эмпирическое исследование однозначно показало, что экономические условия жизни современных россиян объективно стимулируют у них конфликтные ориентации.

Глава 9

Коррупция как фактор дестабилизации общественных отношений

Коррупция является острой и многоаспектной проблемой современного общества, пронизывает многие социальные институты и становится серьезной угрозой стабильному развитию государства. Так, в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. коррупция названа в числе основных источников угроз национальной безопасности.

Исследователи отмечают, что в современном обществе происходит «корпоративизация коррупции» (Глинка, 2010), начинает формироваться феномен «принуждения к коррупции» (Махеев, 2013), коррупционное поведение превращается в «образ жизни» (Алексеев, 2008), а Россия причисляется не просто к коррумпированным, а к «системно коррумпированным» государствам (Назленко, 2012), где количество желающих дать взятку превышает «коррупционный спрос» (Алексеев, 2008; Журавлев, Юрвич, 2012; и др.).

Коррупция исследуется с различных позиций – экономической, правовой, социальной, моральной и нравственной. В частности, она рассматривается как исторически обусловленный социально-психологический феномен, общенациональная государственная проблема, источник прямой угрозы экономической безопасности государства, глобальная общемировая проблема (Д. Н. Амминов, Е. А. Вандышева, И. А. Сапсай, В. Р. Соловьев, В. Ламмерс, Э. Миттел, С. Роуз-Акерман, Р. Фисман, А. А. Шварко и др.).

Присутствует в коррупции и *психологическая составляющая*, которая имеет самостоятельное значение и, будучи органически включенной в перечисленные выше позиции (социальную, управленческую, этическую и др.), позволяет говорить о формировании новой области психологических исследований – психологии коррупции. С психологической точки зрения коррупция также представляет собой многоаспектное, многоуровневое системно организованное яв-

ление, и число исследований в этом направлении, скорее всего, будет возрастать. К примеру, С. П. Глинкина отмечает, что в современной России расширяются не только масштабы коррупционной деятельности, но и ее объект, продаются не только услуги, но также должности, звания, награды, дипломы, ученые степени и многое другое (Глинкина, 2010). Коррупция имеет психологические последствия: она угнетает субъективное благополучие человека, деформирует правосознание молодежи (Китова, 2016а, б; Соснин, Журавлев, 2003) и т. п.

Коррупция активно изучается современными психологами и становится привычным предметом их исследований. В частности, отечественные ученые уже выделили теоретические и практические аспекты проблемы, исследуют структурные, содержательные и процессуальные факторы коррупции (Ю. А. Антонян, О. В. Вановская, Е. Е. Гаврина, А. Л. Журавлев, Л. М. Захарова, Д. А. Китова, Т. А. Нестик, В. А. Соснин, А. В. Юренич).

Среди наиболее известных направлений исследований коррупции, проведенных российскими психологами, можно выделить следующие:

- психология субъектов коррупционных отношений (А. Л. Журавлев, А. П. Лиферов, В. А. Соснин, А. В. Юренич);
- психологические особенности формирования коррупционного поведения у госслужащих (Е. Е. Гаврина, Д. В. Социцкий);
- психологические методы противодействия коррупции (Ю. А. Антонян, Е. Е. Гаврина, А. В. Молодцова, Т. А. Симасова);
- взаимосвязь коррупции и агрессии (А. В. Юренич, Д. В. Ушаков, И. П. Цаненко);
- психологические причины коррупционного поведения (Ю. М. Антонян);
- психологические особенности вымогательства и взяточничества (К. А. Болотова, О. М. Иванова, В. М. Статный, О. В. Цикайло);
- нравственные аспекты коррупционного поведения (А. В. Сульдина);
- коррупционная устойчивость личности (Э. П. Бахчисев);
- социально-психологические факторы коррупции (С. В. Алексеев, А. Л. Журавлев, А. В. Юренич);
- исторический анализ коррупционных преступлений (Ю. А. Антонян);
- представления молодежи о коррупции, отношении населения к коррупционным правонарушениям (Д. А. Китова).

В трудах российских психологов можно выделить также и новые, формирующиеся направления исследований коррупции: коррупция и ощущение греха; «бифуркационного» состояния современного мира как фактора распространения коррупции; влияния на коррупцию индивидуалистических и коллективистических концепций развития общества; коррупционных угроз государственного уровня и их психологические корреляты; психологических последствий коррупции для развития государства и рыночных отношений.

Состояние социально-психологических исследований коррупции в России

Исследования психологии коррупции развиваются во многих регионах России. Комплексные исследования коррупции проведены сотрудниками Института психологии РАН (Журавлев, Юренич, 2012а, б, в; Вестник, 2010; Вестник, Латвия, 2012; Соснина, 2014; Социально-психологические исследования..., 2016). В частности, А. Л. Журавлев и А. В. Юренич обобщили научный материал по исследованиям коррупции и выделили основные направления ее социально-психологических исследований:

- макроэволюционные факторы коррупции;
- социально-психологические особенности коррупционеров;
- социально-психологические характеристики коррумпированных;
- социально-психологические факторы отношения к коррупции в российском обществе;
- психологические меры противодействия коррупции;
- психологический мониторинг антикоррупционных законов;
- этнопсихологические типы коррупционного поведения.

Этими позициями, конечно же, не ограничивается круг исследуемых психологических проблем коррупции, но они позволяют составить представление о самых важных из них.

Проблема коррупции в России связана как с экономико-правовыми факторами, так и с психологическими, отражающими культурно-обусловленные традиции народа. Среди многообразия психологических особенностей коррупции в России, зачастую способствующих ее распространению, можно отметить такие позиции как: «предпочтение быстрого решения проблем посредством взятки, иллузорной борьбе с бюрократией и (или) коррупцией»; «традиционного осуждения „деносительства“ как отрицательного качества личности»; «идея допустимости коррупции»; «относительно спокойное отно-

шение и равнодушие к проявлениям коррупции»; «недооценка психологического характера коррупции»; «высокая агрессивность общества»; «экономическая оправданность коррупционных рисков»; «открытость и цинизм коррупционных актов»; «запредельные размеры взяток»; «дружеский и родственник круг коррупционеров»; «организованный характер коррупции»; «распространенность «откатов»»; «высокий коррупционный спрос в обществе»; «коррупционный образ жизни»; «сложность отграничения коррупции от традиций дарить подарки» (Алексеев, 2008; Антоян, 2011; Гудков, 2009; Болдырев, 2010; Журавлев, Юренич, 2012а, б, в; Исследование коррупции, 2011; Китова, 2006б; Востик, 2002; Востик, Латов, 2002; Сошни, 2014; Юренич, Ушаков, 2009).

В монографии В. М. Позднякова представлено исследование коррупции в сфере образования: «Согласно обнародованному Верховным Судом РФ рейтингу профессий, в 2008 г. на третьем месте среди осужденных за взятку оказались преподаватели образовательных учреждений» (Поздняков, 2012, с. 26). Опросы общественного мнения свидетельствуют, что 83% родителей считают необходимым для своих детей получение высшего образования и 75% из них готовы пойти на материальные затраты, включая коррупционные. В выводах В. М. Поздняков отмечает «крайне низкую правовую культуру граждан и наличие стереотипов обыденности взяточничества в высшей школе...» (там же, с. 30). Автор приходит к выводу, что коррупцию в сфере образования следует рассматривать не только как проблему системы образования, но и как фактор «блокирования развития нравственной культуры у подрастающего поколения» (там же, с. 31).

В правоохранительных органах России в отношении к коррупции есть своя национальная специфика, и ее необходимо обсуждать (Ашаньев, 2010, с. 164–181).

Своеобразные мысли относительно коррупции демонстрируют и российские чиновники. А. Лифшиц, отвечая на вопрос одной из московских газет, говорил, что активная борьба с коррупцией и организованной преступностью может подорвать экономические реформы. Сходные позиции высказывали А. Чубайс и Г. Петов (Глинкина, 2010, с. 427–455).

В российских исследованиях упоминается «информационная среда, формирующая снисходительное и даже поощрительное отношение к коррупции. Обычно судебные разбирательства над властью имущими тянутся как резина: волокита начинается еще на уровне следственных мероприятий» (Шейкина, 2012, с. 17). «Даже там, где

коррупционное преступление удалось зарегистрировать, раскрыть и довести до суда, наказания коррупционерам назначались настолько мягкие, что говорить о социальной профилактике коррупции и социальном контроле не представлялось возможным» (Алексеев, 2008). «Борьба с коррупцией подменяется борьбой друг против друга различных групп коррупционеров» (Исследование коррупции, 2011), а «призывы к борьбе с коррупцией мы слышим, можно сказать, из самых центров этой самой коррупции» (Болдырев, 2010, с. 458).

В рассуждениях российских ученых все чаще звучат утверждения: «страна абсолютно и полностью погрязла в коррупции» (Болдырев, 2010, с. 460), «практически любые контакты власти и бизнеса в современной России строятся на коррупционной основе» (Глинкина, 2010, с. 440), «если сравнивать различные социальные институты, которые сейчас переносит российское общество, то коррупция, бесспорно, является самым массовым» (Сатаров, 2002), «Коррупция для России страшнее НАТО» (Гудков, 2010) и др. А опросы показывают, что первейшим условием модернизации страны наши сограждане считают жесткую и эффективную борьбу с коррупцией (Мареева, 2012).

Особо тщательного анализа требуют коррупционные правонарушения сотрудников органов государственной власти, которые призваны охранять страну как субъект исторического процесса. Обращение Е. Е. Гавриной, И. С. Хавановой и Т. А. Симяковой к социальным и психологическим характеристикам осужденных за коррупционные правонарушения показало, что те ранее не привлекались к уголовной ответственности за аналогичные преступления (между тем как многие осужденные за общеуголовные преступления ранее уже совершали подобное). Кроме того, эти люди социально адаптивны и коммуникабельны. В целом по совокупности признаков, характеризующих отклонения изучаемой категории осужденных к основным средствам исправления, их отличает положительное в своей основе поведение; участие в воспитательных мероприятиях; активное участие в работе самостоятельных организаций; добросовестное отношение к труду; наличие достаточно высокого уровня образовательной и профессиональной подготовки («Социально-психологические исследования...», 2017).

Как оказалось, большинство осужденных за преступления коррупционного характера не продумывали возможность уйти от уголовной ответственности, как это делала большая половина обследованных, совершивших экономические и общеуголовные преступления.

Более половины лиц, совершивших коррупционные преступления, даже не задумывались о наступлении ответственности за них.

Основная масса обследованных коррупционеров (лиц, осужденных за коррупционные преступления), во многом основанная считает, что наказание назначено несправедливо (отсутствие состава преступления, излишне суровое наказание). Такая оценка нехарактерна для лиц, совершивших общеуголовные и экономические преступления.

Обследуемые уверены, что карьера не является основным мотивом совершения коррупционных преступлений, большинство респондентов указали на иные мотивы: повышение профессионального и душевного уровня, завоевание авторитета среди коллег, друзей и знакомых и т. д. Тем не менее, по мнению сотрудников УИС, опрошенных в качестве экспертов, преобладающей мотивацией при совершении коррупционных преступлений у их бывших коллег является стремление повысить свой материальный уровень жизни, желание удовлетворить самые насущные потребности, стремление жить на широкую ногу и законительство (там же).

Как показывает теоретический анализ проблемы, исследование психологических проблем коррупции получает широкое освещение в современной российской социально-психологической литературе (Г.А. Александров, Ю.Ю. Болдырев, Е.Е. Гавриша, Е.А. Гентна, А.А. Гринев, Г.В. Гудков, А.Л. Журавлев, Д.А. Кигова, С.В. Климовицкий, С.Г. Кареева, И.А. Максимов, О.А. Оберемко, В.А. Соколин, А.В. Юренич и др.). Вместе с тем современные исследования не имеют общей методологической базы, страдают отсутствием системного подхода к изучению проблемы и очень часто основаны лишь на аналитических соображениях авторов (Соскин, 2012).

Выводы российских ученых неутешительны. Одним из главных препятствий борьбе с коррупцией в современной России является корумпированность значительной части чиновников, размытость границ между высшей государственной властью и властвующей элитой, практическая безнаказанность крупных коррупционеров (о чем свидетельствует, например, отмена статьи УК о конфискации имущества коррупционеров, практика небольших сроков тюремного заключения, а то и вообще условных наказаний). Коррупционная система не только производит коррупционных возниц, но и формирует механизмы воспроизводства и замещения корумпированных субъектов.

В целом можно сказать, что проблема коррупции в России не только экономическая и социально-психологическая. Это и проблема

внутренних психологических особенностей и ориентаций российского человека, связанная с его социокультурным архетипом (Соснин, 2014).

Зарубежные социально-психологические исследования

В зарубежных социально-гуманитарных науках проводится исследование как базовых (политических, экономических, социальных) факторов коррупции (Proton, Sampford, Coppens, 2002; Senice, 2004; Srebotc, 2005; Fletcher, Nottmann, 2012; и др.), так и психологических аспектов проблемы. Остановим наше внимание на некоторых, наиболее значимых из этих исследований.

Западные коллеги отмечают, что в первую очередь коррупция возникает из столкновения потребностей бизнеса и потребностей государства, которые по своей сути могут быть противоречивыми (Сосногоф, 2012). Предлагается система мер для противодействия глобальным факторам коррупции: позитивное лидерство, равные права взаимодействия конфликтующих сторон, более жесткие законодательные наказания и санкции (Corruption..., 2009). Анализ роли гражданского общества в процессе контроля над коррупцией показал, что гражданские сообщества в одних государствах слабы, в других разрознены, в третьих их активность и вовсе подавляется, что определяет общее состояние коррупции в этих странах (Campoz, Pradham, 2007; Girling, Girling, 1997; Ball, Newell, 2003; Jonhson, 2005; Kofkin, Saja, 2002; Werse, 2006; Fletcher, Herrmann, 2012; Srebotc, 2005; и др.).

Представляет также интерес сборник статей западных авторов под редакцией С. Розе-Акерман «Международное пособие по экономике коррупции». При оценке возможностей противодействия коррупции авторами подчеркнута необходимость проведения контролируемых психологических экспериментов (International..., 2007). Анализ состояния коррупции в Америке и во многих других странах мира убедительно доказал ее разрушительные последствия для социальной структуры общества (Ruth, Aguilera, Valera, 2008).

В организационной психологии высказываются ряд соображений по дальнейшему исследованию коррупции:

- указывается на необходимость участия в коррупционном разбирательстве независимых общественных организаций, необходимость эмпирических исследований психологических типов коррупционного поведения руководителей;

- акцентируется внимание на массе неуправляемых ситуационных переменных (институциональные нормы, неопределенность окружающей среды, социальные и экономические факторы), которые необходимо учитывать при анализе коррупции (*ibid.*).

Коррупция должна рассматриваться с учетом двух важнейших социально-психологических факторов. Во-первых, она является неотъемлемой особенностью взаимоотношений людей в любых человеческих сообществах, начиная с древних времен, и рассчитывать на ее полное искоренение, видимо, не приходится. Во-вторых, для исследования организационной коррупции необходим мультиуровневый подход, с учетом личностных и коллективных выгод, получаемых при коррупционных сделках. Такой подход к исследованию позволяет выделить новый тип организационной коррупции, обозначаемый как «организации коррумпированных индивидов» (Pitso, Lelava, Pii, 2008).

Для понимания коррупции в организационной психологии представляет интерес исследование динамики и эмпирическая оценка «модели действия». Рядом авторов проанализирована связь мотивационных, эмоциональных и когнитивных параметров поведения коррупционеров, которые обуславливают принятие ими коррупционных решений. Выявление и анализ этих параметров предлагается проводить посредством интервьюирования реальных коррупционеров и «будущих руководителей компаний», которыми с наибольшей вероятностью являются студенты вузов (Rabi, Kohlmann, 2008).

Сформулирована трехкомпонентная модель, выявляющая причины роста коррупции в организациях посредством динамического анализа процессов социальной идентичности (Nieuwenet, Karsen, 2008).

Исследования этической проблемы, как и почему законопослушные индивиды принимают решение участвовать в коррупционных сделках, показали, что ключевым концептом в оправдании коррупционного поведения выступает механизм рационализации, хорошо изученный в социальной психологии. Авторы считают, что механизм рационализации зачастую является механизмом сверхкомпенсации коррупционных действий индивида, поддерживает психологическую стабильность личности и постепенно предрасполагает ее к еще более серьезным актам коррупции (Zyglidopoulos, Fleming, Rothenberg, Steles, 2009).

В поисках ответа на вопрос о факторах, обуславливающих участие руководителей фирм (нарых лиц) в коррупции, авторы обнаружили, что более всего подвержены коррупции те из них, которые

имеют социальные связи с государственными служащими (Collins, Uhlenbruck, Rodriguez, 2009).

Представляет интерес попытка психологов выделить ситуации, которые лежат в основе противоречивого отношения к коррупционному поведению у французов. Выявлены четыре типа отношения граждан Франции к политикам и к фактам их коррупциозности. Сторонники первых двух демонстрируют несогласие с нормативными требованиями государства, а двух других, наоборот, согласны с государственными нормативами и, как следствие, выступают за более жесткое наказание коррупционеров (Lascombe, Tomescu-Natto, 2008).

Путем опросов полномочных представителей государственных органов, направленных на анализ их отношения к коррупции, выявлена взаимосвязь между моральными ценностями общества и коррупцией в публичных отношениях в Уганде (Ndyi et al., 2013).

Среди зарубежных психологических исследований, ведущихся в данном направлении, обобщенно можно выделить исследования следующих проблем: коррупция в основе социально-политического развития цивилизации; коррупция в основе распространения ядерного оружия и терроризма; коррупция как особенность взаимодействия элит; роль гражданского общества в контроле коррупции; коррупция как фактор повседневной жизнедеятельности; психологические техники мотивации к коррупции; личностные ресурсы противодействия коррупции; типы коррупционного поведения в бизнесе; анализ личностных и коллективных выгод при коррупционных сделках; анализ процессов социальной идентичности, обуславливающих рост коррупции в организациях; особенности установок, провоцирующих коррупционное поведение; типы коррупционного поведения; причины роста коррупции в организациях; индивидуальные и групповые типы коррупционного поведения; влияние психологических особенностей личности на поведение коррупционера; анализ психологических причин роста коррупции; склонность личности к коррупционному поведению; особенности коррупциозности руководства бизнес-корпораций; противоречивость определения коррупционного поведения; взаимовлияние моральных ценностей общества и коррупции (Campos, Pradhan, 2007; Corrigan et al., 2009; Grilling, Grilling, 1997; Cockcroft, 2012; Bull, Newell, 2003; Kotkin, Saji, 2006; Johnson, 2005; Rose-Ackerman, 2007; Fletcher, Herrmann, 2012; Spector, 2005; и др.).

В заключение можно отметить, что исследования коррупции представителями западной организационной психологии исклю-

чительно важны для понимания мотивационных оснований, причин и механизмов коррупционного поведения. Тем не менее, разделить узко прагматические исследования коррупции в зарубежных исследованиях строго на социально-психологические и иные (экономические, политические, правовые) достаточно затруднительно. Ближе всего связаны с социально-психологическими проблемами исследования коррупции в сфере организационной психологии (Соснин, Нестик, 2012).

Методологические основы исследования коррупции в отечественной и зарубежной литературе

Отечественные и зарубежные социальные психологи активно проводят как теоретические, так и эмпирические исследования коррупции. Но методологическая раздробленность этих исследований не позволяет выделять единые основания для системного анализа проблемы и требует научного поиска концептуальных оснований и конкретно научного инструментария для комплексного исследования коррупции в современных социально-экономических условиях.

Объективно коррупция как комплексный феномен междисциплинарных исследований объединяет конкретных субъектов этого процесса. На макросоциологическом уровне они представлены институтами государства, бизнеса и общества. На микроуровне (уровне сознательных участников коррупции) субъектами выступают госчиновники, предприниматели и «незримый Другой» (референтная группа или общественное мнение, на негласное одобрение которых опирается легитимация коррупционной деятельности). Эти микросубъекты коррупции (лица, наделенные властными полномочиями, и население) выступают объектом социально-психологического анализа вне зависимости от уровня коррупции (верхушечная, административная, низовая) и ее видов (коррупция в бизнесе, ЖКХ, политике и т.д.).

Макропсихологические аспекты в исследованиях коррупции отражают самые разнообразные проблемы: религии и грехи; «бифуркационного» состояния современного мира; наличия индивидуалистических и коллективистических концепций развития культур; попыток «астранивания» государств в новую цивилизационную парадигму; коррупционных опасностей общегосударственного уровня; международной обусловленности борьбы с коррупцией; сложности отграничения коррупции от других видов правонарушений (например, мошенничества или преступлений против государствен-

ной власти); экономической целесообразности коррупции для развития государства и рыночных отношений.

Все эти позиции накладывают специфический отпечаток на методологические подходы к исследованию коррупции и подбор методов для эмпирического анализа. Так, исследуя коррупцию исходя из базового принципа бизнеса – «как можно больше прибыли для себя», – Моррис с коллегами показали, что этическая ориентация руководящих менеджеров современных компаний скорее подтверждает их приверженность к коррупции, чем приверженность к следованию законодательным нормам государства (Morris, Raffraino, Pozzolini, Agnassoni, 1995). Влияние ситуационных параметров на коррупцию в организациях выявлялось с акцентом на такие эмпирические факторы, как размер «общины» и «время существования бизнес-организации» (Kafri, 2010). В основу экспериментального выявления типологии коррупционного поведения был положен механизм «оправдания» (Lacouture, Tompkins-Hallo, 2008); в основу исследования С. В. Климовицкого и С. Г. Карповой была заложена авторская модель коррупционного поведения: *коррупционная среда – мотивация – коррупционное поведение и коррупционная саморегуляция* (Климовицкий, Карпова, 2016).

С методологических позиций целесообразно акцентировать внимание на междисциплинарной специфике исследования коррупции, на необходимости разработки специфических методологических подходов к изучению ее различных уровней, на сложности разграничения коррупционных правонарушений и других видов экономических преступлений. На современном этапе в основу описания объективных характеристик коррупции заложена схема С. В. Климовицкого и С. Г. Карповой. Тем не менее, можно утверждать, что в социогуманитарных науках не разработано универсального метода измерения коррупции и всеми приемлемой методологии для анализа коррупции, что признается и западными исследователями. При этом разнообразие методологических подходов накладывает дополнительные трудности на разработку конкретных исследовательских методик и их валидацию.

Эмпирические методы исследования и измерения коррупции

Объективные и субъективные показатели коррупции чаще всего выявляются посредством шкалированных методик и связаны с анализом следующих сфер деятельности: импорт и экспорт; связи на-

селения с общественными структурами; ежегодная уплата налогов; использование займов и инвестиций; вознаграждения за выполнение общественных контрактов; влияние законов, политических решений, нормативных актов, способствующих выгоде и интересам отдельных бизнес-структур; получение благоприятных (предпочтительных) юридических решений.

Западные и отечественные исследователи для сбора данных о коррупции используют: Индекс восприятия коррупции (СРІ); Индекс восприятия взятки (ВРІ); результаты оценки функционирования социальных институтов государства (РиИп, 2006); различные оценки природы и степени коррупции, пригодные для ее количественных измерений в конкретных секторах экономики страны; данные опросов полномочных представителей государственных органов страны в отношении их установок к коррупции и др.

Обзор наиболее известных индикаторов коррупции позволяет говорить о пользе составления «Совокупного индекса коррупции» (СРІ). Однако имеются существенные ограничения использования этого индикатора: субъективность восприятия коррупции; проблема интерпретации субъективных восприятий респондентов; излишняя концентрированность исследователей на коррупционерах и игнорирование при оценке коррупции взяточдателей, посредников и «подстрекателей»; неравномерность охвата «зоны действия» коррупции; вынужденное использование недостаточно надежных (косвенных) источников получения данных; вынужденная эксплуатация узкого определения коррупции для каждого конкретного исследования; невозможность объективно точно фиксировать динамику и тенденции развития коррупции (Социально-психологические исследования коррупции, 2017; Gakang, 2006). При этом необходимо отметить практическое отсутствие во многих исследовательских подходах социально-психологического измерения коррупции (Нестик, 2002; Соснин, 2012; Социально-психологические исследования коррупции, 2017).

С психологической точки зрения существует ряд препятствий, которые создают дополнительные трудности при разработке конкретных исследовательских методов. Здесь уместно говорить о междисциплинарной специфике исследования коррупции, о необходимости особых методов изучения ее различных уровней – бытового, корпоративного, межведомственного, государственного, международного.

Исследователи единодушно признают, что непосредственно измерить коррупцию невозможно. Поэтому большинство эмпирических данных о коррупции в академической литературе основываются

(и основывались) на анализе частных событий, полных исследований и интервью. Наиболее рациональный путь для социально-психологического анализа феномена коррупции заключается в разработке индивидуальных опросных методов и иных социально-психологических технологий, дающих гибкий инструментарий для оценки конкретного феномена.

Некоторые значимые результаты эмпирических исследований отношения населения к коррупции и коррупционным правонарушениям

В качестве оснований для эмпирического исследования коррупции можно использовать разнообразные теоретико-методологические подходы: *макросоциологические* (коллективизм/индивидуализм, дистанция власти, маскулинность/фемининность, избегание неопределенности, долговременная/кратковременная ориентация экономик, высокая неопределенность и растущие риски), *методологические* (коррупция как система межличностных и межгрупповых отношений), *методические* (в частности, параметры измерения коррупции), *прикладные* (к примеру, возможности управления коррупционными рисками через легальные способы взаимодействия). Мы остановились на позиции, что для борьбы с коррупцией важно изучение так называемой «третьей стороны» коррупционных сделок — «простого человека», а также норм и ценностей массового сознания.

Наиболее полно отношение личности к коррупции и коррупционным правонарушениям выражается в сфере его экономического сознания. Проблема экономической сферы сознания, как и сознания в целом, имеет маргинальный статус и исследуется в контексте многих научных направлений: экономики, политологии, философии, логики, социологии, педагогики. Каждая из названных наук выделяет в сфере экономического сознания свой аспект и свой же объект теоретического и эмпирического анализа. Имеющиеся в современной психологической науке данные о сфере экономического сознания личности многочисленны и носят разрозненный характер (см. работы О.С. Дейнеки, С.И. Ершовой, А.Л. Журавлева, А.Б. Курейченко, В.П. Познякова и др.). В частности, А.Л. Журавлев определяет экономическое сознание как частную форму индивидуального или группового сознания. Автор относит к основополагающим компонентам экономического сознания следующие феномены: социальные представления об экономических объектах; отношение

к экономическим объектам; социальные установки, стереотипы и предрассудки, связанные с экономическими объектами; осознаваемые экономико-обусловленные эмоции, чувства, переживания; феномен социальных ожиданий, связанных с экономическими объектами; социальная категоризация и интерпретация экономико-психологических явлений. Он отмечает, что этот перечень может быть продолжен (Журавлев, 2004а).

Сфера экономического сознания личности – это свойственная человеку форма субъективного отражения объективных устойчивых свойств и закономерностей организации экономической деятельности государства, предприятий и домохозяйства. В результате оценки социально-экономических условий у человека происходит формирование внутренней модели экономического мира, посредством которой осуществляется познание и преобразование экономической действительности. Экономическое сознание включает в себя свойственные конкретному индивиду социально-экономические переживания (ощущения), представления и отношения.

Исследование экономического сознания личности, тесно связанное с его социально-экономической активностью, стало ведущим методологическим подходом изучения отношения к коррупции различных слоев населения (несовершеннолетних, молодежи и т. д.). В основе эмпирического исследования лежит использование незавершенных предложений. В нем приняло участие более 500 респондентов (Социально-психологические исследования коррупции, 2017). Далее представлены результаты исследования среди различных слоев населения (несовершеннолетние, молодежь и взрослая часть населения), которые позволяют понять общий характер их умонастроений, детерминированных коррупционной ситуацией, сложившейся в стране, оценить масштаб сложившихся обстоятельств, увидеть угрозы социальной стабильности общества, которые заключены в безразличном или терпимом отношении значительной части населения (особенно молодежи) к коррупции.

Эмпирический анализ факторов коррупции в экономическом сознании старшеклассников, проведенный Д. А. Каловой, позволил сформулировать ряд выводов. Концепция экономического самовоспитания в основных своих чертах ко времени окончания школы формируется практически у всех старшеклассников, но у подавляющего большинства она складывается стихийно, оказывается фрагментарной и неадекватной условиям рыночных отношений. Способы, которыми респонденты намерены достичь желаемого экономического благополучия, можно свести в шесть подгрупп: работать в бюджет-

ной сфере; работать по полученной специальности; создать свой бизнес; работать там, где хорошо платят; занимать руководящие должности; работать за рубежом, позиция «пока ничего не могу сказать». Многие старшеклассники связывают свою судьбу с государственными структурами, но весьма своеобразно: трудовая деятельность становится средством получения доступа к распределению материальных и духовных благ, которые находятся в ведении государства. Намерения части старшеклассников, направленные на достижение экономического благополучия, носят откровенно криминальный характер. Здесь ведущим является мнение, что значительное богатство можно нажить только посредством нарушения законодательства, в том числе и через участие в коррупционных сделках. Старшеклассники связывают коррупцию с взяткой (а это еще целый ряд преступлений с использованием служебного положения), с деньгами (хотя это не только деньги, но и предоставление услуг или иных имущественных прав), с вымогательством (хотя это может быть добровольно выраженной благодарностью, реализованная после оказания услуги), с незаконными действиями (но взятка за законные действия по службе — это тоже преступление), с платой за конкретные услуги (но это может быть плата за общее покровительство или попустительство по службе), с действиями должностного лица (но субъектом коррупционного правонарушения может стать любой человек, предлагающий или дающий взятку должностному лицу), с крупным экономическим преступлением (но, вопреки распространенному заблуждению, у взятки фактически нет минимального размера), просто с благодарностью или подарком (но ни один из опрошенных старшеклассников не смог назвать отличия подарка от взятки).

Выделенные в экономическом сознании старшеклассников представления о коррупции позволяют говорить об искаженной оценке ими юридических признаков коррупции. В частности, взятка, вымогательство, оплата за конкретные услуги должностного лица воспринимаются старшеклассниками как «подарок» и не ассоциируются с экономическими преступлениями. Приведенные позиции демонстрируют многочисленные заблуждения старшеклассников в отражении экономических реалий.

Таким образом, в сознании старшеклассников (несовершеннолетних) экономический фактор порождает негативные эмоциональные переживания на фоне ярко выраженной мотивации достижения экономического благополучия. Выявленные негативные экономические позиции могут быть опасны для общества и губительны для самой развивающейся личности.

Молодые люди (в частности, студенты) считают коррупцию опасным явлением в жизнедеятельности общества, которое проявляется в форме экономических преступлений. При этом респонденты выделяют социальные, экономические, культурно-исторические, психологические, правовые и политические причины коррупции; они четко разграничивают причины коррупции как социального явления и коррупционного поведения личности, которое опосредуется системой личных ценностей и не может быть прямым следствием социально-экономического состояния общества.

Эмпирический анализ *представлений молодежи о коррупции* показал, что большинство респондентов (83,7%) указывает на коррупцию как на разновидность экономических преступлений.

К ведущим социальным факторам коррупционного поведения личности респонденты относят наличие традиционно установившейся коррумпированной среды в государственных организациях, вынужденную необходимость следовать стереотипам коррупционного поведения. Они склонны считать, что *древнебытовые культурно-историческая обусловленность* коррупции может расцениваться окружающие как вызов принятым правилам поведения и провоцировать социальное осуждение.

К *экономическим детерминантам* коррупционного поведения респонденты относят низкий уровень жизни государственных служащих, представителей бюджетных организаций и населения в целом. Все эти социальные слои населения имеют еще и низкий уровень социальных гарантий со стороны государства, как считают респонденты. Экономические и социальные детерминанты коррупционного поведения вызывают у респондентов *склонность к коррупционным мерам*, создают вокруг них ситуацию если не одобрения, то поощрения.

В представлениях молодежи о коррупции актуализируются *более 10 сфер ее распространения*, которые имеют с количественной точки зрения разный вес и величину. В представлениях молодежи к наиболее коррумпированным сферам общества относятся судебные и правоохранительные органы.

Анализ полученных ответов позволяет говорить о том, что лишь десятая часть молодежи (9,75%) *осознает социальные последствия* коррупции: рост социального неравенства, увеличение социальной напряженности, снижение качества государственных услуг, дисфункция системы государственного управления, снижение имиджа власти.

В ходе исследования были выявлены индивидуальные особенности представлений взрослой части населения о коррупции, среди которых важное место занимают категоричность, четкость, согласо-

ванность и осмысленность. В частности, респонденты не одинаково ориентируются в проблемах коррупции, разногласия затрагивают представления: о субъектах и предмете коррупционных преступлений; об инцидентах и участниках; об уровнях и масштабах; о степени регулярности (частоты); о мерах и средствах противодействия и т. д.

Полагаясь на мнения респондентов, которым приходилось реально сталкиваться с коррупцией, обобщены социально-психологические характеристики коррупционером. Респондентами выделено несколько структурных блоков данных характеристик: система отношений коррупционера к окружающему миру; природные задатки и способности; психологические особенности поведения; анализ морально-правовых характеристик коррупционера; эмоциональная оценка внутреннего мира коррупционера; стилистические особенности поведения; отношение к работе.

В структуре сложившаяся картина к коррупции обнаруживается наличие моральных, социальных, правовых и экономических противоречий, которые могут оказывать негативное влияние на социальное поведение и психологическое благополучие человека.

Так, практически все респонденты (97,3%) указывают на недопустимость преступлений против внешнеполитических интересов государства (что может свидетельствовать даже о высоком уровне патриотизма), но при этом абсолютное большинство из них (87,9%) считают допустимыми те или иные экономические правонарушения, направленные против государства и/или государственной собственности.

Представления респондентов о коррупции противоречат друг другу в зависимости от того, оценивает ли человек свои действия со стороны «дающего» или «берущего» взятку: разница в ответах на один и те же вопросы в пользу «берущего» составляет 44,9%.

Основная масса респондентов (92,6%) признает коррупцию острой проблемой современного общества. Тем не менее, 69,7% из них утверждают, что им уже приходилось участвовать в коррупционных сделках; более 60% допускают возможность нечестной уплаты налогов в бюджет государства; 37,3% признают, что прибегли бы к «дяде кляк» для положительного разрешения своих личных экономических или социальных проблем.

Социально-психологические основы противодействия коррупции

Реализация профилактических мероприятий по предупреждению распространения коррупции связана с выявлением и устранением ее причин и не ограничивается только совершенствованием анти-

коррупционного законодательства. Основной задачей исследователей становится раскрытие социально-психологических факторов профилактики и противодействия коррупции.

Среди психологических препятствий в противодействии коррупции можно назвать: дефицит воли к преодолению коррупции (власти, государства и всего нашего общества); отсутствие массового характера борьбы с коррупцией (массовые пропагандистские кампании, соответствующая активность СМИ); наличие социальных стереотипов «должного» поведения, в основе которых лежит нежелание различать идеологические доносы и сообщения о нарушении закона; отношении к коррупции как к неагрессивному преступлению, хотя она часто лежит в основе терроризма (вспомним события на Манежной площади, проникновение террористок на взорванный самолет и др.).

Важным направлением участия психологии в борьбе с коррупцией служит психологический мониторинг законов антикоррупционной направленности; диагностика психологических особенностей чиновников; применение специальных психологических методов (среди которых наиболее часто фигурирует полиграф).

Формирование экономического правосознания молодежи выступает еще одним социально-психологическим направлением противодействия коррупции. Экономическое правосознание личности складывается на уровне обыденного сознания, носит неформально усвоенный характер, вбирает в себя систему правовых норм, социальных стереотипов, установок и ценностей. На основе экономико-правовых представлений формируются отношения молодежи к себе и обществу, определяющие характер ее переживаний, особенности восприятия, поведенческих реакций на внешние воздействия, качество системы субъективно-одноточных и сознательно-избирательных отношений к действительности.

В силу неадекватно сформировавшегося комплекса экономико-правовых знаний молодые люди искаженно трактуют коррупционные и коррупционно-обусловленные события и явления окружающего мира, что выступает в качестве деструктивного звена экономико-правовой социализации. Экономико-правовые представления формируются как на основе предшествующего опыта, чувственно связывая настоящее с прошлым, так и в контексте продуктивного воображения, связывая прошлое и настоящее с будущим, что позволяет регулировать внутреннюю организацию, поведение и деятельность личности. Это даст нам право говорить, что формирование адекватных рыночным условиям развития общества экономико-правовых зна-

ний, представлений и отношений молодежи способствует оптимизации их экономического правосознания и может выступить стратегическим направлением противодействия коррупции.

Выделяя перспективные направления противодействия коррупции, можно указать на наиболее актуальные, на наш взгляд, направления: формы участия простых граждан в борьбе с коррупцией (пассивная или активная); условия упрощения технического режима сообщений о нарушении закона; технологии организации психологического мониторинга (антикоррупционной направленности законов и умонастроений населения); исследование коррупционных сетей (например, как формы негативного социального капитала); повышение уровня общественного доверия к социальным институтам; выделение конкретных типологий отношения к коррупции; выявление мотивов коррупционной деятельности; изучение межполюсовых различий в оценке коррупции; анализ механизмов оправдания бытовой коррупции; рассмотрение роли кросс-культурных различий в воспроизводстве коррупционного поведения; формирование антикоррупционных социальных норм и ценностей; исследование закономерностей функционирования неформальной экономики; выявление кросс-культурных особенностей коррупционного поведения; изучение факторов благопрояствования коррупции; анализ социокультурных детерминант формирования коррупционных связей.

Коррупция в современном обществе является сложной и многоаспектной проблемой. Ее успешному разрешению в значительной степени может способствовать обращение к психологическим механизмам противодействия этому явлению.

Проблемы коррупции получают широкое освещение в современной научной литературе. При этом исследовании коррупции все еще находится в зачаточном положении, еще не успело выработать собственной теоретической базы и методологических подходов для разработки и использования полноценного научного инструментария для решения важных социальных и прикладных задач.

Исследования коррупции интенсивно ведутся зарубежными авторами, которые обращаются к решению крупных социально-экономических и международных проблем, но эти исследования отличаются узко прагматическими подходами и отсутствием общей фундаментальной базы для теоретического анализа и обобщения проблемы в целом.

Субъектами коррупционного поведения и одновременно объектом социально-психологического исследования коррупции выступают чиновники и население.

Наиболее полно отношение личности к коррупции выражается в сфере ее экономического сознания. Так, в сознании несовершеннолетних (старшеклассников) экономической фактор порождает негативные эмоциональные переживания, граничащие с коррупционными намерениями. Молодые люди (студенты) уверены, что коррупционные угрозы связаны с низким уровнем жизни населения и с наличием относительно устойчивой коррумпированной среды в обществе. В структуре отношений взрослой части населения к коррупции присутствуют психологически обусловленные противоречия, которые могут оказывать негативное влияние на их самочувствие и поведение.

Подавляющее большинство населения признает коррупцию острой проблемой современного общества, но многие из них сознаются, что прибегли бы к «даче взятки» для положительного разрешения своих личных проблем.

Главными препятствиями в борьбе с коррупцией в современной России являются коррумпированность значительной части чиновников, размытость границ между высшей государственной властью и властвующей элитой, практическая безнаказанность крупных коррупционеров. Отечественные исследователи отмечают, что искоренение коррупции осложняется следующим фактом: склонность к коррупции частично является отражением культурно-обусловленной традиции делать друг другу разнообразные подарки, придерживаться дружеских отношений в сложных жизненных ситуациях («своих не сдать»), привычки искать быстрые решения своих проблем, «суждать «доносительство» и т. д.

Центральными направлениями участия психологов в борьбе с коррупцией могут стать мониторинг законов антикоррупционной направленности; выявление психологических особенностей чиновников; допуск к профессиональной деятельности; применение психологических методов диагностики и профилактики коррупционного поведения.

Основными социально-психологическими технологиями противодействия коррупции являются психологическая экспертиза законодательных актов и диагностика психологических характеристик личности, а перспективными направлениями исследований – формирование антикоррупционных установок и ценностей населения, особенно среди молодежи.

Психологический инструментарий может быть использован в противодействии коррупции для решения самых разнообразных задач макропсихологического, социального и личностного уровней, включая такие сложные для анализа проблемы, как мониторинг общественного мнения или психологическая экспертиза законодательных актов.

Глава 10

Представления о справедливости в детерминации социальных конфликтов

Категория «справедливость» — одна из центральных при рассмотрении различных социальных процессов и явлений в современном обществе, независимо от того, декларируется ли она явно или только подразумевается. Представления о социальной справедливости являются одним из основных регуляторов личностного, группового и межгруппового взаимодействия, определяют динамику общественных процессов, влияют на стабильность функционирования общества и фактически лежат в основе национальной политики государства. Несовпадение национальной политики представлениям о справедливости у разных этносов общества может приводить к социальной напряженности и к социальным конфликтам и катастрофам.

Интерес социальных психологов к изучению проблемы справедливости в XX в. во многом детерминировался философско-социологическими работами по социальной справедливости Дж. Роулса, У. Франкона, Р. Нойника. В современных условиях практически все научные дисциплины — философия, юриспруденция, социология, психология, этнология, политология, экономика и т. д. — в большей или меньшей мере занимаются проблемой справедливости (В. В. Мантатов, А. Д. Урсуд, В. С. Степин, Э. А. Бербенкина, В. Е. Давыдович, В. В. Козловский, Г. В. Мальцев, Р. Дворкин, Р. Нейнка, Дж. Ролза, О. Хоффе и др.). Теоретический и эмпирический (подробнее см.: Сокина, 2005; Голанчик, 2004; Козлов, 2010; и др.) опыт изучения данной проблемы позволяет выделить ряд основных подходов для дальнейшего анализа.

Многомерность феномена справедливости

Проблема справедливости возникает в связи с содержательным пониманием *понятия справедливости*. Рассмотрим подробнее, что может

включать в себя данное понятие, какие тенденции прослеживаются в понимании его специалистами, как это отражается в исследовательской практике?

Традиционно под мотивом справедливости понимается стремление индивида при взаимодействиях с другими людьми вести себя правдиво и честно (Weis, 1984). Проблема заключается в том, что любая социальная ситуация взаимодействия, в том числе и экспериментальная, неизбежно активизирует множество побудительных причин поведения людей, и стремление к справедливости является лишь одной из них. Однако описания типичных экспериментов редко содержат даже упоминание о других мотивах, кроме стремления к справедливости, игнорируя другие побуждения испытуемых (стремление быть щедрым, великодушным, страх наказания, мотив полезности, отстаивание своего статуса и т. д.).

Принципы справедливости – как индивидуальные, так и коллективные – субъективны. Для одних людей справедливо обманывать других и получать от взаимодействия прежде всего максимум выгоды для себя; другие считают справедливым отдать другому, если ты имеешь больше; третьи видят справедливость в том, чтобы по возможности всегда делиться, и т. д.

Классическая теория эквивалентной справедливости Дж. Адамса послужила социально-психологической моделью справедливости, на которую долго опиралась эмпирическая исследовательская практика (Adams, 1965; Юренич, 1981). Она дала толчок развитию других подходов и тенденций исследования данного феномена. Эти исследования можно условно сгруппировать по ряду признаков:

- *по проблематике содержательных аспектов*, рассматриваемых в рамках изучения феномена: концепции дистрибутивной и процедурной справедливости (Р. Фолгер, М. Дойч, Н. Лернер, В. Аустин, Е. Уолстер, В. Розенбаум, Е. Линд, П. Эрли, М. Марк, Т. Тайлер и др.); разработка принципов и критериев оценки справедливости (Дж. Гринберг, Р. Коуэн, С. Браун, Р. Фолгер, М. Дойч, М. Лернер и др.); изучение формирования представлений о справедливости в психологии морального развития личности (Ж. Пиаже, Л. Колберг, Т. Ликона, Дж. Миллер, Е. Каган, Ф. Ламб, С. Хеллингхерст, Б. Нейгартен и др.); изучение многомерности феномена справедливости (Х. Рейс, Р. Фолгер, Р. Ваклунд, В. Аустин, Е. Уолстер, Дж. Родни, Дж. Гринберг и др.);
- *по уровням анализа*: индивидуально-психологический уровень, раскрывающий проблему дистрибутивной справедливости с точки зрения определения критериев, в соответствии с которыми

происходит распределение благ, условий, оказывающих влияние на отношения распределения, а также влияния справедливости самих процедур на оценку конечного распределения; групповой и межгрупповой уровни, рассматривающие соотношения индивидуальной и групповой ориентации при принятии решений о справедливости распределений (М. Дойч, М. Лернер, М. Марк и др.);

- во взаимодействии социокультурного контекста, в рамках которого формируются представления о справедливости (Л. Монтада, К. Лейнг, У. Стефан и др.) (подробнее см.: Соснина, 2005).

Необходимо особо отметить важность связи исследуемой проблемы социальной справедливости с проблемой урегулирования социальных конфликтов. Во-первых, исследование различных аспектов социальной справедливости и механизмов регуляции взаимодействия людей помогает глубже понять динамику развития и разрешения конфликтных взаимоотношений в целом. Во-вторых, понимание критериев оценки социальной справедливости у разных социальных групп в процессе конфликтного взаимодействия помогает эффективнее организовывать и осуществлять конкретные практические мероприятия по урегулированию и управлению конфликтами между различными группами, особенно в межэтнических конфликтах.

В целом, теоретические подходы к анализу проблемы справедливости, основанные на положениях эквивалентной справедливости, по признанию исследователей, являются методологически неадекватными в объяснении формирования представлений о справедливости и комплексного анализа проблемы. Современные тенденции исследований свидетельствуют о многомерности принципов справедливости и моральных суждений индивидуальных и групповых субъектов. При исследовании феномена справедливости необходимо учитывать социокультурный аспект, в рамках которого происходит формирование представлений о ней.

В этой связи остается актуальной проблема выбора более адекватной теоретико-методологической основы, которая могла бы служить интегрированной базой, обеспечивающей реализацию комплексности изучаемого феномена и использование соответствующего исследовательского инструментария. Отсутствие адекватной теоретико-методологической основы исследований обуславливает «методологический субъективизм» и нестрому частных подходов, не решающих комплексно проблему многомерности мотивации справедливости в своей основе.

Исследования проблемы справедливости в отечественной социальной психологии как проблемы конфликта

Начало отечественных исследований в рассматриваемой области можно условно отнести к появлению в 1981 г. работы А. В. Юренича «Критический анализ американских социально-психологических концепций социального обмена» (Юренич, 1981). В рамках межгруппового социально-психологического подхода проблема справедливости затрагивалась в работе В. А. Агеева (Агеев, 1990). Во второй половине 1990-х годов появился ряд публикаций, посвященных критическому осмыслению зарубежных исследований справедливости (Соснина, Эванск, 1997; Гулявич, 2003; Соснина, 2005).

Критический анализ зарубежных исследований проблемы в отсутствие адекватной методологической основы исследований подтолкнул отечественных социальных психологов к поиску комплексного подхода в изучении феномена справедливости. Примером служила работа американского психолога Г. Рейса (Reis, 1981), который поставил вопрос несколько иначе. Во-первых, он признал проблему справедливости многомерной, а также констатировал факт, что в большинстве исследований *остается не определен сам концепт справедливости*: какое содержание вкладывают рядовые люди и сами исследователи в понимание справедливости, когда они обращаются к исследованию этого феномена? Во-вторых, он признал, что ответ на этот вопрос до настоящего времени остается открытым (такимым он является и сейчас, см. подробнее: Skika, Crosby, 2003). Другими словами, он фактически выдвинул проблему выявления *основ составляющих, объединяемых представлений о справедливости*.

Были поставлены задачи выявления подходов и способов, используемых для выделения базовых переменных, вокруг которых могут структурироваться многочисленные правила справедливости, применяемые людьми в повседневных взаимодействиях (в психологами — в своих исследованиях). Для решения этой задачи был выбран подход *одномерного аксиоматичекого и кластерного анализа*. Результаты, полученные Г. Рейсом, позволяют структурировать множество правил справедливости на языке трех базовых переменных:

- 1) *идеализм—реализм* (отложенное удовлетворение потребности — немедленное удовлетворение потребности);
- 2) *межличностная ориентация—материально-статусная ориентация* (т. е. ориентация на получение прежде всего личной выгоды);
- 3) *минимизируемая ориентация (максимизируемая)—субъективистская ориентация*.

Таким образом, получилось трехмерное пространство, в котором вдоль осей распределялись соответствующие правила справедливого поведения.

Оставляя в стороне особенности различия базовых переменных, в целом можно констатировать их принципиальное сходство в одном важном аспекте: у всех переменных на одном полюсе группируются правила справедливости, больше тяготеющие к индивидуалистической материально-статусной ориентации, а на другом – к коллективистической, межличностной или моральной. Если учесть, что правила справедливости выбирались Рейсом из разных философских, исторических и психологических источников (т.е. имплицитно могли включать в себя различные социокультурные основания), то полученные результаты косвенно являются подтверждением детерминации представлений людей о справедливости социокультурными условиями (однако подчеркнем, что такая задача прямо не ставилась в самом исследовании, которое касалось изучения только правил конечного распределения вознаграждений).

Обзор исследований позволяет сделать некоторые выводы. Теоретические позиции и подходы к анализу проблемы справедливости, основанные на полевых теории дистрибутивной справедливости, являются методологически неадекватными для комплексного анализа проблемы. Такая ограниченная теоретико-методологическая основа обуславливает «исследовательский субъективизм» и нестрогу частных подходов, не решая проблему многомерности мотивации справедливости в своей основе. В этой связи встает задача поиска и разработки исследовательских процедур, которые объективно учитывали бы многообразие представлений людей о справедливости. Эти процедуры должны, с одной стороны, опираться на имплицитные теории справедливости личные и коллективные, обыденные представления; с другой – учитывать специфику ситуаций, в которых проявляется многообразие мотива справедливости.

Кросс-культурная проблематика исследований социальной справедливости

Исследования этой проблемы начали проводиться с середины 70-х годов XX в. (см., например: Thibaut, Waller, 1975). Осмысление накопившихся результатов изучения проблемы постепенно подталкивало исследователей к необходимости ее изучения в кросс-культурном аспекте. Это осмысление заставило специалистов обратиться к изучению влияния социокультурного контекста на формирование пред-

ставлений о процедурной справедливости. В данных исследованиях были выявлены и подтверждены три вида взаимосвязанных феноменов, которые не «укладывались» в модели эквивалентного обмена. Первый из них – эффект «процедурного контроля» или «права голоса»: усиление процедурной справедливости, когда процедура позволяла испытуемым, заинтересованным в распределении, выразить свое мнение, т.е. иметь право голоса при решении вопросов распределения (Folger, 1977). Вторым феноменом был назван эффект «восприятия достоинства» (*«dignitary process»*): усиление справедливости тех процедур, применение которых вызвало у испытуемых чувство собственного достоинства и уважения (Lind, MacCoun et al., 1990). Третий феномен – эффект «справедливости процесса» (*«fair process»*): он относится к положительному влиянию справедливых процедур на оценки результатов распределения и на выраженное согласие с решениями о распределении на их основе.

Для объяснения этих феноменов Е. Линдом и Т. Тайлером (Lind, Tyler, 1988, 1991) была предложена модель процедурной справедливости, ориентированной на групповые ценности (*Group-Value Theory*). Эта теория связывает представления о процедурной справедливости с *ценностями референтной группы* индивида и с его *потребностью* быть полноправным членом группы, организации или общества, в которых используются эти процедуры. Кроме этого, были введены понятия «внутреннего» и «внешнего» стандартов процедурной справедливости (*intrinsic and extrinsic standards*). Первая группа стандартов основывалась на положительных связях процедур с потребностью индивида считаться полноправным и уважаемым членом группы. Вторая относилась к описанию тех правил справедливости, которые зависят от ценностей группы в целом, но связанных с вопросами положения или благополучия воспринимающей личности в группе¹. В этой связи Линд и Тайлер утверждали, что внутренние стандарты процедурной справедливости универсальны для всех типов культур («панкультурны»), тогда как внешние стандарты подвержены влиянию ценностей изучаемой культуры. Была выдвинута гипотеза, что люди любой культуры ценят участие в принятии решений, положение и статус в своей группе. Поэтому внутренние стандарты справедливости, основанные на этих ценностях, проя-

1 Например, процедурный стандарт «использование суда присяжных» – это внешний стандарт по отношению к участникам процесса. Наоборот, такое правило процедурной справедливости, как «право на высказывание индивидуальных мнений и суждений», составляет внутренний стандарт.

яются фактически в любом социокультурном контексте. И наоборот, внешние стандарты зависят от ценностей культуры. Данные кросс-культурных исследований, выявляющих проявление эффектов процедурной справедливости, позволили авторам сделать некоторые сравнительные обобщения.

Цикл работ, проведенных К. Лейном с коллегами (Leung, Early, Lind, 1990; Lind, Leung, 1990), дал возможность обнаружить эффект «права голоса» в суждениях о процедурной справедливости у китайцев Гонконга. Сравнение интенсивности проявления этого эффекта у китайских и американских испытуемых выявило сходство показателей рассматриваемого феномена в обеих культурах. В исследованиях М. Такениши и А. Такениши (Takenishi, Takenishi, 1990), изучавших оценки процедурной справедливости японских граждан по отношению к новому налоговому законодательству, была вскрыта ее зависимость от характеристик взаимоотношений с властью. Имеющиеся данные, полученные при изучении «внутренних стандартов» процедурной справедливости, свидетельствовали о том, что эти феномены проявляются в обеих типах культур и сила их выраженности одинакова.

Предложенная Линдом и Тайлером объяснительная схема помогает понять влияние двух ключевых факторов – представлений о справедливости и культурного коллективизма, – детерминирующих ориентацию людей на индивидуальные или групповые интересы. Дальнейшие исследования процедурной справедливости помогут полнее выявить влияние «внутренних» и «внешних» стандартов справедливости на формирование представлений о справедливости в различных социокультурных контекстах (см.: Соснина, 2006).

Подтверждением различного влияния социокультурного контекста на представления о справедливости служат данные кросс-культурных исследований «справедливости мира» (см., например: Fugham, 1993).

Специфика динамики конфликтов в кросс-культурном аспекте

Другим направлением исследований, демонстрирующим влияние социокультурной детерминации представлений о справедливости, являются работы по изучению специфики динамики конфликтов в кросс-культурном аспекте. Эти исследования получили интенсивное развитие в последнее десятилетие XX в. Их данные свидетельствуют о том, что представители разных культурных ориентаций по-разному воспринимают и оценивают справедливость/несправед-

liness возникающих конфликтов, опираются на различные правила и представления о справедливости при выдвижении «справедливой аргументации» в ходе дискуссии и по-разному оценивают функции справедливости суждений при возникновении и разрешении конфликтов.

На пороге третьего тысячелетия в социальной психологии намечилась тенденция расширения предметного поля исследования проблемы справедливости. Среди новых тем можно выделить связь справедливости с идентичностью, т. е. изучение того, что будут считать люди справедливым или несправедливым в зависимости от доминирования того или иного аспекта идентичности в конкретной конфликтной ситуации.

Наблюдается повышение интереса к так называемой ретрибутивной (карающей, негативной) справедливости. Эта проблематика связана с изучением когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций людей в различных ситуациях, воспринимаемых как несправедливые.

Усилилось внимание исследователей к эмоциональной составляющей справедливости – в отношении как себя, так и других людей – в ситуациях, связанных с проявлением справедливости, а также к анализу ситуационных моделей, влияющих на значимость тех или иных представлений о справедливости.

Имеющийся массив данных по социокультурной детерминации представлений о справедливости еще раз демонстрирует многоуровневость и многоаспектность исследуемого феномена. Без учета социокультурного контекста исследования проблемы справедливости будут подвержены влиянию «исследовательского субъективизма» и страдать «этноцентрической» ограниченностью, по меткому выражению Т. П. Емельяновой (Емельянова, 2004).

Теория процедурной справедливости, ориентированная на групповые ценности с постулатами о «внутренних» и «внешних» стандартах справедливости, предложенная Е. Линдем и Т. Тайлором, обладает определенным объяснительным потенциалом для интерпретации результатов исследований справедливости в кросс-культурной перспективе.

Перед исследователями стоит задача поиска или выбора более адекватных теоретико-методологических оснований, которые могли бы служить интеграционной базой, учитывающей многоаспектность изучаемого феномена, а также способствовать выбору соот-

ветствующего исследовательского инструментария, учитывающего эту специфику. Как показывают последние обзоры современных тенденций развития кросс-культурных исследований, теория социальных представлений содержит в себе также возможности.

Проведенный анализ позволяет говорить о содержательных параметрах феномена справедливости, позволяющих организацию дальнейших исследований проблемы. Главные параметры феномена справедливости – это его комплексность и многомерность мотивации, наличие в структуре представлений общих (панкультурных) и этноспецифических элементов и детерминация этих представлений социокультурными условиями жизнедеятельности групповых образований.

Проблему исследований социальной справедливости необходимо включить в контекст проблематики психологии конфликта, чего до настоящего времени в социальной психологии не выполнялось.

Глава 11

Психологические аспекты межнациональных и межконфессиональных конфликтов в современном мире

Проблематика межнациональных и межконфессиональных отношений стала особенно актуальной в конце XX—начале XXI веков в связи с проблемой терроризма как глобальной проблемой современной цивилизации, с крахом политики мультикультурализма европейской цивилизации и с миграционными процессами в ареале Западной Европы из стран Африки, Ближнего Востока с преимущественно мусульманским населением. Нет необходимости приводить статистические данные о присутствии мусульманского населения и потоке беженцев из мусульманских стран в Западную Европу в связи с мультикультурной политикой толерантности. С этими явлениями связан новый аспект проблематики конфликта, который активно обсуждается в СМИ (прежде всего в публицистике), но в психологии конфликта фактически еще не рассматривался.

Проблему межнациональных и межконфессиональных отношений в современной России нельзя изучать вне контекста понимания общих тенденций современного цивилизационного развития: во-первых, изменения глобальной геополитической и социально-экономической ситуации в мире после поражения Восточного блока в противостоянии двух сверхдержав; во-вторых, распада СССР, что, несомненно, дало мощный толчок к обострению межэтнических, этнорелигиозных противоречий и конфликтов во всех регионах мира, включая Россию. Кроме того, идейно-политические, социально-экономические причины возникновения межэтнических и межконфессиональных конфликтов в современной России нельзя рассматривать без анализа проблемы терроризма. И социально-психологические процессы, способствующие росту терроризма, в целом изучены в ряде социологических работ (Виктук, 1993; Кудрявцев, Лушев, Петрищев, 2005; Лушев, 2004; Панин, 2002; Психологи о терроризме, 1995; Терроризм в современной России..., 2001;

Терроризм в современном мире... 2005; Антонян и др., 2006; Дубаев, 2003; и др.).

Терроризм в России имеет давние исторические корни: в деятельности радикальных политических групп и движений царской России в XIX—начале XX вв. (Будницкий, 2000, 2014); в межэтнических конфликтах и так называемых еврейских погромах; в исторических формах этнорелигиозного экстремизма и терроризма на Северном Кавказе в ходе Кавказской войны (Дубаев, 2003), а также в богатой практике государственного терроризма после 1917 г. Как отмечает В. В. Лушев, «причины террористической деятельности называются многие: политические, идеологические, националистические, этнорацистские, этнические, религиозные, психологические, территориальные, географические, социальные, экономические и т. д.» (Лушев, 2004, с. 3—4). «Многие из них могут порождать различные, нередко неспримерные, противоречия и конфликты в обществе, разрешение которых определенные лица, слов, группы, партии и даже целые народы видят только в насильственном переустройстве жизни и даже мира в целом... Главными детерминантами терроризма были и остаются социально-экономические причины, выраженные в представлении населения о социальной несправедливости собственного положения, на которую потом накладываются многие другие обстоятельства. Социально-экономические причины при этом окрашиваются в тот или иной политический, идеологический, национальный, религиозный или психологический «цвет», что еще больше усиливает террористическую направленность различных групп и слоев населения и его отдельных представителей» (там же, с. 157). При всей справедливости вышесказанного, «все же главные причины роста экстремизма и терроризма на постсоветском пространстве имеют экономическую природу» (Кудрявцев, Лушев, Петрищев, 2005, с. 4).

Участники круглого стола «Терроризм в современной России: состояние и тенденции» выделили основные условия воспроизводства терроризма в современной России как общественно опасного явления, имеющего конфликтогенную природу и выражающего серьезные социальные противоречия. Был выделен ряд факторных блоков, способствующих воспроизводству терроризма в российском обществе (Терроризм в современной России..., 2001).

В этой связи показателен анализ проблемы чеченского терроризма, проведенный А. В. Кива и В. А. Фёдоровым (Кива, Фёдоров, 2003). Они отмечают, что чеченский терроризм трудно считать феноменом национально-освободительной борьбы ни с юридической, ни с политической, ни с какой-либо другой точек зрения. Ресубли-

ка не была ни колонией, ни полуколонией: как Татарстан и соседний Дагестан, Кабардино-Балкария и Северная Осетия, она была и остается субъектом Российской Федерации. Поэтому, когда нелегитимный с юридической точки зрения «Общенациональный конгресс чеченского народа» объявил о суверенитете Чечни, это было не чем иным, как мятежом. Установленный Дудаевым режим сразу же проявил себя как террористический, началось массовое насилие по отношению к русскому и вообще нечеченскому населению. В результате из республики бежало большая часть двухсоттысячного русского населения. Под влиянием политической конъюнктуры (президентские выборы 1994 г.) поспешно были заключены Хасавюртовские соглашения, и Чеченская республика стала независимой *de facto*, что не только не изменило ситуацию к лучшему, но, как показали последующие события, резко ее усугубило.

При оценке угроз, исходящих для всего мирового сообщества от терроризма и иных проявлений экстремизма различного идеологического толка, нельзя ограничиваться анализом только внутренних причин и так называемых «субъективных» факторов, целей и мотивации организаторов и исполнителей террористических акций внутри России. Как справедливо отмечают В. Н. Кудрявцев, В. В. Лунов и В. Е. Петрищев, «факторы, определяющие детерминантный комплекс международного терроризма и транснациональной преступности, в основном, носят объективный характер и формируются под воздействием происходящих в мире процессов, в том числе – и не в последнюю очередь – процессов глобализации» (Кудрявцев, Лунов, Петрищев, 2005, с. 5). Поэтому терроризм в современной России – это «явление, касающееся не только внутрисоциальных условий и процессов, но и отношений государства с внешним миром. <...> Трагические события, взрывавшие в 1999 г. ситуацию на Северном Кавказе, последствия которых Россия переживает до сих пор, наглядно продемонстрировали объективную заинтересованность ряда государств дальнего и ближнего зарубежья в ослаблении нашей страны» (Терроризм в современной России..., 2001, с. 10, 9).

На динамику современного терроризма в России большое влияние оказывает и религиозный фактор, когда террористическая деятельность ведется под знаменем ислама. Рост исламского радикализма в современном мире обусловлен рядом глобальных социально-политических тенденций, о чем упоминалось ранее. Особенность современного терроризма, с которым столкнулась Россия на Северном Кавказе, – это сращивание на основе радикального ислама ре-

лигиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого международными структурами. Как отмечает И. П. Добаев, «разрешение проблем политико-институционального строительства в северокавказском регионе, связанных с экспансией идеологии исламского экстремизма и террористической практикой вылазок и их зарубежных покровителей, требует доработки и развития политико-правовых принципов федерализма, а также концепции защиты национальных геополитических интересов России, в том числе и в области противодействия исламскому радикализму. Это противодействие заключается в использовании различных стратегий разрешения конфликтов, в локализации и устранении ключевых факторов, провоцирующих сепаратистские тенденции, а также в реализации системы мер по снижению уровня агрессивности собственно исламского радикализма» (Добаев, 2003, с. 16).

Выскажем также несколько замечаний о специфике условий современного терроризма в России. Воспользуемся анализом этой специфики, проведенным В. В. Виктюком. Автор соглашается, что «наш терроризм по основным характеристикам на землях бывшего СССР вполне вписывается в параметры, определяющие современный этап мирового развития этого феномена. Вместе с тем он в некоторых принципиальных отношениях не укладывается в рамки типовой модели в связи с тем, что он разворачивается в период коренного поворота в развитии страны, отвергнутого в начале XX в. Данный процесс обусловил коренную ломку господствующих экономических структур, политических форм, идеологических установок, нравов, обычаев и традиций. Это вызвало острейшее столкновение социальных интересов различных социокультурных групп общества, усугубляемое тем, что оно проходит непоследовательно и сумбурно. Поэтому, как отмечает автор, «социальные корни отечественного терроризма в принципе более глубоки и мощны, а его скрытые возможности значительнее, чем на Западе. В наших условиях неизбежны и незнакомые Западу „жанры“... Процесс возвращения „на столбовую дорожку цивилизации“ сопровождается у нас беспрецедентным распадом огромной империи» (Виктюк, 1993, с. 47). Вследствие этого произошло обострение отношений между утверждающими свою государственность республиками и автономиями, а также между

1 В этой связи автор отмечает специфику экономического терроризма в стране: поджоги фермерских хозяйств, торговых киосков, убийства предпринимателей, противоправные рейдерские захваты собственности, за которыми в целом преследуют определенную социальную позицию, легко улавливаемые экономические и политические интересы.

ниями и федеральным центром, на первое место вышел терроризм националистической, которому порой сопутствует терроризм религиозный.

Некоторые особенности современного отечественного национализма и терроризма обусловлены геополитическими характеристиками СНГ и собственно России. Данные характеристики включают следующие параметры: огромные территории, многонациональность населения, неравномерность социально-экономического развития регионов, своеобразие исторического наследия, традиций и обычаев разных и народностей страны. Это означает, что в рамках одного политического образования — России — существуют и переплетены все основные направления в терроризме, которые в иных странах существуют изолированно либо при приоритете одной тенденции и незначительности других его разновидностей (там же, с. 46).

Отечественные исследователи выделяют несколько стратегических тенденций развития современного терроризма в России:

- расширение его социальной базы в изменившихся условиях (вовлечение разных слоев населения и формирование у них устойчивых политических устремлений тех или иных террористических организаций);
- превращение его в долговременный фактор современной жизни;
- рост организованности и управляемости террористических формирований;
- создание сетевых блоков террористических организаций в рамках отдельных стран и мира в целом;
- смыкание терроризма и организованной преступности;
- усиление взаимосвязей между государственным, международным и внутренним терроризмом (Авдеев, 2000).

Еще одна проблема — рост неконтролируемой миграции населения из национальных республик с мусульманским населением в центральные регионы страны с населением преимущественно христианской ориентации. Неминуемо возникают противоречия между этническими группами по признаку «крови», по социально-культурным и религиозным основаниям, так как в кризисных ситуациях именно эти параметры выступают на первое место в межэтнических взаимодействиях. Это питает сепаратистские настроения со стороны ряда этнокультурных групп, в том числе и террористические тенденции внутри страны (Соснин, Нестик, 2008, с. 63–64).

Две чеченские войны и постоянные «необъявленные войны всех против всех» на Кавказе оставили и продолжают оставлять глубокий

отрицательный след в сознании населения страны, национальных групп и с христианской, и с исламской ориентацией; присутствуют психологические переживания напряженности и «необъявленного» скрытого конфликта, хотя ситуация и начинает постепенно нормализоваться. В мусульманских республиках юга страны выросло новое поколение, воспитанное в условиях волевого противостояния с русскими, на отрицании общенационального уклада жизни страны с преимущественной ориентацией на общинно-клановые отношения. Детство и юность этих людей протекали в условиях фактической замены современной государственности родоплеменными отношениями с доминированием традиционалистских интересов клана или тайпа над государственными. Официальная риторика руководителей ряда кавказских республик после распада СССР содержала открытые негативные выпады против русского и – шире – славянского населения, что наряду с вооруженными конфликтами обусловило его «исход» в европейскую часть страны. «А неофициальная риторика не просто демонтировала русских, но содержала и явно показательские характеристики, основанные на мнимом комплексе превосходства „гордых народов Кавказа“ над славянскими рабами» (Загатин, 2011, с. 2). Поэтому неудивительно, что представители северокавказских республик, воспитанные в таких условиях и раздражаемые подобными противоречиями, приезжая в центральные регионы России (на учебу, работу или по другим основаниям), подчас испытывают к основному населению одновременно презрение и страх, ставя свои клановые обычаи и привычки выше местных законов, традиций и норм поведения и взаимодействия, результат чего вполне прогнозируем (там же). Ситуация усугубляется тем, что в составе русского этноса растет численность прослойки людей (особенно среди молодого русского поколения), убежденных в ущербности русского народа.

Хотя ситуация в нашей стране в данном случае несколько иная, чем на Западе, опыт Западной Европы в области миграционной политики является достаточно показательным: напряженность между выходцами из арабо-африканских стран и коренным населением стран европейских становится, по оценкам аналитиков, все более серьезной и угрожающей. Это обусловлено ростом криминала среди иммигрантов, а также пренебрежением ими культурных традиций, обычаев и норм поведения коренного населения, нежеланием адаптироваться. Данный процесс длится уже более 30 лет. К настоящему времени ситуация в Западной Европе становится объективно опасной, наглядно демонстрируя беспомощность и крах либераль-

ной политике. Иммиграция в страны Европы стала напоминать вытеснение коренного населения и фактическую колонизацию (добровольную) европейского континента мусульманским населением.

По оценкам демографов, в настоящее время в Западной Европе проживает от 15 до 24 млн. мусульман. Они утверждают, что численность мусульман к 2015 г. удвоится благодаря высокому уровню рождаемости и массовой миграции из стран Северной Африки и Ближнего Востока. В этой связи все большую популярность в Западной Европе приобретают националистические партии и политики. Ведущие европейские лидеры А. Меркель и Н. Саркози (а затем и премьер-министр Великобритании) в начале 2011 г. фактически признали полный крах политики мультикультурализма – желания построить общество, в котором находились бы представители самых разных вероисповеданий и культур при их всеобщем равенстве без кардинального изменения функционирования базовых институтов государства (особенно в законодательно-юридической сфере). Эта идея провалилась и привела к угрожающему росту межнациональной напряженности и конфликтам. Становится понятным, что опора на либеральные «общечеловеческие ценности», за которые выступают США, Европа и западный мир в целом (а вслед за ними это пытаются делать и Россия), практически ничего не сможет объединить (Саблин, 2011, с. 5). Поэтому в большинстве стран ЕС возникает и набирает силу протестные движения коренного населения против неконтролируемой миграции населения из стран Ближнего и Среднего Востока и Африки с преимущественно исламской социокультурной идентичностью.

По-видимому, отрицательный опыт Европы в области «аккультурации» является весьма показательным и мог бы оказаться полезным для руководителей нашей страны с точки зрения правильной коррекции политики в этой сфере. Россия – страна с многовековыми традициями коллективистической культуры. Принципы коллективной взаимопомощи, приоритета общего над частным, следования нравственным религиозным нормам заложены в архаиках всех основных коренных народов России. Поэтому так негативно воспринимается многими «слово» традиционной национальной жизни, ориентация на «встраивание» в систему глобального западного сообщества с присущим ему приоритетом индивидуалистических ценностей.

Немалую роль в обострении межнациональных и межконфессиональных отношений в России сыграл распад многонационального государства – СССР. Системный кризис развития страны (в политической, идеологической, экономической и др. сферах), переход от го-

сударственно-социалистической экономики в экономике, основанной на частной собственности, вызвали в массовом сознании народа отрицательные сдвиги в структуре ценностных ориентаций. Данному процессу до сих пор сопротивляются не только психологические установки и стереотипы коллективных социалистических отношений, но и прежняя народная общинно-солидарная культура России в целом, не приемлющая нормы гражданского рационально-прагматического западного общества и сосуществования. Это неудивительно, поскольку на кризисных этапах развития общества важнейшее значение приобретает такая детерминанта его развития, как тип национальной культуры, или преобладающий тип национально-культурной идентификации общества. Кризис национально-культурной идентичности является одной из наиболее значимых и тревожных характеристик современной России. Как следствие, до сих пор происходит рост этнократических тенденций в национальных республиках страны: в национальных республиках на постсоветском пространстве этнолиты наполняют слова «нация» и «патриотизм» содержанием, отражающим интересы титульных наций в ущерб остальным.

В России на федеральном уровне ситуация совершенно противоположная. Под лозунгом защиты прав народов и прав личности формируется образ многонацленной фрагментированной нации. Такие понятия, как «титульная нация», «государствообразующий этнос», «базовая культура», «пропорциональное представительство во властных структурах», «этническое ядро», «коренные и некоренные народы», исключены из политического лексикона. Сам этноним «русские» либо вообще не употребляется (его нет в конституции РФ), либо употребляется с оглядкой и чаще всего заменяется другим «этнонейтральным» определением – «русскоязычные» (Орлова, 2004). Это вызывает негативные реакции части молодежи на экспансию этнической миграции, рост ксенофобии и обострение противостояния по этническим признакам. Недавние события в стране – в Кондопоге, на Манежной площади и др. – являются в этом отношении достаточно убедительными примерами.

Россия, по стандартам ООН, – моноэтническая страна: более 80% населения в ней русские и не более 10% – национальности с мусульманской культурно-религиозной основой. Однако миграционная политика, проводимая властными структурами (с акцентом на необходимость воспитания толерантности коренного населения к мигрантам), подчас приводит, напротив, к обострению межнациональных отношений. При этом происходит изменение этнической структуры славянских регионов страны – образование обособлен-

ных общин других этнокультурных групп, не склонных психологически к интеграции с коренным населением и потенциально враждебных ему.

Между тем Россия имеет многовековой опыт взаимодействия социокультурных сообществ с христианской и мусульманской ориентацией в одной стране. Этот опыт уникален, и его, несомненно, необходимо использовать и для противодействия терроризму, и для разрешения межэтнических и межнациональных конфликтов.

Прежде всего необходимо восстановление ценностей традиционных конфессий – православия и ислама. Эти ценности в общественном сознании должны выполнять функцию важного воспитательного и социального ресурса общества, служить основой для его духовно-нравственной консолидации. Нужно восстановить связь с тысячелетним духовно-историческим бытием страны и культуры, преодолеть разрыв в исторической памяти и национальном самосознании народа. С этой точки зрения целесообразны разработка и введение в образовательные программы дисциплины, условно называемой «История традиционных религий России». На наш взгляд, данная программа должна включать в себя также и знакомство подрастающего поколения с наиболее известными деструктивными религиозными культурами. Она должна разъяснить их разрушительное влияние на духовное, психическое и физическое здоровье человека. Подобный курс как эксперимент начинает внедряться в практику школьного образования.

Если говорить о мусульманстве, то его религиозное руководство имеет уникальный многовековой опыт проведения канонической религиозной политики, строго соответствующей нормам и положениям традиционного ислама, который проповедует мирное сосуществование со всеми народами независимо от их религиозной ориентации. В Коране закреплены основные ценностные положения и нормы регуляции межконфессиональных и межнациональных отношений и взаимодействий, например:

- необходимо уважительное отношение к представителям других вероисповеданий;
- убийство людей является самым тяжким из всех грехов;
- война может быть оправданной только тогда, когда она имеет строго оборонительный характер;
- в межнациональных взаимоотношениях и взаимодействиях необходимо поддержание социального мира и гармонии;
- экстремизм и терроризм недопустимы во всех формах и проявлениях.

Кроме того, мусульманское духовенство России поддерживает нормальные «деловые» отношения как с руководящим духовенством православной христианской и иудейской религиозных конфессий, так и со светскими представителями государственных структур страны. Это создает нормальную потенциальную основу многостороннего диалога для решения базовых проблем межконфессиональных и межнациональных отношений в стране, включая и проблемы противодействия терроризму, разработки программы воспитания и образования подрастающего многонационального поколения страны, ориентированных на возможность жить в мире и быть патриотами своего Отечества.

Основные центры религиозного образования мусульман находятся вне пределов России. В регионах мусульманского проживания нашей страны существует широко распространенная практика направления своего подрастающего поколения для религиозного обучения за границу – в мусульманские образовательные учреждения и школы медресе. В ряде этих учебных учреждений – и об этом хорошо осведомлены наши мусульманские религиозные руководители – преподаются ваххабитские экстремистские версии ислама. Поэтому получается, что в подобных случаях возникает риск воспитания потенциальных террористов, поскольку ваххабитские религиозные установки лежат в основе идеологии многих террористических организаций, включая «Аль-Каиду».

Сотрудники спецслужб и правоохранительных органов часто сталкиваются с результатами зашумленных и разросшихся до антагонистической стадии конфликтов социального, политического, экономического и межнационального характера (Крамер, 2007). Вместе с тем Россия, повторимся, имеет уникальный опыт их разрешения. Духовные лидеры традиционного ислама в нашей стране стоят на позициях веротерпимости и мирного сосуществования разных религиозных конфессий и социокультурных групп в нашем многонациональном Отечестве. И это – одна из фундаментальных основ прочности нашего государства как субъекта истории, позволяющая надеяться, что, несмотря на грозные вызовы третьего тысячелетия, Россия с этими вызовами справится.

Очень важно также поддерживать «рабочий» диалог светских властей и православных руководителей с мусульманским духовенством нашей страны. Основа этих контактов – понимание догматических особенностей двух конфессий, отсутствие давления друг на друга. Проведение такой воспитательной и образовательной политики в нашей стране должно быть главным направлением

в борьбе с современным терроризмом и суннитальным терроризмом в целом.

Как правильно утверждает известный отечественный политолог А. Ципко, «сама Россия мало что делает для укрепления позиций конструктивно настроенного населения. Что могут ответить наши власти на заявления ваххабитов о том, что наша культура – бесстыдство и пошля – несовместима с исламской культурой? Что в стране с подобным и по преимуществу аморальным телевидением мусульманину невозможно правильно жить, чтобы не впасть в заблуждение и грех? <...> Власть крайне медленно перестраивает свою кадровую политику, идеологию и политическую систему в соответствии с императивом сохранения целостности многонациональной России» (Ципко, 2010, с. 21). Отмеченная проблематика имеет непосредственное отношение к обеспечению национальной безопасности России.

Остановимся подробнее на анализе психологических аспектов современных взаимоотношений христианства и ислама в контексте исследования причин терроризма. Данная проблема в отечественной социальной психологии фактически не обсуждается (кроме отдельных выступлений: Тодуа, 2006; Нечитайло, 2011; Соснина, 2017). Трудно задавать представителям канонического ислама неудобные вопросы. И это понятно. Но тем не менее вопросы остаются.

Терроризм в XXI в. стал одной из основных угроз современной цивилизации, наряду с ядерной угрозой. С этим положением соглашаются многие ученые и политики¹. Как социологический феномен это не только проблема радикального ислама. В истории цивилизации, особенно современной, есть много примеров светского терроризма. Однако невозможно отрицать, что в современном мире терроризм как системное социополитическое и религиозное глобальное явление является феноменом, опирающимся на радикальные версты ислама. Светские варианты террористической активности не идут ни в какое сравнение с размахом терроризма, исходящего от радикальных интерпретаций Корана в современном мире.

1 Анализ глобальных террористических организаций (Аль-Каида, ИГИЛ), их возникновения и активности посвящено много исследований социологов, психологов и политологов. В СМК ведутся дискуссии по этой проблематике. Предлагаются разные концепции мотивации возникновения данного социокультурного и религиозно-идеологического феномена. Обсуждаются и предлагаются разные варианты противодействия (см., напр.: Соснина, Нестие, 2008; Соснина, 2012; Falk, Margolis, 2006; Moghaddam, Marsella, 2004; Robias, 2007).

Возникает фундаментальный вопрос: заложены ли идеи терроризма в исламе (в таком случае в генетической памяти мусульман присутствует «феномен реванша» в борьбе с христианским миром)¹, или же феномен терроризма – это вариант искажения положений канонического ислама как мировой религии, на которой паразитируют преступные радикальные исламские террористические организации?

Вопрос требует системного научного анализа. Исторический опыт свидетельствует о том, что представители всех других религиозных конфессий, кроме ислама, если и прибегают к тактике терроризма, то используют ее не на основании религиозных догм (т.е. организации мироустройства по догматам своей религии), а в борьбе за свою национальную независимость, на основе этнической, а не религиозной мотивации. Со времени возникновения в Аравии ислама и включения в исламскую цивилизацию христианских стран Восточного и Южного Средиземноморья прошло почти четырнадцать веков. С тех пор христианство и ислам сосуществуют как соседи, часто как соперники и иногда – как враги. Обе конфессии считают себя носителями высшего откровения Господня, обещанными шести сто всему человечеству. Поэтому главными мировыми соперниками в этом плане они считают друг друга. Следствием этих духовно-мироэстетических религиозных ориентаций в истории их отношений «...было множество раздоров, начиная с ранних религиозных войн... и крестовых походов... и последующих приливов и отливов мусульманской империи в Европе и европейских империй в странах ислама. В долгой и, увы, не оконченной борьбе сходства разделяют две цивилизации куда больше, чем различия» (Луке, 2003, с. 7–8).

В исламе существует три вида священных текстов: Коран (Священное Писание); Сунна (Священное Предание – описание деяний, поступков и высказываний Мухаммада, которые являются

1 С овладением турками в середине XV в. всем Балканским полуостровом и с последующим захватом Константинополя возникшая европейско-азиатская исламская империя приобрела завершенность. Из своей новой столицы, Стамбула, османские султаны предпринимали ряд новых походов, приведших их на равнины Венгрии и дважды – в 1529 и 1683 гг. – под стены Вены. Европейцам периодически переходили в контрнаступление, особенно в серию войн, известных как крестовые походы. Но в европеизско-исламских отношениях крестовые походы являлись лишь эпизодическими мероприятиями (Соснина, Нестин, 2009). В принципе Османскую империю в XVIII–XIX вв. «остановила» Россия, проводившая с ней около тринадцати войн, в которых не потерпела ни одного поражения и привела империю к краху.

источником правил общественной жизни мусульманства и толкования Корана); хадисы (изложение высказываний Мухаммада в его решении по различным вопросам религии и жизни исламской общины)¹.

Необходимо напомнить также и об институте шариата как совокупности закрепленных Кораном и сунной предписаний, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности и нормы, регулирующие поведение верующих мусульман².

Мусульманские богословы и ученые крайне неодобрительно относятся к европейским исламоведческим школам и вообще ко всяким попыткам изучения ислама представителями других религий (там же, с. 19). Однако реальная жизнь требовала переводов, разъяснения и толкования. Поэтому в течение столетий сформировалась традиция комментирования Корана и сунны. Теологические споры и дискуссии, попытки толкований и комментирования основ ислама не прекращаются с момента его появления до настоящего времени (см., например: Прокопов, 1984).

Многие исследователи рассматривают ислам как религию добра и защищают его против обвинений в том, что это насильственная религия, истеричная к другим религиозным конфессиям, что она нарушает гражданские права, несовместима с демократией и проникнута ненавистью к Западу (Albat, 1999; Coorret et al., 2000; Cowbagg, Faguer, 1998; Dinstein, 1983; Halfiday, 1996; Hefner, 2000; Hutter, 1998). Ученые-мусульмане часто отрицают какую-либо связь экстремизма с исламом и выступают категорически против использования таких понятий, как «ислам», «исламский экстремизм», «исламист», в привязке к террористам.

1 Хадисы стали средством приспособления ислама к новым социальным и идейным ситуациям, которые возникли после мусульманских завоеваний и создания халифата. Сбор хадисов о жизни и высказываниях Мухаммада начался спустя много лет после смерти пророка. Была выработана специальная градация хадисов по степени их достоверности (Тоуда, 2005, с. 29, 31).

2 На протяжении столетий авторитетные мусульманские богословы создали множество трудов, в которых давали толкование тех или иных положений Корана и сунны с целью применения их с учетом требований времени. Естественно, речь при этом шла только о юридическом толковании положений Корана, не затрагивая его духовных основ. В целом мусульмане считают Коран божественным откровением, не подлежащим временному или пространственному восприятию. В идеале Коран не должен переводиться на другие языки.

Рост исламского терроризма на рубеже XX–XXI вв. вызвал к жизни опасную тенденцию – идею отождествления терроризма с исламом как одной из трех мировых религий мира. Причем эта идея присутствует не только в среде рядового населения многих немусульманских стран мира, но и в представлении ряда политиков и общественных деятелей в западных странах, в Израиле и России. Это ошибочная позиция. Последователями традиционного классического ислама, способного к модернизации, являются около 1 млрд 189 человек в разных регионах мира (Жданов, 2003, с. 448). Ислам как мировая религия внес неоспоримый вклад в мировую цивилизацию и культуру. Оспорить это положение и вычеркнуть из истории достижения великих политиков, ученых, поэтов, писателей, творивших под сенью исламской религии, невозможно (см.: Тогуа, 2005, с. 17). Россию населяет порядка 20 млн мусульман, имеющих многовековой опыт совместного проживания с христианами в едином государстве, и эта ситуация уникальна. Идея отождествления терроризма с исламом в целом не просто опасна, для России она – губительна.

Вместе с тем ряд суев Корана дают основание для террористов интерпретировать их как думоупую и религиозно-психологическую мотивацию для оправдания борьбы с неверными (и вообще борьбы с продолжателем христианской цивилизации) и построения исламского Халифата во всем мире. Так, О. Бен-Ладену принадлежит следующее послание: «Право убивать американцев и их союзников – граждан и военных – это индивидуальный долг и обязанность для каждого мусульманина. Он это должен делать в любой стране, в которой это можно делать... Мы с помощью Аллаха призываем каждого мусульманина, верующего в Аллаха и желающего его вознаграждения, исполнить его волю – убивать американцев и похищать их деньги везде, где это возможно. Мы призываем мусульманских богословов, лидеров, молодежь и солдат начать борьбу с сатанинскими вооруженными силами США и их дьявольскими союзниками. И мы должны уничтожить тех, кто стоит за ними, чтобы они получили свой урок» (цит. по: Suicide terror..., 2009, p. 35). После 11 сентября 2001 г. один из представителей «Аль-Каеды» Сулейман Абу Гейс заявил следующее: «Мы имеем право убить порядка четырех миллионов американцев – два миллиона их детей – и согнать с наших земель вдвое больше» (ibid.). Этим заявлением фактически объявлен геноцид против представителей христианской цивилизации. Откуда проистекает это право убивать людей без всякого разбора? Ответ на данный вопрос особенно важен, потому что подобные заявления джихадистов подкрепляются наиболее изощренной религиоз-

ной интерпретацией и комментариями. Его должны дать богословы канонического ислама.

Концепция джихада может быть прочитана — при соответствующей интерпретации — во многих местах Корана. Наиболее важными версиями являются следующие сунны:

- «Сражайтесь с теми из людей Писания, которые не веруют ни в Аллаха, ни в Последний день, и которые не считают запретным то, что запретил Аллах и Его Посланник, которые не исповедуют истинную религию, пока они не станут собственноручно платить дань, оставаясь униженными» (Коран 9: 29).
- «Когда же завершатся запретные месяцы, то убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили, берите их в плен, осаждайте их и устраивайте для них любую засаду» (Коран 9: 5).
- «Вам предписано сражаться, хотя это вам неприятно. Быть может, вам неприятно то, что является благом для вас. И быть может, вы любите то, что является злом для вас. Аллах знает, а вы не знаете» (Коран 2: 216).

Основываясь на этих положениях Корана в его экстремистских интерпретациях, джихад можно определить следующими образом: это борьба с любым человеком, который стоит на пути распространения ислама, и борьба с любым человеком, который отказывается принять ислам как свою религию.

Представители глобального джихада основывают свою духовную идеологию на следующих положениях Корана:

- «Сражайтесь с ними, пока не исчезнет искушение и пока религия целиком не будет посвящена Аллаху. Но если они прекратят, то посягать можно только на беззаконников» (Коран 2: 193).
- «О те, которые уверовали! Сражайтесь с неверующими, которые находятся вблизи вас. И пусть они убедятся в нашей суровости. И знайте, что Аллах — с богобогатырями!» (Коран 9: 123).
- «Вопистину, те, которые сражаются против Аллаха и Его посланника и стремятся сотворить на земле нечестие, в воздаяние должны быть убиты или распяты, или у них должны быть отсечены накрест руки и ноги, или они должны быть изгнаны из страны. Это будет для них позором в этом мире, а в Последней жизни для них уготованы великие мучения» (Коран 5: 33).

Пророк высказывал эти положения в свое историческое время, для воспитания своих сторонников из язычников, и поэтому переносить их на современную историческую ситуацию буквально

по меньшей мере неоправданы. Однако представители глобального джихада продолжают оправдывать ими многие свои убеждения. Является ли их война столкновением цивилизаций или религиозной войной, сравнимой с религиозными походами крестоносцев? Обусловлена ли она прежде всего поведением ненавидимого ими Запада или же это война за установление нового мирового порядка (Халифата) под эгидой шариата? Ответ на эти вопросы дал О. Бен-Ладен в посланиях к своим сторонникам, из которых видно, что речь идет о «священной войне» с неверными: «Мусульманин может при определенных обстоятельствах открыто обманывать и вводить в заблуждение неверных, симулируя дружбу и добрую волю — и даже апостасию — при условии, что его сердце остается верным исламу» (Ibn al-Qayyim, 2007, p. 64). Обращаясь к авторам саудовского послания, которое он рассматривает как абсолютное унижение, оскорбление и покорность перед Западом, О. Бен-Ладен заявляет: «В исламе есть только три выбора: либо стремление подчинить и, следовательно, физическое подчинение неверных власти ислама, так как неправильно позволять неверному жить. Для каждого живого мусульманина вопрос стоит так — либо подчинить неверных и жить под властью ислама, или умереть. Саудовским подписантам принадлежало бы прочесть этот вопрос Западу, иначе они будут похожи на людей, которые прочитали одну часть книги и отвергли другую» (ibid.). И далее продолжает: «Запад ненавидит нас и относится к нам враждебно из-за нашей верности воинствующему джихаду. <...> Все, к чему стремится Запад, — это заставить нас отказаться от доктрины верности воинствующему джихаду. В этом состоит суть их требований по отношению к нам. Действительно ли наши интеллектуалы думают, что реально возможно для мусульман отказаться от этих заповедей просто ради сосуществования с Западом?» (ibid.).

Высказывания О. Бен-Ладена совершенно определенны для него не может быть никакого умеренного ислама. По его мнению, для любого мусульманина выборы в конфликте между исламом и неверными (христианство и иудаизм) совершенно ясны — непримиримая борьба до победного конца вплоть до установления мирового Халифата под эгидой исламского порядка.

Конечно, террористы действительно хотят достижения всех этих целей. Но главное — они хотят переустройства мира по своим религиозно-духовным представлениям, исходя из религиозно-экстремистских интерпретаций ислама, основанных на идеологии вахабизма. «Война мусульманской уммы против неверных... не будет отдельной атакой, но будет длительной борьбой» (Emswton, 2003, p. 114).

Руководство канонического ислама реагирует на ситуации совершения наиболее резонансных терактов однозначно негативно. Однако, несмотря на принципиальное отрицание идеи отождествления ислама и исламского терроризма, многие аналитики и исследователи проблемы международного терроризма ставят ряд неудобных вопросов для духовных руководителей канонического ислама (Тогуа, 2005; Нечитайло, 2011; Соинни, 2016; и др.).

Исламские богословы с большим трудом удержались от искушения объявлять террористические организации сектантскими, не связанными напрямую с исламом как религией добра, мира и справедливости, а паразитирующими на его здоровом теле. Однако, в соответствии с классическим исламом, секты – это не исключение, а закономерное явление. Деление ислама на секты и пребывание в этом состоянии до Судного дня – это важнейшее положение сунны. Об этом говорится в одном из наиболее обсуждаемых хадисов пророка о 73 сектах: «Раскололись нудей на 71 секту. И раскололись назаряне (христиане) на 72 секты. И расколется моя умма (сообщество верующих) на 73 секты»¹ (Игнатенко, 2004, с. 223). Вариантов этого хадиса несколько. В некоторых из них присутствует важное дополнение, суть которого сводится к тому, что все секты попадут в ад, кроме одной.

Таким образом, в исламе бессмысленно искать правоверные и сектантские направления, течения и группы. Тем не менее все они представляют собой единое целое. Это и есть современный ислам – меняющийся, развивающийся, переживающий особый период своей истории. И отрицать, что ислам как религиозная конфессия не имеет никакого отношения к терроризму, – большое преувеличение, как бы руководители канонического ислама ни пытались это сделать.

Существует точка зрения, что необходимо четко и недвусмысленно разделять два понятия – традиционный канонический ислам как мировую религию и исламизм как экстремистское террористическое движение в исламе. Однако эта задача достаточно сложна (Тогуа, 2005, с. 18) из-за невыраженности позиции представителей канонического ислама по этому вопросу.

Когда мировая экспансия исламской цивилизации (турков-османов) потерпела крушение, ислам столкнулся с «неприятным» мировоззренческим выбором для своего дальнейшего развития: либо

1 По подсчетам специалистов, на протяжении второй половины XX в. в мире действовало (существовало, исчезало, объединялось с другими, распадалось и т. п.) порядка от 200 до 300 радикальных исламистских организаций.

приспосабливаться к существующей мировой системе, т.е. христианской концепции национального государства, либо радикализировать свое развитие к неосуннитскому (закрытому и консервативному видению ислама), который противопоставит концепции национального государства и делает акцент на умме, т.е. на универсальном мироустройстве – Халифате, основанном на законах Корана и шариата. Это дало рост исламистских движений в Алжире, Турции, Тунисе, перечислять которые нет необходимости, включая палестинскую организацию «Хамас». Руководитель Турции – Эрдоган – попытался позиционировать себя как наследника Османской Империи, но потерпел неудачу.

Другими словами, война, в которую вовлечен современный мир, является войной духовно-идеологической, религиозной, или, как ее иногда называют, войной идей. Это означает, что современная военная сила хотя и играет важную роль в борьбе с терроризмом, но не должна превращаться в единственный инструмент (возможно, даже ключевой) в достижении победы на стратегическом уровне. Победа будет достигаться с помощью политико-идеологических и психолого-информационных стратегий противостояния (Соснина, 2012). Ключевое положение стратегии противодействия терроризму должно основываться на использовании фундаментальной уязвимости идеологии террористов. Если мы поймем психолого-религиозную природу этих тактик (Соснина, 2016), то найдем и средства, которые помогут противостоять им.

Подобное осмысление проблемы борьбы с терроризмом как системным феноменом на данном этапе должно повлечь за собой корректировку межнациональной политики нашего государства и изменение его законодательной политики в отношении проблемы терроризма.

Глава 12

Терроризм как глобальная форма проявления конфликта цивилизаций

В политологии, социологии, социальной психологии к настоящему времени накоплены огромные массивы исследовательской литературы, посвященные проблеме терроризма. Поскольку терроризм выступает одной из крайних форм проявления современных конфликтов, совершенно оправдано посвятить ему отдельную главу нашей монографии.

Сущность и особенности терроризма как социально-психологического и культурно-исторического феномена

События 11 сентября 2001 г. резко активизировали научную дискуссию о содержании терминов «терроризм» и «международный терроризм». Несмотря на многообразие точек зрения о содержательной природе явления и его классификации, в научном сообществе, как представляется, есть общее понимание сущности терроризма: это противоправные насильственные действия для устрашения, подавления конкурентов, навязывания им определенной линии поведения. Причем конечными целями могут быть социально-экономические, территориальные, идейно-политические, религиозно-этнические и даже более глобальные цели, которые условно можно обозначить как цивилизационные. (Терроризм в современном мире..., 2005).

Успех борьбы с современным терроризмом во многом зависит от знания причин, условий и предпосылок его возникновения и активизации. События последнего десятилетия в мире и в России привлекают повышенное внимание ученых и политиков к проблеме выяснения этих причин (Иванов, 2004, с. 3). Следует отметить, что до последнего десятилетия проблема терроризма исследовалась прежде всего социологами и политологами, а социальным психо-

логи уделяли ей меньшее внимание. Однако начиная с 1990-х годов XX века в мировой исследовательской практике наблюдается резкая активизация социально-психологических исследований данной проблемы.

Оставляя за скобками работы анализа проблемы концептуально-го определения терроризма и классификации его видов (несколько не умаляя при этом ее значимости), представляется оправданным главный акцент сделать на социально-психологическом анализе проблемы терроризма в мировой исследовательской практике. Более конкретно – на проблеме причин возникновения терроризма в современном мире, которые в содержательном плане дадут возможность размышлений о путях и способах противодействия этой «чуме третьего тысячелетия».

Мотивация терроризма на индивидуальном уровне: симптомокомплекс личности террориста

Несмотря на то, что терроризм существовал на протяжении всей истории человечества, до последнего десятилетия он не являлся самостоятельным предметом психологического исследования. Внимание психологов привлекал не столько терроризм как политическое и социально-психологическое явление, сколько личность террориста и мотивы совершения теракта отдельной личностью (Morf, 1979; Realistic, 1991; и др.). Основные усилия были направлены на разработку психологических моделей личности террориста с привлечением соответствующих теоретических обоснований и исследованием мотивов совершения террористических актов.

Полученные в ходе современных исследований данные (см.: Психологи о терроризме..., 1995; Сундиев, Смирнов, 2005; Саскин, 2009; Соснин, Настик, 2008; и др.) позволяют представить симптомокомплекс индивидуально-личностных качеств, характеризующих террориста. В него входят: агрессивность, депрессивные состояния, чувство вины, приписывание себе и другим недостатка мужественности, эгоцентризм, крайняя экстраверсия, потребность в риске и принадлежности к группе, поиск сильных ощущений.

В отечественной психологии были предложены три модели личности террориста (Психологи о терроризме..., 1995), которые в дальнейшем получили свое теоретическое и эмпирическое развитие.

Первая модель – это террорист во *идеалистическом, волюнтаристском и религиозном убеждениях*. Такой тип террориста искренне считает, что его действия, независимо от конкретных результатов, полезны

для общества и любые жертвы для достижения «справедливых» целей оправданны.

Вторая модель опирается на теории человеческой агрессивности, исходя из которых террорист – это просто крайне агрессивный человек по своим личностным особенностям, а его участие в террористической деятельности – всего лишь один из возможных вариантов проявления природной агрессивности. Однако большинство теорий человеческой агрессивности, предложенных мировой психологической наукой (социал-дарвинистская концепция этноцентризма, теория группового narcissизма и инстинкта смерти Э. Фрейда, эволюционные концепции инстинктивной природы агрессивности человека и т. д.), не могут считаться достаточно обоснованными с научной точки зрения и поэтому непригодны для адекватного объяснения психологической природы терроризма.

В качестве третьей модели можно представить случай *психологического или социально-патологического развития личности*, связанного с ненормальными отношениями в семье ребенка. Жестокое обращение родителей с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений могут приводить к формированию агрессивно-ослабленной личности с антисоциальными наклонностями. При определенных условиях люди такого психологического склада легко могут стать адептами террористической организации.

В этой связи теория когнитивного диссонанса подчеркивает роль такого фактора, как вовлеченность индивида в террористическую деятельность: чем более длительным является пребывание человека в составе террористической группы, тем более возрастает его стремление найти идейные оправдания для своих поступков (Вальдман, 1999; и др.). Наконец, известно, что на ключевые индивиды в террористическую деятельность влияет трезвый расчет, субъективная оценка возможных рисков и выгод. Наибольшую роль эта рациональная составляющая играет в криминальном сообществе и особенно в политическом терроризме (Степанов, 1996).

Несмотря на общее ослабление интереса психологов к проблеме индивидуальной мотивации террористической деятельности и сдвиг акцента к социально-психологической проблематике, исследования подобного рода продолжают проводиться.

Социальная и социально-культурная мотивация терроризма

Глобальный характер террористической угрозы, рост числа и масштабов терактов подталкивают психологическую науку к изуче-

нию терроризма как социально-психологического явления. Предметом анализа становятся не столько непосредственные исполнители террористических актов, сколько психологические механизмы воздействия терактов на их жертв и общество в целом, а также социальные и культурные истоки терроризма.

На макроуровне основными предпосылками терроризма являются факторы, связанные с переходным состоянием сообщества (Moghaddam, Martella, 2004; Пани, 2002). К ним относятся: низкий статус социальной группы, отсутствие у ее членов надежды на социально-экономическое благополучие в рамках своей группы, разрушение традиционной системы ценностей, аномия общества. На личностном уровне в качестве факторов активизации террористической активности выступают фрустрация, кризис культурной идентичности, переживание несправедливости в ходе социально-культурного сравнения.

Социально-культурный подход к рассмотрению проблемы терроризма, к анализу социально-культурных условий и оснований мотивации деятельности потенциальных террористических групп признается многими исследователями одним из наиболее перспективных (Moghaddam, 2004). Он сформировался на основе исследований систем убеждения, мировоззренческих ценностей, связанных с социально-культурной идентичностью, и других характеристик террористических групп (Blazak, 2001; Karlan, Marshall, 1996; Inside terrorist organizations, 2001; Atran, 2003).

Основными его положениями принято считать следующие:

- наиболее эффективными является культурно-идентификационный и групповой анализ проблемы мотивации терроризма, а не индивидуально-диспозиционный;
- социально-культурный анализ дает возможность исследовать и идентифицировать культурный профиль условий, повышающих вероятность формирования и развития потенциальных террористических групп;
- наиболее фундаментальной характеристикой культурного профиля потенциальной террористической группы являются групповые стили восприятия социальных изменений и стабильности общества;
- наиболее важные «предусловия» возникновения террористической группы, в принципе, одинаковы, независимо от того, являются ли эти группы антигосударственными или спонсируемыми государством.

Таким образом, при данном подходе делается акцент на характеристике универсальных культурных условий, дающих рост формированию потенциальных террористических групп, при этом признаются фундаментальные отличия в поведении различных террористических групп во всем мире (исламских и еврейских, католических и протестантских и т.п.).

Исходя из этих предпосылок, выделяются следующие самые общие положения, связанные с конкретными социально-культурными условиями и особенностями социально-культурной идентификации, влияющие на вероятность возникновения террористических групп в обществе:

- изолированность социально-культурной группы, зачастую намеренное претеснение и исключение из жизни социума или шире – из восприятия той или иной нации, государства, по причине ее национально-культурной мировоззренческой или религиозной ориентации;
- противопоставление «доброй божественной воли» и «дьявольской воли»;
- восприятие существующего общества как незаконного и несправедливого;
- восприятие необходимости и потребности радикального изменения общества;
- убежденность в том, что идеальное общество – это цель, которая оправдывает средства его достижения;
- убежденность в том, что акты терроризма – это эффективное средство дестабилизации существующего несправедливого строя.

В этой связи многие исследователи терроризма, представители не западной социально-культурной ориентации, обращают особое внимание на то, что для более объективного анализа этого системного феномена западным исследователям полезно хотя бы на время отложить в сторону свои этноцентрические ориентации и попробовать посмотреть на мир иначе. С позиций социально-культурного подхода к проблеме терроризма главное внимание необходимо направлять на анализ и устранение социальных и культурных условий и соответствующих социально-психологических процессов, дающих рост групповому насилию.

Прежде всего массовое насилие – это следствие трудных условий жизни в обществе: тяжелых экономических проблем, политических конфликтов, быстрых социальных изменений, социально-культурной, религиозной и политической дискриминации. Все эти факто-

ры оказывают большое психологическое воздействие на человека. В общей массе населения они фрустрируют базовые потребности людей – в безопасности, положительной идентичности, в чувстве эффективности и контроля над собственной жизнью и перспектив своего существования. С другой стороны, конфликт между социально-культурными группами в обществах, особенно в отношении «вitalных» потребностей, приобретает особую значимость. Кроме материальных составляющих (экономических, трудностей разделения территории и т. п.), они связаны и с психологическими составляющими феномена терроризма, – это часть культурной идентичности. Поскольку базовые потребности воспринимаются фрустрированными и связанными с социально-культурной идентификацией, это превращает конфликт в трудноразрешимый. Поэтому базовый мотив стремления к справедливости, естественно трактуемый разными социально-культурными группами в соответствии со своим положением в обществе, в мире в целом и со специфичной своей социально-культурной идентичности, становится составной частью стремления к сопротивлению и в конечном счете – к использованию терроризма как крайнего средства выживания группы в борьбе за справедливость.

Одним из важных и «трудных условий» современного мира являются быстрые и значительные культурные изменения. Традиционные коллективистические общества, в которых не позволены свобода самовыражения граждан в западно-либеральном смысле или изменения религиозно-идеиных основ своего существования, встают перед лицом особых трудностей, напрямую связанных для них с невозможностью принятия ценностей апостасийной западной цивилизации.

В условиях экспансии западной парадигмы существования жесткое разграничение на «мы» и «они» по социально-культурным основаниям и религиозным ценностям является именно теми базовыми психологическими установками, которые создают условия возникновения современного феномена терроризма.

Кроме того, как утверждают многие исследователи проблем терроризма, международная политика США и негативные реакции на ее осуществление во многих регионах мира объективно дают рост причинам и мотивациям террористической деятельности в современном мире. В этом смысле Соединенные Штаты объективно, независимо от своих национальных интересов, как главные организаторы культурных изменений в мире, в определенной степени являются «козлом отпущения», ответственным за эти изменения.

Разработка соответствующих мер противодействия терроризму, ослабления соответствующей мотивации, программы восстановления баланса в обществе должна начинаться с оценки целей терроризма, его мотивации и реализации действий террористов. Опыт показывает, что есть типичные цели мотивации терроризма и социально-культурные и контекстуальные факторы, способствующие его актуализации.

Независимо от того, являются ли террористы иностранными или «домашними» организациями, можно сделать ряд обобщений, касающихся взаимосвязей между их целями, тактиками и особенностями средств выполнения террористических действий (Ditzler, 2004, p. 188):

- террористы обычно представляют специфические национальные группы;
- их тактики обычно являются асимметричной формой вооруженной борьбы, аналогичной традиционным формам партизанской борьбы;
- их мотивации в целом являются политическими или культурно-обусловленными даже в тех случаях, когда террористические действия на индивидуальном уровне соответствуют общепринятым формам совершения преступных действий;
- террористические действия обычно (типично) направляются на мирное население.

В целом, как показал обзор усилий психологического сообщества в решении проблем современного терроризма, психологическая наука – и отечественная, и мировая, – наряду другими общественными дисциплинами, стремится адекватно реагировать на глобальные вызовы третьего тысячелетия. В настоящее время кризис понимания того, что природа войны, которую объявило мировое сообщество в борьбе с международным терроризмом, в фундаментальном плане является в том числе и психологической. Психологическое сообщество утверждает, что психологическая наука может предложить мировому сообществу ряд решений многих социальных проблем, включая проблему терроризма. Данные в области политической и кросс-культурной психологии, психологии мира, разрешения конфликтов, психологии религии, военной психологии, психологии преступности, психологии социальной справедливости могут использоваться для практической реализации миротворческой функции психологической науки, в том числе и для решения проблем терроризма.

Психологическая наука может реагировать на вызовы международного терроризма по следующим направлениям:

- в обеспечении общих знаний и экспертиз в таких сферах, как отбор и подготовка кадров для борьбы с терроризмом;
- в объяснении формирования террористических установок, предубеждений, фанатизма, гетеростереотипов;
- в работе с жертвами актов насилия и терроризма;
- в формировании в мировом сообществе культуры мира и различия межкультурного диалога;
- в формировании гуманистических установок и ориентаций личности;
- в проведении прикладных и эмпирических исследований конкретных аспектов и вопросов терроризма.

В целом психология как наука воссла позиционировала себя в обществе как вид социальной деятельности, ориентированной на обеспечение нормального, ненасильственного функционирования социума, реагируя на его социальные запросы в исторической перспективе. Суммируя вышесказанное, представляется, что она может и обязана занять одно из ведущих мест в решении глобальных вызовов XXI в., затрагивающих существование человеческой цивилизации.

Глава 13

Психологические проблемы ядерного сдерживания и стратегической стабильности

Изучение социально-психологических аспектов стратегической стабильности и ядерного сдерживания не относится к проблемам, активно исследуемым в отечественной психологической науке, но тем не менее работы в данном направлении ведутся (Журавлев, Нестик, Соснин, 2011, 2012; Журавлев, Нестик, Соснин, 2016; Кошалева, Соснин, 2016). Основную из проблем в начале XXI в. оправдано обозначить как *проблему глобального конфликта*.

В этих работах, кроме анализа методологических и военных аспектов (стратегических рисков, баланса военных сил, ядерных парокков, эскалации доминирования, нанесения первого удара и т. д.), был проведен комплексный психологический анализ данной проблемы. И это оправдано, поскольку при совершенствовании стратегических вооружений и диспропорции потенциалов у ядерных держав психологические параметры становятся не менее важными для обеспечения стратегической стабильности и ядерного сдерживания, чем собственно техническое превосходство.

Геополитическая психология как направление исследований глобальных проблем ядерного сдерживания и стратегической стабильности

Не так давно в отечественных исследованиях было заявлено положение о новом направлении в психологической науке — *геополитической психологии* (Журавлев, Нестик, Соснин, 2016). Оно призвано изучить предпосылки отношения личности и группы к глобальным политическим феноменам, установить роль психологических механизмов в поддержании стратегической безопасности и устойчивого развития человечества. Отличие геополитической психологии от психологии международных отношений состоит в том, что рассматри-

важные в ней проблемы носят глобальный характер, затрагивают все человечество, а не только отношения между теми или иными конкретными странами. В этом отношении геополитическая психология находится в русле макропсихологического подхода (Макропсихология..., 2009).

К сфере макропсихологического анализа относятся ряд базовых явлений общества: социально-политическое и духовно-нравственное состояние общества и его консолидация, его социальное самочувствие, базовые проблемы, связанные с безопасностью страны (проблема коррупции, наркомании, терроризма и ряд других проблем). Если традиционными объектами психологического исследования являлись отдельные психические процессы (память, внимание, мышление и др.), личность, малые и большие группы, то макропсихология изучает психологические явления, релевантные обществу в целом. Геополитическая психология расширяет круг объектов психологического исследования, включая в него глобальные социальные процессы и человечество в целом.

Итак, предметная область геополитической психологии включает ряд феноменов. Во-первых, это особенности индивидуального отношения к глобальным политическим явлениям и процессам, проявляющиеся в результате межличностного, интрагруппового и межгруппового взаимодействия, а также к социально-психологическим процессам на уровне общества в целом. Во-вторых, предметом изучения является влияние глобальных процессов и явлений на социально-психологические характеристики личности и группы (например, влияние роста информации о глобальном политическом кризисе на коллективные эмоциональные состояния в больших социальных группах). В-третьих, геополитическая психология изучает особенности отношения к глобальным проблемам в групповом сознании и в совместной деятельности, несводимые к психологическим характеристикам отдельной личности и группы (например, механизмы защиты позитивной групповой идентичности при формировании коллективных представлений о потенциальных глобальных рисках).

Таким образом, опираясь при анализе проблем ядерного сдерживания и стратегической стабильности на концепт геополитической психологии, мы обязаны будем проанализировать и психологические аспекты ядерного сдерживания и стратегической стабильности в разных регионах мира. Следовательно, нас будут интересовать отношения США и Китая, включая Японию и Корею; отношения между Индией и Пакистаном; проблематика получения ядерного оружия другими странами и т. д.

Концептуально-понятийный язык описания исследуемой проблематики

В середине XX в. процесс осмысления роли и места ядерного оружия в современном мире и последующие шаги по его сокращению и ограничению предопределили потребность выработки «единого понятийного языка» в использовании терминов, т. е. необходимость введения единого концептуального инструментария для специалистов, занимающихся данной проблематикой. Представляется оправданным воспользоваться результатами ряда работ, в которых в том или ином объеме рассматривается концептуально-понятийная проблематика языка описания данного направления исследований (Кожокин, 2003, 2009; Голованов, Плотниковский, 2008; Вопросы безопасности..., 2009).

Положения и параметры концепции стратегической стабильности начали формулироваться учеными, военными и государственными руководителями стран после резкого наращивания стратегических ядерных сил СССР и США с конца 1950 – начала 1960-х годов. В тот же период появляются и первые психологические работы в этой области. Тогда американская сторона в выработке своих стратегических позиций большую роль отведла исследователям корпорации «РЭНД», проведенным на основе методов системного анализа и психолого-математического моделирования. Эти разработки использовались для аналитического обеспечения американских позиций в переговорах с СССР по проблемам ограничения и сокращения стратегических вооружений. Термин «стратегическая стабильность» был зафиксирован в Договоре между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987 г.), а затем – в Договоре о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1, 1991 г.). В тот же период сформулировали принцип *равности и одинаковой (равной) безопасности сторон* при ведении переговоров в области ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений (путем поиска и достижения договоренностей, повышающих взаимную, устраняющих стимулы для нанесения первого ядерного удара и отражающих взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными средствами).

В исследуемой проблематике к числу основных концептов относятся «международная безопасность», «стратегическая стабильность», «ядерное сдерживание», «ядерный кризис» и «ядерный конфликт».

Концепция международной безопасности является категорией, отражающей стабильное, неконфликтное функционирование сис-

темы международных отношений между субъектами мирового исторического процесса. Это предполагает наличие у субъектов (исходя из защиты своих национальных интересов) мотивации к сохранению стратегической стабильности в международных отношениях (с учетом имеющегося у них потенциала — экономического, военного, территориального, научно-технического, дипломатического и др.), а также наличие у них потенциала возможностей (экономического, военно-стратегического и другого плана) для оказания соответствующего воздействия друг на друга для блокирования действий, ведущих к эскалации противостояния и роста конфликтности в международных отношениях.

В данной связи концепцию стратегической стабильности операционально можно определить следующим образом: «это состояние военно-стратегических отношений между государствами и группами (блоками, союзами) государств, которое характеризуется длительным и устойчивым балансом сил, приводящим к устранению опасности возникновения ядерного конфликта (ядерной войны) и не позволяющим ни одной из сторон рассчитывать на достижение военно-политических целей путем агрессии без неприемлемых для себя последствий» (Вопросы безопасности..., 2009, с. 30). Другое, близкое определение дает А. А. Кокошин: «Это состояние неспособности сторон нанести такой упреждающий удар, который позволит вывести из строя подавляющую часть ядерных сил другой стороны, способных нанести ответный удар возмездия» (Кокошин, 2009, с. 65).

К этой базовой концепции примыкают понятия кризисной и региональной стабильности, которые, по существу, отражают ее содержание. Кризисная стабильность — «это состояние стратегических сил сторон, при котором ни одна из них не решается первой применить стратегические ядерные силы в кризисной ситуации» (Вопросы безопасности..., 2009, с. 22). Региональная стабильность — «это состояние межгрупповых отношений в рамках региона, которое характеризуется устойчивым равновесием сил противостоящих сторон в возможности решения спорных проблем без военного вмешательства» (там же, с. 29).

Содержание концепции ядерного сдерживания определяется следующим образом: «это концепция, согласно которой наличие у государства ядерного оружия является главным фактором, удерживающим потенциальных противников (агрессоров) от развязывания против такого государства войны (обычной, крупномасштабной, ядерной) в виду угрозы возмездия агрессору и нанесения ему

непримлемого ущерба» (с. 33). В этом смысле концепция ядерного сдерживания включает в себя ряд близких понятий – возмездие, рап-ноуэкссе, дэскалация агрессивности, демонстрация силы, предотвращение войны и т. д.

С другой стороны, ядерное сдерживание – это такое состояние ядерных потенциалов сторон, при котором у каждой из них устраняются побуждающие мотивы к развязыванию ядерного конфликта (ядерной войны), исходя из непримлемых для себя последствий в результате ответных действий другой стороны. Другими словами, концепты стратегической стабильности и ядерного сдерживания являются очень близкими, но если концепт стратегической стабильности определяет цели, то концепт ядерного сдерживания определяет механизмы и способы (аргументацию) достижения международной стабильности.

Кроме того, в концептуально-понятийном описании проблематики стратегической стабильности и ядерного сдерживания существует ряд дополнительных представлений, имеющих прямое отношение к ее психологическим аспектам. Для этих целей воспользуемся аналитическими рассуждениями одного из ведущих специалистов в данной области исследований – академика А. А. Кокошкина: концепция стратегической стабильности и ядерного сдерживания основываются на учете «политических, политико-психологических и оперативно-стратегических факторов» (Кокошкин, 2009, с. 7), и поэтому в вопросах обеспечения стратегической стабильности, кроме учета тенденций и закономерностей развития военной мысли (различных средств поражения) и динамики изменений в мировой политике, необходимо учитывать «психологию лиц, принимающих решения» (там же, с. 18). Одна из сложностей обеспечения стратегической стабильности (помимо материальной основы ядерного сдерживания) «состоит в том, что люди, формулирующие политические установки... не всегда четко представляют себе и современную оперативно-стратегическую сферу, и военно-техническую, не имея к тому же „под рукой“ необходимой группы экспертов, ученых соответствующей квалификации» (с. 20). Проблема стратегической стабильности – это комплексная междисциплинарная проблема, но она «в значительной мере – предмет когнитивной и политической психологии, которые в нашей стране развиты, к сожалению, в явно недостаточной степени» (с. 21).

Современные тенденции развития геополитической ситуации в мире (объективное ухудшение американо-российских отношений, нарастающие глобальный кризис, становление «китайского «геопо-

литического синдрома» и др.) объективно актуализируют проблему обеспечения стратегической стабильности в двудипных отношениях «Россия–США». «Именно от этих отношений, несмотря на возрастание роли других факторов, зависит обеспечение политико-военной и военно-стратегической стабильности в системе мировой политики в целом» (с. 24). При этом тенденция объективного отставания в количественном отношении российских стратегических ядерных сил по сравнению со стратегическими ядерными силами США будут иметь для нашей страны негативные последствия политико-психологического и военно-стратегического порядка.

Обеспечение глобальной и региональной стратегической стабильности тесно связано с вопросами распространения ядерного оружия. Перспективы появления новых ядерных государств, с непредсказуемостью их политико-военного и военно-стратегического поведения, отличающегося от поведения «клуба» и «старых» ядерных держав (РФ, США, КНР, Франции, Великобритании), и недавних членов «ядерного клуба» в лице Индии и Пакистана (не говоря уже об Израиле), создают новые угрозы и риски.

Понятие «стабильности» базируется на положении о степени вероятности выведения объекта (в нашем случае — системы стратегического ядерного взаимодействия сторон) из наличного (устойчивого) состояния. Обращение к данному понятию логически подразумевает разговор о степени вероятности возникновения ядерного кризиса и ядерной войны при изменении соотношении и структуре военных (в первую очередь стратегических) потенциалов сторон.

Главным фактором стабильности, по словам А. А. Кокошина, является наличие «потенциального барьера, преодоление которого в результате внешних возмущений означало бы переход военно-стратегической „суперсистемы“ в новое качественное состояние — от взаимодействия, характерных для мирного времени, к взаимодействию, определяемому принципиально отличной военной логикой, логикой, ведущей к ядерной стратегической войне» (Кокошин, 2009, с. 60). Устойчивость равновесия системы зависит от соотношения потенциалов сторон, от степени вероятности нарушения сложившегося баланса одной из сторон и от вероятности нейтрализации другой стороной нарушения баланса и восстановления равновесия.

Понятия «равновесие» и «стабильность» по содержанию синонимичны, они отражают одно и то же состояние стратегического соотношения сил сторон, хотя в последующей трактовке специалистами произошла определенная модификация: термин «равновесие» стал использоваться для отражения количественных параметров су-

«существоющей «суперсистемы», а понятие «стабильность» – для качественной оценки ее состояния.

Для анализа расчета степени устойчивости исследователями была введена категория «динамического диапазона (или запаса устойчивости)». «Наличие такого диапазона, понимание его масштабов создают весьма важные условия для маневра на переговорах... для выработки... гибких подходов к формулировке договоренностей» (там же, с. 64). Расчет этого динамического диапазона «представляется особенно важной и актуальной задачей... при выработке подходов к строительству стратегических ядерных сил и к переговорам по ограничению и сокращению таких вооружений» (там же).

В этой связи для анализа состояния стратегического сдерживания специалисты вводят еще один концепт – понятие *неопределенности возможности нанесения decisive ядерного удара*, способного парализовать имеющийся ядерный потенциал противника до уровня, не позволяющего ему нанести адекватный ответный удар. Наличие возможности снизить степень неопределенности до достаточно убедительного уровня (для обеих сторон) имеет важные психологические последствия для достижения стратегической стабильности (соответствующей аргументации в ходе стратегических переговоров): «повышенная степень неопределенности для обеих сторон действует в направлении повышения устойчивости военно-стратегического равновесия, а не наоборот... И одним из средств, обеспечивающих такую стабилизирующую неопределенность, является соответствующий ограничивающий договор» (с. 66), поскольку масштабы «неприемлемого» ущерба могут быть разными в восприятии разных высших руководителей одной и той же страны (с. 69).

Другими словами, в психологическом плане политикам необходимо обязательно учитывать социально-психологические механизмы и феномены принятия групповых решений по вопросам стратегической стабильности и ядерного сдерживания. Нужно понимать того, «что под воздействием сложной совокупности политико-психологических факторов, с появлением мотивов и форм поведения далеко не рационального характера, даже частично эффективная противоракетная система может передеть у государства, обладающего ею, опаснейшую иллюзию возможности отразить менее мощный ответный удар другой стороны после того, как он будет ослаблен и дезорганизован внезапным ядерным нападением на ее стратегические силы и систему их управления и связи» (там же).

Внезапное ядерное нападение и победа невозможны, если нападающий не в силах предотвратить ядерного возмездия или снизить его

мощь для себя до «приемлемого» уровня. Можно считать, что именно в этом «в наиболее агрессивированном виде и выражается суть стратегии ядерного сдерживания» (там же).

Поскольку теория и практика стратегической стабильности и ядерного сдерживания каждой нации специфична, отражает традиции национальной психологии, особенности национальной политической и военной культуры, анализ психологических аспектов данной проблемы приобретает национальное своеобразие.

Проблема предотвращения эскалационного доминирования

Концепция эскалационного доминирования заимствована из социальной психологии конфликта и переговоров, или конфликтологии, как ее называют социологи (Журавлев, Соснина, Красников, 2004; Левинский, Сондерс, Барри, Минтош, 2006). Это «стратегия поэтапного повышения готовности одной из сторон в условиях политико-военного кризиса, т. е. повышения „порогов“ готовности одной из сторон к нанесению ядерного удара другой стороне для демонстрации своих намерений в политике-военном противостоянии в ходе международного политического кризиса» (Кожешки, 2009, с. 87). К этому концепту ближе примыкают понятия «ядерный порог», «ядерный паритет», «военное превосходство», «военная опасность», «демонстрация силы» и ряд других сопоставимых концептов (см. подробнее: Вопросы безопасности..., 2009; и др.). Одним из ярких и показательных примеров реализации такой стратегии является динамика противостояния между СССР и США в ходе Карибского кризиса в октябре 1962 г.

С категорией эскалационного доминирования непосредственно связана собственно и концепция «ядерного конфликта», или «ядерного кризиса» — «критической ситуации, в которую вовлечены один или несколько обладателей ядерного оружия, в ходе развития которой эскалация доходит до уровня, когда одна или более сторон начинают рассматривать практическую возможность применения ядерного оружия» (Кожешки, 2009, с. 4). Ближайшим концептом является понятие ядерного порога: это условный момент в ходе военного конфликта, когда одной из сторон может быть принято решение применить ядерное оружие. Такая позиция коррелирует с ожиданием ответного удара, т. е. чем сильнее возможность ответного ядерного удара, тем ниже вероятность принятия подобного решения и, следовательно, тем выше ядерный порог.

В связи с необходимостью противодействия стратегии эскалационного доминирования возникает ряд важных проблем военно-политического и психологического порядка.

Во-первых, это проблема необходимости разработки (и наличия) «максимальной системы кризисного управления»¹, содержащей отработанные механизмы² урегулирования конфликтных и кризисных ситуаций и включающей в себя прежде всего высший государственный уровень, а также разведслужбы и механизмы дипломатии, «испochку» управления вооруженными силами — от стратегического до тактического уровня.

Во-вторых, это проблема изучения *психологии субъектов поведения* перед лицом проблематики стратегической стабильности и ядерного сдерживания, принимающих стратегические решения: их индивидуальные личностные качества могут существенно влиять на принятие стратегических решений. «Помимо официальных лиц, ведущих вопросы войны и мира (т. е. высшего политического и военного руководства страны. — В. С.), это и соответствующие министры, начальник Генштаба и ряд его заместителей и помощников, и советники. Многие из них формально не имеют отношения к политико-военным проблемам, особенно ядерным, но на деле могут в критической обстановке, как учит опыт истории, иметь не меньшее влияние, чем те, кому положено по должности готовить решения высшего руководства и обеспечивать его реализацию» (там же, с. 6).

В-третьих, это *психология кризиса групповых решений*. Исключительно важна политико-психологическая устойчивость не только высшего политического и военного руководства, но и всей группы кризисного реагирования в условиях ядерного кризиса. При принятии групповых решений, особенно в кризисных ситуациях, возникает

1 «Важность наличия такой системы кризисного управления до сих пор недооценивается на уровне, не в государственном аппарате, в политическом классе в целом. Эта тема остается практически без внимания в отечественной конфликтологии... что связано со слабо выраженной традицией проведения серьезных психологических (можно добавить, и политико-психологических. — В. С.) исследований с использованием крупных массивов эмпирических данных» (Ковалкин, 2003, с. 89).

2 По существу, это стратегия (или механизмы) управления публичными демонстрациями готовности одной стороны противодействовать эскалации доминирования другой стороны. Такие демонстрации являются важной стороной искусства «стратегического жеста» и включают в себя, кроме военно-стратегических, и психологические составляющие (выбор оптимального времени демонстрации, форма подачи этих жестов в СМИ, запрограммированные «уточки информации» и др.).

ряд психологических эффектов, которые могут существенно влиять как на эффективность принимаемых решений, так и на вероятные последствия их реализации. Сюда входит проблема формирования и выработки правил функционирования независимой экспертной группы из числа специалистов соответствующего профиля, выполняющая роль посредников при принятии групповых решений и составлении рекомендаций высшему руководству страны.

Наконец, в-четвертых, это собственно проблематика психоаналитической специфики ведения переговоров по вопросам стратегической стабильности и ядерного сдерживания с другими международными субъектами этого процесса.

Парадигма поведения России в переговорных процессах с Соединенными Штатами (с достижениями возможных соглашений на договорной основе) по проблематике стратегической стабильности и ядерного сдерживания должна строиться с учетом как новых политико-военных и военно-технических реальностей, так и специфики психологических закономерностей взаимоотношений между субъектами мировой политики с учетом данных психологической науки. В связи с необходимостью противодействия стратегии эскалационного доминирования в международных отношениях основных ядерных держав возникает ряд важных проблем психологического и социально-психологического порядка.

Проблемы ядерного сдерживания как объект психологического исследования

Анализ психоаналитической проблематики ядерного сдерживания позволяет сделать следующие основные выводы.

Предметным полем психологии ядерного противостояния являются психоаналитически закономерности тонки ядерных вооружений, индивидуальные и групповые психоаналитические характеристики, влияющие на решения о сокращении ядерного оружия, его создании и распространении, отношении к его производству и возможным последствиям ядерной войны.

В качестве *объекта* психологии ядерного сдерживания могут выступать личность, малые и крупные социальные группы (от днады до нации и мирового сообщества), их поведение и деятельность, процессы межличностного и межгруппового взаимодействия, связанные с созданием, распространением и использованием ядерного оружия.

К психоаналитическим феноменам и механизмам, влияющим на стратегическую стабильность, можно отнести психоаналитические особен-

ности взаимодействия типа «проигрыш–проигрыш», субъективный характер ядерной угрозы и механизмы ее восприятия, формирование межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях риска, особенности принятия решений и ведения переговоров в кризисных ситуациях, социально-психологические закономерности межгруппового восприятия, механизмы формирования в массовом сознании отношения к использованию ядерного оружия. Можно выделить пять основных групп психологических факторов, влияющих на рост и распространение ядерных вооружений, а также на готовность их использовать: внутриличностные, межличностные, внутригрупповые, межгрупповые и социальные.

Обозначим ряд важных тем, относящихся к перспективным направлениям исследований в этой области.

Во-первых, это выделение социально-психологических особенностей лиц, принимающих политико-стратегические решения в области ядерного сдерживания, и оценка их возможного влияния на принятие стратегических решений как в ходе переговоров в кризисных ситуациях, так и при проведении международной политики в целом. Перспективными являются исследования, направленные на уточнение той роли, которую играют в принятии стратегических решений эмоциональные состояния, индивидуальные стратегии совладания со стрессом, интуиция, особенности личной и социальной идентичности.

Во-вторых, важной задачей является дальнейшее уточнение психологической специфики ведения переговоров по вопросам стратегической стабильности с другими международными субъектами этого процесса. Чрезвычайно перспективным в этой связи является изучение формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска. Также крайне мало изученным остается влияние кросс-культурных различий на ход переговоров о нераспространении и сокращении ядерного оружия. В частности, требует уточнения влияние на принятие решений в условиях эскалации ядерного противостояния таких культурных характеристик, как коллективизм, дистанция власти, избегание неопределенности, ориентация на долгосрочные отношения. В связи с ростом опасности ядерного терроризма не менее важным является изучение влияния этнокультурной идентичности и стремления ее сохранить на готовность к несимметричному ответу, когда ядерное оружие используется как защита от заведомо более сильного противника, утрачивающего интересам и ценностям той или иной этнической группы.

В-третьих, требует дальнейшей разработки проблема управления психологическими аспектами принятия групповых решений и специфики работы группы кризисного управления при формировании стратегических решений в области ядерного сдерживания. Несмотря на обилие литературы, посвященной групповому мышлению и защитным групповым механизмам, все еще недостаточно исследованными остаются факторы, влияющие на способность управленческой команды извлекать уроки из предшествующего опыта, анализировать отдаленные последствия стратегических решений. Так же мало изучено влияние социальной сети руководителя на его решения, в частности, воздействие структуры межличностных отношений, круга общения на восприятие противника и исходящей от него ядерной угрозы.

В-четвертых, большое теоретическое и прикладное значение имеет изучение социально-психологических факторов, влияющих на отношение крупных социальных групп к ядерной угрозе, а также на оценку допустимости применения ядерного оружия в массовом сознании. Перспективными в этой связи являются исследования в области медиапсихологии, а также работы, посвященные коллективной памяти и социальным страхам.

При этом в ближайшее время нам представляется необходимым сосредоточить усилия на разработке нескольких наиболее важных, на наш взгляд, научно-исследовательских тем, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение:

- психологические особенности особого типа межличностного и межгруппового взаимодействия «проигравший–проигравший», мало изученного в отечественной и зарубежной психологии, – взаимодействия, целью или наиболее вероятным исходом которого является взаимный проигрыш, вплоть до полного взаимоничтожения;
- социально-психологические аспекты ядерного терроризма, т. е. использования ядерного оружия в качестве несимметричного ответа;
- психологические особенности восприятия массовым сознанием ядерной угрозы, влияние различных социальных страхов и коллективного образа будущего на представления о допустимости использования ядерного оружия;
- психологические механизмы формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска в ходе принятия стратегических решений и переговоров (см.: Журавлев, Нестик, Соснин, 2011).

Психологические особенности ядерного противостояния: анализ имеющихся исследований

Ядерное противостояние имеет психологические аспекты, характерные для межгрупповых конфликтов в целом, и в то же время обладает рядом таких особенностей, игнорирование которых может приводить к ошибочным стратегическим решениям.

К универсальным психологическим механизмам, связывающим ядерное противостояние с другими видами конкуренции и конфликта, можно отнести механизмы эскалации межгрупповой напряженности:

- 1) эффекты межгруппового восприятия – сравнения, дискриминации, стереотипизации и обобщивания, формирования межгрупповых предрассудков и образа врага;
- 2) психологические особенности внутригрупповой динамики и принятия группового решения при наличии внешней угрозы (явления «группового мышления», поляризации мнений, группового давления, роста влияния лидера на группу, размывания ответственности и сдвига к риску);
- 3) механизмы межличностного и межгруппового взаимодействия в процессе переговоров (например, особенности межличностного восприятия, характерные для переговоров, мотивационно-когнитивные искажения, различные виды тактики и приемы социального влияния, а также формирование межличностного и межгруппового доверия).

Однако с социально-психологической точки зрения ядерное противостояние имеет и свои особенности, выделяющие его из ряда традиционных форм межгрупповой напряженности и влияющие на сотрудничество в области ядерного сдерживания и разоружения. Прежде всего следует обратить внимание на то, что в основе ядерного противостояния лежит социальное взаимодействие «агрессивный–агрессивный», редко встречающееся в общественной жизни и малоизученное в социальной психологии.

Как известно, стратегия поведения в конфликте можно классифицировать с помощью пространства из двух шкал: 1) ориентация на собственные интересы и 2) ориентация на интересы партнера (Pruitt, Rubin, 1986). Эта классификация позволяет выделить четыре основных типа взаимодействия: «выигравший–выигравший» (одним из вариантов которого является компромисс путем взаимных уступок), «выигравший–проигравший», «проигравший–выигравший» и «проигравший–проигравший». В повседневном опыте мир-

ной жизни мы без труда найдем примеры всех стратегий, за исключением последней. Взаимодействие «проигравший–проигравший» возникает в тех исключительных случаях, когда другие варианты невозможны или не оставляют шансов на выживание. История войн, вооруженных столкновений и терактов изобилует примерами добровольного самопожертвования ради нанесения как можно большего урона врагу. Независимо от оценки этих действий как героических или бесчеловечных, они оказываются весьма эффективным средством устрашения, направленным на деморализацию превосходящего в силе противника. Однако спонтаный «проигравший–проигравший» в ядерном конфликте является крайним, практически не известным истории вариантом стратегий. В войнах с применением обычного оружия героическая гибель имеет глубокий психологический смысл даже в тех случаях, когда вдушим на смерть люди не надеются остаться в памяти потомков: они знают, что ценой своей жизни спасают жизни близких. Иными словами, они вступают во взаимодействие по типу «проигравший–проигравший» в рамках долгосрочной стратегии «проигравший–выигравший». В ядерной же войне ситуация принципиально иная: здесь гибель одних членов общества не спасает остальных от быстрой смерти или долгого и мучительного вымирания.

Включение личности или социальной группы в данный тип взаимодействия влечет за собой два психологических эффекта, противоположных по своим последствиям: расширение диапазона допустимых методов воздействия и одновременно повышение домысливаемости и приверженности групповым ценностям. С одной стороны, высокая вероятность необратимых потерь вплоть до физического уничтожения вызывает сужение временной перспективы, когда тщательный анализ долгосрочных последствий принимаемых решений теряет какой-либо практический смысл. Необходимость тотального уничтожения психологически освобождает лиц, принимающих стратегические решения, от необходимости нести ответственность перед обществом и его политической системой, большинство представителей которой обречены на гибель и не смогут воспользоваться какими-либо политическими и правовыми санкциями. Игнорирование групповых норм, а также стремление опередить противника существенно расширяют диапазон стратегий и тактик взаимодействия, признаваемых допустимыми и оправданными. Иными словами, при наличии высокой вероятности ядерного удара лица и группы, облеченные властью, могут пойти на словесные или дипломатические решения, которые, даже не предполагая использова-

ние ядерного оружия, могут спровоцировать на это другую сторону. Нагнетание ядерной «истерии» может складываться и на личном составе вооруженных сил, работников спецслужб, сотрудниках дипломатического корпуса, не говоря уже о лицах, имеющих техническую возможность привести в действие оружие массового уничтожения. Как справедливо заметил бывший исполняющий обязанности председателя КГБ СССР Л. В. Шебаршин, «выбирая между действием и бездействием, разведчики всегда отдают предпочтение первому. Это не всегда благоразумно, бывают ситуации, где выгоднее не проявлять активности» (цит. по: Демидов, Дудин, 2008, с. 15). Таким образом, целенаправленно сформированная субъективная убежденность в высокой вероятности и неизбежности тотального уничтожения может привести к эскалации конфликта даже без реальных на то оснований.

С другой стороны, высокая вероятность личной смерти, как показывают эмпирические исследования, повышает догматичность личности и ее конформность, стремление следовать социальным нормам (Wassell, 2007). К психологическим защитным механизмам, которые запускаются при напоминании о смерти, — например, в связи с терактами или другими неконтролируемыми человеческим событиям, — относится стремление повысить свою самооценку, поддержка культурных норм, рост внутригруппового фаворитизма и аутистической дискриминации, поиск и подчеркивание позитивной идентичности (Greenberg, Ryckasynski, Solomon, 1986). Под влиянием этих психологических эффектов стремление сохранить позитивную социокультурную идентичность и следование той или иной идеологии могут снижать готовность сторон идти на компромиссы и даже подтолкнуть к иррациональным действиям. В частности, защита национальной культуры или религиозных ценностей может стать основанием для применения ядерного оружия против отдельного государства, этнической группы или всей западной/восточной цивилизации. Тем не менее, самоидентификация с более крупной социальной общностью, например, с человечеством, характерная для личности или целенаправленно сформированная, может изменить воздействие перечисленных нами защитных механизмов и способствовать социальному поведению в интересах международной безопасности.

Еще одной психологической особенностью ядерного противостояния является *виртуальность ядерной угрозы*: отсутствие случаев применения ядерного оружия (кроме Хиросимы и Нагасаки), ореол засекреченности вокруг его испытаний, а также затрудненность международного контроля за его созданием и распространением.

И хотя скрыть производство ядерного оружия и подлинную мощь зарядов сегодня крайне трудно, оценками масштабов угрозы по-прежнему относительно легко манипулировать. В отличие от войн и вооруженных столкновений с применением конвенционального оружия, ядерная угроза отсутствует в жизненном опыте ныне живущих политических деятелей. С одной стороны, виртуальность ядерной угрозы повышает зависимость оценки ситуации от различного рода когнитивных эвристик, личностных черт и эмоционального состояния лиц, принимающих решения¹. С другой – она также открывает возможность для манипулирования массовым сознанием, т. е. для приумножения или, наоборот, преувеличения ядерной угрозы, как это было в случае вторжения США в Ирак.

Кроме того, важной особенностью ядерного сдерживания и стратегической безопасности в целом является тот факт, что она основана на особом типе доверия, а не на уверенности. Если уверенность предполагает защищенность, независимость и возможность предоставления контроля за действиями друг друга, исходя из совокупности объективных факторов, то доверие связано с уязвимостью одной или обеих сторон. Еще одна отличительная черта доверия состоит в том, что оно личностно: мы можем быть уверены в бесличной политической системе, но субъективно доверяем людям или социальным группам с их мотивами и свободой волеи.

Разрушительность ядерного оружия и фатальность последствий «ядерной зимы» для мировой цивилизации, все более изощренные и доступные способы его доставки на территорию противника, а также расширение клуба ядерных держав сделали всех субъектов международных отношений, во-первых, уязвимыми и, во-вторых, взаимозависимыми. С психологической точки зрения, стратегическая стабильность основана на доверии по расчету, т. е. на ожидании, что другая сторона не считает для себя выгодным нанесение первого ядерного удара, даже если ее действия невозможно проконтролировать. Еще раз повторимся, особенностью доверия как психологического феномена является переживание уязвимости и невозможности

1 При этом не стоит забывать, что «под воздействием сложной совокупности политико-психологических факторов, с появлением мотивов и форм поведения далеко не рационального характера даже частично эффективная противоракетная система может породить у государства, обладающего ее, опаснейшую иллюзию возможности отбить менее мощный ответный удар другой стороны после того, как он будет ослаблен и дезорганизован внезапным ядерным нападением на ее стратегические силы и систему их управления и связи» (Кокоскин, 2009, с. 68).

контроля за действиями другой личности или группы. Такая взаимность связана, как отмечалось выше, с высокой неопределенностью возможности нанесения ракетно-ядерного удара, способного поразить имеющийся ядерный потенциал противника до уровня, не позволяющего ему нанести адекватный ответный удар. Наличие возможности снизить степень неопределенности до достаточно убедающего уровня для обеих сторон имеет важные последствия для достижения стратегической стабильности и соответствующей аргументации в ходе стратегических переговоров.

Особенно важно учитывать тот факт, что межличностное и межгрупповое доверие в отношении по поводу ядерных вопросов формируется в условиях возможно колеблющегося уровня субъективного риска. Исследования в области психологии доверия показывают, что с ростом уровня риска критерии доверия могут меняться. Можно предположить, что в критической ситуации, т.е. при высокой вероятности нанесения ядерного удара, готовность сторон доверять друг другу будет зависеть от других критериев, чем в ходе переговоров с низким и средним уровнем риска (например, по поводу ядерных программ Ирана и Северной Кореи). Критерии и уровень доверия при разных степенях субъективного риска являются психологическим содержанием так называемого «динамического диапазона» (или запаса устойчивости). Как известно, «наличие такого диапазона, понимание его масштабов создают весьма важные условия для маневра на переговорах... для выработки умелых и гибких подходов к формулировкам договоренностей» (Кокочин, 2009, с. 64).

Доверие сторон друг к другу и субъективный уровень риска являются, по мысли А. А. Кокочина, психологическими факторами повышения сторонами «порогов» своей готовности к нанесению ядерного удара другой стороне для демонстрации своих намерений в политико-военном противостоянии в ходе международного политического кризиса, вплоть до момента, когда одна из них начинает рассматривать практическую возможность применения ядерного оружия. Примером реализации такой стратегии, как отмечалось выше, является динамика противостояния между СССР и США в ходе Карибского кризиса в октябре 1962 г. (Михоин, 2006).

Уровень субъективного риска может влиять и на оценку сторонами масштабов присяемого ущерба, допустимости использования того или иного вида стратегического оружия, на выбор мишеней для нанесения удара. Все это делает задачу изучения зависимости доверия и особенностей восприятия ситуации от субъективного уровня рис-

ка одним из важных и перспективных направлений в психологии ядерного противостояния.

Наконец, психологическая специфика ядерного противостояния определяется, как мы уже говорили, высокой замкнутостью стратегических решений от психолических особенностей небольшого числа лиц. Если вопросы ядерного разоружения и контроля за распространением ядерного оружия находятся под влиянием довольно большого числа политических институтов, то принятие решения о нанесении ядерного удара в кризисной ситуации является прерогативой крайне ограниченной группы людей. Следует принимать во внимание и подверженность первых лиц влиянию со стороны своего ближайшего окружения. С одной стороны, это лишний раз подтверждает общепризнанную роль межличностных отношений в малой группе, процессов внутригрупповой динамики и особенностей группового принятия решений. С другой — указывает на значимость структурных и содержательных аспектов социальной сети межличностных контактов, пронизывающих коридоры власти и выходящих далеко за пределы правительства. В критической ситуации судьба мира может зависеть от способности управленческой команды быстро найти необходимых экспертов, т. е. от личных знакомств, часто неформальных связей.

Завершая анализ психологических особенностей ядерного противостояния, хотелось бы еще раз подчеркнуть следующее: для их учета при принятии стратегических решений необходима разработка «национальной системы кризисного управления», содержащей отработанные механизмы урегулирования конфликтных и кризисных ситуаций.

Раздел 3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Глава 14

Переговоры как основной механизм регуляции социальных конфликтов (на примере переговоров с террористами)

Переговоры – тема, активно разрабатываемая в социальной психологии конфликта начиная со второй половины XX в. (см., напр.: Соснин, 1993, 1994; Шаленко, 1997; Фишер, Эртель, 1996; Вител, Дикс, 1990; Левинский, Сондерс, Барри, Минтон, 2006). Специфика, особенности и детерминанты ведения переговоров в современных условиях стали анализироваться несколько шире и часто рассматриваются в рамках посредничества (см., например: Журавлев, Соснин, Красников, 2014).

Посредничество как технология урегулирования разногласий и конфликтов широко используется для характеристики любого вмешательства третьей стороны. И неформально, и формально оно присутствует фактически во всех сферах человеческих взаимоотношений, начиная с семейных и до международных.

Широкое распространение методов посредничества как формы разрешения противоречий имеет объективные основания в самой логике развития конфликтных процессов. Теория и практика показывают, что самостоятельные переговоры «лицом к лицу» в серьезном конфликте не являются подходящим средством его разрешения. Стороны, как правило, быстро оскальзывают в «преторенциую колею» – «защакливаются» на своих позициях и взаимных обвинениях, избегают малейших признаков гибкости, так как считают, что это может быть использовано другой стороной в свою пользу. Такое поведение сторон в конфликте вполне объяснимо объективной социально-психологической логикой его деструктивного развития. И эта логика имеет хорошо известные закономерности, независимо от причин и факторов, детерминирующих подобный процесс:

- уменьшение объема коммуникации между сторонами, увеличение дезинформации, ужесточение агрессивности терминологии,

- тенденция использовать СМИ как оружие в эскалации психологического противостояния у широких масс населения конфликтующих сторон (в случаях региональных и международных конфликтов);
- усиление неосознаваемых искажений в восприятии информации друг о друге, повышению чувствительности к разногласиям и угрозам, уменьшение осознания общих интересов, возникновение тенденции воспринимать примерительные действия другой стороны как мотивированные недобрыми намерениями и реагировать отрицательно на предложения другой стороны;
 - формирование установок враждебности и подозрительности друг к другу, т.е. создание и закрепление образа «коварного врага»;
 - формирование и закрепление ориентации на победу в конфликте силовыми методами любой ценой за счет другой стороны, т.е. ориентация на то, что разрешение конфликта может быть навязано другой стороне силой.

Опыт показывает, что, несмотря на признание переговоров «лицом к лицу» важным инструментом урегулирования конфликтов, вероятность их успеха будет сильно зависеть от присутствия нейтральной третьей стороны – посредников, которые будут выполнять функцию управления переговорным процессом.

Существует несколько подходов к характеристике процессов посредничества. Одна группа подходов основана на выделении ролей, функций, стилей и тактик поведения посредников («коммуникатор», «формулятор», «манипулятор»), другая рассматривает посредничество с точки зрения выделения в него процесса стадий и этапов. В связи с этим существует много модификаций по конкретным процедурам проведения посреднических миссий, роли конкретного поведения посредников в переговорном процессе и т.д. (Соснин, 1994).

Проблемно-ориентированный подход к разрешению конфликтов в переговорах

Для проблемно-ориентированного подхода к разрешению конфликтов на первом месте стоит объяснительный потенциал человеческих потребностей. При этом, кроме учета психологических переменных, в сферу анализа включаются и другие источники возникновения проблем – социальные, экономические, политические, институциональные и др.

Логика переговорного процесса схематично сводится к следующему. Вначале решаются процедурные вопросы (правила ведения дискуссий, формы и хронологическая процедура обсуждения, вопросы

репутации, конфиденциальности и др.). Затем начинается обсуждение спорных вопросов. Эта стадия также имеет свою логику построения. Вначале высказываются позиции сторон, далее – их интересы и цели, затем – потребности и ценности. Одновременно осуществляются диагностика эмоциональных состояний участников и снятие отрицательных состояний, посредниками проводится дополнительная работа по созданию благоприятного климата взаимодействия. После этого происходит выяснение совпадений и расхождений в потребностях и интересах, разработка альтернатив и их оценка, проведение основных переговоров, принятие решений и их формальное закрепление, а также выработка процедур взаимного информирования о ходе выполнения соглашений сторонами.

В рамках проблемно-ориентированного метода существует ряд частных подходов, используемых в практике разрешения межгрупповых конфликтов: гражданская дипломатия, Т-групповые методы, дипломатия второго пути и др.). Рассмотрим для примера один из полезных практически алгоритмов для посредников при анализе конфликтной ситуации и прохождении стадий ее разрешения. Он состоит из четырех этапов:

1. *Взаиморазумием определяем проблемы* – первый шаг и начало процесса. Часто на вопросы «Что произошло?», «В чем состоит проблема?» отвечает обвинением, основанным на том, что «проблема» кроется в другом человеке или группе. Между тем конфликтную ситуацию необходимо описать таким образом и в таких терминах, чтобы с ее «портретом» мог согласиться каждый из участников. Это можно сделать при помощи таких фраз, как «Итак, существует расхождение по поводу...», «Мы понимаем, что А нравится... и это находится в противоречии с желаниями В...» и т.д. На данном этапе посреднику необходимо создать объективный перечень подобных утверждений в отношении текущего конфликта, чтобы затем «атаковать» проблему, а не лиц, имеющих к ней отношение.
2. *Выясняем эмоциональное отношение участников к конфликтной ситуации.* С помощью вопросов типа «Как вы себя чувствуете?» посредник стремится получить честные, открытые субъективные суждения в отношении положительных и отрицательных переживаний участников конфликта. На этом этапе необходимо понять, какие чувства формируют жизненно важный компонент конфликта, независимо от того, «справедливы» и оправданы ли они с точки зрения других участников. Одновременно посредник должен следить за тем, чтобы они высказывались именно

как чувства, а не как оценочные суждения, постоянно перефразируя последние в Я-утверждения (например: «Значит, вы чувствуете, что не можете доверять ему и не можете на него положиться» и т.д.). Другими словами, необходимо стремиться избегать «наезживания ярлыком» и оскорбительных суждений, а описывать действия людей в максимально нейтральных выражениях.

3. *Выявление интересов и потребностей сторон.* Удивительно, что простой вопрос «Что бы вы хотели в итоге?» так редко задается в конфликтных ситуациях. Люди часто тратят много времени, споря о том, что должно было случиться в прошлом и кто виноват в том, что этого не произошло. Но в прошлом ничего изменить невозможно, и поэтому посреднику необходимо постепенно переориентировать внимание участников на обсуждение того, каковы их реальные интересы в текущей ситуации и что бы им хотелось иметь в будущем. Необходимо выявить, в чем состоят их главные интересы и базовые потребности в связи с конкретной ситуацией, в чем их суть, чего конфликтующие стороны хотят избежать более всего и что для них менее важно. Из ответов на такие вопросы складывается картина того, что особенно важно для каждой стороны спора и что может оказаться достижимым.
4. *Поиск приемлемых решений и достижение соглашения.* Ответ на вопрос: «Что действительно может быть сделано?» — это четвертый этап процесса. Здесь обсуждаются возможные практические шаги, приемлемые для всех сторон, которые могли бы улучшить ситуацию. Бесплодно стремиться к поиску совершенного решения. Более продуктивно перечислить варианты возможных исходов и начать анализировать, какой из них мог бы реализоваться. На этой стадии необходимо задавать вопросы типа «Это справедливо?», «Сколько это будет стоить?», «Кому это поможет?», «Кто будет отдавать?» и т. п. Любое изменение ситуации требует от участников затрат денег, времени, эмоциональных усилий и т. п. Если стороны не считают, что возможные усилия и вложения стоят того, чтобы изменить ситуацию к лучшему, то это означает, что текущая ситуация «терпима». Но ситуация может оказаться терпимой для одной стороны, а для другой — нет, и, если изменений не происходит, эта вторая сторона, скорее всего, будет стремиться к эскалации конфликта до тех пор, пока она станет нетерпимой и для другой стороны. Здесь посредник поставлен перед необходимостью прямого неагрессивного действия, чтобы помочь более слабой стороне «выбраться» из обстоятельств, приносящих ей страдание.

Представленный алгоритм, естественно, не означает, что существует какая-то единая формула, ведущая к легким разрешениям конфликтных ситуаций. Фактически в процессах посредничества в переговорах ищется скорее не «решение», а возможные пути улучшения ситуации. Большинство конфликтов слишком сложны для разрешения, чтобы найти «разовые» и «окончательные» варианты их урегулирования. Хотя это не значит, что при посредничестве исключаются радикальные решения или не используются творческие усилия участников, которые могут действительно открыть путь к практической ликвидации конфликта¹.

Еще раз напомним: посредничество является процессом, в котором нейтральная третья сторона приглашается для обсуждения спора, чтобы направлять его в конструктивное русло, но не для того, чтобы разрешать конфликт за самих участников. Посредничество – это также не выяснение того, кто прав, кто виноват, или того, что должно было случиться или не случиться в прошлом. Именно поэтому процесс посредничества не предполагает заранее известного исхода.

Ведение переговоров с помощью посредников (работа посредника до встречи за столом переговоров и сами переговоры) происходит следующим образом:

1. Первоначальные контакты с оппонентами: формирование доверия к посреднику, разъяснение сторонам своих намерений.
2. Сбор и анализ информации о конфликте: определение природы и характера спорных вопросов, причины спора, уровня интенсивности конфликта, проверка точности информации.
3. Формирование группы представителей: беседы с членами конфликтующих сторон, достижение внутреннего консенсуса сторон, выбор представительных групп, психологическая подготовка к сессии, выбор места и времени встреч и обеспечение условий их проведения.
4. Разработка плана посредничества: выбор стратегии взаимодействия, определение тактик, последовательности шагов, плана действий в типовых ситуациях.

1 Бывают и обратные ситуации. Следует отметить, что в практике ведения переговоров встречается использование сторонами конфликта манипулятивных тактик, тактик «запускания слухов», тактик использования угроз, тактик провоцирования и дегуманизации партнера, тактик провоцирования чувства бессмысленности. Подробнее об особенностях проведения переговоров в подобных случаях см. в Журавлеву, Соснина, Красникова, 2014.

5. Открытие переговоров: выступление ведущего, налаживание положительного настроя сторон, краткие выступления сторон (представление намерений), введение основных процедур поведения.
6. Определение проблем и повестки дня: определение последовательности обсуждений с целью достижения согласия.
7. Обсуждение позиций и интересов: изложение позиций и обмен претензиями, детализация и дифференциация предметов спора, выяснение интересов сторон, конфронтация, синтез.
8. Разработка вариантов решений и их оценка.
9. Принятие соглашений и их формализация.

Далее мы обратимся к одной из сложных ситуаций ведения переговоров – захвату заложников – и постараемся на этом примере рассмотреть механизмы деятельности посредника по разрешению противостояния конфликтующих сторон.

Специфика ведения переговоров с террористами

В последние годы для правоохранительных органов разных стран все более актуальными становятся проблемы борьбы с такой формой террористической деятельности, как захват и удержание людей в качестве заложников. Целями этих акций являются получение выкупа, шантаж, выдвижение политических требований др. Перед правоохранительными органами возникает задача выработки и совершенствования адекватных мер реагирования на данные преступные акции. Каждый раз операции по освобождению заложников разрабатываются с учетом конкретной обстановки и категорий граждан, преступивших закон. Исходя из этих обстоятельств обычно строятся и переговоры с преступниками. О содержании данного вида переговоров, методах их ведения и особенностях осуществления и пойдет речь далее.

При написании этой главы произведен обзор работ кандидата психологических наук И. К. Мельника и доктора юридических наук, профессора В. П. Илларионова (Илларионов, 1994; Мельник, 1992; и др.). Основная цель – обобщить накопленный опыт и дать прав-

1 И. К. Мельник благодарит сотрудников Академии ФСБ России М. С. Семеновку и О. А. Каролькову за помощь в сборе материалов и их техническом оформлении. Особую признательность он выражает Г. П. Зайцеву и другим сотрудникам группы «Альфа», сотруднику СВР России В. И. Киселю, сотрудникам УФСБ по Саратовскому краю, предста-

тические рекомендации по организации и тактике осуществления переговоров с лицами, захваченными заложников.

Захват заложников как форма террористической деятельности

Заложничество как средство оказания давления на заинтересованных лиц уходит корнями в далекое прошлое. В качестве заложников в истории выступали самые разные люди: дети и родственники царствующих особ и руководители различного уровня. Это явление было широко распространено на Руси во времена монголо-татарского ига: в качестве гарантии послушания русских князей удерживались и даже подолгу жили в Орде их родственники. Обычным явлением захват заложников считался и в средневековой Европе: он служил средством выполнения гарантий международных договоров и сделок между государствами и частными лицами.

Постепенно институт заложничества превращался из обычая в опасный вид преступной деятельности, с помощью которого оказывалось давление на противоположную сторону. К заложничеству активно прибегали в периоды обострения социальных и политических конфликтов – революций и военных действий. Во времена Парижской коммуны был даже принят «Декрет о заложниках», согласно которому за казнь одного сторонника Парижской коммуны полагалось предать смерти трех заложников. Во время революции 1917 г. в России к заложничеству прибегали и белогвардейцы, и представители Советской власти, стремясь, в частности, таким способом ограничить число покушений на своих лидеров.

В годы Второй мировой войны гитлеровцы осуществляли массовый захват местного населения и расстреливали сотни людей за каждое убийство немецкого военнослужащего. Особенно распространены были подобные расправы в местах боевых действий партизан.

В послевоенные годы захват заложников превратился в одну из форм терроризма. Анализируя психологические проблемы борьбы с терроризмом заставляет сама природа этого общественно опасного явления, характер его происхождения, формы и методы реализации террористических акций, которые по своей направленности чаще всего связаны с попыткой повлиять на индивидуальную и общественную психологию мирных граждан.

инголам ДЕТ ФСБ России за предоставленные материалы, замечания и предложения, указанные в ходе работы. Авторы, в свою очередь, выражают благодарность И. К. Мельнику за возможность использования материалов.

Хорошо подготовленные группы террористов похищали в 1960–1970-е годы послов США, ФРГ, Бразилии, Англии, министров стран ОПЕК, спортсменов Ирана и совершали другие преступления. В числе заложников оказывались представители различных социальных групп и профессий: официальные лица, представители властных структур, сотрудники иностранных организаций и представительств, политики; журналисты; военнослужащие; сотрудники правоохранительных органов; представители различных слоев населения, в том числе женщины и дети, удержание которых позволяет преступникам меньше расковырять, выдвигая при этом более жесткие требования.

Кроме захвата заложников преступники практикуют также похищение людей, освобождение которых также сопровождается различного рода переговорами. По данным МВД России, в нашей стране в начале 1990-х годов участились случаи похищения людей и захвата заложников с целью получения выкупа. Так, если в России в 1991 г. было зафиксировано 12 подобных преступлений, то в 1996 г. эта цифра достигла 150, а в 2012 г., по официальной статистике МВД, зарегистрировано 566 похищений людей (Состояние преступности..., 2012).

В январе 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников, согласно которой «любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо для того, чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц — совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника, совершает преступление захвата заложников» (Международная конвенция..., 1979).

Эффективный ответ на действия лиц, захватывающих заложников, зависит от четкого понимания масштабов этого явления, от характеристики преступников, с которыми приходится иметь дело, от целей и мотивов их действий, от необходимости продумать научно обоснованную классификацию самих преступных акций.

Разумеется, как и всякая иная классификация, ранжирование людей, с которыми придется вести переговоры в криминальных ситуациях, относительно и условно, поскольку и «действитель» террорист, и вымогатель могут быть нездоровы с психической точки зрения. Однако поиск типологии преступников имеет серьезное при-

кладном значении, так как позволяет моделировать ответную реакцию на усиления правоохранительных органов по разрешению конфликта, предусматривать набор аргументов и действий, выбирать стиль ведения диалога с преступниками, способы снижения агрессивности преступного поведения и таким образом расширить возможности освобождения заложников.

История заложничества в России

Определенный опыт проведения операций по освобождению заложников был накоплен в системе МВД в советское время. Сигнала на подобные преступления в основном шли уголовники в исправительно-трудовых учреждениях и следственных изоляторах. Однако начиная с 1970-х годов заложниками все чаще начали становиться пассажиры и члены экипажей воздушных судов при попытках преступников угнать транспортные средства за границу.

После трагических событий, произошедших во время Мюнхенской Олимпиады 1972 г., когда арабскими террористами были захвачены и уничтожены спортсмены израильской делегации, руководством КГБ СССР было принято решение о создании специального антитеррористического подразделения. Его первыми сотрудниками стали хорошо проявившие себя в работе и наиболее физически подготовленные представители Оперативно-поискового управления ФСБ (в то время 7-е Управление КГБ). Первую боевую операцию вновь созданное спецподразделение (впоследствии группа «Альфа») провело 28 марта 1979 г. Тогда был обезврежен террорист, захвативший консульский отдел американского посольства в Москве. Под угрозой взрыва посольства террорист потребовал, чтобы американцы в своей дипломатической машине вывели его в аэропорт Шереметьево, а оттуда на самолете – за границу¹. Впоследствии Г. Н. Зайцев, руководивший операцией, принимал личное участие в организации еще свыше десятка переговоров с преступниками, и ни одна из операций не повторяла полностью предыдущую.

1 В переговорах с преступником участвовал командир группы Геннадий Зайцев. Продолжались они 2,5 часа, в течение которых преступник ни на секунду не выпускал из рук чеху закрепленного на теле взрывного устройства. После того как переговорщик покинул здание посольства, преступник разбил бутылкой окно, что позволило определить место его расположения, и снайпер – майор С. А. Гелов – сделал два выстрела. Несмотря на ранение, террорист привел взрывное устройство в действие. Оно сработало, нанеся незначительный материальный ущерб зданию посольства и уничтожив террориста.

В сентябре 1986 г. двое военнослужащих срочной службы внутренних войск МВД, вооруженные автоматом и пулеметом, захватили самолет Ту-134 в аэропорту с. Уфы. В ходе быстротечного штурма заложники и пилоты, до конца операции находившиеся в кабине, не пострадали, один из террористов был убит, другой ранен и впоследствии осужден.

Широкую известность получила операция по нейтрализации группы Якишвили в декабре 1988 г. Преступники захватили 31 ученика 4-го класса и их учительницу из школы № 42 г. Владикавказа (Орджоникидзе). В результате переговоров удалось добиться освобождения двадцати детей, а затем обмена всех оставшихся заложников на сотрудника правоохранительных органов подполковника Шереметьева.

Надо признать, что не все операции по освобождению заложников заканчивались благополучно, особенно в случаях, когда планирование операции и решение о проведении штурма брали на себя силовые структуры, не имеющие соответствующего опыта. Так было в марте 1988 г., когда преступники – семейный ансамбль Овечкиных – пронесли оружие на борт самолета внутри музыкальных инструментов, захватили воздушное судно и потребовали, чтобы пилоты летели в Лондон. Финалом операции по освобождению пассажиров, проводившейся в аэропорту под Ленинградом, стал страшный авиалайнер, девять погибших (включая некоторых террористов), около двух десятков раненых.

К успешным, но крайне опасным операциям, которые проводили спецподразделения, в том числе группа «Альфа», следует отнести освобождение заложников, которых захватывали уличные элементы и рецидивисты в Саратовском изоляторе УИТУ УВД (май 1989 г.), в Сухоумском изоляторе временного содержания МВД Абхазской АССР (август 1990 г.), в Санкт-Петербургской тюрьме «Кресты» (февраль 1992 г.). В этих случаях преступники на первоначальном этапе брали в заложники кого-либо из обслуживающего персонала, используя самодельные шпатель, мушкетеры грават. В Сухоуми в распоряжении бандитов оказался целый оружейный арсенал, который в нарушение установленного порядка хранился в помещении изолятора.

Изменение общественно-политической ситуации в начале 1990-х годов в России и бывших советских республиках привело к резкому росту общественной опасности и масштабности проявлений феномена насилия: погромы и акты вандализма, захват заложников, физическая расправа с политическими оппонентами, непрекращающиеся боевые действия в зонах межнациональных и этнических

конфликтов, десятки тысяч жертв, сотни тысяч беженцев, миллиарды рублей материального ущерба.

История показывает, что на территории России только в отношении представителей органов власти и управления и народных депутатов совершено несколько сотен различных насильственных акций с использованием самодельных взрывных устройств, огнестрельного и холодного оружия. Распространению панических слухов и дестабилизации обстановки способствуют анонимные угрозы совершения терактов. Только телефонных звонков подобного плана на территории России было зафиксировано в 1993 г. 300, а в 1996 г. почти в 22 раза больше — около 6500. За девять месяцев 1994 г. по Москве зарегистрировано 148 преступлений, связанных с похищением людей. Всего по России за это время было зафиксировано 271 подобное преступление. В октябре 1994 г. 7-й отдел РУОП отметил своеобразный юбилей, освободил сотого заложника, а только за девять месяцев 1995 г. количество зарегистрированных преступлений подобного рода достигло 164 по Москве и 488 по России. О негативных тенденциях распространения в России преступлений, связанных с похищением людей и захватом заложников, свидетельствует тот факт, что только с 1990 по 1995 г. их количество возросло в десять раз.

Мировая общественность была шокирована обращениями, проведенными чешскими бандформированиями в Будешовске, Первомайске и Кишваре, в ходе которых заложниками и живым щитом для преступников становились даже беременные женщины. По количеству задействованных сил со стороны бандформирований и методам действий подобные акции можно сравнивать с карательными операциями фашистов в годы Второй мировой войны. Недостаточная эффективность мероприятий по уничтожению бандитов в этих случаях была обусловлена многими факторами, связанными прежде всего с отсутствием четкой позиции по стратегии проведения операции у политиков и военного руководства, что приводило к несогласованности в организации и управлении силами и средствами, задействованными в операциях.

Парадокс ведения переговоров с лицами, выполняющими заложничество

Первоначально в СССР операции по освобождению заложников службы правопорядка осуществляли, придерживаясь в основном трех основных способов решения этой проблемы: подавить преступников превосходящим в живой силе и огневой мощи, вынудить их покинуть укрытие с помощью слезоточивого газа или же выманить

ка на открытое место под дулом снайперов. Начиная же с 1970-х годов наряду с силовыми методами стали активнее использовать переговорный процесс.

В соответствии с действующими нормативными актами, руководство по проведению операции берет на себя оперативный штаб, в состав которого входит группа лиц, ведущих переговоры, и другие оперативные группы. По прибытии на место преступления силы правопорядка немедленно организуют контроль внутреннего периметра зоны проведения операции, максимально приближая его к преступникам. Зона должна быть полностью изолирована и взята под постоянное наблюдение. Пути возможного бегства преступников должны быть надежно перекрыты. Принимаются меры для обеспечения безопасности населения: проводится эвакуация посторонних и устанавливается контроль внешнего периметра зоны операции. Во всех ключевых точках зоны должны быть размещены снайперы и наблюдатели. Одной из задач снайперов является огневое прикрытие личного состава подразделения, находящегося в зоне досягаемости огня преступников. Если им дана санкция на ведение огня, они должны точно знать отличия преступников от заложников и быть в состоянии вести огонь на поражение. Следует иметь в виду, что раненый преступник наиболее опасен для заложников. Во время проведения операции необходимо избегать демонстрации силы. Из поля зрения преступников должны быть удалены люди в форме, техника и оружие. Командный пункт операции должен располагаться вблизи ее основного места, но желательно вне поля зрения преступников и обязательно вне зоны их возможного огня.

Необходимо как можно быстрее определить тип ситуации, категорию преступников и возможный характер их действий. Для этого следует немедленно организовать сбор информации о преступниках, заложниках и местах пребывания тех и других. От полноты информации в значительной мере зависит весь ход операции и ее результаты. Поэтому сбором информации должны заниматься все лица, имеющие такую возможность. Результаты ее анализа должны быть немедленно доложены руководителю операции. Необходимо выявить наличие возможной связи преступников с руководителями или сообщниками вне зоны операции и немедленно блокировать эту связь.

Для организации и ведения переговоров с преступниками устанавливается связь. В этих целях может быть использован метафон, однако этот способ связи имеет определенные недостатки: метафон могут слышать посторонние, а преступников слышать плохо, перестроscopy раздражают их еще больше, что мешает установлению контакта и де-

стабилизирует обстановку. Возможны и переговоры при непосредственном контакте или с использованием переписки. Оптимальным средством связи в этой ситуации является телефон. Крайне желательно немедленно оборудовать телефонную линию аппаратурой для служебного контроля террористов при опущенной телефонной трубке. Очень важно документирование переговоров техническими средствами.

Согласно указанию МВД России от 17 июня 1992 г. № 1/2511, были проанализированы имеющиеся случаи захвата заложников и опыт правоохранительных органов по организации и тактике действий, направленных на их освобождение. Указание также предусматривает создание внештатных групп из наиболее подготовленных работников для ведения переговоров с лицами, захватившими заложников, организацию обучения переговорщиков тактике ведения переговоров. При обучении используются методические рекомендации и привлекаются специалисты по психологии и психиатрии, моделируются ситуации, приближенные к реальным. Академией МВД России осуществляется подготовка оперативного состава к ведению переговоров с террористами начиная с конца 1990-х годов. Первые учебные фильмы и учебно-методические пособия по переговорам с преступниками были созданы профессором В. П. Илларионовым в 1993–1995 гг., учебное пособие по управлению силами и средствами органов внутренних дел при освобождении заложников было издано А. А. Басевым в 1996 г. (Илларионов, 1993, 1994; Басев, 1996).

Правоохранительными органами продолжает вестись работа по психологическому отбору сотрудников, которые по своим личным и деловым качествам могут первыми в случае необходимости вступить в переговоры. Необходима отработка их действий в ходе оперативно-тактических мероприятий, обучение на основе ролевых игр и тренажеров, в которых моделируется конкретная обстановка переговоров с преступниками, закрепляются навыки психологической борьбы, приемы воздействия на преступников с целью склонения их к отказу от продолжения преступных действий и достижения приемлемого соглашения. Отрабатываются вопросы координации и взаимодействия между ФСБ, МВД, прокуратурой, гражданской авиацией и другими ведомствами.

Основные цели и задачи переговоров

Анализируя проведенные операции по освобождению заложников, специалисты постепенно пришли к выводу о том, что переговоры с преступниками могут предупредить совершение тяжких преступ-

лений и в определенных обстоятельствах помогают избежать применения боевых средств и силовых методов. Причем во многих случаях без переговоров просто не обойтись, так как террористы выдвигают подчас чрезмерные требования к представителям власти. В органах безопасности России также рассматривают переговоры как составную часть операции по освобождению заложников.

Стратегия и тактика проведения операций, выбор адекватных средств и методов противодействия во многом определяются составом преступной группы (или характеристиками террориста-одиночки), мотивами захвата заложников и теми последствиями, которые могут наступить в результате совершаемых преступных действий. В тех случаях, когда захват осуществлен под влиянием эмоций, непрофессионально, лжыми, не входящими в состав преступных группировок или террористических организаций, переговоры имеют больше шансов закончиться успешно и без жертв.

К основным элементам операций по освобождению заложников и методам противодействия преступникам относятся следующие:

- окружение или блокирование лиц, захвативших заложников;
- вступление в переговоры с преступниками;
- предъявление ультимативных требований преступникам;
- использование специальных средств (дымических, термико-паралитических и др.) с целью нейтрализации преступников;
- использование снайперов для поражения преступников;
- штурм места дислокации преступников специально подготовленными группами по борьбе с терроризмом.

К основным целям переговоров с террористами, захватившими заложников, относятся:

- сохранение жизни и освобождение заложников;
- создание предпосылок для задержания или ликвидации преступников;
- предотвращение политических и международных последствий совершаемого преступления;
- склонение преступников к отказу от выполнения замыслов или к частичному изменению своих планов;
- сохранение материальных ценностей.

По рекомендациям специалистов, нежелательно передавать преступникам оружие, спиртное и наркотики, однако это нелегко выполнить, когда приходится иметь дело с жесткими требованиями ответных уголовников, агрессивно настроенных экстремистов. Внес-

те с тем прибегать к удовлетворению подобных требований можно лишь в случаях, когда в обмен удастся добиться важных уступок со стороны преступников, например, освобождения части заложников и т. п.

Основными требованиями преступников, как правило, являются крупная сумма денег и транспортные средства для доставки террористов в определенную страну или регион. Другой стороне, соглашаясь на компромисс, каждый раз следует стремиться получить что-либо существенное взамен и прежде всего стараться по мере возможности освободить всех заложников или их часть. Однако в подобном «торге» следует соблюдать осторожность и меру, чтобы не усугублять психическую напряженность и различные негативные реакции лиц, захваченных заложников.

При непосредственных переговорах «лицом к лицу» легче установить и поддерживать психологический контакт с преступниками, оценивать динамику развития событий. Вместе с тем в данной ситуации затруднена оперативная передача в штаб полученной дополнительной информации о преступниках и заложниках. При комбинированном варианте — переговорах по радио и периодических личных контактах сотрудников штаба с преступниками — есть возможность оценить состояние заложников и преступников, их количество, расположение, характеристики вооружения, узвиимость места их дислокации и другие элементы оперативной обстановки.

В процессе переговоров могут постепенно выявляться позиции сторон, обговариваться взаимные уступки. Заметим, что переговоры зачастую требуют тонкого понимания ситуации, дипломатической гибкости и анализа психологии преступников для дальнейшего принятия удовлетворительных решений. Важное оперативное, психологическое и смысловое значение имеет неоднократность и продолжительность переговоров. Переговоры в несколько этапов позволяют определить стратегию и тактику сторон, скорректировать поведение, заметить очередность решаемых задач, отработать аргументацию, особенности дальнейшей психологической борьбы («торга») и, в конечном счете, выйти на конкретный результат.

На основании имеющегося опыта можно отметить, что длительное время (чему способствуют повторные переговоры) является основным союзником группы, осуществляющих операцию по освобождению заложников. Если мы сможем на первых этапах кризисной ситуации внести в нее элементы определенности, то чем дольше ситуация останется стабильной, тем больше вероятность благоприятного завершения происшествия.

Однако длительные переговоры могут также привести к возникновению «стокгольмского синдрома». Это явление было открыто в процессе анализа одного из захватов заложников в Швеции в 1973 г., когда четверо банковских служащих были в заложниках 131 час. «Стокгольмский синдром» – это автоматическая, несознательная эмоциональная реакция человека на травму, вызванную его длительным пребыванием в ситуации жертвы. Данный положительный контакт создается при отсутствии у заложника резко отрицательного опыта взаимодействия с террористом, такого, например, как избиение, насилие или физические оскорбления, а не действительно позитивными действиями со стороны похитителей.

К положительным моментам «стокгольмского синдрома» относится ослабление у преступников агрессивности и желания уничтожить заложников, к отрицательным – опасность появления необъективной информации, которую могут предоставить заложники, переживающие данный синдром, сотрудникам органов безопасности. Полиция должна помнить о «стокгольмском синдроме» при столкновении с аналогичными ситуациями, при планировании атаки, при опросе бывших заложников и, конечно, при наказании преступников.

Желание быстро разрешить ситуацию с заложниками может привести к трагическим последствиям. Так, в ходе напущенного преступления на Олимпийских играх в 1972 г., в Мюнхене террористы захватили в Олимпийской деревне девять заложников, требуя вылета в одну из стран Ближнего Востока. Полиция во время переговоров заявила, что она приняла условия преступников. Однако в аэропорту их ждали снайперы. В результате погибли все заложники, были убиты пять преступников, ранены пилот вертолета и трое полицейских, а один полицейский убит. Последовавшая научная проработка этого случая показала, что пресечение преступных действий силой – обоюдоострое оружие, которым надо пользоваться наверняка, и прежде всего тогда, когда исчерпаны все другие возможности.

Комплексное изучение процесса и закономерностей переговоров с террористами продолжается и по сей день. Среди современных авторов работу в этом направлении ведут В. П. Илларионов, Н. К. Мельник, Н. Т. Кочухов, Е. Н. Хазов и др. Многие в настоящее время нуждаются в совершенствовании, однако отдельные теоретические исследования, проведенные в 1990-е годы, и достигнутые в них практические обобщения вселяют уверенность и в современных условиях.

Одновременно можно сказать, что переговоры — это не только наука, но и искусство, так как они уникальны, сложны, конфликтны в своей основе, на них накладываются человеческие страсти, надежды, желание достигнуть цели, в них присутствует значительный элемент творчества, что не позволяет их алгоритмизировать, и очень многое зависит от личности переговорщика.

Типы переговоров

Анализ опыта проведения операций по освобождению заложников отечественными и зарубежными правоохранительными органами позволяет классифицировать переговорный процесс по различным признакам.

Большое значение для выработки тактики переговоров и принятия решений оперативным штабом имеет следующее обстоятельство: был ли захват заложников заранее подготовлен и спланирован или же он был стихийным и решение о нем принималось преступниками под влиянием каких-либо вынужденных причин, например, вандали при ограблении, при попытке захватить транспортное средство и др.

Другим существенным основанием для типового деления переговоров является следующее обстоятельство: переговоры проводятся реально или «для прикрытия». К первым прибегают, когда стороны действительно хотят договориться и предпринимают для этого соответствующие шаги. Переговоры «для прикрытия» осуществляются оперативным штабом в ситуации, когда уже принято решение о штурме (условия для ведения подобных переговоров будут указаны ниже), и обеспечивают выполнение тактических задач: оттянуть время, побудить преступников к перемещению, освободить хотя бы несколько заложников, утомить преступников и т. д.

Другие известные классификации построены на основе деления переговорного процесса по самым разным основаниям:

- 1) по цели проведения: освобождение заложников и похищенных людей (в том числе детей), предупреждение взрывов, поджогов, отравлений и других подобных акций, выдача похищенного оружия, взрывчатых и отравляющих веществ, бактериологических, радиоактивных и других материалов, возвращение похищенных культурных и исторических ценностей, сдача преступников властям и др. (могут одновременно достигаться две и большее число целей);

- 2) по мотивам действий преступников: политические, националистические, корыстные, незаконная эмиграция, уклонение от задержания, освобождение из-под стражи, месть, иные преступные намерения (имеют место в различных совокупности этих мотивов);
- 3) по отношению к преступлению и возбуждению уголовного дела: переговоры проводятся до совершения преступления, в период совершения преступления, после совершения преступления, до возбуждения уголовного дела или после его возбуждения;
- 4) по длительности: краткосрочные (их период определяется часами), среднесрочные (их период определяется сутками) и, наконец, длительными (их период исчисляется неделями, месяцами и даже годами);
- 5) по числу сторон: двусторонние, многосторонние (когда каждая сторона имеет собственные интересы при переговорах);
- 6) по числу участников: один на один (представители каждой стороны), по несколько человек с каждой стороны, между группами людей; возможны различные комбинации численности сторон в зависимости от ситуации;
- 7) по степени сложности: простые (когда обсуждается одна тема переговоров), сложные (когда обсуждается ряд вопросов в их последовательности и преемственности), смешанные;
- 8) по уровню представительства: низкий уровень: местный уровень (городской, районный), уровень республики, края, области, государственный уровень, межгосударственный уровень, смешанные уровни представительства;
- 9) по характеру осуществления контакта сторонами, участниками в переговорах: прямые (непосредственный контакт), через посредников (переводчиков), с участием третьей нейтральной стороны, смешанный тип переговоров;
- 10) по форме контакта сторон, форме ведения переговоров: устные, письменные, с применением технических средств (радио, телефон, сотовая связь, видеосвязь и др.) и без их применения, смешанная форма контакта сторон;
- 11) по степени гласности: гласные (о ходе которых информируется общественность), негласные, или тайные (когда прижизненно необходимым не сообщать о них по различным оперативно-тактическим и иным основаниям, по договоренности сторон);
- 12) по характеру условий, выполняемых преступниками: приемлемые, частично выполняемые, невыполнимые.

Практика ведения переговоров с преступниками требует также разграничения ситуаций в зависимости от следующих элементов оперативной обстановки:

- известности или неизвестности места нахождения преступников и заложников;
- стационарного места нахождения преступников и заложников (жилой массив, следственный изолятор, ИТУ, промышленный объект, предприятия, учреждения, полевые условия и др.) или нахождения их в движении (различные виды транспорта);
- возможности или невозможности применения к преступникам силы (физической силы, специальных средств, оружия);
- наличия данных о личности преступников и их жертв, о преступных намерениях и т.д.

Основные этапы и тактика переговорного процесса

Являясь составной частью оперативно-тактической операции, проводимой правоохранительными органами, переговоры с преступниками обычно содержат следующие компоненты:

- специфической криминальной ситуации, требующей ведения таких переговоров, без которых невозможно достижение планируемых целей;
- диалог сторон – субъектов переговоров – для достижения ожидаемого результата;
- решение задач предупреждения, раскрытия и расследования преступлений и вопросов, связанных с ними, путем достижения соглашения;
- исполнение обязательств, возятых на себя сторонами в случае положительного исхода переговоров.

После получения информации о захвате заложников создается оперативный штаб. Решение о вступлении в переговоры с преступниками принимает руководитель операции, оценив оперативную обстановку: силы и средства, готовые к участию в операции; условия и обязательства ситуации; наличие у преступников оружия, взрывчатых, горючих или отравляющих веществ, других средств поражения.

Со стороны террористов переговоры, как правило, осуществляет их лидер – руководитель преступной группы. Бывают случаи, когда лицом, захватившим заложников, предлагает выделить представителя (посредника), с тем чтобы в более спокойной обстановке

обсудить выдвинутые ими условия. Обычно преступники на это не идут и предпочитают слышать ход переговоров, так как опасаются, что их представитель может пойти на поводу у сотрудников правоохранительных органов, оказавшихся вне контроля участников. Эти сомнения необходимо рассеять, предложив преступникам самим определить, где и когда может быть установлен контакт с их представителем, как будут информироваться о ходе переговоров остальные участники преступной группировки. При этом следует проявлять осмотрительность. В одной из операций переговоры едва не закончились стрельбой, поскольку преступники решили, что их посредник задержан в здании аэропорта, так как они длительное время не имели сведений о нем.

Среди благоприятных для ведения переговоров факторов можно перечислить следующие:

- отсутствие жертв при захвате заложников;
- уменьшение угрозы заложникам и переговорщикам;
- выполнение преступниками просьб заложников и лиц, ведущих переговоры;
- увеличение времени переговоров;
- учет преступниками реальной обстановки и возможности выполнения выдвигаемых ими требований;
- отсутствие среди преступников лиц, страдающих психическими заболеваниями.

В некоторых случаях преступники сами требуют, чтобы переговоры вел человек, обладающий властными полномочиями, и даже могут назвать вполне определенное лицо. Надо признать, что существуют примеры успешного проведения операций, когда в качестве переговорщика выступал представитель властных структур. Со стороны оперативного штаба переговорщиком может быть и руководитель операции, однако лучше, если он назначается из опытных оперативных работников, заранее прошедших необходимую подготовку и владеющих языком, на котором могут изъясняться преступники (если в этом есть необходимость). Переговорщик может выступать в качестве представителя государственных или общественных организаций. Легенда прикрытия и экранировка этого сотрудника определяется заранее, с учетом его подготовки и характера операции.

Так, в апреле 1997 г. в приемную администрации Новосибирска позвонил неизвестный гражданин, который потребовал крупную сумму денег, а в случае невыполнения его требований пообещал осуществить в городе серию взрывов. Уже через полчаса к работе при-

ступил оперативный штаб, а переговоры с преступником стал вести от имени администрации сотрудник ФСБ Н. Буймов, имеющий психологическую подготовку. В результате грамотно проведенных переговоров (они длились более суток), осуществлении оперативно-технических и розыскных мероприятий преступники были арестованы, а в марте 1998 г. приговорены к различным срокам лишения свободы.

Первоначальный период, который, собственно, еще не является переговорами в полном смысле этого слова, характеризуется внезапностью действий преступников, их стремлением подавить волю представителей правоохранительных органов. Преступники могут поступить в ход разного рода оскорбления, угрозы, шантаж, предъявить ультимативные требования о выполнении в краткие сроки выдвигаемых условий. Правильной тактикой в создавшейся экстремальной ситуации является демонстрирование психологической устойчивости, снятие эмоционального напряжения, возможное затягивание переговоров, с тем чтобы выиграть время для всестороннего уточнения обстоятельств совершенного преступления, осуществления разведывательных (диагностических), поисковых мероприятий, заключающихся в выяснении личности преступников, их численности, наличия судимости, возрастных, физических, психических и других особенностей, а также сведений о намерениях, связях, видах и количестве оружия, которым они располагают. Одновременно выясняются число захваченных людей, их установочные данные, местонахождение, отношения с преступниками, состояние их здоровья. Проводится рекогносцировка для выбора наиболее целесообразной формы дальнейшего ведения диалога (устный, с использованием средств связи, усиления звука, через посредников, переводчиков, шкандырь). С учетом собранной информации принимается решение о задействовании сил и средств, включая спецсредства и оружие, для обеспечения безопасности, возможного пресечения преступных действий силой.

В обстановке дефицита времени, при затрудненности общения в первоначальный период переговоров основное внимание следует уделить установлению и развитию контактов с лицами, захваченными заложников, поиску с ними «общего языка», внушению им чувства доверия к представителям правоохранительных органов, ведущим переговоры, терпеливому и спокойному обсуждению возникшей конфликтной ситуации.

Уже в самом начале операции важно правильно оценить, в какой момент необходимо вступить в переговоры. Верно выбранный момент для установления контакта позволяет дать преступникам

время успокоиться. Предварительный контакт может обострить их стресс до предела, толкнуть к выдвиганию нелепых и угрожающих требований. Если у них есть время успокоиться и реалистически оценить ситуацию, то требования могут быть более разумными. Вместе с тем оттягивать переговоры тоже опасно, так как в ситуации неопределенности преступники могут повести себя неадекватно. При первичном контакте с преступниками можно начинать с самых общих моментов: установления формы взаимного обращения, просьбы вести себя спокойно, внимательного выслушивания и уточнения требований.

Необходимо учитывать, что захват заложников – в большинстве случаев подготовленная и спланированная преступниками акция. Лица, совершившие захват, этим действием уже относят себя к преступникам, и степень их уголовной ответственности будет во многом зависеть от дальнейшего развития событий. Огромное психическое напряжение и переизживание, вплоть до стрессового состояния, они испытывают во время осуществления первых шагов: от того, насколько успешно ими будет осуществлен захват и как поведут себя заложники и правоохранительные органы, зависит первоначальное отношение преступников к возможности успешно реализовать собственные намерения. В этом смысле можно умело использовать важнейший инструмент адаптивного поведения, глубоко заложенный в инстинктивную структуру всякого человека, – страх, исполнительный зачастую словесно-логическому мышлению, находящийся в «нижних этажах» мозга. Страх как осознание ответственности за свои действия, страх перед возможной гибелью при применении правоохранительными органами силы, как бы он ни маскировался, пронизывает все существо преступника (если это психически полноценный человек). «Я видел, – сообщил один из осужденных за захват заложников, – как многие из нас дрожали, холодный пот заливал глаза, уши прислушивались к малейшему шороху и лязгу за стеной, казалось, вот-вот вернется, начнется стрельба» (Илларионов, 1993, с. 72).

Анализ показывает, что в первые минуты осуществления операции преступники достаточно агрессивны. Они хотят убедить всех в серьезности своих намерений, подавить волю заложников, не допустить вмешательства в ситуацию окружающих людей. Поэтому на первом этапе предпринимать какие-либо шаги, препятствующие действиям преступников, со стороны неподготовленных людей (включая заложников) бесперспективно и даже опасно. Оказание сопротивления вооруженным преступникам или активное вмеша-

тельство в ситуации спецразделений на начальной стадии инцидента также может привести к крайне агрессивным и опасным действиям с их стороны. Наоборот, следует демонстрировать готовность к диалогу и предоставить им инициативу в изложении требований.

На втором этапе, условно называемом «захватом позиций», организуется задействованию сил и средств, обеспечивающих общественную безопасность, оценивается возможность разрешения конфликта силой, предпринимаются попытки путем психологического воздействия склонить террористов к отказу от преступного поведения.

На данном этапе переговоров возможен перехват инициативы в диалоге, обеспечивающий повышение эффективности психолого-педагогического воздействия на преступников, склонившие их к отказу от противоправного поведения и от действий, опасных для жизни как заложников, так и самих преступников. Это выражается в том, что противоположная сторона снижает свою активность, делает паузы для ответа на предложения стороны, захватившей инициативу, теряет последовательность в своих утверждениях и требованиях, занимает оборонительную позицию, прислушивается к доводам и суждениям другой стороны.

На третьем этапе происходит обсуждение приемлемости выдвинутых условий, поиск компромиссов, нахождение вариантов взаимоприемлемых решений, «торг», психологическая борьба.

На четвертом этапе достигается полное или частичное соглашение, определяются пути его реализации, анализируется проведенная работа.

Приведенная этапность отражает ход успешных переговоров, но так происходит не всегда. Успех переговоров – это не только полный отказ преступников от своих замыслов, но и обеспечение безопасности, сохранению жизни и освобождение заложников. На всех этапах переговоров надо постоянно стремиться к уменьшению числа заложников, в первую очередь женщин, детей, больных и пожилых людей, используя все поводы для постановки этого вопроса. Освобождение каждого заложника – успех, достигнутый переговорщиками.

Так как переговоры с преступниками являются сложным видом деятельности, к ним нельзя подходить чересчур формально. Хотя этапность переговоров имеет место в жизни, надо понимать условность перехода от одного этапа к другому, возможность появления самых неожиданных обстоятельств, изменения тактики и содержания переговоров в зависимости от конкретной ситуации.

Что касается тактики затягивания переговоров, то в ней имеются как плюсы, так и минусы. К положительному моменту следует от-

ности снижается чувство тревожности: это для большинства людей ведет к тому, что рассудочная деятельность начинает преобладать над эмоциями. Полученная о преступниках информация позволяет принимать более взвешенные решения. Возрастают естественные потребности террористов в питании, сне и т. п. Надо также учитывать и то, что вынужденно и угрозам люди легче поддаются в состоянии усталости. Начинает формироваться «стокгольмский синдром» (что повышает шансы заложников остаться в живых), а иногда и появляется возможность убежать. При умелом ведении переговоров между противоборствующими сторонами может установиться доверие и лучшее взаимопонимание. Наконец, инцидент может быть исчерпан сам собой. Известны случаи, когда преступники просто отпустили часть или даже всех заложников, получив требуемую сумму денег и удерживая только экипаж самолета или вертолета для того, чтобы покинуть место, где проходили переговоры.

К отрицательному моменту затягивания переговоров эксперты относят подверженность персонала штаба усталости и непредвиденным трудностям, что может привести к ошибкам. Искренне желая покончить с инцидентом, силы порядка могут попытаться ускорить события, ослабить бдительность, приблизиться к захватчикам без надлежащих предосторожностей. Как уже отмечалось выше, негативным моментом «стокгольмского синдрома» является также снижение объективности информации, которая может быть получена от заложников.

Стремление добиться выигрыша времени чаще всего объясняется необходимостью согласования с руководством, властями, должностными лицами тех или иных вопросов, получения разрешений, желанием всесторонне и глубоко разобраться в условиях, которые выдвинули преступники, сложностью технического и процедурного их выполнения, отсутствием в наличии требуемых сумм денег, транспорта и т. д. Нередко «уголаживание» преступников идет столь интенсивно, без пауз, что не дает им возможности оценить в полной мере доводы, выдвигаемые представителями правоохранительных органов и другими лицами, принимающими участие в диалоге. Между тем мастерство переговорщиков проявляется, в частности, в умении исходя из тактических соображений создавать паузы (перерывы) в переговорах. Они дают возможность всесторонне обсудить сложившуюся обстановку, найти новые подходы в диалоге, принять дополнительные меры обеспечения безопасности. Паузы в переговорах являются также сильным средством психологического воздействия на лиц, захваченных заложников. В обстановке «информацион-

ного голода» у них усиливается чувство неуверенности и сомнения в достижении задуманного.

В ходе переговоров рекомендуется не доводить до сведения преступников информацию, усугубляющую их уголовную ответственность (например, если в результате действий террористов кто-либо погиб, но преступники об этом не знают), чтобы не подтолкнуть их к более жесткой линии поведения.

Требования, предъявляемые к переговорному процессу

При ведении переговоров оперативный штаб и переговорщики основываются в своих действиях на совместном приказе МВ и МВД России от 15 декабря 1992 г. №0288/086. Данный приказ призывает от руководствоваться следующими правилами и требованиями в ходе осуществления переговорного процесса с преступниками, захватившими заложников:

- не начинать переговоры без точной оценки экстремальной ситуации и без продуманных правил их ведения;
- учитывать, что переговоры с лицами, захватившими заложников, – это гуманное и исключительно трудное дело;
- не привлекать к переговорам лиц, не вызывающих доверия у террористов;
- не давать перереальных обещаний противостоящей стороне;
- не предлагать террористам больше того, что они просят;
- держать инициативу в своих руках, предпринимать активные конструктивные действия по поддержанию и развитию диалога с пользой для достижения цели переговоров;
- внимательно слушать лиц, захвативших заложников и показывать, что их слышат, понимают то, что ими было сказано;
- разумно использовать время, говорить только по существу ситуации или в соответствии с тактикой оперативной игры, не игнорировать жизненно важных интересов лиц, захвативших заложников;
- не уклоняться от рассмотрения незначительных просьб лиц, захвативших заложников;
- при любом обещании выполнить пожелание лиц, захвативших заложников, давать им понять необходимость и логичность полученных уступок взамен;
- не устанавливать жесткие сроки исполнения договоренностей;
- уклоняться от передачи противнику оружия, отравляющих, бактериологических веществ и боеприпасов или новых заложников,

от освобождения находящихся под стражей преступников с нарушением правовых процедур;

- проявлять гибкость, выдержку, терпение, не допускать первоначности, сохранять психологическую устойчивость, не проявлять признаки чрезмерного беспокойства за судьбу заложников;
- подавлять в себе неприязнь к террористам, не реагировать на оскорбления и другие эмоциональные проявления лиц, захваченных заложников;
- говорить доходливо, убедительно, привораживаясь к интеллектуальному уровню лиц, захваченных заложников;
- воздерживаться от разговоров и действий, которые могут вызвать обиду, раздражение и агрессивность лиц, захваченных заложников, не выдвигать ультимативных требований, чтобы не вызвать ожесточенного сопротивления с их стороны;
- возобновлять прерванные переговоры с террористами лишь спустя некоторое время, давать им успокоиться, но без риска утраты инициативы переговорщиков;
- избегать демонстрации силы во время переговоров.

Одновременно с ведением переговоров руководитель операции ставит задачу командиру подразделения на подготовку групп захвата и прикрытия (непосредственной поддержки) к освобождению заложников с применением силы на случай невозможности достижения конечной цели ненасильственными способами.

В процессе переговоров ведущий их сотрудник обязан:

- доложить руководителю операции о готовности к ведению переговоров;
- добиваться согласия террористов не применять оружие и насилие на время ведения переговоров;
- выяснить, кого представляют террористы и в чьих интересах они действуют;
- выяснить суть выдвигаемых преступниками требований и их готовность идти на компромисс;
- объективно оценить приемлемость требований преступников для мирного разрешения конфликта;
- склонять их к откату от своих требований и освобождению заложников;
- разъяснить им положения закона, предусматривающие освобождение от наказания или его смягчение в случае добровольного отказа от преступных намерений;
- вести переговоры в спокойном тоне, учитывая эмоциональное состояние преступников;

- докладывать руководителю операции о ходе и результатах переговоров.

Переговорщик имеет право:

- согласиться или отказаться от участия в переговорах;
- знакомиться с имеющейся информацией, связанной с ситуацией по освобождению заложников;
- участвовать в обсуждении плана операции;
- принимать решения во время ведения переговоров в пределах поставленной оперативной задачи, о чем при первой возможности докладывать руководителю операции.

Американские специалисты сводят общие требования к организации переговорного процесса в ходе проведения операции по освобождению заложников к следующему:

- максимально изолировать преступников, исключив руководство их действиями со стороны, передачу им оружия, боеприпасов, наркотиков, продуктов питания, документов и т.д.;
- не предлагать преступникам обмен заложника на сотрудника правоохранительных органов¹;
- не поручать ведение переговоров посторонним или некомпетентным лицам;
- не вести переговоры на близком расстоянии, так как это может спровоцировать преступников открыть огонь или же попытаться увеличить число заложников, крайне обострив тем самым оперативную ситуацию;
- в ходе переговоров органы правопорядка должны быть готовы к различным неожиданностям (так называемым нештатным ситуациям);
- переговорщик должен поддерживать связь с руководителем операции по отдельной линии, иначе не исключена утечка информации к преступникам;
- руководитель операции должен организовать связь с командиром подразделений, вышестоящим руководством, а также с другими лицами, контакт с которыми может помочь успешному ходу операции.

По мнению зарубежных специалистов, в некоторых случаях лица, ведущие переговоры с преступниками, могут не знать деталей

¹ В нашей стране широко известны два случая, когда сотрудник антитеррористических подразделений или на подобный риск: в 1988 г. Е. Шарометьев, в 1997 г. А. Савельев. В последней операции сотрудник погиб.

или конечных планов руководителей операции, выходящих за рамки переговорного процесса (например, решение конфликта силовыми методами). В этом случае преступники могут заметить неискренность интонаций, небрежность или излишнюю уступчивость в согласовании условий выполнения требований. Считается, что переговорщик, если он не является оперативным сотрудником, не всегда должен знать информацию, полученную в процессе служебного контроля преступников, так как в стрессовой ситуации самоконтроль существенно затруднен. Однако, по нашему мнению, сотрудникам, прошедшим соответствующую подготовку и выходящим в непосредственный контакт с преступниками в момент штурма, легче правильно среагировать на негативную ситуацию, ход развития которой они могут знать или предполагать.

Зарубежные специалисты полагают, что тактика обмена заложников на других лиц неудовлетворительна по многим причинам. Террорист может требовать обмена заложников на родственников или друзей, чтобы составить себе «публику для самоубийства». Обмен заложника на сотрудника органов безопасности только усиливает напряженность, потому что последний представляет собой большую угрозу для террориста. Кроме того, антисоциальному типу преступника более «престижно» убить сотрудника правоохранительных органов, символизирующего власть, чем рядового гражданина. К тому же, поскольку процесс осуществления обмена довольно сложен, имеется риск просто предоставить террористу еще одного заложника, никого не получив взамен.

Анализ материалов по проблемам борьбы с террористами, сценариям переговоров с преступниками, впечатлений участников операций по освобождению заложников позволяет выделить ряд негативных обстоятельств, снижающих эффективность процесса переговоров:

- нередко невысокий культурный уровень, слабое знание признанных стереотипов цивилизованного поведения, особенностей этики межличностного общения затрудняют установление доверительных и продуктивных отношений между людьми, ведущими переговоры;
- неумение снижать эмоциональный фон обсуждения спорных вопросов, «выпустить пар» у наиболее экспансивных участников переговоров, отсюда терпеливость, «перескакивание» с одного вопроса на другой, дискретность, незавершенность обсуждения позиций;

- отсутствие способности полностью выслушать противостоящую сторону, суть ее условий, систему доводов и опровержений, всю ее аргументацию, понять логику рассуждений, осознать, чего она добивается по существу;
- игнорирование важности рефлексивного анализа, т. е. попытки мысленно встать на позицию противостоящей стороны и осознать мотивы ее требований, возможные способы их удовлетворения в ходе переговоров, приемлемые для обеих сторон;
- выдвигание явно неприемлемых требований, не учитывающих пределов компетенции и возможностей другой стороны, апелляция к вышестоящим инстанциям в случаях, когда можно решить вопрос на более низком уровне;
- распространность «запрещенных приемов» ведения дискуссии, переход «на личности», отсутствие заранее обговоренных процедур диалога и его временных характеристик, принятых сторонами «правил игры», что способствует конструктивному обсуждению спорных проблем;
- ведение прямих переговоров сторон в особо острых, конфликтных ситуациях, когда роль посредника оспаривается той и другой стороной, что нередко приводит к ненужному обострению ситуации, к ее эскалации, к некачественной информации («эффект «испорченного телефона»);
- отсутствие моральной ответственности за достигнутые договоренности («согласился, а там видно будет по обстоятельствам»), немотивированный отказ от согласованных решений, отсутствие стабильности в этой стадии договорной практики.

*Психологические требования к переговорщику
и к условиям ведения переговоров*

Переговоры с лицами, захваченными заложниками, представляют собой вынужденную ситуацию общения для каждой из сторон, причем далеко не привлекательную с точки зрения характера и условий протекания. Однако обойтись без переговоров, как правило, не представляется возможным, так как они зачастую являются одним из условий реализации намерений лиц, совершивших захват заложников. Учитывая специфику данного вида переговоров, оперативному составу важно заблаговременно готовиться к подобным контактам, не только в организационно-тактическом плане, но и в психологическом.

Выдвигаются высокие требования к личным и деловым качествам переговорщика. Это обусловлено тем, что в процессе перегово-

ров ему предстоит решить множество задач информационно-психологического обеспечения:

- выявить принадлежность преступников к той или иной террористической организации, чтобы знать пределы их действий;
- оценить сложившуюся ситуацию с точки зрения реальной угрозы жизни заложников при дальнейшем развитии событий;
- уметь психологически грамотно вступить в переговоры, устанавливать, по возможности, психологический контакт с преступниками, не провоцировать их на агрессивные, непродуманные действия;
- максимально использовать ситуацию переговоров для получения информации о личности преступников и наличии у них уязвимых (в оперативном смысле) качества, знание о которых может помочь освобождению заложников;
- быть подготовленными к рефлексивному управлению поведением преступников с помощью изменяющейся информации или путем создания специфических ситуаций, используя основные зависимости преступников от лиц, к которым они предъявляют свои требования;
- уметь оценивать физическое и психологическое состояние преступников с точки зрения прогнозирования их дальнейшего поведения;
- учитывать личностные, национальные, моральные и иные качества преступников для выработки оптимальной линии поведения группе по освобождению заложников.

К личным и деловым качествам переговорщика предъявляются следующие требования:

- абсолютная убежденность в необходимости переговоров;
- реальное и отчетливое понимание необходимости (в случае неуспеха) вооруженного задержания преступников;
- осведомленность о терроризме как о социальном явлении и знание основных характеристик террористических организаций;
- наличие сформированных умений и навыков ведения разнообразных (групповых и индивидуальных) бесед с террористами;
- умение слушать собеседника;
- умение войти в доверие и найти компромиссное или иное конструктивное решение;
- умение устанавливать и закреплять психологический контакт с различными лицами;

- наличие необходимых знаний и навыков для ориентации в психологическом состоянии собеседника по внешнему виду и поведенческим реакциям;
- умение снять психическое напряжение у себя и собеседника;
- способность приводить аргументы, убеждающие собеседника в разумности и рациональности своей точки зрения;
- обладание психологической устойчивостью, навыками психической саморегуляции (умение не реагировать на брань, насмешки и оскорбления);
- способность сохранять хладнокровие в окружении людей, которые растеряны или напуганы, что также требует сформированных навыков психической саморегуляции.

Для ведущего переговоры нежелательны такие качества, как:

- чрезмерная самоуверенность в собственных силах и возможностях;
- не обоснованные оперативной необходимостью проявления власти и строгости;
- проявление пренебрежения к лицам, с которыми ведутся переговоры;
- неприятие собственных оценок и мнений;
- слишком явная физическая непривлекательность (например, косметические дефекты), отвлекающая внимание в ходе непосредственных контактов с преступниками, или наличие других дефектов, например, занозы;
- атлетическое телосложение, которое, как показывает практика, вызывает у преступников чувство тревоги за свою безопасность при непосредственном контакте;
- неаккуратность, неряшливость в одежде;
- плохое поставленная дикция, вызывающая трудности во взаимном понимании;
- эмоциональная возбужденность, выражающаяся в поведении и речи;
- необоснованные заигрывания с преступниками и доведение до них информации, которая может помешать проведению операции по освобождению заложников.

На психологическое состояние человека влияют комбинации различных факторов. Их вариации неистощимы и зависят от специфики ситуации, особенностей личности преступников, психометрической изобретательности переговорщика.

Положительное влияние на ход переговоров могут оказывать представители общественности, средства массовой информации, местные авторитеты, силовикослужащие, родные и близкие преступников. Их участие в переговорах должно предшествовать предварительной проработке им линии поведения. Однако следует отдавать отчет в том, что привлечение к переговорам этих категорий участников может дать тактические преимущества при проведении операций, но крайне редко способствует кардинальным изменениям планов преступников.

Следует особо выделить роль женщин в группе преступников, захвативших заложников. Практика показывает, что при совершении террористического акта женщины отличаются большими, по сравнению с мужчинами, безрассудством, смелостью, жестокостью, они менее склонны к морализированию. Из них легче формируется так называемый экстремистский состав смертников.

Рефлексивное управление ходом переговоров

Любые переговоры включают элементы рефлексии – «прорачитывание» возможных «ходов» и направлений развития обсуждения в ту или иную сторону. По своей сути переговоры с лицами, захватившими заложников, – это столкновение конфликтующих структур, а потому рефлексивное управление поведением противника при правильном использовании является инструментом достижения определенных преимуществ в разрешении конфликта.

Рефлексия в переговорном процессе заключается в возможности представить последовательность хода рассуждений взаимодействующих сторон, а также их последующее поведение на основании получаемой информации, имеющихся возможностей и целей, поставленных перед участниками переговоров. Рефлексия отличается от анализа и прогнозирования тем, что, наряду с учетом других элементов оперативной обстановки (количества преступников, их вооружения, особенности местоположения и т.д.), она основывается на моделировании психологии и мыслительных операций каждой из сторон.

Сложность рефлексии в оперативной деятельности, в отличие от других видов деятельности, состоит в том, что, например, шахматист, прорачитывая возможные варианты, видит на доске все фигуры противника, а оперработник может только догадываться, что еще окажется в арсенале у преступника. Отсюда следует, что залог успешного рефлексивного анализа кроется в профессиональном опыте, нали-

ции комбинаторного мышления, в объеме получаемой информации, а также в способностях правильно ею воспользоваться. Опасность и риск использования рефлексии заключается в амбициозной, благодушной и надменной уверенности, когда оперработнику только кажется, что он правильно угадал и использовал ход мыслей преступника, а потом выясняется, что эти расчеты оказались неверными.

Рефлективное управление переговорным процессом предполагает анализ межличностных отношений, складывающихся в преступной группе, что имеет важное значение для оценки оперативной обстановки и планирования дальнейших действий по освобождению заложников. Лидером, как правило, является один член группы, но он может смениться по ходу переговоров. Так, в 1987 г. в Болгарии при захвате заложников основной организатор восточил свои физические и духовные силы, встал в апатию, а роль лидера взял на себе более молодой и выносливый участник, остававшийся агрессивным и непреклонным до последних часов операции. Надо отдавать отчет в том, что преступники и сами активно используют рефлективное управление и различные способы психологического давления на представителей спецслужб.

Переговорщик должен уметь использовать в выгодном направлении элементы ролевого поведения и не раскрывать даже непроизвольно истинных замыслов оперативного штаба. Потребность в этом возникает в случаях, когда переговоры осуществляются для отвлечения внимания или для «прикрытия».

*Особенности переговоров с лицами,
страдающими психическим расстройством*

Захватившие заложников преступники (значительная часть которых подвержена психозам и неврозам) в этой тяжелой ситуации впадают, по наблюдению переговорщиков, в психическое состояние, напоминающее остро протекающее реактивное состояние. В этих случаях психологическое воздействие должно быть дополнено элементами психотерапии как метода лечебного воздействия, корректирующего поведение преступника. По мнению зарубежных и отечественных специалистов, в таких случаях к переговорам следует привлекать психологов и психиатров, хотя некоторые эксперты склонны отводить им скорее роль консультантов, чем участников переговорного процесса. По моему мнению, последнее справедливо прежде всего по отношению к специалистам, которые не являются сотрудниками правоохранительных органов и не располагают

опытом ведения переговоров с патологическими типами преступников.

Среди душевнобольных, которые идут на преступления, встречаются лица, страдающие шизофренией, маниакально-депрессивными, острыми реактивными состояниями и различными неврозами. Для каждого заболевания характерен определенный тип поведения и внешне проявления. Поэтому в группу переговорщиков желательно привлекать специалистов, обладающих навыками психотерапии.

Основная задача общения с подобными террористами – не спровоцировать их на агрессивные действия, снять эмоциональное напряжение путем перевода обсуждения на темы, прямо не касающиеся ситуации захвата, но предлагаемые преступником. Чаще всего в группах преступников встречаются лица не с явной патологией, а социально дезадаптированные личности с пограничными состояниями психики, т.е. психопаты.

Существует целый ряд признаков поведения и внешних проявлений, благодаря которым опытный специалист может определить тип заболевания. Для оперативного работника достаточно понять, что элементы патологии присутствуют. Дальнейшие действия лучше предпринимать, консультируясь со специалистами, так как тактика переговоров в этих случаях во многом зависит от характера заболевания.

Прежде всего необходимо снять трехмерное эмоциональное напряжение у собеседника не только призывая сохранять спокойствие, но главным образом отвлекая его от обсуждаемой темы. «Отвлечение внимания» является весьма эффективным приемом перевода диалога в рамки обсуждения конкретных соображений, доводов и контрдоводов, исходя из специфики случая. Оно обычно реализуется в форме вопросов о личности пациента, его жизни, родителях, окружении, путем перехода на темы, интересующие собеседника. Психиатры предлагают использовать отвлекающие приемы, например, внушение образов, снижающих агрессивность. Это достигается посредством анализа характерных деталей его высказываний, выделения доминирующих элементов суждений, приведших к общественно опасным действиям, «замени» их другими, не связанными с возникшей ситуацией. Большое значение также имеет спокойное поведение переговорщика, будничная или сугубо деловой тон разговора.

Основные исследования по психологическим проблемам переговорных процессов с преступниками проводятся в Центральной научно-исследовательской лаборатории психофизиологии и психо-

логию труда ФСБ России. В частности, анализируются возможности диагностики состояния психики лиц, задержанных заложников. Наиболее часто встречаются следующие варианты психических расстройств: острый психоз, затяжное психотическое состояние, аффективные расстройства, расстройства личности, интеллектуально-мнестические расстройства (различные виды слабоумия). Сотрудниками лаборатории анализируются данные о внешних проявлениях различных психических расстройств, разработаны рекомендации по ведению переговоров с лицами, имеющими явные или скрытые психические заболевания¹. Лаборатория занимается также организацией и проведением профессионального психологического отбора в органах федеральной службы безопасности.

*Признаки лживости в поведении террористов,
выявляемые в ходе переговоров*

Сотрудникам оперативного штаба и переговорщикам следует учитывать, что опасно использовать ложную информацию, достоверность которой можно проверить, или применять другие неадекватные для данной ситуации уловки, провоцирующие террористов на агрессивные действия. Например, передавая требуемые деньги (раньше довольно часто для этого изготавливали «куклу» или использовали фальшивую валюту), надо учитывать, что преступники могут заранее заготовить детектор для проверки валюты.

Кроме того, в подавляющем большинстве переговоров сами террористы используют разные формы лжи. Многие из них блефуют и таким образом стремятся запугать силы правопорядка, не исполняют взятые на себя обязательства, скрывают или изменяют данные, позволяющие установить их личность, характер их вооружения, истинные мотивы преступления и дальнейшие планы.

Как правило, важным источником информации о преступниках и их намерениях становится именно переговорный процесс, а также сопутствующие ему мероприятия, например, передачи питания, средств связи, денег и т. п. Террористы стараются затруднить правоохранительным органам визуальный контроль и ограничить другие способы получения информации. При этом в ход идут средства маскировки (например, в автобусе задерживаются исторки), дезинформация, для доведения которой до оперативного штаба преступники

¹ Например, доказано, что с преступниками, находящимися в состоянии острого психоза, не рекомендуется прибегать к противоречивым и порубужденным, важно проявлять сочувствие к их переживаниям.

иногда используют и заложников. Отпущенные заложники, если таковые имеются, могут дать важную информацию о террористах, однако зачастую она имеет лишь общий характер, так как пострадавшие испытали сильный эмоциональный шок, а потому далеко не всегда фиксируют детали, действительно важные для проведения операции по освобождению остальных заложников.

Таким образом, в группу, обеспечивающую переговоры, особенно если они носят затяжной характер, желательно включать консультантов-психологов, имеющих опыт работы в оперативных подразделениях или привлекаемых этими подразделениями для оказания помощи при проведении оперативных мероприятий. В задачи этих специалистов входит оценка личностных характеристик преступников, анализ текущей информации и записей переговоров, в том числе на предмет выявления неискренности. В случаях, когда переговоры осуществляются непосредственно, переговорщик должен обращать внимание на особенности поведения преступников. При переговорах по радио тщательному анализу подлежат особенности голоса и речь террористов. Голос и особенности речи являются чрезвычайно информативными показателями эмоционального состояния человека. Не случайно американскими учеными для выявления лжи было разработано такое техническое средство, как «определитель стресса по голосу», в основе действия которого лежат измерения физиологических параметров речевой волны (Коллов, 2014, с. 69). К ним относятся: характер дыхательных движений; пульсация голоса, связанная с кровотоком; изменения основного тона голоса; анализ вибраций мышц голосового аппарата. В отличие от классических полиграфов анализаторы стресса по голосу действуют бесконтактно, и человек может не подозревать, что его речь проверяется с помощью «детектора лжи». Подобные приборы позволяют фиксировать изменения, плохо поддающиеся сознательному контролю, и показывают внутреннее состояние человека, которое явно не проявляется в поведении.

К наиболее характерным признакам волнения, которые могут проявиться в голосе и речи при передаче ложной информации, относятся следующие: непроизвольное изменение интонации; изменение темпа речи; изменение тембра голоса; появление дрожи в голосе; появление пауз при ответах на вопросы, которые не должны были вызвать затруднения; слишком быстрые ответы на вопросы, которые должны заставить задуматься; появление в речи выражений, не типичных для данного человека в обычном общении, или исключение типичных для него слов и оборотов; демонстративное подчеркивание (выделение) с помощью речевых средств (интонацией,

шутками) каких-либо фрагментов передаваемой информации, маскируя или искажая истинное отношение к ней.

В отличие от голоса человеку лучше удается контролировать свое лицо. По мнению специалистов, лицо лучше приспособлено ко лжи, так как обладает значительной «емкостью». Разнообразная мимика, движения глаз, направление взгляда (взора), перемещение фокуса взгляда в ходе общения, а главное – неоднородность проявлений различных состояний человека «вогне» могут подтолкнуть неподготовленного человека к неправильным выводам о подлинных причинах той или иной внешней реакции партнера по общению. Вместе с тем заметить признаки неискренности удается во многих случаях именно благодаря анализу движений глаз, мимики и выражения лица.

Ориентируясь на лицо партнера по общению для индикации лжи в ходе переговоров, наблюдатель должен быть обращено прежде всего на следующие параметры:

- *«бегающий взгляд»*: это традиционно отмечаемый признак, связанный с тем, что человек, не привыкший ко лжи или испытывающий по другим причинам тревогу в ходе ложных заявлений, с трудом «держит взгляд» партнера по общению и отводит глаза в сторону;
- *легкая улыбка*, по данным исследователей, часто сопровождает ложное высказывание, хотя может быть лишь формой проявления индивидуального стиля общения; улыбка, сопровождающая ложь, позволяет скрыть внутреннее напряжение, однако не всегда выглядит достаточно естественной;
- *микронапряженные ладьевид мускулы*: в момент ложного сообщения по лицу как бы пробегает тень; это лучше фиксирует видеосъемка, которая позволяет при замедленном режиме просмотра увидеть кратковременное напряжение в выражении лица, длящееся доли секунды;
- *контроль партнера в момент ложного высказывания*: собеседники, люди порой на короткий промежуток времени концентрируют свое внимание на лице партнера, так как пытаются оценить, насколько успешно им удалось ввести его в заблуждение;
- *элементарные реакции*: покраснение лица или его отдельных частей, подрагивание губ, расширение зрачков глаз, учащенное моргание и другие изменения, характерные для чувства стыда, страха и иных эмоций, сопровождают неискренность на подсознательном уровне (прежде всего это касается людей, не привыкших лгать и испытывающих при этом неловкость);

- *Функция зрачков глаз*: согласно данным специалистов по нейролингвистическому программированию (НЛП), существуют визуальная, аудиальная и кинестетическая зоны движений зрачков глаз, позволяющие «считывать» сигналы глазного доступа. Кроме этого, две из девяти зон нахождения в них зрачка глаза свидетельствуют о так называемом «конструировании» информации (фермии НЛП), что в ряде случаев может интерпретироваться как признак неискренности, так как речь идет о сознательных искажениях при выполнении каких-либо заданий, ответах на вопросы и т.д.

Рекомендация по технике ведения переговоров

Для снятия напряженности и создания обстановки, благоприятной для ведения переговоров, переговорщику целесообразно:

- демонстрировать внимание и серьезное отношение к первоначальным требованиям преступников, даже если некоторые из них неприемлемы;
- демонстрировать спокойствие, позволяющее преступникам сделать вывод, что решительные меры принимаются в данный момент не будут;
- внушать уверенность в благоприятном исходе, если будут соблюдаться договоренности сторон;
- детально обсуждать требования преступников, показывать, что все они оцениваются с точки зрения возможности их выполнения;
- стараться не давать эмоциональных оценок, не употреблять слов «бандиты», «возмездие» и пр.

Для установления психологического контакта с террористами переговорщик может:

- персонафицировать участников переговоров, назвать себя и попросить представиться другую сторону; если личность преступника установлена, обращение к нему по имени снимает эффект анонимности, к которому часто стремится лица, совершающие захват заложников;
- попытаться подстроиться под лексический строй другой стороны, вести диалог на доступном для нее уровне;
- апеллировать к проявлению положительных качеств личности, если таковые обнаруживаются в ходе переговоров;
- акцентировать внимание на проявлении гуманности к заложникам, показывать, что от этого зависит ход переговоров;

- в уместной форме и в удобный момент проявить сожаление, что пришлось прибегать к такому способу действий.

Для получения информации о лицах, захваченных заложников, переговорщик старается:

- стремиться к личному контакту с самого начала переговоров или на каком-то другом этапе, принимая в расчет и вопросы собственной безопасности;
- задавать вопросы, требующие развернутого ответа, стимулировать к обсуждению всех возможных проблем;
- внимательно слушать и вести запись;
- анализировать особенности голоса и речи, интонацию, паузы, акцент, а также, если есть возможность, обращать внимание на жесты, мимику и другие невербальные параметры общения;
- оценить психическое состояние преступника: находится ли он в состоянии стресса, каковы степень его контроля над собственным поведением, логичность и связность мышления.

Для убеждения преступников и аргументированного изложения своей позиции переговорщику целесообразно:

- согласиться с некоторыми взглядами и идеями, которые можно поддержать хотя бы из тактических соображений;
- сначала уточнить состояние заложников, а затем обсудить то, что больше всего волнует преступников;
- предложить следовать определенным принципам: не начинать переговоры под прицелом оружия, не отклоняться на обсуждение причин сложившейся ситуации, не переходить на личные выпады;
- четко сформулировать позицию, фиксировать достигнутые договоренности;
- обсуждать аргументы каждой из сторон, применяя логические законы: например, используя фразы типа «Допустим, мы это сделаем...», свести к абсурду явно невыполнимые требования, или задать преступникам серию вопросов, требующих однозначных ответов, т. е. принудить их отвечать на вопросы, требующие постоянного ответа «да» или «нет», и этим заставить самих дать устраивающий нас ответ;
- не стремиться к моментальному решению вопроса, так как любая идея, тем более в сложной ситуации, требует обдумывания, хотя преступников можно «поймать» на каком-либо просчете, именно предлагая быстро принимать решения.

Контакты в условиях переговоров с преступниками проходят в обстановке быстротечности событий, крайнего эмоционального напряжения, взаимной отрицательной оценки сторон, недоверия и подозрительности. Задачаность экстремальной ситуации заставляет общаться, устанавливать более или менее терпимые взаимоотношения. В процессе переговоров происходит сближение людей, находящихся на противоположных полюсах, в их позиций, разделенных «дистанцией огромного размера». Опыт успешно закончившихся переговоров свидетельствует о том, что даже в такой сложной ситуации можно убедить преступника (преступников) воспринимать переговорщика как человека порядочного, честного, прямого, благожелательного, в том числе и к нему, преступнику, как человека, который стремится ему помочь выпутаться из беды. Это достигается обычно путем краткой, но убедительной информации о человеке, ведущем переговоры от лица правоохранительных органов, его моральном облике, компетентности, жизненном опыте, его нравственном кредо, о целях его работы в условиях переговоров.

Создание положительного образа переговорщика в глазах преступника – немаловажная цель в ходе установления и развития психологического контакта. Если отношения не сложились, возможно, следует подумать о замене переговорщика дублером, у которого дела могут пойти лучше.

В переговорах с лицами, задержанными заложников, не следует преуменьшать значение содейного явля и возможное применение силы против них. Выбор оптимального сочетания убеждения и угрозы позволяет иногда склонять преступников к добровольной сдаче.

Преступники, заблаговременно готовящиеся к операциям с захватом заложников, как правило, заранее продумывают тактику поведения и возможный ход переговоров, поэтому оказывать на них убеждающее воздействие крайне сложно. Однако использование теоретических разработок по психологии переговоров и практического опыта осуществления операций по борьбе с террористическими акциями могут способствовать успешному достижению поставленных целей.

Работа правоохранительных органов со СМИ при осуществлении терактов

Во всем мире захват заложников обычно привлекает большое внимание средств массовой информации. Чем продолжительнее оказывается кризисная ситуация с заложниками, тем больше она освеща-

ется в СМИ. Поэтому спецслужбы должны заранее подготовиться к тому, что им придется общаться с прессой, радио и телевидением. Формы этих контактов различны: можно, например, раздавать корреспондентам информационные бюллетени и отчеты, которые заполняются на основе заранее разработанных бланков с последующим внесением текущей информации.

Контактировать с прессой должна специальная группа сотрудников, выделенных оперативным штабом. Как правило, это сотрудники Центра общественных связей, которые уже имеют опыт подобной деятельности и лично знакомы с представителями информационных агентств. Иные контакты с журналистами со стороны правоохранительных органов должны быть ограничены или вообще запрещены. Для корреспондентов можно подготовить помещения, в том числе помещения для пресс-конференций. Представители администрации объектов, на которых произошел захват (аэропорты, морвокзалы, железнодорожные станции и т. д.), также должны быть готовы к тому, что в критической ситуации они окажутся под давлением средств массовой информации.

При сообщении о действиях сотрудников антитеррористических подразделений следует помнить, что любая информация об операциях по освобождению заложников тщательно анализируется теми, кто вынашивает планы осуществления подобных преступлений. Недопустимо, как это было в декабре 1993 г., сообщать по каналам телевидения, что летчики во время тайной радиосвязи со штабом описали внешние данные взрывного устройства и обманули преступников, сказав им, что не заметили вертолет, ожидавший их в условленном месте. Информация о «промахах» раздражает и злит преступников, обрывает сотрудников правоохранительных органов и заложников на более жесткие действия, «подстегивает» их психологическую готовность к уничтожению участников операции. Более того, преступники получают информацию, способствующую совершенствованию методов осуществления преступных акций в дальнейшем.

Никогда успех проведенной операции и ощущение собственной значимости приводят к тому, что сотрудники правоохранительных органов тут же, что называется, «по свежим следам», дают интервью, раскрывая детали происшедшего, не считаясь с тем, что вскоре на их месте окажутся другие сотрудники и действовать им будет сложнее благодаря выводам, которые сделают преступники, ознакомившись с опубликованным материалом. Информация, предоставляемая оперативным штабом и участниками операций, должна прежде всего способствовать предупреждению преступлений.

Захват воздушного судна или другие ситуации с заложниками практически никогда не остаются без внимания общественности. Другое дело, как все будет преподнесено СМИ. Игнорирование контактов с прессой со стороны спецслужб приводит к тому, что журналисты используют собственные домыслы, выдвигают и публикуют версии происшедших событий, далеко не всегда соответствующие действительности. Поэтому важно, с одной стороны, формировать правильное понимание роли информации о проведенных операциях у сотрудников спецподразделений, с другой – вести работу с журналистами, которые должны отдавать себе отчет в том, какую роль может сыграть публикуемый ими материал.

Переговоры выступают наиболее эффективным способом преодоления социальных конфликтов и требуют пристального внимания специалистов, в том числе и психологов. Наибольшую психологическую трудность представляют переговоры с террористами, в которых представители правоохранительных органов выступают в крайних случаях, таких как захват заложников или похищение людей. Переговоры с террористами принципиально отличаются от политических или организационных переговоров, что обуславливается отсутствием у сторон общих целей: каждая из них стремится максимально достичь собственных целей с минимальным количеством потерь. Ошибки в такого рода переговорах могут представлять угрозу как жизни заложников, так и психологическому благополучию всего общества. Поэтому стратегия и тактика ведения таких переговоров выступают серьезной научной проблемой и заслуживают дальнейшего исследования.

Глава 15

Психологические операции в механизме современных международных конфликтов

Благодаря активному развитию информационно-коммуникационных технологий на рубеже XX и XXI веков значительно возросла роль информационного противоборства. История информационных угроз тянется из глубокой древности, где враждующие стороны использовали дезинформацию военного противника, отдельных групп населения либо конкретных людей как метод достижения своих целей (Смирнов, 2013). Подобные способы борьбы описаны в древнекитайских трактатах по военному искусству Суи-Цзы. Перечень 36 китайских стратегем включает тактике, как «убить чужим ножом» (№ 3), «тайно подкалывать хвост под котла другого» (№ 19), «стратегема севина раздора» (№ 35). Известный исследователь проблемы психологической войны Д. А. Волкогонов отмечает также, что древние римляне перед совершением военных походов распространяли слухи о превосходстве своих легионов, невиданной храбрости римлян и их неодолимой решимости добыть победу (Волкогонов, 1984).

Эволюция информационного противоборства шла многие века, а основным ее фактором выступало развитие средств коммуникации. Важное значение имели и достижения в области психологии и социологии, связанные с изучением сознания и поведения людей, которые использовались для совершенствования способов информационно-психологического воздействия.

Процесс современного информационно-психологического воздействия характеризуется следующими важнейшими особенностями: 1) утверждением информационной среды (прежде всего киберпространства) в качестве нового театра военных действий и сферы применения технологий «мягкой силы»; 2) появлением и совершенствованием специализированных информационных средств воздействия на противника; 3) формированием специальных институтов ведения информационного противоборства.

Информационные войны в настоящее время стали одним из главных инструментов в геополитическом противостоянии основных субъектов международных отношений и современной цивилизации в целом. В основе этого противостояния лежит борьба двух мировоззренческих парадигм развития цивилизации – западной, с приматом католических индивидуалистических ценностей, и восточной, с приматом коллективистических ценностей, социальной справедливости, взаимопомощи, главенства группового над индивидуальным.

В рамках информационных войн одним из главных направлений является проведение информационно-психологических операций¹, ориентированных на формирование условий для принятия выгодных для зарубежных государств и их деловых кругов решений в военной, политической, экономической и других областях в странах-мишенях, являющихся объектами информационно-психологического воздействия.

Комплексное использование психологических операций является распространенным средством политической борьбы не только во внешнеполитической деятельности, но и в деятельности внутрисполитической. В контексте рассматриваемой тематики особенно важно рассмотрение психологических операций как средства генерирования социальных конфликтов в целях достижения геополитических и иных целей.

Понятия психологической войны и психологических операций

Рассмотрению психологической войны и психологических операций необходимо начать с изучения более общего понятия информационной войны, которое в настоящее время является широко используемым как в научной литературе, так и в средствах массовой информации.

Сам термин «информационная война» (ИВ) был впервые употреблен в аналитическом отчете Томаса Рона «Системы оружия и информационная война», подготовленном в 1976 г. для компании «Boeing» (Рона, 1976).

1 В современной терминологии информационно-психологическое противостояние в основной организационной форме проявляется в информационно-психологических операциях. Считается, что термин «информационно-психологические операции» в отличие от «психологических операций» более точно отражает специфику воздействия на население оппонентов в политической борьбе, так как подчеркивает доминирующую роль информации и информационного воздействия на человеческую психику, однако принципиальной разницы между терминами нет, и они зачастую используются как синонимы.

По мнению экспертов, всплеск внимания к ИВ начался после войны в Персидском заливе в 1991 г. (операция «Буря в пустыне»). На основе анализа данного конфликта американский военный аналитик генерал-майор Г. Отис написал в своей работе: «Природа войны изменилась. Та сторона, которая выигрывает информационную кампанию, победит. Мы продемонстрировали всему миру: информация является ключом к современной войне в стратегическом, оперативном, тактическом и техническом отношении» (Adams, 1998).

В дальнейшем у ИВ стали появляться свои теоретики (Боричицкая, 2009). Необходимо отметить, что в США, где собственно и оформилась доктрина ИВ, в официальных документах, равно как и в научной литературе по тематике, для обозначения борьбы государств в информационной сфере используется единый термин «information warfare», который можно перевести и как «информационная война», и как «информационное противоборство». Учитывая милитаристское происхождение данного понятия, его американские дефиниции были настроены под военные цели. Так, в Объединенной доктрине информационных операций США 1998 г. (Adams, 1998) ИВ определяется как «комплексное воздействие (совокупность информационных операций) на систему государственного и военного управления противостоящей стороны, на ее военно-политическое руководство, которое уже в мирное время приводило к принятию благоприятных для стороны-инициатора информационного воздействия решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование инфраструктуры управления противника» (ibid., p. 6). В дальнейших редакциях отмеченного документа от термина «информационная война» отказались, заменив его термином «информационная операция».

В нашей стране при длительном отсутствии официальных дефиниций ИВ их изобилие наблюдается в научной литературе. Одним из наиболее кратких и лаконичных является, на наш взгляд, определение С. Н. Гриньева, согласно которому под ней понимается «широкомасштабная информационная борьба с применением средств информационного воздействия на противника в интересах достижения целей воздействующей стороны» (Гриньев, 2004, с. 83). Практически аналогично трактует понятие В. Ф. Прокофьев, делая дополнение в части указания объектов информационного воздействия — «психике людей, их индивидуального и общественного сознания, технических средств» (Прокофьев, 2005).

Большинство исследователей ИВ сходится в том, что она включает два основных направления, или вида: информационно-психическую войну, объектами воздействия в которой являются информацион-

но-технические системы (системы связи и управления, компьютерные и телекоммуникационные системы, радиоэлектронные средства и т.д.) и информационно-психологическую войну, где объектами воздействия становится психика человека и общественное сознание.

Имеются примеры более детальной классификации направленной войны ИВ. Так, в Объединенной доктрине информационных операций США 2006 г. выделены пять основных видов информационных операций: 1) радиоэлектронная борьба (Electronic warfare, EW); 2) психологические операции (Psychological operations, PSYOP); 3) сетевые операции (Computer network operations, CNO); 4) мероприятия по энергетической маскировке (Military deceptions, MILDEC); 5) мероприятия по обеспечению собственной безопасности сил и средств (Operations security, OPSEC).

Видный российский специалист А. В. Фёдоров говорит о восьми направлениях информационных войн: 1) борьба с системами управления; 2) информационно-разведывательные операции; 3) электронная борьба; 4) психологическая борьба; 5) «хакерская» борьба; 6) «киберэстетическая» и «сетевая» борьба; 7) экономическая информационная борьба; 8) международный информационный терроризм (Фёдоров, 2006).

Можно привести и другие примеры более детальных классификаций. Однако все они не отменяют выделения двух «магистральных» направлений информационной войны – информационно-психологического и информационно-технического. Такой подход используется не только для научного анализа, но и на практике. Так, НАТО относительно недавно были созданы две специализированные структуры для ведения информационной войны: *Центр киберобороны в Таллинне* (NATO Cooperative cyber defence centre of excellence), отвечающий преимущественно за техническое направление информационной борьбы в киберпространстве, и *Центр стратегической коммуникации в Риме* (NATO Strategic communications centre of excellence), на который возложены задачи проведения психологических операций.

Сделав необходимый экскурс в понятийный аппарат информационного противоборства, мы попытаем возможным услужиться в изучение того предмета, который напрямую нас интересует в контексте исследования конфликтов, – *психологической войны*.

Теоретическая разработка концепций психологической войны началась в первой половине XX в. Одна из первых фундаментальных работ по этой проблеме американского специалиста П. Лайнбарджера вышла в 1948 г. (Лайнбарджер, 1962). Еще раньше вышла

книга Г. Лассуэла «Пропагандистские техники в мировой войне» (Лассуэлл, 1929). В 1949 г. был принят первый полевой устав Армии США, в 1942 г. в США был учреждено Управление военной информации (United States Office of War Information), а в 1959 г. – Управление командования психологической войной (Office of the Chief of Psychological Warfare).

В нашей стране термин «информационно-психологическая война» появляется в специализированной научной литературе во второй половине XX в. Наиболее известной работой советского периода является труд «Психологическая война» Д.А. Волкогонова (Волкогонов, 1983), многие годы занимавшегося спецпропагандой на руководящих должностях Вооруженных Сил СССР (на момент подготовки работы являлся заместителем начальника Главного политического управления Советской Армии и ВМФ).

Как мы уже говорили, в армейских наставлениях по психологической войне, принятых в последующие годы и регулярно пересматривавшихся (так называемых Объединенных доктринах информационных операций США), Министерство обороны США предпочитает употреблять понятие «психологические операции». В одной из последних редакций Объединенной доктрины 2010 г. психологические операции определяются как «спланированные операции по передаче определенной информации и сигналов иностранной аудитории с целью оказания влияния на их эмоции, мотивы, целенаправленности и в конечном итоге на поведение иностранных правительств, организаций, социальных групп или индивидов»; их целью является «формирование или усиление установок и поведения иностранной аудитории в соответствии с целями воздействующей стороны».

В монографии Э. Вальты «Информационная война: принципы и операции» (Waltz, 1998) психологические операции рассматриваются как спланированная совокупность целенаправленных действий, чтобы транслировать специально отобранную информацию для международных структур с целью оказания влияния на эмоции, мотивы, причинное объяснение событий и главное – на поведение иностранных правительств, организаций, групп и отдельных индивидов. Целью психологической операции, по мнению автора, является управление восприятиями (и как следствие – эмоциями, представлениями и поведением) населения стран – объектов психологического воздействия – для достижения стратегических целей (*ibid.*, p. 209).

В работе «Политическая война и психологические операции» Ф. Р. Барнетта (Barnett, 1989) психологические операции определены

как спланированное использование информационных коммуникаций для оказания воздействия/влияния на эмоции, установки и поведение представителей социальных групп — объектов воздействия, которые соответствуют достижению национальных целей (ibid., p. 45). Практически аналогичное определение понятия дано С. Макдональдом (Macdonald, 2007). Главными целями психологических операций называются деморализация, дезориентация и возникновение конфликта представлений у объектов воздействия (социальных групп, государства) как потенциальных противников. Таким образом, психологические операции фактически рассматриваются как технология провокации социальных конфликтов.

Сложно пошемане психологической войны проследивается и в отечественной литературе, в которой она рассматривается как ключевой способ осуществления подрывной деятельности. Так, в изданном в 1972 г. словаре данное понятие определено как «комплексная форма подрывной деятельности империалистического государства, включающая разведывательные, пропагандистские, дипломатические, военные мероприятия, направленные на подрыв политической власти, морально-психологического состояния населения и вооруженных сил их политических противников, повышение их внутренней и внешней политики» (Контрразведывательный словарь, 1972, с. 239). В современном словаре она определена как «психологическое воздействие на войска (силы) противника и население с целью их деморализации и склонения к прекращению сопротивления» (Панарин, 2004).

Сама «подрывная деятельность», комплексной формой которой названа психологическая война, трактуется в издании как «разновидность политической борьбы, которая ведется капиталистическими государствами, их разведывательными и иными специальными службами, буржуазными партиями, подрывными пропагандистскими центрами, зарубежными антисоветскими организациями, враждебными элементами, исходящими внутри страны, с целью подрыва или ослабления коренных устоев, основ Советского Союза и других социалистических стран, коммунистических и рабочих партий, национально-освободительного движения путем проведения скрытых политических, идеологических, экономических, военных, разведывательных и иных подрывных акций» (Контрразведывательный словарь..., 1972, с. 37–38).

Полагаем, что отнесение психологической войны к подрывной деятельности вполне оправдано, однако необходимо четко выделять ее среди многообразия форм такой деятельности. В качестве компо-

ненты информационной войны выделялась «массированная психологическая обработка населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоположной стороны» (Комов, 1996, с. 2).

На данном этапе рассмотрения полагаем возможным завершить изучение вопроса о понятии психологической войны, поскольку на основе проведенных отечественных и зарубежных дефиниций общее понимание в достаточной степени выкристаллизовывалось. Обобщая вышесказанное, психологическую войну можно определить как: *массированные правительственные средства и методы афермакично-психологического воздействия в отношении населения страны, отдельных социальных групп или индивидов, осуществляемую государством или иным актором международной политики для обеспечения реализации своих интересов, а также от амальгамных действий в свой адрес. Психологические операции выступают элементами психологической войны и представляют собой объединенную общими задачами совокупность непрерывной афермакично-психологического воздействия на социальные группы и индивидов в целях достижения целей субъекта воздействия с одновременной задачей от подобного воздействия противоположной стороны.*

Технология проведения психологических операций, осуществляемых США, странами НАТО и Японией на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях, цели, задачи, способы, методика и уровни организации их осуществления, а также регламентация их использования детально описаны в ряде нормативных документов этих стран и в цитируемых отечественных источниках (Дайнбарджер, 1962; Панарин, 2014; Почепцов, 2000; и др.).

Цели психологических операций

Главная цель проведения психологических операций – оказать влияние на общественное сознание населения, особенно на духовную сферу: на общественное мнение и настроения, на ценностные установки, ориентации и взгляды; посеять страх и неуверенность перед будущим, вызвать сомнения и недоверие к деятельности органов власти и государственного управления; создать атмосферу недовольства, тревоги; содействовать возникновению оппозиционных групп, стимулировать их антиправительственную деятельность и т. п.

При более детальном рассмотрении можно выделить следующие основные цели психологических операций:

- обеспечение принятия решений и совершения действий объектами воздействия, отвечающих интересам субъекта осуществляемой операции;
- подрыв легитимности политической власти, международного авторитета атакуемой страны;
- дестабилизация ситуации в стране, проведение политических протестов и социальных конфликтов;
- проведение развития иных негативных социальных явлений в стране, способствующих снижению уровня ее национальной безопасности;
- подрыв морально-психологического состояния населения страны;
- подрыв обороноспособности государства, беспособности вооруженных сил;
- содействие самоуничтожению объекта воздействия или причинению им себе вреда;
- изменение национальной идентичности населения страны, социальных норм, ценностей и устоев.

Мы привели конечные цели, однако можно также выделить и промежуточные цели психологических операций, состоящие во влиянии на эмоции, мотивы, целенаправленности и иные индивидуальные и коллективные психологические структуры (процессы) и в изменении их в нужном направлении, на чем делается акцент в американских официальных документах и трудах некоторых российских исследователей.

Объекты и субъекты психологических операций

Объекты, которые подвергаются информационно-психологическому воздействию в ходе ведения психологической войны, могут рассматриваться на разных уровнях. На первом (социальном) уровне в качестве таковых выступают: политическое и военное руководство страны (в первую очередь); население страны в целом; отдельные социальные группы (национальные, религиозные, профессиональные и т.д.); отдельные индивиды (политический оппозиционер, военнослужащий на объекте Системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и т.п.). В официальных актах США и НАТО в сфере безопасности в качестве направления противостояния выделяется «дезорганизовать системы управления противника» (*command and control warfare*), определяемая как комплекс мероприятий с использованием всех военных возможностей с целью предотвращения поступления информации в органы командования и управления противника,

оказания на них воздействия, их подрыва или уничтожения, наряду с защитой своих органов командования и управления от подобных действий. Среди «военных возможностей» названы разные виды информационного воздействия, включая и психологические операции. На втором уровне в качестве объектов-целей воздействия рассматриваются психика человека, общественное сознание и коллективное бессознательное. На третьем уровне обозначаются конкретные индивидуальные и групповые психические процессы и структуры, которые выступают в качестве целей воздействия конкретных психологических акций и операций.

Отдельного внимания заслуживает вопрос *воздействия на подопытного человека в ходе психологической войны*. С одной стороны, имеется обширная литература преимущественно публицистического толка, описывающая могущественные технологии «психоэлектронных войн». Среди них встречаются и весьма солидные труды, написанные непосредственными разработчиками таких технологий (см., напр.: Прокофьев, 2003; Рубель, Санин, Рагников, 2016). Автором настоящей работы представляется, что сама возможность существования или появления в будущем методов мощного воздействия на подопытного человека, позволяющая управлять его поведением, вполне вероятна. Наличие закрытых исследовательских центров военного характера, о которых упоминается в работе названных выше авторов, подтверждает данную гипотезу.

Важно отметить, что для психологической войны *свойственно активное участие негосударственных структур*, в отличие от традиционных вооруженных конфликтов, где круг участников (комбатантов) в большинстве своем четко очерчен и включает в себя специализированные военные государственные структуры (вооруженные силы, иные военизированные формирования), хотя и допускает вовлечение иных акторов (например, партизанских отрядов). Более того, тенденцией последнего времени является возрастание роли негосударственных структур в механизме информационно-психологического противостояния на фоне ослабления монополии государства по контролю своего собственного информационного пространства. Это во многом связано с развитием мобильных средств коммуникации и интернет-технологий социальной коммуникации Web 2.0. Благодаря им люди могут фиксировать событие, делиться произошедшим с другими и комментировать событие еще до того, как представители властей решат, как себя вести и что о нем говорить.

К числу наиболее важных негосударственных участников психологической операции относится СМИ и сетевые активисты. Масс-медиа

используют свою роль информационного посредника (медуум), формирующего представление о событиях реальности и задающего их оценку. Фокусируя объективы фото- и телекамер на определенных событиях, действующих и персонажах, комбинируя определенным образом поступающие материалы либо фабрикуя их, давая нужные комментарии, СМИ могут сформировать необходимую для управляющих операторов картину происходящего. Она, в свою очередь, используется как средство оказания политического давления на атакуемую страну и мировое сообщество с целью достижения поставленных задач субъекта ведения психологической операции. Как верно отмечают военные исследователи, «сегодня одна телекартинка события, переданная мировыми агентствами и многократно ретранслируемая по каналам медиавойны, может выступить в качестве аргумента для принятия судьбоносных решений» (Газетов, Ветров, 2013).

Использование возможностей коммуникаций в социальных сетях в целях политической борьбы получило специальное название – «хактивизм» (hacktivism). Оно возникло из соединения двух слов – хакер и активизм – и означает новую форму социального протеста, являющуюся синтезом социальной активности, преследующей цель протеста против чего-либо и хакерства одновременно (Сайтарны, 2004). Несмотря на то, что хактивизм больше проявляется во внутринациональной борьбе за права человека и свободу Интернета, его субъекты активны и в международной сфере, включая конфликты международного характера.

Среди сетевых активистов можно выделить блогеров и хакеров. Блогерами выступают частные лица, распространяющие информацию через свои интернет-дневники. Их основная роль в психологической операции сводится к размещению в своих блогах, страницах социальных сетей, собственных и сторонних сайтах различной информации: видеозаписей, фотографий, статей, комментариев и прочего контента в целях призывания вреда атакованному объекту либо противодействия деструктивному психологическому воздействию с его стороны. Блогеры ярко проявили себя в событиях «Арабской весны» в странах Ближнего Востока и Северной Африки в 2011–2013 гг., выступив в качестве одного из основных разжигателей революционных настроений и действий. Хакеры – это лица, использующие интернет-технологии с целью призывания ущерба компьютерным сетям и их пользователям. Как обоснованно отмечает С. В. Маслепченко, «сегодня хакеры представляют собой виртуальное сообщество, расползающееся в Сети значительными информационными и интеллек-

туальными ресурсами и механизмами самоорганизации своей деятельности» (Масловченко, 2008, с. 2).

Хакеры участвуют в психологических операциях посредством компьютерных атак на информационные ресурсы «противоположной стороны» с целью нарушения их работы и (или) размещения проагандистской информации на них после взлома. Кроме того, они часто крадут персональные данные и иную информацию со взломанных информационных ресурсов для последующего открытого размещения ее в сети Интернет.

Сетевые сообщества объединяют обе названные категории лиц под определенной общей идеей и френдом. Несмотря на отсутствие официального статуса и четкой структуры, такие сообщества имеют общую концепцию своей деятельности и занимаются ей на постоянной основе. Наиболее известными такими сообществами в мире являются Anonymous, WikiLeaks, LibSec. В ходе информационной войны, развернувшейся вокруг событий на Украине с начала 2014 г., наблюдалось активное противостояние между двумя сетевыми сообществами – «Киберотней» и «Киберберкутом» (Сунджев, Смирнов, 2014).

Для подготовки сетевых активистов открыт специальный Междисциплинарный центр в курортном пригороде Тель-Авива Герцлия (Interdisciplinary Center at Herzliya), имеющий прочные связи с израильской разведкой. Противостоящая Израилю палестинская группа ХАМАС также активно задействует IT-специалистов для сетевой войны. Их подготовка осуществляется в Исламском университете Газы (Islamic University of Gaza), известном своими связями с ХАМАС.

Одной из последних известных инициатив такого рода стало объявление о создании «информационных войск» на Украине (Інформаційні війська України) под кураторством Министерства информационной политики в феврале 2015 г. На специально созданном сайте людей призывают «присоединиться к Украинской информационной армии и получить задания на свою электронную почту» (В Украине появились..., 2015).

С учетом вышесказанного, а также на основе собственных знаний в изучаемой области полагаем возможным представить авторский вариант видения институциональной системы ведения информационно-психологической войны, которая включает в себя следующие виды субъектов:

1. *Подразделные войсковые подразделения* исполнительских операций, основной задачей которых является ведение пропаганды во время вооруженного конфликта или в угрожаемый период в отно-

цении военного контингента государства-противника и проживающего на его территории населения в целях психодеморализации, побуждения к отказу от сопротивления, сдачи в плен и т. п.

- Государственные психологические органы, функциональная роль которых сводится к оказанию «мягкого» информационного воздействия с целью обеспечения пропагандистской поддержки их действий (включая проводимые военные операции) международным сообществом, развития гуманитарного сотрудничества, а также дискредитации потенциального или реального противника.*
- Специальные службы государства, которые осуществляют проведение тайных подрывных операций в государстве, отыскание, вербовку и использование «агентов влияния» среди политического и военного руководства страны, политической оппозиции и бизнес-элиты, осуществляют тайные лонгитудные психологические операции, а также противодействуют ведению противником информационно-психологической войны методами контрразведывательного характера.*
- Органы военной и политической пропаганды международных организаций, которые обеспечивают (в дополнение к усилиям национальных государств, входящих в состав данной организации) ведение политической пропаганды в мирное время и военной пропаганды в угрожаемый период и в период начала военного конфликта, а также координируют действия стран-участников.*
- Неправительственные организации, функциональная роль которых весьма разнообразна, включая оказание информационного «давления» на политическое и военное руководство страны, поддержку политической оппозиции, провокацию протестных выступлений и социальных конфликтов, участие в тайных лонгитудных операциях спецслужб.*
- Научно-исследовательские и образовательные учреждения, которые обеспечивают научно-методическую и информационно-аналитическую поддержку ведения информационно-психологической войны, организуют научно-представительские мероприятия подрывного характера, обучают, выступают в качестве источников информации для СМИ.*
- Экстремистские и террористические организации, осуществляющие идеологическую обработку населения и способствующие дестабилизации общества за счет обострения национальных и религиозных противоречий и провоцирования конфликтов (в контексте информационно-психологической войны данные ор-*

ганизации рассматриваются преимущественно как агенты спецслужб государств, выполняющие подрывную работу).

8. Средства массовой информации, которые преимущественно выступают в качестве агентов ведения массированной политической и военной пропаганды государственными органами, проведения лонгитюдных операций специальными службами, но могут иметь и собственные цели в войне.
9. Индивидуальные сетевые активности и их объединения, участвующие в ведении информационно-психологической войны как индивидуально, так и совместно с правительственными органами¹ посредством кибератак на сайты, пропагандистской деятельности в Интернете и в офлайн-реальности, контрпропаганды против враждебных блоггеров и т.д.

Направления психологических операций

Вопрос о направлениях психологических операций является одним из наименее разработанных. В изысканной литературе по проблеме он часто остается вне поля внимания авторов, которые фокусируются преимущественно на средствах и методах проведения подобных операций. Проанализируем встречающиеся подходы и представим собственное видение вопроса.

А. В. Бедринский со ссылкой на авторитетного американского эксперта М. Либника выделяет в американской доктрине ИВ четыре категории психологических операций: 1) операции против структур государственного управления; 2) операции против структур военного командования; 3) операции по деморализации личного состава вооруженных сил; 4) война культур («культуркампф») (Бедринский, 2007). Критерием классификации здесь выступают объекты информационно-психологической войны. Но если первые три направления вполне укладываются в базовую концепцию психологических операций вооруженных сил США, то последнее носит весьма специфичный характер. Оно адресовано обществу в целом и связано с влиянием на культуру страны или отдельные ее элементы.

В книге Ф. С. Сондерс «ЦРУ и мир искусства. Культурный фронт холодной войны» (Сондерс, 2013) подробно описана деятельность американских властей по ведению противоборства в сфере культуры в период после окончания Второй мировой войны, которая предле-

¹ Важно отметить, что сетевые активности не обязательно действуют в интересах государственных органов страны их пребывания. Они могут выступать и против них в соответствии со своими целями и убеждениями.

довала цели предотвращения распространения коммунистических идей в послевоенной Европе и самих Соединенных Штатах, а также обеспечение культурной гегемонии США в мире и следования европейскими стран «американскому пути». Субъектами ее реализации выступало ЦРУ и учрежденный им Конгресс за свободу культуры, имевший отделения в 35 странах и вовлекавший в свою работу ведущих интеллектуалов эпохи.

Существование рассмотряемого направления психологической войны было признано и на высшем политическом уровне. Для нашего исследования представляет также интерес классическая концепция управления, изложенная в учебном курсе «Достаточно общая теория управления» (Достаточно общая..., 2014). В представленной концепции выделяются шесть важнейших методов управления, «средств воздействия на общественное развитие, осмысленное применение которых позволяет управлять его жизнью и смертью» (там же, с. 211). При применении их одной социальной системой по отношению к другой они являются средствами ведения войны (см. таблицу 16).

Таблица 16
Приоритетные методы воздействия
на общественное развитие

Информационные войны		Методологический революционные, методологич., культура мышления, стратегии и тактика управления вой (деятельности)	↓ Вектор воздействия	↑ Мощность (в смысле выбора методов по результату вой)
		Хронологический история и хронология, непрерывность истории процессов		
		Фактологический (определенные частные процессы или «элементы»), вероучения, идеологии, таксономия, фактологическая		
		Эволюционный (динамическая developmental процесс)		
		Генное оружие Сигналы, табак, другие наркотики, микробы/вирусы, люди и подлинность, люди как носители информации, переносчики информации и культурных ценностей войны		
Общественная война		Военное оружие Оружие в традиционном понимании (лоды, пушки, ракеты), кибервойны, люди, объекты (технологии, интеллектуальная культура)		

Шесть выделенных приоритетов управления достаточно адекватно охватывают спектр существующих методов противоборства между государствами. Причем в отличие от шестого, традиционного (военного) способа борьбы, остальные носят новаторский характер. В последнее время несомненно этим способам уделяется большое внимание в литературе, где для их обозначения нередко используется понятие «организационное оружие» (Якунин, Багдасарян, Сулакшица, 2009).

Наиболее широкое распространение в информационно-психологической войне имеет метод «оперы на идеологию». Сюда можно отнести военную и политическую пропаганду, манипулирование сознанием, дезинформацию и т. д. Метод обращения к искаженной хронологии исторических фактов охватывает более узкую сферу и проявляется преимущественно в попытках умыщенной фальсификации исторических фактов. Исконный многовековой истории, данный метод психологического противоборства несколько не утратил своей актуальности и в наше время, продолжая совершенствоваться и обретая новые формы проявления. Наибольший приоритет имеет информационное противоборство, которое применяется значительно реже и носит более латентный характер, однако именно он обладает наибольшей силой воздействия на человека и общество.

Еще одна заслуживающая внимания классификация направлений психологических операций представлена С. Кургиняком (Кургиняк, 2007). Автор, апеллируя к общей теории систем, называет следующие способы разрушения системы:

- деформация (вплоть до деградации) целевых функций системы;
- искажение целевых приоритетов;
- разрыв или «переклочение» системных управляющих связей;
- обострение внутрисистемных противоречий как в целеполагающем ядре системы, так и между ее ядром и подсистемами;
- расклевка «автоколебаний» системы для ее вывода за пределы устойчивости.

Говоря о применимости данных методов и к социальным системам, С. Кургиняк вводит понятие *армабим*, которую он определяет как нужное атакующему управление мотивациями организационных решений противника во всех частях его социально-государственной системы. Как видно, данный автор делает ключевой акцент на влиянии на целеполагающее управленческое ядро системы. Данное направление психологических операций представляется нам одним из ключевых.

Среди способов воздействия на противника С. Курцияни называет и создание плексиби благополучия, блокирующей использование мобилизационных защитных механизмов. Сложную идею выражает и С. П. Расторгуев, который делает это в образной форме – в притче о черепахе и информационных технологиях. Это история, в которой лиса, всячески пытаясь съесть черепаху, терпела неудачу из-за прочного панциря последней. Тогда она применила методы манипуляции сознанием, убедив черепаху добровольно освободиться от своего тяжелого панциря. Притча заканчивается так: «И в одно прекрасное утро, когда небо как никогда казалось большим, Черепаха сделала свой первый и последний шаг к свободе от систем защиты. Черепаха не знала и никогда не узнает, что информационная война – это целенаправленное обучение врага тому, как снимать панцирь с самого себя» (Расторгуев, 2005, с. 75).

Обобщая вышесказанное, представим авторское видение основных направлений психологических операций:

- 1) против воюща и населения противника в ходе войны или в угрожаемый период;
- 2) воздействующие на процесс целеполагания и выработку решений политическим и военным руководством страны в мирное и военное время;
- 3) в сфере истории;
- 4) в сфере культуры, воздействующие на менталитет, культуру и ценностно-нормативную систему общества;
- 5) направленные на организацию общественных беспорядков, обеспечивающие разжигание социальных конфликтов и дестабилизацию ситуации в стране (регионе).

Для проведения психологических операций применяется чрезвычайно обширный арсенал средств и методов, совокупность которых именуется общим термином «информационно-психологическое оружие».

В последнее время приоритетной средой проведения психологических операций становится киберпространство, что обусловлено такими его качествами, как трансконтинентальность, высокая популярность среди населения (особенно молодежи), относительная анонимность пользователей и высокая скорость распространения информации. Наиболее востребованными ресурсами ведения психологических операций в Интернете становятся социальные сети, а также специальные средства распространения информации в них (системы массовой рассылки сообщений, программы для управле-

ния фейковыми аккаунтами и бот-сетями, продвижения листовок и т.д.) (Смирнов, 2014).

Что касается средств ведения информационно-психологической войны, то их палитра еще более разнообразна и простирается от подпольной «самиздатской» брошюры до телерадиовещательных комплексов воздушного базирования, используемых в армейских психологических операциях.

Считаем целесообразным выделить *организационные формы* информационно-психологической войны, характеризующиеся определенным кругом субъектов, используемых методов и средств. Четкое обозначение таких нам не встречалось в научной литературе, хотя их прообразом послужила американская система стратегической коммуникации (*strategic communication*) (White House, ..., 2000), включающая в себя такие формы, как связь с общественностью (*public affairs*), публичную дипломатию (*public diplomacy*) и информационные операции (*infostation operation*). Поскольку мы опирались на американскую концепцию, наряду с русскоязычными терминами в скобках укажем их англоязычные аналоги, употребляемые в официальных актах США.

Итак, к числу основных организационных форм информационно-психологической войны следует отнести следующие:

1. *Психологические операции военного назначения* (*military information effort operations*), направленные на оказание информационно-психологического воздействия на политическое и военное руководство страны, личный состав вооруженных сил и гражданское население, осуществляемые в угрожаемый период или во время вооруженного конфликта в целях содействия решению военных задач по деморализации противника, принятию ошибочных решений руководством страны-противника, обеспечению поддержки действий своих вооруженных сил членами международного сообщества. Проводятся специализированными подразделениями вооруженных сил (бригады, ВМФ, ВВС) и иных военизированных формирований при поддержке гражданских внешнеполитических ведомств.
2. *Публичная дипломатия* (*public diplomacy*) – совокупность методов информационного влияния на общественное мнение зарубежных государств и международного сообщества в целях реализации политических, дипломатических и военных задач. Основными решаемыми задачами выступают улучшение международного имиджа страны, влияние на защиту зарубежных стран, улучшение экономического и инвестиционного климата для государства в за-

рубежных странах. Выступает основным способом реализации тактики «мягкой силы» (*soft power*). Включает в себя внешнеполитическое информирование, образовательные и научные обмены, программы в области культуры и науки и иные формы гуманитарного сотрудничества. Реализуется специальными государственными учреждениями публичной дипломатии или подразделениями иных государственных органов (ведомств иностранных дел, национальной безопасности и др.) при активном участии неправительственных организаций, образовательных и научно-исследовательских структур, СМИ.

3. *Внешнеполитическая пропаганда (propaganda, public affairs)* – деятельность государственных органов, СМИ и иных субъектов по распространению взглядов, идей и теорий с целью оказания информационно-психологического воздействия на зарубежную аудиторию. Пропаганда как метод информационно-психологического воздействия активно применяется в публичной дипломатии и военных психологических операциях, но может быть выделена и как особая организационная форма информационно-психологической войны. Пропагандистское воздействие может оказываться и на собственное население в целях умышленной дискредитации иностранного государства либо объединения государств. Пропаганда осуществляется постоянно и с течением времени меняет лишь свою интенсивность и направленность.
4. *Тайные психологические операции специального назначения (covert operations)* – операции тайного характера, проводимые в целях вмешательства во внутренние дела другого государства для дестабилизации обстановки в нем, а также оказания воздействия на культуру и ценностно-нормативную систему общества. Их можно подразделять на тактические подрывные психологические операции (психологические диверсии) и стратегические лонгитудные психологические операции. Основную роль в их проведении играют спецслужбы. Важной особенностью является активное вовлечение в их реализацию определенных лиц, групп людей или общественных институтов, являющихся гражданами (резидентами) государства-объекта информационной атаки, которые были предварительно завербованы или участвуют в психологической операции против своей страны добровольно (агентура влияния, или «пятая колонна»). Рассматриваемый тип психологических операций является наиболее закрытой, трудно выявляемой и опасной формой информационно-психологической войны.

Представленный анализ проблемы однозначно свидетельствует о том, что спланированное применение психологических средств, использование самых разнообразных форм и методов распространения манипулятивной информации с целью получить определенную выгоду посредством влияния на мировоззренческие позиции, установки и поведение является мощным фактором воздействия на человека и общество. В более узком смысле, такого рода психологические операции используются вооруженными силами в условиях боевых действий для деморализации противника.

История свидетельствует о том, что подобные психологические технологии применялись государственными и военными деятелями начиная с глубокой древности. По мнению многих экспертов, в современных условиях, благодаря развитию информационных технологий, эти операции становятся не только основной формой ведения войны, но и начинают использоваться деструктивными организациями для скрытого воздействия на повседневную жизнедеятельность враждебной стороны. Таким образом, данная проблематика, несомненно, должна быть включена в контекст исследования психологии конфликта как одно из его новых направлений.

Глава 16

Роль СМИ в детерминации противоправного поведения

Исследования, посвященные анализу влияния Интернета на массовое сознание и поведение больших социальных групп, результаты которых опубликованы и достаточно многочисленны, показали колоссальные возможности такого влияния. В данной главе предпринимаются попытки теоретического объяснения социальных процессов в обществе, связанных с воздействием виртуальной среды.

Основы социального воздействия СМИ

СМИ в современном мире являются одним из наиболее влиятельных социальных институтов. Велика сила их воздействия на повседневную жизнедеятельность людей. В условиях развития информационного общества, характеризующегося повышенным значимости процессов производства, распространения и потребления информации, масс-медиа становится доминирующим источником информирования людей о событиях окружающего мира и все более уверенно выполняют роль агентов социализации.

Социальное воздействие СМИ носит весьма разносторонний и неоднозначный характер и изучается в теории массовых коммуникаций в контексте «эффектов массовой коммуникации». Какие эффекты воздействия на сознание и поведение больших масс населения имеют СМИ в современных условиях? Приведем мнения исследователей.

Вильям Макгуайер (McGuire, 1986) выделил широкий спектр подобных воздействий. Отметим только те сферы, которые связаны с психологией массового поведения больших социальных групп. СМИ оказывают активное воздействие на политический кампания и голосование на выборах, на пропаганду в идеологической сфе-

ре, на социальный контроль, на протестные движения. Кроме того, есть и «побочные эффекты» влияния СМИ на сознание и поведение населения: это и негативные последствия показа сцен насилия и агрессивного поведения, и влияние на образовательную политику государства, и участие в формировании эмоциональных реакций населения на важные общественные события, и влияние на повседневное поведение людей.

Аналитический обзор Маккуайла (McQuail, 1994) дополняет перечень воздействий СМИ: получение знаний, формирование социальных норм поведения, влияние на культурную адаптацию в обществе.

СМИ формируют ценностные отношения людей к событиям повседневной жизни, в том числе и к ситуациям массового протестного поведения. Они являются источником идей, изменяют наши ценностные установки, дают нам «правильное» понимание того, что собой представляет современный мир и как нам следует вести себя. Ни для кого не секрет, что подобное влияние во многом базируется на технологиях воздействия на массовое сознание и поведение людей для реализации глобальных интересов основных субъектов исторического процесса.

В целом влияние СМИ на сознание и поведение больших масс населения традиционно описывается как когнитивное, эмоциональное и поведенческое (в соответствии с представлениями о социальной установке). Все эти аспекты содержательно «вписываются» в проблематику конфликтов.

Когнитивные эффекты сопряжены с получением и усвоением определенной информации. Аффективные – связаны с формированием установок, положительных или отрицательных оценок в отношении происходящих событий. Другие сферы аффективного влияния СМИ относятся к формированию определенных эмоциональных состояний (страха, тревожности и др.) вследствие потребления продукции СМИ. Поведенческие эффекты описывают изменения в поведении людей под воздействием СМИ. Наиболее изученные виды поведенческих эффектов относятся к антисоциальному или просоциальному поведению.

Необходимо отметить, что, по мнению многих исследователей, просоциальное (призывающее приносить пользу другим) воздействие СМИ на сознание и поведение больших масс населения намного сильнее, чем негативное: «Просоциальное воздействие превосходит негативные последствия антисоциальных программ» (Petse, 2001, p. 116).

Проблема негативного влияния СМИ обусловлена прежде всего их содержательным наполнением (контентом). Исторический опыт

показывает, что характерная для капиталистических стран тенденция коммерциализации масс-медиа приводит к ставке на отбор контента по критерию его продаваемости, что способствует насыщению его негативной информацией, более привлекающей внимание аудитории. «Критики культуры справедливо указывают, что масс-медиа скормливают нам вредную информационную пищу – своего рода духовный эквивалент жирного, сладкого и острого. В последнее время возникло впечатление, что в частное телевидение сумело покорить последний не открытый им континент развлечения, а именно континент дурного вкуса. Здесь массовая демократия торжественно служит культу безвкусицы, вульгарности и бесстыдства, с благодарностью отклоняя предложения о-культуры, построенной, как известно, на отказе от страсти» (Болды, 2011, с. 79).

Одним из интереснейших аспектов негативного воздействия СМИ на общество является детерминация ими противоправного поведения. Проблема эта не нова: научные публикации по ней обнаруживаются как минимум с начала XX в. и в России, и за рубежом. Пик научного интереса к данной проблеме наблюдался во второй половине XX в., когда благодаря распространению и популяризации телевидения она вышла на новый уровень значимости. Вопросы деструктивного влияния масс-медиа изучались такими зарубежными исследователями, как А. Бандура, Л. Берковиц, Дж. Гербнер, Дж. Брайант, Д. Эллиман, Р. Мертон, Л. Хьюстон, Л. Эрон и др.

В связи с государственным контролем СМИ в СССР обозначенная проблема не представляла актуальности, по причине чего ее разработка в отечественной науке практически не велась. Однако с начала постсоветского периода, когда на отечественные экраны и в прессу хлынули потоки деструктивной информации, интерес к ней со стороны российских ученых начал все более возрастать. Среди самых видных отечественных ее исследователей можно отметить Т. Я. Адмыанц, Ю. М. Антонина, С. Н. Енколотонова, Л. П. Гримака, Л. В. Жигурова, Л. В. Матвееву, Е. В. Макушкина, О. В. Пристанскую, Н. Ю. Суждеева, А. В. Федорова и др. Российские исследователи осуществили ряд оригинальных научных разработок в сфере исследования причин и условий криминализации общества – криминологической детерминации.

Базовые аспекты теории криминологической детерминации

Позволим себе кратко осветить базовые положения теории криминологической детерминации, от которых будем отталкиваться в ко-

де анализа роли СМИ в детерминации противоправного поведения личности и группы.

В отечественной криминологии изучение вопросов детерминации преступности строится на базе философской концепции детерминизма – учения о естественной (материальной) причинной обусловленности всех явлений материального мира, их универсальной, закономерной взаимосвязи и взаимозависимости (Философский словарь, 2001, с. 152). Детерминизм означает связь, выражающую зависимость вещей (свойств вещей и отношений между ними, событий, процессов, состояний) в их существовании и изменении от любых факторов (Аскин, 1977, С. 30).

Характеризуя особенности криминологической детерминации, Н. Ф. Кузнецова подчеркивала, что «социальная (и криминогенная) детерминация – разновидность не динамической, т. е. жестко однозначной, а статистической, вероятностной детерминации, где велика роль случайных факторов и поэтому доминируют законы больших чисел и законы-тенденции. При статистической корреляционной детерминации одно событие является причиной другого в том случае, если за появлением первого события с высокой вероятностью следует появление второго» (Кузнецова, 1984, с. 15).

В криминологии выделяются несколько базовых подходов к пониманию причинности (детерминации) преступности: традиционный, традиционно-диалектический и интеракционистский, которые различаются трактовкой классификации и механизмы действия детерминант преступности (Долгова, 2005, с. 252–259).

Глубоко не вдаваясь в содержание дискуссий между сторонниками данных подходов, отметим, что мы поддерживаем позицию ученых, выделяющих в системе детерминант (факторов) преступности причины и условия преступности. При этом под причинами преступности в криминологии понимаются явления, порождающие преступность как свое следствие, а под условиями преступности – многообразные факторы, которые способствуют, создают возможность возникновения и превращения причины, порождающей следствие (преступности).

Криминолог А. И. Долгова подчеркивает, что «само по себе выявление факта взаимосвязи преступности с каким-то другим явлением или процессом нельзя считать достаточным. За этим должно следовать выяснение характера взаимосвязи» (там же, с. 257). Важно прежде всего не то, «какие факторы связаны с преступностью, а какая цепь их взаимодействий (и каких именно факторов) приводит к преступному поведению, преступности» (с. 270).

Сразу оговоримся, что психологический механизм детерминации преступности носит весьма сложный и неоднозначный характер, а следовательно, не может описываться упрощенной бихевиористской схемой «стимул – реакция». Человек как потребитель продукции масс-медиа является активным субъектом, обладающим индивидуальностью как в плане психологических особенностей восприятия и мышления, так и в плане личностных ценностных ориентаций. Поэтому содержание и характер влияния одного и того же медиаконтента на разных людей может заметно отличаться. Кроме того, необходимо всегда принимать во внимание характер ситуации, в которой происходит восприятие информации, также способной вносить существенные коррективы в эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции человека. Вполне очевидно, что, например, просмотр сцен агрессивного поведения в кругу семьи в домашних условиях и в толпе футбольных болельщиков во время матча на стадионе может иметь совершенно различные отклики. Все вышесказанное, в свою очередь, не исключает существования корреляции между трансляцией масс-медиа определенной информации и противоправным поведением, а соответственно, и возможности ее исследования с применением инструментария научного анализа.

Основные научные подходы к данной проблеме с некоторой долей условности можно разделить на две основные группы: психологические и социологические. Первые делают акцент на характере влияния определенного медиаконтента на психические процессы человека и его поведенческие реакции, вторые сосредотачивают свое внимание на изучении воздействия транслируемой СМИ информации на формирование общественных и групповых представлений, социальных ценностей и норм. Оба указанных подхода взаимно дополняют друг друга.

Влияние СМИ на проблему насилия в обществе: социально-психологические аспекты

Наибольшее число исследований проводилось по проблематике изображения насилия в СМИ. Многочисленные телевизионные программы демонстрируют насилие в разных видах, причем подобные сцены появляются на телеэкранах гораздо чаще, чем в жизни.

Озабоченность общества и исследователей проблемой распространения насилия в СМИ не является новой проблемой. Трансляция страха и насилия сопровождает многие новостные сообщения ТВ и в интернет-пространстве, драматически влияя на формирова-

нию установок и на психологическое состояние больших масс населения (см., напр.: Ретте, 2001).

Имеющиеся теоретические подходы к объяснению агрессивного поведения в целом взаимно дополняют друг друга. Как отмечает С. Н. Енниколопов (Енниколопов, 2002, с. 88), в научных дискуссиях о роли СМИ в распространении насилия в современном мире выделяют две основные проблемы: 1) легитимизация насилия и 2) влияния демонстрируемого в СМИ насилия на изменение уровня агрессивности у потребителей, в первую очередь, у детей и молодежи.

Первая проблема описывается Й. Галтунгом через феномен культурного насилия, заключающийся в существовании таких аспектов культуры как символической сферы человеческого существования, которые могут быть использованы для оправдания и легитимизации прямого и структурного насилия (Galtung, 1996). Наибольший интерес исследователей вызывает вторая проблема — детерминация просмотром сцен насилия в СМИ агрессивности потребителей. Наибольшая ее острота связана с воздействием на детей как наиболее уязвимую часть населения, что обусловлено их психологическими характеристиками: неустойчивостью и эластичностью ценностных ориентаций и поведенческих установок; высокой степенью бессознательного заражения эмоциональными состояниями, склонностью к подражанию поведению показанных героев; вскритичностью восприятия информации (Новиков, 2008, с. 187). В научной среде не прекращается полемика между учеными, одни из которых доказывают наличие подобной детерминации, а другие отрицают ее. Тем не менее, такие известные ученые, как Дж. Гербнер, Л. Гросс, М. Морган, Н. Синьорелли (Gerbner, Gross, Morgan, Signorilli, 1979) на основе результатов проведенных исследований отстаивают точку зрения о том, что просмотр сцен насилия на экране во многих случаях повышает агрессивность детей.

Одним из наиболее известных проведенных экспериментов в этой области является серия опытов американского психолога А. Бандуры с пластилиновой куклой Бо-бо (Бандура, 2000). Ребенку сначала демонстрировался фильм с очевидно агрессивными действиями по отношению к кукле со стороны другого индивида, а затем путем скрытого наблюдения подсчитывалось количество агрессивных проявлений при игре ребенка с данной куклой в разных условиях. Было зафиксировано, что показ фильмов агрессивного содержания способствует научению детей аналогичным проявлениям (см.: Назаров, 2010, с. 316).

В 1980-е годы Л. Эроном и Р. Хусманом было проведено новое крупномасштабное исследование в шести странах, в результате которого они получили экспериментальные подтверждения того, что ребенок научается агрессивным сценариям, наблюдая сцены насилия по телевидению или видео (Елон, Насманн, 1984). Таким образом, факт просмотра теленасилия на агрессивность может считаться доказанным. Наблюдая сцены насилия по ТВ, люди усваивают их и в своей повседневной жизни при определенных условиях включают в свой поведенческий репертуар.

В одном из крупнейших исследований проблемы телевизионного насилия (*National television violence...*, 1998) в США в 1990-е годы был выделен комплекс факторов, характеризующих контекст изображения сцен насилия и повышающих их негативное воздействие:

- преступник представляет собой привлекательную ролевую модель;
- насилие выглядит оправданным;
- за насилием не следует возмездия (преступные действия не вызывают раскаяния, не осуждаются, не наказываются);
- жертва насилия несет минимальный ущерб;
- сцена насилия воспринимается зрителем как реалистичная.

Ряд исследователей изучили накопившиеся многочисленные научные работы по проблеме и применили статистические методы для сравнения полученных данных и поиска общих признаков воздействия медиа насилия. Такой метаанализ позволил ученым обнаружить причинно-следственные связи между просмотром сцен насилия и жестокости и агрессивным поведением в реальной жизни (Брайант, Томпсон, 2004, с. 199). Были выделены несколько основных видов воздействия медиа насилия:

- имитирующее поведение, состоящее в воспроизведении агрессивных действий телеперсонажей;
- испуг, вызванный просмотром жестоких или непристойных сцен;
- десенсибилизация, означающая потерю чувствительности к жестокости на экране и в жизни.

Отдельно необходимо сказать о компьютерных играх, в которых акты насилия уже не просто наблюдаются человеком, но и осуществляются им непосредственно, пусть и в виртуальной форме. Один из видных отечественных специалистов по данной проблеме, Д. В. Жуков, обобщив результаты многочисленных отечественных и зарубежных исследований, пришел к выводу, что жестокие компьютерные игры могут вызывать криминальную агрессию подростков (Жуков, 2007).

Он предложил следующую аналитическую схему детерминации такой агрессии («постигровой жестокости») (см. рисунок 4):

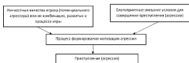

Рис. 4. Схема детерминации постигровой агрессии

На основе анализа источников о правонарушителях подростков Д. В. Жмуров (Жмуров, 2007) выделил четыре формы насильственных преступлений, совершаемых под воздействием жестоких компьютерных игр:

- 1) преступления, в которых игры не формируют агрессивную мотивацию, но стратегия преступного поведения явно заимствуется из игрового опыта;
- 2) преступления, совершаемые в состоянии измененного сознания, непосредственно после игрового сеанса или в связи с ним;
- 3) преступления, совершаемые игровым эдиктом для удовлетворения потребности в компьютерной игре;
- 4) преступления, совершаемые на фоне отягчающего влияния компьютерных игр.

Влияние новых типов негативного медиаконтента на поведение

Следующим типом медиаконтента, представляющего общественную опасность и способного вызывать противоправное поведение, является информация сексуального характера. В самом широком смысле к сексуальному содержанию относятся виды медиапродукции, изображающие или подразумевающие сексуальные акты либо ссылки на них или намекающие на них.

В российской науке и практике данная продукция в зависимости от степени откровенности часто подразделяется на эротiku и порнографию, грань между которыми достаточно тонкая. Однако за рамками данных категорий остается другая медиапродукция, содержащая сексуально откровенную информацию: например, соот-

ответствующие изображения, слова или звуки в музыкальных видеоклипах, новостных блоках, телепередачах, газетах и журналах и т. д.

Проведенные зарубежными учеными психологические эксперименты позволили прийти к выводу о том, что просмотр возбуждающих материалов сексуального содержания, как правило, повышает агрессивность индивидов. Исследователи Д. Зиллман и Дж. Брайант назвали данный процесс переходом возбуждения. Его суть состоит в том, что остаточное симпатическое возбуждение, вызванное сексуальной стимуляцией вследствие просмотра соответствующих материалов, как правило, усиливает гнев и раздражение в случае, если они выступают последующими эмоциональными состояниями человека (Zillman, Bryant, 1984, p. 113–140).

Клинический психолог В. Б. Клайн (Клайн, 1994), изучив данные лабораторных и полевых экспериментов, а также истории болезней, выделил четыре основных вида поведенческих проявлений воздействия порнографии, установив так называемый «синдром четырех факторов». К ним относятся:

- формирование потребности в постоянном просмотре порноматериалов;
- формирование потребности во все более сильной сексуальной стимуляции для достижения удовлетворения;
- снижение чувствительности к асоциальным и извращенным формам сексуального поведения, которые начинают восприниматься как обыденные и приемлемые;
- воспроизведение моделей сексуальной деятельности, почерпнутых из СМИ.

По утверждению Клайна, почерпнутые из порноматериалов поведенческие сексуальные отклонения его пациентов часто превращались в сексуальную зависимость, от которой они не могли избавиться и не были способны ни изменить, ни остановить ее, как бы негативно это не сказывалось на их жизни. Его исследования доказывают возможность детерминации сексуальных преступлений вследствие просмотра порнографических материалов, механизм которой основывается на выделенных им факторах.

Социологический подход к исследованию проблемы негативного воздействия СМИ

Как уже говорилось выше, вторую парадигму исследования роли СМИ в механизме детерминации противоправного поведения мож-

но назвать социологической, поскольку охватываемые ею теории и концепции приоритетное значение отводят социальным факторам (социальным нормам и ценностям, общественному и групповому сознанию).

Ученые Анненбергской школы коммуникации, осуществившие под руководством Дж. Гербнера в 1960–1970-е годы большую серию исследований содержания телевизионных передач и воздействия телевизионных образов на аудиторию, описали модель влияния телевидения. Ее центральная идея состоит в том, что телевидение создает символический образ реальности, который, в свою очередь, и формирует восприятие жизненного пространства индивидом. Оно структурирует жизненные ценности, нормы, общинные обязательства и установки и формирует основу для взаимоотношения и взаимодействия между большими и разнородными группами людей. Этот мир обуславливает образ мышления, чувства и поведения не индивидуумов, а масс в целом (см.: Полуэктова, 2008, с. 49–60).

Исходя из сказанного, становится понятно, что *масс-медиа способны оказывать мощное криминальное влияние на общество* путем формирования определенных стереотипов восприятия, представлений о доминирующих социальных ценностях, социально желательных или допустимых формах поведения и т. п. При этом спектр конкретных способов такого влияния и их сочетаний чрезвычайно многообразен. Среди них можно выделить, например, дегальтацию традиционных моральных ценностей и норм, легитимацию социально неприемлемых форм поведения, пропаганду или оправдание социальных патологий (алкоголизма, наркомании, проституции) и др. Объединяющей их чертой является результат воздействия, состоящий в такой модификации нормативно-ценностной системы общества или отдельных социальных групп, которая детерминирует совершение правонарушений их членами. Указанные тенденции присущи СМИ не только в нашей стране.

Обозначим наиболее яркие негативные тенденции воздействия СМИ на личность и группы.

Исходя из концепции *символического интеракционизма*, которая основывается на том, что все формы социального взаимодействия подразумевают общение, базирующееся на определенных социальных символах (в языке, телодвижениях, жестах и т. д.), способы детерминации масс-медиа противоправного поведения людей могут иметь самый различный характер. Таковыми могут выступать формируемые ими представления:

- о допустимости совершения правонарушения для разрешения трудной жизненной ситуации;
- о неизбежности нарушения закона на пути к достижению жизненного успеха;
- о привлекательности или престижности криминальных «профессий»;
- об эмоциональной насыщенности и счастливом характере криминального образа жизни;
- о терпимости или сочувствии общества к отдельным правонарушителям или видам правонарушений;
- о возможности легко избежать наказания за совершенное правонарушение, и т. п.

Негативное воздействие СМИ можно также рассмотреть, опираясь на известную социологическую теорию девиантного поведения – *концепцию аномии*, сформулированную Э. Дюркгеймом и развитую американским социологом Р. Мертном (Дюркгейм, 2011; Мертон, 2006). По Дюркгейму, аномия – это состояние общества, при котором наступает разложение, дезинтеграция и распад системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок. Более узкое понятие аномии сформулировал Р. Мертон. Вводя два элемента социальной и культурной структуры – (1) цели, намерения и интересы, определяемые культурой, и (2) социально приемлемые способы достижения целей, – ученый анализирует их взаимодействие между собой. Одним из крайних типов несогласованности этих элементов является, по его мнению, ситуация аномии, в которой, вследствие чрезмерного акцента на целях, нормы, регулирующие их достижение, оказываются подорванными до такой степени, что «выбор способов поведения будет ограничиваться только соображениями технической целесообразности», а «способ, наиболее практичный с технической точки зрения, независимо от того, законен он или нет, получает предпочтение перед институционально предписанным поведением» (Мертон, 2006, с. 31).

СМИ как раз выступают одним из основных источников легитимации определяемых социальных целей, определения их социальной значимости и формирования коллективного мнения об оптимальных способах их достижения. Поэтому концепция аномии является, на наш взгляд, весьма эффективным инструментом изучения проблемы деструктивного воздействия СМИ и механизма детерминации противоправного поведения.

В современной России четко прослеживается описываемая ситуация аномии, когда при пропагандируемом культе успеха возмож-

ности реального продвижения в сторону достижения его символов по общепризнанным каналам достаточно затруднительны, что способствует утверждению противоправных способов их обретения (Кулепова, 2009).

Еще одной социологической теорией девиантного поведения, представляющей значимой с точки зрения разъяснения особенностей воздействия СМИ, является теория *симвлы* (наклеиваемая ярлычок). В соответствии с ней девиантное поведение необходимо рассматривать не просто как нарушение нормы, а как всякое поведение, на которое «наклеивается ярлык» девиантного. Причем такое «наклеивание ярлычка» порождает или усиливает девиантность, так как делинквент принимает новое определение самого себя как человека, наглухо заблокированного в рамках девиантной роли. К числу основоположников данной теории относят Э. Демерта, Г. Боккера, Л. Уткинса, и Э. Гидденса.

Как отмечает Э. Гидденс (Гидденс, 2005), в преобладающем большинстве случаев «наклеиванием ярлычков» занимаются люди, представляющие силы закона и порядка или имеющие возможность навязывать другим определение принципов традиционной морали. СМИ в современном обществе обладают широкими возможностями для осуществления упомянутой функции, способствуя тем самым усилению девиантного поведения.

Применительно к российской действительности, на наш взгляд, аналогичное по своему характеру воздействие СМИ имеет место применительно к некоторым радикальным молодежным объединениям. Не отрицая общественной опасности деятельности данных формирований, полагаем, что российские СМИ, с одной стороны, создают преувеличенную картину их распространенности и значимости в российском обществе, тем самым порождая ту самую моральную панику и внося вклад в популяризацию данных движений; с другой стороны, навешивая на радикальные молодежные объединения ярлычки девиантности и маргинальности, они «загоняют» их в рамки отклоняющегося поведения, блокируя тем самым возможность их перехода в легальные формы самоорганизации.

Применительно к проблеме экстремизма и преступлений на основе национальной, религиозной и иных видов розни, которая требует отдельного рассмотрения, необходимо сказать о таком способе их детерминация, как *распространение в СМИ стереотипов негативной оценки социальных групп*. Польский социолог П. Штемпка относит стереотип к разновидностям патологий общественного сознания и определяет его как упрощенный, односторонний, крайне

утрированный образ определенной группы, трактующий всех членов этой группы недифференцированно, независимо от их индивидуальных особенностей (Штомпка, 2005).

Особую опасность представляют стереотипы-профессудем, распространяющие негативные оценки описываемой группы. Они представляют ее негативные черты как нечто неизбежное, непреодолимое, неоправимое, связанное с самой природой этой группы, чего нельзя изменить независимо от добрых намерений и усилий отдельных ее членов, таким образом запуская механизм общественного отчуждения, который проходит целый ряд этапов, начиная от негативных оценок и изоляции и заканчивая произвольным насилием и физическим истреблением. В то же время представляется вполне очевидным, что «раскрутка» в СМИ массового недовольства в отношении социальной группы в большинстве случаев базируется на определенных реальных основаниях, — например, совершении жестокого преступления представителем данной группы. Поэтому говорить о детерминации СМИ агрессивных действий по отношению к представителям социальной группы, по нашему мнению, можно лишь в том случае, когда имеет место не просто нейтральное освещение определенных событий или действий, а их тенденциозная интерпретация с экстраполяцией негативных оценок в отношении всей группы.

СМК в кризисных ситуациях: проблема информирования населения

Кризисная ситуация в обществе обычно трактуется как «естественное или созданное людьми событие, которое определяет... угрозу жизни людей и... нормальному функционированию общества» (Gaber, 1989, p. 27). Она может возникать под воздействием разных тенденций — и внешних, и внутренних. Это может быть: убийство лидера страны; возникновение угроз со стороны внутренних сил, например, захват заложников; ситуация массовых естественных катастроф (землетрясения, наводнения и т. д.); этнические конфликты и погромы (Кондопога, Манежная площадь и пр.); внутренние конфликты (события в Египте, террористическая активность в стране, возникновение массовых протестных движений и т. д.).

Независимо от причин возникновения кризисной ситуации в стране в процессе ее возникновения это экстраординарный период, который характеризуется нестабильностью, неопределенностью, эмоциональной напряженностью, стрессовым состоянием общества. В этой ситуации общество начинает опираться на информацию, представ-

двумя СМИ, которая переживается как сложная жизненная ситуация, трудность, кризис жизнедеятельности.

Первая стадия кризиса – его назревание или угроза наступления политической нестабильности (например, потенциальной возможности оппозиционных лидеров мобилизовать большие массы населения и выйти с протестами на площади). На стадии формирования кризисовой ситуации неопределенность ситуации самая высокая и угрозы последствий трудно прогнозировать.

Как ведут себя в этой ситуации СМИ? На этой стадии они, с одной стороны, реагируют быстро, информируя о разрозненных фрагментах событий, с другой – постоянно откладывают объективное освещение происходящего (подогревая психологическое состояние заинтересованности населения в получении информации). Это особенность функционирования СМИ как структуры¹.

Вторая стадия кризиса – наступление кризисной ситуации. На этой стадии СМИ стремится полно освещать события (на Болотной площади это видеокадры столкновения протестующих с правоохранительными органами, со скрытым одобрением их поведения и положительной интерпретацией действий оппозиции в целом).

В целом во время кризиса влияние СМИ на сознание и поведение больших масс населения драматически возрастает. Э. Венгер в своем исследовании обнаружил, что представители сообществ, пережившие кризисные события (естественные катастрофы, наводнения, землетрясения и т. д.), опирались на информацию, предоставляемую СМИ, в период этих катастроф. Он отметил, что для многих из них СМИ были не только важным, но и единственным источником информации (Wenger, 1980, p. 243). Респонденты главным образом опирались на информацию электронных СМИ, считая их наиболее объективными. От 58,3% до 74,6% респондентов назвали радио и ТВ основными источниками информации в период кризиса.

Интернет как фактор криминологической детерминации

Начать разговор о роли Интернета в механизме детерминации преступности необходимо с простого тезиса о том, что он стал важным элементом социальной среды. Статистические данные, касающиеся времени нахождения пользователей в Сети и т. п., иллюстрируют то постоянно возрастающее значение, которое играет Интернет

1 Также же тенденции поведения СМИ заметны, например, в освещении событий противостояния в Персидском заливе и на Украине.

в общественной жизни. Как относительно новое социальное явление он, безусловно, не отрицает традиционных факторов социальной действительности, рассматриваемых в контексте криминологической детерминации, хотя и оказывает на них свое воздействие.

Говоря о значении Интернета в контексте криминологической детерминации, необходимо дать криткую характеристику его особенностей. Первоначально Сеть рассматривалась прежде всего как инструмент распространения информации, что и сейчас удерживает ее в одном ряду с другими СМИ (печатными изданиями, радио, телевидением). Однако в последние годы на первый план вышла другая функция Интернета, состоящая в его способности обеспечивать социальную коммуникацию и взаимодействие пользователей между собой. Наиболее ярко она проявила себя в появлении и стремительном развитии социальных сетей, которые занимают сейчас первые строчки рейтингов интернет-ресурсов по популярности и времени пользования. Эта вторая функция оказала воздействие и на первую ипостась Интернета, придав ей большую интерактивность (возможность пользовательских комментариев, размещения собственных материалов на сайте и т. п.).

Именно благодаря функции коммуникации «возникла звезда» такого важнейшего фактора киберпространства, как пользовательский контент, который распространяется через социальные сетевые ресурсы, наиболее популярными из которых являются Facebook, Instagram, Twitter, ВКонтакте и др. Именно пользователями социальных сетей ежедневно генерируется и распространяется огромное количество нового контента в Интернете. Так, например, по последним данным (конец 2016 г.) в сети Instagram в среднем за день публикуется свыше 89 млн фотографий (Инстаграм в цифрах..., 2017).

Обобщая вышесказанное, еще раз обозначим два ключевых фактора интернет-изданий – информационный и коммуникационный. Несмотря на их тесную взаимосвязь, данное разграничение сохраняет свое значение и будет использоваться нами при раскрытии заявленной темы. В контексте информационного аспекта при определении роли Интернета в механизме детерминации преступного поведения могут быть применимы разработанные в XX в. в социологии и криминологии теории о влиянии печатных и аудиовизуальных СМИ на преступность, которые были рассмотрены нами выше. Однако они неспособны вскрыть новые специфические возможности влияния интернет-изданий на детерминацию преступности. Заявленная проблема является относительно новой для отечественной науки, хотя отдельные ее аспекты исследовались российскими учеными.

В криминологии давний вопрос изучался преимущественно в контексте исследования киберпреступности. А. А. Жмыков определил три основные характеристики Интернета, способствующие совершению компьютерных преступлений: 1) анонимность преступника в виртуальной среде; 2) пространственная удаленность преступника от жертвы; 3) лучшее качество предоставления информации компьютерной средой по сравнению с традиционными средствами (Жмыков, 2003, с. 38).

Р. И. Дремлюга не только выделил ряд особенностей Интернета, обуславливающих рост интернет-преступности, но и описал механизмы их воздействия. В качестве таковых автор указал: 1) глобальную трансграничную природу Интернета, которая позволяет совершать преступления на территории другого государства с домашнего компьютера, способствует кооперации и консолидации преступных группировок и сообществ независимо от вида деятельности; 2) анонимность, которая обесценивает преимущества для всех форм мошенничества и обмана, дает возможность свободного размещения запрещенной информации и анонимного ее просмотра; 3) огромная степень охвата аудитории, которая значительно расширяет круг потерпевших от преступления и увеличивает размер причиняемого вреда; 4) широкое распределение основных узлов сети и их взаимозаменяемость, что затрудняет контроль и блокировку каналов передачи информации, а также сбор доказательств по уголовному делу (Дремлюга, 2008).

Социологи изучают заявленную проблему в более широком плане влияния Интернета на различные формы девиантного поведения. При этом в качестве одной из ключевых детерминант они также называют фактор анонимности виртуальной жизнедеятельности. Как подчеркивает М. Е. Позднякова, «особенности общения подростков в анонимно-виртуальной среде обуславливают деформации социализации в нормативном аспекте и содержат опасности приобщения к девиантным формам поведения, как в виртуальной, так и в реальной среде» (Позднякова, 2009, с. 128–149).

Российский социолог Я. Костюковский также отмечает девиантогенный эффект Интернета — возможность для социально-негативной коммуникации и консолидации (Костюковский, 2012, с. 272–294). В киберпространстве естественным образом стали образовываться не только просоциальные группы, но и девиантные виртуальные сообщества, обретшие новые, невиданные ранее возможности коммуникации. В качестве примеров он называет сообщества поклонников экстремальных видов деятельности, интернет-клубы самоубийц,

российское БДСМ-сообщество. Данный автор блестяще описывает механизм формирования виртуальных групп девидантной направленности: «Человек, который интересовался чем-то и имел вполне девидантное увлечение, но никогда особо не задумывался над этим, вдруг встречает не только информацию, точно совпадающую с его интересами, но получает теоретические и практические сведения, точный диагноз и название этих интересов, возможность общаться с коллегами и, наконец, встретиться с ними не только в виртуальном мире» (там же, с. 279). Последний аспект исключительно важен, поскольку активность членов интернет-сообщества не ограничивается только киберпространством, а свободно перетекает в «оффлайн-реальность».

Примером негативных межкультурных элементов являются *виртуальные сообщества хакеров*: «Порожденная техническим прогрессом и возникшая в США субкультура хакеров достаточно быстро распространилась по всему миру, своей деятельностью принося многомиллиардные убытки, становясь при этом примером для подражания среди молодого поколения, растущего в условиях компьютеризации и интернетизации информационных потоков» (Масленченко, 2008, с. 3). По его мнению, «сегодня хакеры представляют собой виртуальное сообщество, располагающее в Сети значительными информационными и интеллектуальными ресурсами и механизмами самоорганизации своей деятельности» (там же, с. 12).

К числу виртуальных групп криминальной направленности относятся и *наркотические сообщества*, которые формируются вокруг соответствующих тематических сайтов. Сотрудники Института социологии РАН, длительное их изучая, установили, что наиболее активная часть таких сообществ использует возможности Интернета для формулирования своей позиции, ощущения принадлежности к группе «своих» по духу. Ознакомление с наркотической информацией на интернет-сайтах и форумах является механизмом поискового этапа, способствующим формированию мотивации потребления наркотиков, а виртуальное общение в наркотических группах может переходить в реальные контакты, касающиеся, например, купли-продажи наркотиков. Последний момент особо важен, поскольку онлайн-торговля наркотиками в открытом и «темном» (DarkNet) сегментах Интернета в настоящее время является основным способом их сбыта.

Еще одним примером криминальной самоорганизации в Сети являются *интернет-сообщества педофилов*. Для данной категории лиц киберпространство выступает исключительно важной площадкой коммуникации, поскольку, в отличие от тех же хакеров, педофилы

жестко осуждаются обществом и вынуждены находиться в тени, дабы избежать «тисков» социального давления. Анонимная виртуальная среда создает для них отличные возможности. В ходе виртуального взаимодействия группы педофилов предпринимают усиленные меры конспирации, включая использование кодовых паролей и шифрование материалов с детской порнографией, что обуславливает сложность их выявления. Тем не менее подобные факты периодически вскрываются, иллюстрируя широкий масштаб явления (В Рунете выявлено..., 2013).

Возможности киберпространства оказались весьма востребованы и террористическими и экстремистскими организациями. Основными направлениями использования Интернета в экстремистской и террористической деятельности выступают:

- пропаганда экстремистской идеологии;
- вербовка и подстрекательство к совершению терактов и иных противоправных действий;
- подготовка (обучение) террористов;
- планирование и координация экстремистской и террористической деятельности;
- финансирование экстремистской и террористической деятельности;
- кибератаки на информационные системы (кибертерроризм) (Сундик, Смирнов, Кундетов, Федотов, 2014, с. 51–79).

В этом отношении особенно активна запрещенная в России международная террористическая организация «Исламское государство» (далее – ИГИЛ), которая поставила пропагандистскую работу в Сети на качественно новый уровень. В структуре данной организации создан мощнейший медиахолдинг, который производит широкий перечень мультимедийной продукции (видеофильмов, агитационных роликов, аудиотанцев проповедей, журналов, буклетов, постеров и т. п.) (Сундик, Смирнов, Костин, 2015, с. 208–209).

В контексте исследуемой темы также хотелось бы упомянуть о таком чрезвычайно развитом в Интернете феномене, как троллинг. В наиболее общем виде это явление можно охарактеризовать как «процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтов посредством нарушения правил этического кодекса интернет-взаимодействия» (Внебренная, 2012, с. 48–51). Троллинг далеко не всегда связан с нарушением закона, однако основными его приемами всегда являются нарушающие права личности действия: оскорбле-

ния и разглашение добытой личной информации (так называемый «доксинг»). Помимо его многочисленных индивидуальных проявлений в интернет-коммуникации (по сути, он представляет одну из ее разновидностей), существуют организованные группы «троллей», действующие в глобальных масштабах.

Обобщая позиции авторитетных российских и зарубежных исследователей относительно роли Интернета в детерминации преступности, позволим себе дополнить их рядом собственных соображений. В 2012 г. одним из авторов настоящей главы были выдвинуты и описаны две гипотезы о криминогенном влиянии Интернета (Смирнов, 2012, с. 188–199).

Суть первой гипотезы (условное название – «Звезда YouTube») состояла в том, что *преступления могут совершаться ради получения известности в Интернете*. Она была выдвинута на основе обобщения полученных широкой общественной резонанс случаев жестокого избиения девочками-подростками своих сверстниц в 2012 г. (Худикова, Логачева 2012; Егоровкин, 1995). Процесс убийства фиксировался на видео, которое затем было распространено в Сети. Истоки мотивации данных действий, на наш взгляд, следует искать в особенностях современной культуры общества потребления, одной из которых является свойственный ей культ «звезд». Немецкий ученый Н. Болль пишет о том, что в современном обществе «важные места старых богов оказались заняты звездами» (Болль, 2014, с. 127). Автор обращает внимание на то, что современная медиандустрия пропалагандирует эгалитаристский миф о доступности славы для каждого, согласно которому «каждый может стать звездой». Будучи весьма ограниченным в плане возможностей для реализации в традиционных масс-медиа, данный миф получил свое реальное воплощение в сети Интернет. Влияя призыву «Broadcast Yourself» («Транслируй себя») видеохостинга YouTube, миллионы пользователей устремились искать славы в «мировой паутине», выставляя и размещая видеоролики, фото и текстовые файлы. Жажда получения «лайков», «респонсов», «комментов» и обретения новых «фолловеров» (подписчиков) превратилась для значительной части современной молодежи в навязчивое, ради которого они готовы на многое. В психологическом плане, помимо стремления к знаменитости, мотивация подростков обусловлена также стремлением получить виртуальное подтверждение собственной значимости или, по меньшей мере, различимости, что особенно важно в условиях атомизированной жизни в современных городах и при недостатке родительского внимания. Относительно новой формой проявления описанной тен-

дения стали прямые онлайн-трансляции совершения преступлений их исполнителями, что связано с развитием в последние годы приложений для передачи видео в Интернете. В нашей стране наибольшую известность имел случай, произошедший в Псковской области в 2016 г., когда двое подростков (мальчик и девочка) вели в Ретисоре трансляцию последних часов своей жизни. Школьники забаррикадировались в здании, из которого стреляли по полицейской машине, а затем покончили с собой (Смерть в прямом эфире, 2017).

Вторая гипотеза состояла в том, что преступные деяния могут совершаться в силу воспроизведения заместовых из Сети каллиграфиче-ских поведений (условное название «Hacker Style»). Механизм такого подражания во многом связан с описанным в первой гипотезе культом «звезде», хотя причины его лежат в несколько ином русле. Глобальный характер Интернета и мгновенная скорость передачи данных в нем обусловили «вирусный» тип механизма распространения информации, который еще более усилился с развитием коммуникационной функции Сети (возможность ставить «лайки» и т. п.). Благодаря этому любая новость или материал могут за короткий период времени набрать огромную популярность (в этих случаях говорят, что информация «взорвала Интернет»), на основе чего формируются «интернет-мемы». В случае если в них заложена определенная модель поведения, она начинает многократно воспроизводиться. Этому способствуют доступность самой модели, ее игровой (развлекательный) характер, внешняя безобидность или кажущаяся незначительность причиняемого вреда.

Согласно позиции А. Бандуры, широкая демонстрация ведущих к успеху паттернов поведения является причиной их заместования и распространения в рамках социальных групп. В эпоху Интернета признаком успеха модели поведения выступают не только реальные вознаграждения, полученные людьми за их реализацию (либо их символическое отображение в продукции масс-медиа, например, художественном фильме), но и виртуальные награды в виде «лайков» и комментариев.

Описанные психологические механизмы проявляли себя и в традиционных медиа, однако именно в соединении с вирусным типом распространения информации в Интернете подражание приобрело новые, невиданные ранее масштабы и скорость распространения.

В 2012 г. А. А. Смирновым было сделано предположение, что виртуальное распространение явлений может получать и криминальные паттерны поведения. С учетом выделенных факторов, способствующих подражанию, в качестве них с наибольшей вероятностью рассмат-

ривались хулиганские действия (нечто подобное наблюдалось в массовых фактах ослепления подростками пилотов воздушных судов лазерными излучателями). Данная гипотеза пока не нашла своего полного подтверждения. Факты подражания определенным моделям поведения, увидевшим в Интернете, фиксировались, но не имели массового характера. Нечто подобное отмечалось в отношении совершения террористических атак в период 2015–2017 гг. в городах Европы так называемыми «волками-одиночками». Однако данные случаи не вполне подходят под описанный в гипотезе мотивационный механизм воздействия. Так, нападения совершались: а) под воздействием активной пропагандистской работы ИГИЛ; б) в некоторых случаях действия преступников координировались и направлялись руководителями вчлск ИГИЛ. Кроме того, они не носили массового характера. Тем не менее, по нашему мнению, изложенную гипотезу пока рано «списывать», поскольку возможность появления в сети притягательного криминального образа поведения и последующего массового воспроизведения его в действительности не исключена.

Виктимологические детерминанты киберпреступлений

В заключительной части главы уделю внимание виктимологическим аспектам детерминации преступности, связанным с поведением жертв преступлений в киберпространстве. Многим интернет-пользователям свойственна чрезмерная открытость доверчивость в их виртуальной жизнедеятельности. Они размещают в социальных сетях свои персональные данные (ФИО, дату рождения, место жительства) публикуют фотографии, размещают информацию личного характера. Особенно это характерно для несовершеннолетних. Согласно данным исследования «Дети России онлайн», проведенного Фондом развития Интернет и факультетом психологии МГУ имени М. В. Ломоносова в 2010 г. в 11 регионах России, от 60 до 80% российских школьников выкладывают в сети фамилию, точный возраст, номер школы, режис – домашний адрес (21%) (Солдатова, Зотова, 2011, с. 46–53).

Как справедливо отмечает Н. Костюковский (Костюковский, 2012), такой владелец личной информации не мог не стать девятиголенным. Автор приводит примеры использования размещенной в сети информации при совершении мошенничества и краж.

Беспечность и доверчивость интернет-юзеров является фактором для широкого круга киберпреступлений, прежде всего кибермошенничества. В авторитетных источниках по проблемам кибер-

безопасности используется специальный термин «social engineering» («социальная инженерия»), описывающий тактику злонамеренного проникновения в чужие компьютерные системы и аккаунты: например, взломщик путем уговоров обманывает пользователей или администратора (например, представляясь новым сотрудником) и добывается личной информации о компании и/или ее компьютерных системах, чтобы получить несанкционированный доступ к сети.

Еще одним примером использования злоумышленниками доверчивости пользователей является фишинг – разновидность интернет-мошенничества, ориентированная преимущественно на получение паролей и банковских реквизитов с целью последующего несанкционированного снятия чужих денежных средств. Для этих целей киберпреступники создают подложный сайт, который выглядит в точности так же, как сайт банка или сайт, производящий финансовые расчеты через Интернет. Мошенники пытаются обманом путем добиться, чтобы пользователь посетил фальшивый сайт и ввел на нем свои конфиденциальные данные, – например, регистрационное имя, пароль или PIN-код. Используя их, злоумышленники крадут деньги со счетов пользователей (Ланк, 2014).

Проведенный анализ показал, что факторы интернет-среды в механизме криминологической детерминации в большинстве случаев выступают в качестве условий преступности. К примеру, жертвы преступлений сами создают возможность для детерминации преступления. Таким образом, анализ преступлений в Сети демонстрирует элементы волеизъявления традиционных и тщательно изученных в криминологической теории позиций. При этом прарушители Интернету специфические характеристики открывают новые беспрецедентные возможности для реализации отдельных направлений криминальной деятельности, что обуславливает весьма значительный его вклад в детерминацию преступности. Кроме того, криминогенные факторы интернет-среды могут входить и в содержание причинного комплекса преступности в целом или отдельных ее видов, в рамках которого они в результате сложного взаимодействия с иными причинами порождают преступное поведение.

Безусловно, изложенный материал не исчерпывает всей глубины проблемы и не отражает все аспекты влияния Интернета на общество. Отдельного внимания, например, заслуживает вопрос так называемого «темного Интернета» (DarkNet), представляющего собой по сути «цифровое подполье», в котором в избытке представлены все негативные составляющие интернет-среды (детская порнография,

экстремистские материалы, хакерские боты, площадки по продаже наркотиков и оружия и даже анонимный рынок заказных убийств).

Кроме того, функциональные возможности Интернета непрерывно совершенствуются, что предопределяет появление в будущем новых способов и механизмов детерминации преступности интернет-средой. Все это убеждает нас в необходимости проведения фундаментальных криминологических и социально-психологических исследований в данной области, которые должны рассматривать как общие вопросы о роли и месте Сети в детерминации преступности, так и частные аспекты, связанные с детерминацией отдельных видов преступлений.

Глава 17

Личностные ресурсы молодежи как фактор противостояния деструктивным воздействиям

В последние десятилетия общество столкнулось с проблемой массового освоения социальными личностями и группами методов деструктивного воздействия. Скрытое воздействие, не осознаваемое человеком как манипуляция, подавляет критическую реакцию личности, блокирует работу защитных механизмов психики, в результате чего могут приниматься нужные инициатору воздействия решения.

Современная молодежь часто выступает объектом различного рода внешних деструктивных воздействий. В частности, одной из тревожных и опасных социальных проблем сегодняшнего времени является распространение наркомании в молодежной среде. По официальным данным численность наркоманов в России неуклонно растет: на медицинском учете в 1992 г. состояли 88 тысяч человек, в 2006 – уже 390 тысяч, а в 2017 г. – 820 тысяч (наркомания в России). При этом 60% наркоманов – это молодежь в возрасте от 16 до 30 лет, а 20% от всего количества – дети в возрасте до 16 лет. Все больше детей начинают употреблять наркотические вещества в возрасте от 9 до 13 лет и только 6% от всех страдающих зависимостью исключаются от нее (Наркомания в России..., 2006).

Наркомания сопряжена и с другими смежными проблемами: в 90% случаев СПИД передается во время инъекций наркотических препаратов, до 90% уголовных правонарушителей – это люди, употребляющие наркотики.

Согласно данным социологического мониторинга, по Москве среди школьников 7–11 классов доля пробовавших наркотики составляет 14% от общего количества опрошенных – 1200 чел. (Челышева, 2006). Наиболее часто приобщение к психоактивным веществам происходит в возрасте 14–15 лет, при этом эксперты отмечают сдвиг показателей злоупотребления психоактивными веществами

в младшие возрастные группы. Опасность употребления наркотиков в подростковом возрасте заключается в том, что у несовершеннолетних формируется установка на дальнейшую наркотизацию и одновременно останавливается личностное развитие, деформируются связи с ближайшим окружением, нарушаются семейные отношения, затрудняется последующее образование собственной семьи и рождение здорового потомства.

Отсутствие надежных социальных барьеров, сдерживающих неконтролируемый рост употребления наркотиков, в сочетании с низкой эффективностью лечения наркотической зависимости делают жизненно значимой проблему профилактики наркомании среди подростков. При этом профилактическая деятельность в первую очередь должна быть направлена на уменьшение факторов риска первичного употребления психоактивных веществ и усиление защитных факторов (создание условий, способствующих снижению риска наркотизации).

Многочисленные исследования показывают, что около 90% жизненных целей студентов связаны с достижением экономического благополучия (Китова, Агирьова, Хатуева, Балова, 2010; и др.). Способы, которыми молодежь намерена реализовать свои экономические притязания, разнообразны, но зачастую опасно близки к границам противоправных действий. Так, 35,7% обследованных студентов (всего опрошены 973 студента разных специальностей) связывают достижение экономического благополучия с нелегитимными способами обогащения: незаконным присвоением активов, коррупцией, нарушением прав интеллектуальной собственности, искажением отчетности, «отмыванием денег» и т.д. (Социально-психологические исследования..., 2017).

В связи с кардинальными экономическими преобразованиями взрослая часть российского общества, социализировавшаяся в советскую эпоху, в 1990-е годы оказалась не готовой к успешной экономической самореализации в условиях рыночных отношений. Не владея новыми формами организации труда и бизнеса, знанием особенностей рыночной экономики и экономического поведения, социальные институты общества оказались не в силах организовать эффективную экономическую социализацию молодежи. Вследствие этого экономические потребности молодых людей, вместо того чтобы стать движущей силой их развития, начали вступать в конфликт с реальными возможностями их удовлетворения, создав непосильные для самостоятельного решения экономические проблемы, что актуализировало возможность деструктивной социализации.

Не менее тревожной современной тенденцией является распространение в молодежной среде идеологии экстремизма и терроризма, направленной на дестабилизацию общественного порядка, разрушение конституционных основ и территориальной целостности государства. Как показывает практика, в большинстве случаев адептами этих идеологий выступают молодые люди в возрасте от 15 до 25 лет. Идеологи терроризма умело используют психологические особенности ювенеского возраста – обостренную страсть к общению с эффектом группирования, склонность к самоутверждению и рискованному поведению, стремление к самостоятельности, к отрыву от семьи и социальных институтов общества – в своих целях.

Постановка проблемы

Стремительность изменений в современном обществе, транслация субкультуры насилия в современных СМИ, низкий уровень жизни, распространение идеологии терроризма и экстремизма и иные социально-экономические проблемы актуализируют проблему психологического ресурса личности, обеспечивающего сопротивляемость деструктивным воздействиям, что особенно важно для подрастающего поколения. Таким образом, возникает необходимость разработки научных основ формирования безопасности личности, ее способности противостоять внешнему негативному воздействию.

Для противодействия деструктивной социализации молодежи, связанной с употреблением наркотических средств, необходим систематизированный анализ теоретических и практических проблем психологии наркотизации личности, выявление ее причин, а также анализ методов диагностики и коррекции деструктивного поведения подростков.

В рамках проблем профилактики аддикций в современной психологии личности выделяется ресурсный подход, который, рассматривая психические ресурсы личности как детерминанты ее развития, позволяет по-новому увидеть и изучить ряд актуальных для психологического анализа личности проблем. Данная проблематика органично входит в поле исследовательских интересов и отечественной психологии (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, В. С. Мухомов, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободяков, Д. Б. Эльманович и др.), и зарубежной (А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс, Р. Мэй, Ф. Перлз, Э. Фрейд, Э. Шостром и др.). В современной психологии разработаны общие факторы развития личности и раскрыты причины психологических трудностей на этом пути. При анализе личностных ре-

сурсов человека западные психологи акцентируют свое внимание на процессах самореализации, саморезализации, т. е. на развитии внутренних психологических резервов.

Соответственно, в этой главе мы ставим задачу найти ответы на два актуальных вопроса: каковы личностные ресурсы подростков, позволяющие им противостоять деструктивному влиянию, и каким образом должна быть организована превентивная работа по их развитию?

В связи с такой постановкой проблемы мы выдвигаем следующую *заповедь*: деструктивное влияние наркотических групп на подростков обусловлено не только манипулятивными стратегиями воздействия на психику личности, но и несформированностью таких ее качеств, которые определяют ее психологическую устойчивость. Соответственно, противодействие деструктивному влиянию наркотических групп на подростков должно быть ориентировано 1) на помощь в осознании ими механизмов и способов манипулятивного воздействия и 2) на формирование их личностных качеств, обеспечивающих психологическую устойчивость.

Таким образом, предметом анализа становятся личностные ресурсы подростков как фактор противостояния деструктивным воздействиям, в частности, наркотических групп. Понятно, что теоретически он должен быть основан на результатах исследований, посвященных психологическим аспектам влияния манипуляций (А. Л. Дворкин, Е. С. Доценко, Ф. Зымбардо, Р. Лифтон, Б. Ф. Поршнев, С. Хассен, Р. Чаддини, Э. Шостром, Ж. Пиаже, В. А. Соснин и др.).

Современной психологической наукой разработана классификация типов деструктивного поведения (адактивное, антисоциальное, суицидное, конформистское, аутистическое и др.); выявлены факторы, способствующие его возникновению: нарушение созревания высших психических функций, дефекты самосознания, аномальное развитие эмоционально-волевых процессов в свойства личности, неполноценные механизмы психологической защиты и т. п. Имеются теоретические и практические разработки в области деструктивного поведения несовершеннолетних, вскрывающие его специфику (гиперактивность, непослушность, расстройство поведения одиночного, группового и не дифференцированного типов).

Первая попытка понять психологический смысл деструктивности была предпринята С. Н. Шпильрейн в 1912 г. Ее трактовка этого феномена как «инстинкта разрушения» подвергалась осмыслению и критике в работах отечественных и зарубежных авторов (А. Е. Личко, Ю. В. Попов, П. И. Сидоров, М. Т. Егизов, Е. А. Кланцман,

L. Schiefbusch). Это явилось своего рода «точкой отсчета» в исследовании проблемы.

В настоящее время аддитивное поведение несовершеннолетних (зависимость от компьютерных игр, ранний алкоголизм и наркомания) еще больше привлекает внимание ученых. При исследовании деструктивных социокультурных условий и факторов, способствующих этому явлению, используются различные теоретические и методологические подходы, концепции и модели, объясняющие причины возникновения и развития деструктивного поведения, в том числе разъясняющие особенности развития наркотической зависимости у подростков (А. Х. Акбаев, Д. А. Китова, В. А. Соснин, А. В. Сухарев и др.).

В работах отечественных и зарубежных авторов большое значение придается как социальным, так и личностным детерминантам наркотизации подростков, выделяются типологические характеристики деструктивного поведения подростков с дисгармоничной психического развития, предикторы, факторы риска. Это вносит определенный вклад в разработку дифференциальных методов профилактических и психокоррекционных воздействий в клинико-психологической, педагогической практике и социальной работе с детьми и подростками группы риска. Доказано, что существенную роль в формировании деструктивного поведения подростков играют их структурно-личностные особенности (Э. А. Бабаев, В. С. Битенский, М. Х. Гоновский, А. Е. Личко).

Современные специалисты (психологи, наркологи, психиатры, педагоги, юристы, биологи, социологи), занимающиеся проблемами наркоманности, сходятся в том, что в ее формировании решающую роль имеет не какой-то один фактор, а вся совокупность биологических, социальных и психологических условий жизни человека. Эксперты Всемирной организации здравоохранения разработали обобщенную классификацию факторов риска наркотизации в зависимости от уровня их проявления. Выделяют три уровня проявления факторов риска: биологический, индивидуально-психологический, социальный (Минко, Болотова, Игнатов и др., 1999). В рамках психологического подхода наиболее важным представляется индивидуально-личностный фактор, который определяется аномалиями в различных личностных сферах, таких как поведенческая, эмоциональная, когнитивная, характерологическая, сфера Я-концепции, духовная сфера. Вторым фактор, не менее значимый с психологической точки зрения, – это возрастные особенности развития личности.

Ряд современных авторов (В. С. Битенский, В. А. Глушков, С. В. Дворяк, А. Е. Личка, И. А. Никифоров, П. Н. Сидоров, Б. Г. Херсонский) к личностным факторам риска, ведущим к снижению психологического барьера перед началом употребления наркотиков и выступающим пусковым механизмом для начала их употребления, относят:

- слабую осознанность жизненной перспективы;
- модальность отношения к возможности употребления наркотиков;
- склонность к протестным оппозиционным формам поведения;
- особенности проявления протестных реакций (демонстративное, скрытое и пр.);
- критицизм по отношению к социальным институтам общества;
- несформированность системы ценностей и привязанностей;
- приемлемое отклонение к максимизации;
- неадекватный уровень притязаний;
- наличие неспрошенных авторитетов;
- конформизм;
- социальную апатию;
- высокий уровень фрустрационных и стрессовых расстройств;
- внешний локус контроля;
- пониженную самооценку;
- стойкие изменения настроения.

В условиях развития современных информационных технологий полностью оградить человека от внешнего манипулятивного влияния не представляется возможным. Риск приобретения подростка к употреблению психоактивных веществ может исходить как изнутри (биофизиологические, индивидуально-психологические факторы), так и извне (микро- и макросоциальные факторы). Вероятность наркотизации подростка определяется всей совокупностью (комплексом) воздействующих условий, однако самым важным фактором является развитие его личностных ресурсов. Управление ситуацией возможно лишь посредством формирования личности, способной успешно противостоять такому воздействию, используя собственные личностные ресурсы. Таким образом, современная концепция предупреждения первичного употребления наркотиков основана на непосредственной работе с личностью несовершеннолетнего. Это требует анализа социально-психологических особенностей развития личности на данном возрастном этапе.

Возрастные особенности развития подростков

Подростковый возраст является одним из кризисных этапов в становлении личности человека. Он характеризуется рядом специфических особенностей как в познавательной, так и в личностной сферах (в семье и в подростковых группах). Основу формирования психологических и личностных качеств составляет общение в ходе различных видов деятельности. У подростка увеличиваются потребность в общении со сверстниками, стремление к самоутверждению в их среде. Взаимоотношения подростка с референтной группой и образуют в значительной степени социальную ситуацию его развития.

Поведение подростков в значительной степени определяется характерными для этого периода жизни эмкавацией, протестным поведением, группированием со сверстниками, значимостью увлечений (хобби) и формирующимся сексуальным влечением. Именно эти особенности могут оказаться факторами, которые будут как способствовать употреблению психоактивных веществ, так и препятствовать ему.

Анализ исследований проблем подросткового возраста (см. работы В. С. Битенского, В. А. Глушкова, С. В. Дворяк, А. Е. Личко, Н. Г. Найденовой, И. А. Никифарова, И. Н. Патвицкой, П. И. Сидорова, Б. Г. Херсонского и др.) позволяет выделить следующие возрастные факторы риска формирования зависимого поведения, связанные с психологическими особенностями данного этапа развития личности:

- обостренную страсть к общению с эффектом группирования;
- тягу к сопротивлению, упрямству, протесту против воспитательных авторитетов;
- стремление к независимости и отрыву от семьи;
- стремление к неизвестному, рискованному поведению;
- склонность преувеличивать степень сложности проблем;
- кризис идентичности с деперсонализацией в восприятии себя и окружающего мира;
- деминирование гедонистических установок.

Таким образом, возрастные особенности развития способствуют тому, что защитные механизмы по отношению к внешнему влиянию и манипуляциям у подростков недостаточно сформированы. Соответственно, важнейшим механизмом, обеспечивающим эффективность противостояния подросткам деструктивному влиянию нар-

вотических групп, является *экзотропно-либеральное воздействие*, направленное на развитие личностных ресурсов подростков, обеспечивающих возможность такого противостояния. К таким ресурсам относят формирование:

- стрессоустойчивых личностных установок;
- позитивных когнитивных оценок;
- навыков «быть успешным»;
- навыка быть способным сделать позитивный альтернативный выбор в трудной жизненной ситуации, включая ситуацию предложения наркотиков.

Личностные особенности подростков и перемены, постоянно происходящие в обществе, исключают возможность создания негнущейся коннитуальной модели профилактики наркомании. Необходимо непрерывно обновлять и совершенствовать профилактические подходы на основе уже существующих и доказавших свою эффективность моделей.

Приоритет в проведении первичной профилактики наркоманий среди детей и подростков необходимо отдать школе как социальному институту, имеющему возможность организованно и планомерно заполнить образовательное пространство личным содержанием с наибольшей пользой для гармоничного развития учащихся. Кроме того, школа представляет собой микромодель общества, где подростки могут освоить навыки созидательной деятельности, эффективного социального и межличностного взаимодействия, основанного на личностном выборе и психологической автономии.

Эмпирический анализ состава проблемы

С целью выявления психологических факторов риска подверженности деструктивному воздействию и факторов противодействия наркотизации в молодежной среде мы провели несколько опросов (2009, 2012, 2015 гг.). Обследованные были направлены на выявление представлений молодежи о деструктивных факторах своей социализации и затрагивали также проблемы, как наркотизация, нелегитимная экономическая деятельность и распространение идеологии терроризма.

В опросе по проблемам наркотизации молодежи участвовали учащиеся 9–11 классов в возрасте от 14 до 17 лет (136 человек, из них 74 девушки и 62 юноши). Анонимный опросный лист, включавший 15 позиций, позволил получить следующие данные:

- 1) основными источниками информации о наркотиках для подростков являются школа (так заявили 53,6% опрошенных), друзья (34,1%) и родители (12,3%);
- 2) наиболее «авторитетным» в освещении вопросов наркомании для 41,6% подростков является мнение специалистов (учителей, психологов, медиков, сотрудников МВД и др.), для 39,4% – мнение родителей, для 19,0% – мнение друзей;
- 3) информация о наркологической ситуации признается подростками наиболее достоверной, если получена от сотрудников милиции, наркологов, психологов (32,2%), из СМИ (25,7%), от родителей (19,3%), от учителей (13,4%), от друзей (9,4%);
- 4) по мнению большинства старшеклассников (83,7%), в их классе нет тех, кто пробовал наркотики; 12,7% респондентов считают, что их одноклассники уже пробовали наркотическое или токсикоманическое вещество; 3,6% утверждают, что каждый третий из их класса хотя бы один раз пробовал наркотические вещества;
- 5) подростки достаточно хорошо осознают опасность быстрого возникновения наркотической зависимости, которая появляется, по мнению 59,8% учащихся, уже после однократного применения наркотика, по мнению 28,6% школьников – после регулярного употребления в течение 2–3 месяцев, но 11,6% респондентов полагают, что при редком употреблении наркотиков зависимость не возникнет вообще;
- 6) продолжительность жизни наркомана, как считают старшеклассники, составляет более 15 лет (34,7%), от 5 до 15 лет (35,6%), не более пяти лет (29,7%);
- 7) оценивая вред, приносимый наркотиками, 65,2% подростков склонны разделять их на опасные и менее опасные, 23,7% считают все наркотики опасными в равной степени, 9,1% опрошенных полагают, что некоторые наркотики не приносят вреда; кроме того, 26,7% респондентов, отвечая на данный вопрос, самостоятельно дополняют, что, начиная с легких наркотиков, человек рано или поздно перейдет к более сильным, а поэтому делить их на опасные и менее опасные нельзя;
- 8) основными причинами употребления наркотиков подростки считают психологическую слабость (78,9%), недостаток информации о вреде наркотиков (12,4%), желание показать свою самостоятельность (8,7%);
- 9) в качестве мотивов употребления наркотиков выделены следующие позиции: желание избавиться от неприятных переживаний – обиды, страха, чувства одиночества и т. д. (46,3%), желание

повеселиться – поднять настроение, развлечься (42,1%), снятие напряжения при новом знакомстве, при совершении негативных поступков и т.д. (8,7%), для престижа и повышения авторитета среди сверстников (5,3%);

- 10) в качестве мест скопления подростковых групп, где происходит приобщение к наркомании, респонденты называют квартиры, в которых собираются компании подростков без присмотра взрослых (33,3%), дворовые площадки (26,3%), дискотеки (25,7%), шоу-вечеринки и концерты (9,7%), школу (4,8%);
- 11) поставщиками наркотиков, по мнению старшеклассников, являются незнакомые торговцы (62,3%), друзья (18,7%), взрослые знакомые (19,0%);
- 12) как считают респонденты, «знакомство» молодых людей с наркотическим веществом происходит в возрасте 14–16 лет (63,1%), 17–18 лет (19,3%), 11–13 лет (9,1%), старше 18 лет (6,5%), а 2,9% опрошенных указали на возможность первого употребления наркотических веществ уже в 8–10 лет;
- 13) при самооценке своих знаний о вреде наркотиков 51,2% учащихся заявили, что имеют высокий уровень знаний по проблеме, 41,7% – средний уровень, 7,1% – низкий.

Проведенный среди подростков опрос позволял выявить наиболее чувствительные и полезные для профилактического воздействия психологические факторы. В частности, подростки склонны больше доверять взрослым (особенно специалистам), в большинстве своем осознают исключительно негативное воздействие наркотиков на здоровье и социальную жизнедеятельность человека, готовы довериться компетентному информационному источнику (СМИ, специалистам), осознают опасность встреч со сверстниками в местах, не контролируемых взрослыми, и взаимодействия с незнакомыми людьми. Это факторы, которые могут выступать как сдерживающие от наркотизации.

Обнаружены и факторы риска наркотизации подростков. Употребление наркотиков начинается в подростковом возрасте, и основной группой риска выступают подростки в возрасте 14–16 лет. Немалое количество опрошенных подростков склонны доверять своим сверстникам, желющим самоутвердиться, доказать свою взрослость, смочь последствия психологических стрессов и травм, освоить новые источники развлечения и досуга. Наиболее значимым фактором наркотизации подростков является то, что первичное приобщение их к наркотикам происходит посредством других людей (групп

или компаний); чаще всего подростки сами стимулируют друг друга к употреблению наркотиков. В связи с этим становится очевидной необходимость развития личностных факторов противостояния подросткам деструктивному влиянию наркотических групп.

Обследование проблем взлестимой экономической деятельности

На протяжении последних десятилетий в российском обществе произошли кардинальные социально-экономические преобразования, следствием которых явилось значительное усиление имущественной дифференциации различных слоев населения, появление социальных групп, различающихся по экономическим признакам. Это привело, в числе прочего, к увеличению количества случаев использования противоправных способов решения проблемы достижения экономического благополучия. В сознании населения, в частности молодежи, под влиянием неблагоприятных социально-экономических условий, потоки хаотичной нерегулируемой информации формируются неадекватные представления о способах достижения материального благополучия.

Стандартной совокупности способов достижения экономического благополучия, пригодной для людей с разными личностными характеристиками и разными социально-экономическими условиями жизнедеятельности, не существует. Каждый субъект должен самостоятельно сформировать собственную концепцию его достижения. Для стимуляции и анализа такого выбора (что по своей психологической сущности есть принятие решения) посредством метода «мозговой атаки» мы выявили предполагаемые способы достижения материального благополучия у 236 студентов разных профилей обучения.

Студентам предлагалось совместно обсудить проблему (в группах по 15–25 человек), каким способом можно разбогатеть в современных социально-экономических условиях России. В результате «мозговой атаки» в каждой из одиннадцати учебных групп было названо от 25 до 33 различных способов достижения экономического благополучия (во всех группах зафиксировано более 200 вариантов ответов), все многообразие которых можно свести в несколько однородных групп.

Как оказалось, студенты выделяют для себя три основных способа достижения материального благополучия: вахтовый труд, предпринимательство и индивидуальную занятость.

Наибольшее количество выбранных способов экономического благополучия имеют легитимный характер и вполне укладываются в общепринятые социальные нормы: устроиться на хорошо оплачиваемую работу, открыть свое дело, купить акции, давать деньги под проценты, пойти в большой спорт, выдвинуть оригинальную и перспективную идею и т.д.

Наиболее предпочтительным способом достижения экономического благополучия студенты считают предпринимательскую деятельность (48,7%). Представления значительной части студентов о способах достижения экономического благополучия ориентированы на наемную работу в государственных и частных предприятиях (39,9%). Отвечают реально сложившейся социально-экономической ситуации представления об использовании для достижения экономического благополучия различных форм самозанятости (8,4%). В структуре основных источников материального благополучия доходы от иной деятельности занимают незначительный удельный объем — от 1% до 3%. Это, в частности доходы от сбережений, акций, сдачи в наем производственных и жилых помещений.

Ряд названных студентами способов ориентирован не на результаты собственного труда, а на случайное стечение обстоятельств (выигрыш в лотерею, получение наследства, нахождение кладов и т.п.), на иждивенчество (получение льгот от государства, богатые родители, попрошайничество и др.). Выявлены своеобразные и нестандартные способы достижения экономического благополучия, осуждаемые общественным мнением, но не имеющие противоправного, криминального характера («удачный брак» и «удачный развод»).

Одну из выделенных подгрупп представлений студентов о способах достижения личного благополучия можно определить как откровенно криминальный путь обогащения. Здесь главенствующим является мнение, что значительное богатство можно сделать только посредством нарушения законодательства (так полагают 41,2% юношей и 30,2% девушек). При этом юноши проявляют большую убежденность в необходимости преступить закон для достижения высот материального достатка. Отсюда проистекает весьма печальный вывод: более трети всех обследованных студентов (35,7%) личное достижение экономического благополучия связывают с нелегитимными способами обогащения, такими как: незаконное присвоение активов, коррупция и взяточничество, нарушение прав интеллектуальной собственности, неадекватные отчеты, отмывание денег и т.д.

Тревогу вызывают и те студенты, которым представляется, что на насыщенной работе «на одну зарплату не проживешь, придется брать взятки», т. е. склонным в рамках легитимных способов обогащения использовать еще и криминальные варианты пополнения личного бюджета. Такие представления студентов если и не приобретают криминальную направленность, то побуждают их опасно близко подходить к границам законности.

Эти обстоятельства создают серьезную конфликтную социально-психологическую ситуацию, могут провоцировать молодых людей на непредсказуемые стихийные действия, угрожающие стабильности общества. Кроме того, эти студенты могут быть нацелены на поиск легких источников дохода и стать привлекательным объектом для незаконных организованных группировок, стремящихся непрерывно пополнять свои ряды.

Анализ проблем терроризма в представлениях молодежи

С целью выявления представлений молодежи о факторах ее вовлечения в террористические структуры мы провели опрос среди учащихся выпускных классов и студентов вузов в возрасте от 14 до 23 лет (154 человека, из них 82 девушки и 72 юноши). Результаты представлены в таблице 17.

Как оказалось, треть молодых людей (29,9%) уверены, что в основе распространения терроризма и экстремизма лежат психологические факторы и лишь в отом правовые (11,0%), социальные (16,4%), политические (11,7%), экономические (6,4%), религиозные (1,9%) и этнические (1,9%) и др. (1,9%). Не менее показательно и то, что практически каждый четвертый молодой человек (24,7%) не готов дать ответ о причинах терроризма.

Поскольку активизация молодежного экстремизма в настоящее время представляет серьезную опасность для российского общества, она должна быть глубоко и всесторонне изучена, в том числе средствами психологического анализа на предмет подверженности молодых людей деструктивному внешнему воздействию.

Обобщая эмпирический материал, следует отметить, что оптимизация некорректных представлений молодежи должна быть направлена на формирование избирательного отношения к социально-экономической и экономико-правовой информации, на развитие умения ее ранжировать и проектировать на ее основе ситуации экономической самореализации, не нарушающие установленный правовой порядок современного российского общества.

Таблица 17

Факторы вовлечения молодежи в террористические организации
(в представленных молодежи)

№ п/п	Варианты ответов	Количество (в %)
1	<i>Психологические факторы</i>	29,9
	психологическое воздействие (манипуляции)	9,0
	идеологическими (идеологическими)	7,7
	стремление к власти, самутверждению	5,8
	социальная несправедливость	4,5
	индивидуально-личностные характеристики	3,2
	психологическая неустойчивость	3,2
2	<i>Правовые факторы</i>	11,0
	криминальная атмосфера среды (коррупция, правовой нигилизм, поддержка террористов, устранение конкурентов)	5,8
	неэффективность деятельности правоохранительных органов	5,2
3	<i>Социальные факторы</i>	30,4
	неудовлетворенность социальным положением	4,5
	отсутствие перспектив социально-экономического развития молодежи	3,2
	недостаточное внимание к организации досуга молодежи	1,9
	высокий уровень безработицы	1,3
4	<i>Политические факторы</i>	11,7
5	<i>Экономические факторы</i>	6,4
	возможность улучшения уровня жизни	3,9
	наличие источников финансирования террористов	2,6
	вымышленное расхождение населения	1,3
6	<i>Религиозный фактор</i>	1,9
7	<i>Этнический (национальный) фактор</i>	1,9
8	<i>Разные</i>	1,9
9	<i>Загружены все ответы (не могу сказать, не знаю)</i>	24,7

Противодействие деструктивному влиянию

Жизнедеятельность личности обуславливается уникальной системой мотивов, присущих конкретной личности, которые реализуются в повседневной жизнедеятельности. Одним из методологических принципов эффективной социализации молодежи могут выступить принципы гуманистической психологии, реализуемые через управление смыслами и ценностями жизнедеятельности.

Анализ литературы и полученные диагностические данные показали, что программа первичной профилактики деструктивного поведения молодежи должна включать в себя следующие структурные компоненты:

- *дополнительный*: обеспечение молодых людей объективным минимумом информации о технологиях воздействия деструктивных организаций, механизмах развития наркотической зависимости, о легитимных способах экономической самореализации, социальных и личностных последствиях террористической деятельности и др.;
- *личностно-психологический*, направленный на выявление и развитие имеющихся личностных ресурсов для формирования осознанного поведения, Я-концепции, самооценки, адекватного отношения к себе, своим возможностям и недостаткам; собственной системы ценностей, целей и установок; способности делать самостоятельный выбор, умения адекватно оценивать и решать проблемные ситуации и др.;
- *поведенческий*: проведение поведенческих тренингов для формирования навыков противостояния внешним манипулятивным воздействиям, включая следующие поведенческие конструкты: сознательный оспаривающий ответ на попытку убеждения – контраргументацию; обсуждение целей и средств агента влияния и обоснование их несоответствия целям и требованиям подростка – конструктивную критику; применение речевых формул и интонационных средств, позволяющих сохранить присутствие духа и выиграть время для обдумывания дальнейших шагов в ситуации давления и манипуляции – психологическую самооборону; открытое и последовательное противопоставление своей позиции и требований инициатора воздействия – конфронтацию; избегание нежелательных контактов – уклонение; выражение своего несогласия выполнять манипулятивную просьбу – отказ.

Ключевое значение для развития личностных ресурсов молодежи, особенно подростков, имеет работа в группе, поскольку именно

там моделируется система взаимоотношений и взаимосвязей, характерных для реальной жизни, что позволяет участникам обнаружить и в безопасных условиях проанализировать психологические закономерности общения и поведения.

Материалы и результаты проведенного пилотного исследования позволили сформулировать следующие выводы.

Первичная профилактика деструктивной социализации молодежи должна быть направлена на усиление защитных психологических факторов противостояния вовлечению их в деструктивные группы и организации.

Недостаточность (в силу социально-психологического вытеснения) среднестатистического уровня развития личностных ресурсов молодежи, особенно подростков, для самостоятельного противостояния деструктивному влиянию наркотических групп актуализирует необходимость создания комплексной программы психологической превенции.

Приоритет в проведении первичной профилактики деструктивного поведения должен принадлежать образовательным учреждениям как социальным институтам, имеющим возможность организовано и планомерно заполнить образовательное пространство значимым содержанием с наибольшей пользой для гармоничного развития учащихся.

Риск деструктивной социализации молодежи определяется совокупностью внутренних (личностных) и внешних (социальных) воздействующих условий, однако уровень развития личностных ресурсов является определяющим. Поэтому профилактика подверженности деструктивному поведению должна быть ориентирована прежде всего на осознание значимости развития личностных ресурсов, которые обеспечивают психологическую устойчивость к деструктивным внешним влияниям.

Глава 18

Информационно-психологические механизмы геополитического противодействия

Проблема социально-политической и духовно-нравственной консолидации российского общества в условиях современного кризиса цивилизации – это проблема безопасности России, ее социально-политической и духовно-нравственной консолидации, ее будущего. Поэтому оправдано рассмотреть данную проблему с позиций глобальных тенденций мирового развития, и в том числе последовать проблемы космополитизма и русофобии, идейные и духовно-нравственные парадигмы развития цивилизации с позиций национальной безопасности России как субъекта исторического процесса.

Феномен космополитизма: исторические параллели и современные тенденции

В 1930-е годы известный писатель и общественный деятель Г. Уэлкс выступал по всему миру с докладом «Яд, измеримый историей». Он утверждал, что опасность для мировой цивилизации заключена в самом существовании наций и их искусственном культивировании в каждой отдельной стране патриотами, главным образом – историками. Именно они своим профессиональным интересом к прошлому чрезмерно подчеркивали общественные и экономические особенности народов, навязывали молодежи мысли о национальном различии. В качестве первого шага в нужном направлении он предлагал устроить сожжение старых учебников истории и отлучить от преподавания педагогов, для которых «последнее понятие – нация... излюбленное словечко – интернациональный, а не космополитический» (Уэлкс, 1964, с. 133). В постсоветской России созвучные идеи высказывались В. А. Титковым (Титков, 1998, 2003).

Вторая мировая война вдохнула в эту концепцию новую энергию. В 1943 г. к движению примкнул известный физик А. Эйнштейн. Он

заявил, что единственный способ спасения цивилизации и человечества — это создание правительства, решения которого должны иметь обязательную силу для государства, членов сообщества наций.

В 1946 г. Б. Рассел писал, что «кошмар мира, разделенного на два враждующих лагеря, может окончиться только с организацией «мирного правительства». Он полагал, что оно будет создано под эгидой Америки и только «лучше армиейемля силы» (Инт. пох Александров, 1948, с. 182). Известный экономист и политолог Л. Ларуш утверждал, что вымывавшая после Второй мировой войны «холодная война» имела своей целью именно реализацию «плана Рассела» (Ларуш, 2001).

В августе 1947 г. в городе Монтре состоялся конгресс Союза европейских федералистов (были представлены 16 стран и около 40 групп активистов). На конгрессе была принята так называемая «Декларация Монтре», которая гласила: «Мы, мировые федералисты, подтверждаем, что человечество может избавиться себя навсегда от войны — при условии создания мондиалистской конфедерации... Основание мирового федерального правительства является самой насущной проблемой современности... Только федералисты способны гарантировать выживание человека» (Калашников, 2001, с. 151). В СМИ западных стран в то время можно было встретить утверждения, что «мировое правительство» стало неизбежным, что его стоит добиваться, даже если для этого придется вести Третью мировую войну, что страны должны полностью отказаться от своего национального суверенитета и воспринять «сверхсуверенитет международной общности» (Против буржуазной идеологии..., 1948, с. 15; Коровин, 1947, с. 14–16).

Ученые Советского Союза отвечали на экспансию идеологии космополитизма следующим образом: «Идеологи американского империализма стремятся к установлению такого „мирового порядка“, при котором самостоятельные, суверенные национальные государства были бы превращены в разновидности американских штатов. А народы мира были бы низведены... до рабского положения американских негров» (Константинов, 1949, с. 3). В целях облегчения этой задачи «агломераты империалистической экспансии объявляют... национальную независимость, государственный суверенитет и сам патриотизм „пержитком“, „анакронизмом“, „устаревшей идеей“ и т. п. Космополиты требуют „ликвидации границ“, „всемирного объединения народов“ (конечно, под гегемонией США), создания „всемирного правительства“ (конечно, под руководством США)» (Вышинский, 1948, с. 63). Идеологические штампы в приведенных позициях вполне объяснимы, но, по существу, они четко отражают содержание проблематики (см. также: Вдовин, 2013, с. 90–101).

Идея космополитизма была подхвачена диссидентским движением «шестидесятников» вместе с пропагандой так называемых «общечеловеческих ценностей» и американской демократии как образца демократии во всем мире. Эти настроения усилились в связи с распадом СССР. Либеральные исследователи стали предлагать разные варианты будущего устройства России. Так, профессор-либерал В. Корсаков выступил с идеей колонизировать нашу страну на определенное время развитыми странами: «Мы представляем интерес для Запада, богатый ресурсами регион. Естественно, надо обратиться к Западу с просьбой прикрепить отдельные республики и регионы к развитым странам. Допустим, Россию к США и Японии, Украину – к Англии, Белоруссию – к Франции. Повадилось создать смешанную администрацию по управлению колониями» (цит. по: Болтовский, 2007, с. 148). Другой академик РАН, либерал Ю.С. Пивоваров, в 2002 г. выдвинул идею отделения от России Сибири и Дальнего Востока: «Пусть придут канадцы, норвежцы – и вместе с русскими пытаются управлять этими территориями» (Пивоваров, 2002). Его не страшит мировое правительство: «Мне важно, чтобы люди жили по-человечески, и если мировое правительство будет этому способствовать, то – покалуйста» (там же).

От том, как новый мировой порядок будет выглядеть, говорит «специалист-либерал» в этой области профессор К. Кокс: «Система будет создана на основе единой валюты, единого, финансируемого из одного центра правительства, единой системы налогообложения, единого языка, единой политической системы, единого мирового судебного органа, единой государственной религии, и во главе с единым руководителем... Каждый человек будет иметь зарегистрированный номер, без которого ему не будет разрешено ни покупать, ни продавать. И будет одна универсальная церковь. Любой, кто откажется от участия в этой универсальной системе, не будет иметь права на существование» (Грачева, 2011, с. 49). Это, в принципе, парадигма апокалипсиса (см. Откровение Иоанна Богослова).

Навязанные попытки втянуть Россию в космополитические структуры требовали от патриотов не только четкой позиции по этому вопросу, но и понимания глобализационных процессов. «Считается, что в результате глобализации образуется глобальное общество, – писал выдающийся русский мыслитель А.А. Зиновьев. – Последнее понимается как объединение всего человечества в единое целое... с единым мировым правительством... И образуется оно якобы на благо всего человечества, как бы само собой, в силу мирового прогресса в науке, технике, культуре, экономике и т.д. Такое понимание есть

не просто теоретический идеотизм. Это – преднамеренная идеологическая ложь, идеологическая апологетика мировой западнистской (прежде всего американской) агрессии» (цит. по: Вломин, 2013).

Против насильственно насаждаемого западного глобализма выступает и известный историк-русист Н. Я. Фролов: «Глобализация есть формирование нового мирового порядка, характеризуемого слиянием, как правило, принудительным и насильственным, национальных экономик в одну единую экономическую систему, уничтожением национальных государственных правительств, а значит, и государственных границ» (Фролов, 2011).

Характеризуя среду «шестидесятников» и других противников русского патриотизма, известный специалист в области социальной философии и политологии А. С. Цинко отметил: «Правда состоит в том, что сами идеологи глобального лидерства США не верят ни в какой космополитизм, не верят тем, кто называет себя „гражданином мира“, ибо хорошо знают, что декларация о космополитизме является своеобразной клятвой в верности интересам США» (Цинко, 2009, с. 36–37).

Историко-социологический анализ подобной проблематики может показаться не свойственным интересам социальных психологов. Но без него невозможно ответить на волнующий вопрос: в чем состоит угроза концепции космополитизма для социополитической и духовно-правственной консолидации России, в том числе в контексте глобального конфликта цивилизаций в XXI веке (Соснин, 2016).

Русофобия и проблемы исторической памяти

Информационно-психологическое противостояние Запада России, Китаю и другим странам с коллективистическим типом культуры – это реальность нашего времени. Однако всем известно, что объективная история развития любой цивилизации заключается в том, чтобы беречь свои ценности и представления о правильном мироустройстве и отстаивать их для сохранения себя как субъекта истории.

Русофобия – достаточно известный феномен и инструмент информационно-психологической борьбы с Россией (Фурсов, 2016; Шафаревич, 2005; и др.), наряду с рассмотренной выше идеей космополитизма. Рассмотрим основные уровни механизмов работы данного инструмента. На информационном уровне происходит искажение фактов, на концептуальном – реализуются подмена фактов, их умалчивание или ложная интерпретация. На мифологическом уровне происходит главное: уничтожение смыслов, характерных для объекта

воздействия, его социокультурной идентичности, и подкова их чужими ценностями с целью лишить «мишень» воли к сопротивлению. Основной целью является создание у объекта воздействия (личности, группы, общества) негативного образа себя и внедрение в его сознание *амофобии*, т. е. ненависти к самому себе, к своему прошлому. Жителям России приучают к мысли, что надо только постараться избавиться от своей «неправильной этничности», презреть «неправильную историю» своей страны и превратиться в общество, которое примет Запад. Это даст организаторам возможность управлять своими «живыми мишенями».

Русофобия как идея — это неприязнь и ненависть к русским как историческому типу, к их историческому опыту, ценностям, образу мысли, жизни и быту. *Русофобия как эрадикация* — это комплекс действий (информационных, экономических, политических и др.), имеющих своей целью привлечение и подавление русских как психонисторического типа. *Русофобия как стратегия* — это стремление установить контроль над русскими людьми как носителями особой этноисторической державообразующей целостности с последующим их уничтожением, стиранием из истории, растворением в других народах.

На кризисных этапах развития общества важнейшее значение приобретает такая детерминанта его развития, как тип национальной культуры, или иначе — преобладающий тип национально-культурной идентификации общества. Кризис национально-культурной идентичности является одной из наиболее значимых и тревожных характеристик современной России.

«Геополитический анализ истории России с неизбежностью ведется вокруг линии „Запад–Восток“ с концентрацией внимания на проблеме ее культурно-цивилизационной самобытности, которая и определяет дальнейшие исторические перспективы нашего государства» (Артюхов, Смигарев, 2009, с. 56–57).

Анализ воззрений отечественных мыслителей на русскую геополитическую традицию, на ее культурно-цивилизационное направление (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев, Г. В. Вернадский и др.) однозначно показывает следующее: она видит Россию как особый культурно-исторический тип цивилизационного развития, как особый социокультурный мир, и предупреждают, что главная опасность для нее состоит в отрыве от национальных истоков (там же, с. 58–59). В этой связи оправдан анализ проблемы социально-политической и духовно-нравственной консолидации российского общества, которая, как представляется, имеет прямое отноше-

ние к проблеме его безопасности в современных условиях (Рошин, Соснин, 1995).

Возникновение этой проблемы в России связано с переходом государственно-социалистической экономики в экономику, основанную на частной собственности. В массовом сознании народа данному процессу сопротивляются не только целостные ориентации, психологические установки и стереотипы коллективных социальнотических отношений, но и прежняя народная общинно-солидарная культура России в целом, не приемлющая многие нормы гражданского рационально-прагматического индивидуалистического общества и хозяйствования.

Можно добавить, что до последнего времени руководство России пыталось выполнять «титаническую» задачу по переломке российского общества по чисто западным моделям государственного устройства, ориентированным на культуру и идеологию индивидуализма и космополитизма. При этом совершенно игнорировались всемогущие культурно-национальные особенности России как самостоятельной и уникальной цивилизации – коллективность, солидарность, высокая социальная конформность и религиозно-духовные ценности.

Как показывает исторический опыт, слом и разрушение социокультурного ценностного ядра любой цивилизации (его культурного аретина) ведет либо к ее гибели, либо к глобальным катастрофическим последствиям мирового масштаба. В этой связи особую актуальность приобретает анализ исторического сознания и исторической памяти народа, его отношения к своему историческому прошлому в его взаимосвязи с реальным сегодняшним днем.

Роль исторической памяти особенно актуальна в формировании патриотического отношения граждан к своему Отечеству в настоящее время, когда в российском обществе происходит трансформация социальных институтов и нравственных регуляторов поведения, когда формируется новая политическая система общества и преобразуются отношения между гражданами и государством. Одной из основных функций патриотизма, как известно, является *функция объединения государства и граждан как единого целого* (культурного, территориального, государственно-политического, экономического) (Кольцова, Соснин, 2005, с. 89–97; Орлова, 2004).

Разрыв между разными историческими эпохами в развитии страны – досоветской, советской, постсоветской, – созданный в сознании людей искусственно, прежде всего усилием идеологии, обуславливает частичную идентификацию себя лишь с одним из фрагментов

истории, с тем или иным аспектом отечественной культуры. Такое положение ведет к возникновению конфликтности в сознании людей, формирует стойкие эмоциональные состояния неудовлетворенности и ущербности в восприятии своей истории, объединяет их историческое мировосприятие, уменьшает базис развития национального самосознания. Невозможно быть патриотом своей Родины, любя лишь один период ее истории и ненавидя, отвергая или не зная другие.

Крушение идеалов социализма для многих людей стало почвой для «разжаривания» в своем Отечестве. Не только молодые, но и старшие поколения оказались не связанными кровно с историческим бытием своей страны, которое по своей общечеловеческой ценности не уступает истории и культуре любой другой страны. В настоящее время многие граждане России дезориентированы в духовно-нравственном аспекте. Широко пропагандируемой и не выдерживающей никакой критики мнением о «ненормальности», «нецивилизованности» и «некультурности» России, о необходимости «учиться и жить, и мыслить» у Запада сделали свое дело.

Очень важно помочь людям осознать единство и одновременно многообразие исторического прошлого России, богатство ее культурных традиций, их безусловную ценность для развития общественно-государственной жизни страны. Это аспект проблемы исторического сознания рассматривается в работах Т. В. Артемьевой, К. В. Гусева, В. Д. Жигунина, М. И. Зуя, Г. В. Иващенко, С. Г. Кара-Мурзы, В. Б. Полякова и др.

Основными каналами консолидации общества в настоящее время являются СМИ и система образования. Значительные возможности СМИ в воздействии на массовую аудиторию обуславливаются тем обстоятельством, что их содержанием охватывается весь спектр психофизиологического воздействия в диапазоне от информирования, обучения, убеждения и до манипуляции. Молодое поколение часто оказывается неспособным приобрести верные ориентиры в потоке сильно искаженной информации. При существующем идеологическом вакууме чрезвычайная необъективность и противоречивость информационных потоков СМИ приводит к тому, что мировоззрение простых людей становится все менее цельным и все более подверженным манипуляции, воздействию пропаганды ложных идеалов и ценностей жизни (Кара-Мурза, 2006, с. 79; Гусев, 2008).

За нравственный контроль над содержанием телепрограмм выступают около 80% опрошенных молодых людей, 59% считают, что современные российские СМИ не способствуют формированию качества гражданина и патриота. По их мнению, СМИ в первую оче-

редь пропагандируют ценность денег (59%), а ценности семьи (22%), справедливости (8%) и веры (7%) – в последнюю (Семенов, 2004, с. 56).

Несмотря на все это, в настоящее время СМИ остаются одним из основных социализирующих институтов, обладающих наиболее доступными и влиятельными механизмами формирования личности. Телевизор и компьютер для современного человека стали практически основными источниками информации, познания окружающей действительности. Люди часто сами оценивают свою погруженность в них как чрезмерную, даже вредную. Проводимые исследования фиксируют, что значимость и влияние книг и авторитет школьных учителей упали именно в последние годы.

Давать интегральную оценку роли информационных технологий в процессе социализации личности, формирования консолидации, исторического сознания и мировоззренческих ориентаций достаточно трудно. Но то, что деятельность СМИ требует коренной переделки (в том числе на законодательном уровне), по-видимому, не вызовет сомнений.

Нуждается в реформе и современная система образования – второй мощнейший канал социализации и формирования исторического сознания. Исследователи (И. А. Гончаров, Л. И. Косенкова, М. П. Кочеткова, М. Ю. Ширяшова, Т. П. Путятина и др.) опираясь на данные контент-анализа учебников истории, утверждают, что часть их страдает алогичным изложением материала, другая содержит огромное количество фактических ошибок и недостоверных сведений. Большинство из них присуща идеологическая заданность, из-за чего события и факты подаются не объективно, но под определенным углом зрения. Существенным недостатком многих учебников является то, что они не дают возможности составить представления о логике исторического процесса, о движущих силах истории, т. е. не способны сформировать историческое мышление. Исторический процесс предстает перед школьниками нередко как набор дат, имен, событий. Это приводит к тому, что учащиеся и студентам не удается проследить причинно-следственные связи и понять закономерности исторического развития страны (Путятина, 2007). В целом, этот анализ показал, что не все учебники адекватно и объективно описывают историю нашей страны и свободны от тенденциозных интерпретаций исторических событий.

Недооценка государством важности управления формированием исторического сознания молодежи привела к резкому снижению уровня патриотических чувств, гражданской ответственности и, в це-

лом, к дестабилизации социального развития государства. Сегодня необходимо изменить подход к данной проблеме, преобразив ее в объект внимания государственных и общественных структур, реализующих единую стратегию развития исторического сознания молодежи и противодействия идеологии космополитизма.

Говоря о тенденциях развития российского общества в контексте современных цивилизационных процессов, нужно выделить те трудности, которые возникают на пути реализации консолидации и патриотического воспитания общества и личности. К их числу относится прежде всего усиление политики глобализации, одним из аспектов которой является создание однополярного мира, в том числе в сфере культурно-идеологической жизни. Происходит искусственное внедрение в сознание людей чуждых их культуре ценностей, стремление унифицировать народы, подчинить их неким наднациональным целям, нивелировать их самобытность.

Противостоять этому может прежде всего целенаправленная национальная политика государства, объединяющего и консолидирующего все здоровые силы общества. Чтобы оценить значение идей о консолидации, патриотизме и национализме (в позитивном его значении) в общественно-историческом сознании и потенциальные последствия их распространения, эти идеи необходимо рассматривать в конкретном историческом контексте. Прежде всего надо прояснить, какие социальные силы формируют содержание национализма и патриотизма. Это право «спаривается» различными группами (Орлова, 2004). В каком же контексте идет борьба групп за право контроля над символами «нация», «национализм», «консолидация», «патриотизм»?

Россия вовлечена в процесс переосмысления результатов поражения в «холодной войне», среди которых – разрушение государства, приход к власти этнокритических элит в новых государствах, пересмотр границ, перераспределение ресурсов и собственности. Во многих республиках на постсоветском пространстве этнолиты конструируют образ нации (и соответствующее понимание консолидации и патриотизма), наполняя его содержанием, отражающим интересы титульных наций в ущерб остальным. В России на федеральном уровне ситуация совершенно противоположная. Под лозунгом защиты прав народов и личности формируется образ *многонациональной демократической нации*. Такие понятия, как «титульная нация», «государствообразующий этнос», «базовая культура», «пропорциональное представительство во властных структурах», «этническое ядро», «коренные и некоренные народы», исключены из политичес-

вого деконструкция. Сам этноним «русские» либо вообще не употребляется (его нет в Конституции РФ), либо используется с оговоркой, либо заменяется «этнонейтральным» определением «русскоязычные». В этой связи уместно привести мнение отечественного философа Н. А. Орлова: «В России контроль над символом „нация“ и его значениями принадлежит сегодня антинациональной элите, не заинтересованной в сильной единой России, организующей „дрейф“ страны к Западу во власть глобальных управленцев... Итывать национальные богатства у народа, имеющего устойчивую идентичность, осознающего свои национальные интересы и гордящегося своей историей, — сложно. Совсем другое дело, если надэтнический синтез раздроблен, фрагментирован, если идентичность самого многочисленного, государствообразующего народа — русских — ослаблена, если в народе культивируется чувство неуверенности, ущемленности, стыда; если ему внушается, что именно он ответствен за якобы „вражеское“ прошлое страны. Вся история страны трактуется как череда отрицаний. Каждый последующий этап строится на обесчелении, оглушении и обезличивании периода предыдущего. Сбрасываются с пьедесталов одни герои, на их место временно возносятся другие. Уничтожаются целые социальные слои — носители культуры, традиций, духа народа. Нарушается просмысленность как социально-историческая основа целостности культуры и прочности государства» (Орлова, 2004, с. 176).

Роль государства состоит в защите главного ресурса общества — народа, его состояния и жизни. Действия властных структур, не воспринимаемые большинством людей как способствующие их жизненному благополучию, формируют у народа негативные настроения и ослабляют единство общества. Ответственным отношением к решению проблем консолидации и патриотического воспитания на современном этапе предполагает серьезный анализ идейно-политических и социально-психологических аспектов жизни социума как необходимое условие перспективного планирования и организации работы в указанном направлении.

В переломные периоды истории, когда осуществляются парадигмальные изменения в социально-экономической и политико-идеологических сферах общества, качественные преобразования претерпевает система ценностей, возрастает роль исторического сознания как фактора интеграции макросоциума, сохранения духовного единства народа. В условиях глобализации мира по западному образцу, унификации культур, нивелирования их специфики и самобытности, снижения уровня национального самосознания апол-

лица в прошлом народа, к его традициям как никогда актуальна. В этих условиях формирование исторического самосознания приобретает характер общегосударственной задачи, что предполагает осуществление целенаправленной работы в данной области.

На формирование представлений об историческом прошлом влияют традиции, доминирующие идеологические установки, культивируемые формы и способы сохранения исторических культурных достижений. Историческое сознание – важное условие самоидентификации личности, интеграции и консолидации социума, обеспечения преемственности в развитии культуры и сохранения национальных традиций.

В современной России основным вектором в воспитательной работе должно стать формирование у людей, в первую очередь у молодежи, чувства исторического единства со своим народом, уважения к истории и культуре своей страны. Целесообразно осуществить переход от «критической истории» прошлого страны к акцентированию его положительных сторон. Необходимо ориентировать систему образования и воспитания, средства массовой информации, пропагандистский аппарат государства на формирование у российских граждан знаний о героических страницах истории и богатейших культурных традициях России, о самоотверженной борьбе народа за сохранение суверенитета и государственной независимости страны, о подвигах наших патриотов-соотечественников как в прошлом, так и в настоящее время. При этом необходимо противодействовать формированию искаженного исторического сознания молодежи. Нужна организация системы целенаправленного формирования патриотизма как свойства личности и как духовного состояния общества, характеризующегося приоритетом национальных ценностей.

На законодательном уровне целесообразно закрепить право государства действительно влиять на обучение и воспитание учащихся, на качество учебников и другой литературы по истории России. Государство должно вернуть себе утраченные в ходе социально-экономических реформ позиции в деле формирования исторического сознания своего народа.

Многие аналитики утверждают, что современный мир находится на грани большой войны. Но взаимодействие России со своими союзниками и западными странами во главе с США на современном этапе возможно. Это и совместное противодействие терроризму в регионе Ближнего Востока (в Сирии в первую очередь), и стремление Европы отменить экономические санкции против России и восстановить нормальные отношения с ней. Эти тенденции являются

контраргументами для сторонников апокалиптического развития цивилизации в сторону большой войны.

Тем не менее, чтобы не допустить войны и нашего поражения, нам необходимо быть сильным и готовыми к отражению любой агрессии. Нужно эффективно противостоять русофобии и космополитизму. Эта борьба должна вестись на всех уровнях: информационном, юридическом, медийном, концептуальном, образовательном (Фурсов, 2016, с. 147).

В информационном плане необходимы отслеживание в информационных источниках (в Интернете, в первую очередь), инвентаризация и каталогизация русофобских идей, действий, организаций, политико-экономических структур. Здесь нам важны и нужны различные информационные центры – как институциональные, так и сетевые: как те, что работают в режиме тотального автоматического слежения, так и центры, действующие в режиме свободного поиска, свободно переходящие из режима активного ожидания в режим активного противодействия и наоборот.

В юридическом плане необходимо постоянное и жесткое правовое противодействие противоправным действиям организаций и лиц, – так, как это делает, например, законодательные органы в Израиле по отношению к ксенофобам. Сохранение стабильности содружия является обязанностью властных структур любого государства.

В медийном плане требуется постоянное разоблачение русофобии и русофобов (индивидуальных и коллективных), вскрытие стоящих за ними политико-экономических интересов и сил, создание вокруг них обстановки моральной нетерпимости.

В академическом плане нужна разработка истории информационно-психологической борьбы против России, проблемы русофобии и космополитизма как инструментов этой борьбы, создание теории и методов противодействия им. Это должно найти отражение и в образовательных программах. Подобная политика предполагает борьбу за суверенитет в экономической, научной, образовательной сферах, который невозможен без приведения в соответствие с внешним курсом внутреннего экономического курса.

Глава Следственного комитета РФ А. Баstryкин в статье, посвященной проблеме борьбы с экстремизмом и терроризмом в России, открыто говорит о том, что последнее десятилетие Россия и ряд других стран живут в условиях гибридной войны, развязанной США и их союзниками, вследствие чего необходимо принять законы в сфере экономической безопасности: «Представляется целесообразным определиться с пределами цензурирования в России глобальной се-

ти Интернета... В общественных местах доступа во „всемирную паутину“ (библиотеки, школы, другие учебные заведения) установить фильтры, ограничивающие доступ к сайтам, содержащим экстремистские и террористические материалы. <...> Крайне важно создание концепции идеологической политики государства. Базовым ее элементом могла бы стать национальная идея, которая по-настоящему сплотила бы единый многонациональный российский народ» (Пора поставить... 2016).

Россия со всей очевидностью вступила в сложный период своей истории, и это важно понимать, в том числе и представителем общественных наук. Информационно-пропагандистские атаки достигли такого накала, после которого за «метафизикой» весьма вероятно может последовать «физика» — война. Наша задача — не допустить этой войны, а в случае ее начала превратить наших противников из «козлов» в «дичь» и финал войны сделать однозначным. В истории России масса таких примеров.

Современная геополитическая и геостратегическая ситуация требует рефлексии: необходим анализ геополитических и социально-психологических детерминант информационно-психологической войны XXI в. и обозначение параметров противодействия России вызовам Запада как суверенного субъекта истории с позиции макростратегического подхода (Юревич, 2014).

Основные концепты информационно-психологической войны в XXI веке: история и современные представления

В современной научной практике концепция информационно-психологической войны, или психологических операций (ПО), определяется как спланированное использование информационных коммуникаций для оказания воздействия/влияния на эмоции, установки и поведение представителей социальных групп — объектов воздействия, которые способствуют достижению национальных целей агрессора (субъекта воздействия). Главными целями ПО являются деморализация и дезориентация привычных представлений жертв-объектов воздействия (социальных групп, государств) как потенциальных противников (Ватсон, 1989, с. 45).

В работе Э. Вальца «Информационная война: принципы и операции» (Waltz, 1998) анализируется концепция информационной войны, ее формы и роль в ней информационных технологий, дается определение понятия «психологическая операция». ПО — это спланированная совокупность целенаправленных действий, призванных

транслировать специально отобранную информацию для международных структур с целью оказания влияния на эмоции, мотивы, причинное объяснение событий и главное – на поведение иностранных правительств, организаций, групп и отдельных индивидов. Целью является управление восприятиями (я как следствие – эмоциями, представлениями и поведением) населения стран (объектов психологического воздействия) для достижения стратегических целей.

В монографии «Пропаганда и информационные войны в XXI в.: измененные образы и операции по введению в заблуждение» С. Масдолайд исследует механизм формирования искаженных образов для реализации целей государства в международных отношениях (Masdolaid, 2007). Особое внимание он уделяет исследованию *асимметричных операций* и их целенаправленному использованию в СМК. Понятие информационно-психологической войны в данной работе получает следующее определение: это использование всех средств коммуникации для распространения или подкрепления конкретных идей, представлений, убеждений с целью реализации политических замыслов субъекта воздействия.

В работе П. Д. Аллена «Планирование психологических операций» (Allen, 2007) исследуется роль ПО в обеспечении безопасности и разрешении конфликтов, в проведении военных операций, включая противодействие терроризму; исследуются технологии их планирования и перспективы информационных конфликтов в XXI в.

В отечественной социологической, политологической и военной науке также проводятся исследования, которые имеют отношение к проблематике психологических технологий. Так, А. В. Бедринский в диссертации «Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе» (Бедринский, 2007) провел анализ основных направлений развития данной концепции как средства разрешения международных и межгосударственных конфликтов военно-политическим руководством США.

Но за рамками этих политико-психологических представлений и целей остаются скрытыми *духовно-культурологические модели* технологий ПО. Попробуем дать их психологическую расшифровку, опираясь на идеи А. И. Фурсова (Фурсов, 2016).

Прежде всего автор задает ряд вопросов: Когда началось противостояние России и Запада? Какие сломы установления контроля над Россией сложились еще во времена Ивана Грозного? Можно ли считать 1820 г. временем рождения русофобии в привычном понимании этого слова? В какой стране впервые возникла русофо-

бия? Как работала информационная пропаганда для подготовки к Крымской войне? Всегда ли Россия проигрывала Западу психологическую войну? Почему в Военной академии в Вест-Пойнте обязательен к изучению роман А. Азимова «Академия», где разбирается психологическая информационная война, а у нас его относят к жанру фантастики? Ставит ли русофобия целью психологическое уничтожение русских как особого социокультурного типа, лишение их идентичности и памяти? А. И. Фурсов пытается ответить на эти вопросы, а также дает определение понятию «психологическая война»: это комплекс систематических, целенаправленных и долгосрочных действий, цель которых — установление контроля над психосферой общества-мишени, прежде всего над психосферой его властной и интеллектуальной элиты, с постепенным выходом за рамки первичных целевых групп воздействия, последующим стиранием атакемой психосферы и замещением ее своей¹. Основными сферами ведения психологической войны являются сфера образования, общественных наук и СМИ.

¹ В этом отличие концепта информационно-психологической войны в традиционном понимании от концепта «психологическая война», поскольку последний намного шире и охватывает все сферы функционирования человека и общества.

Глава 19

Теория и технологии социальной деструкции в XXI веке (на примере «цветных революций»)

Двадцатый век явил миру множество примеров принудительного смещения суверенных органов государственной власти. Подобные события условно можно подразделить на два основных вида: 1) преследующие цели смены господствующей идеологии и экономических порядков, т. е. революции, и 2) направленные только на замену правящей элиты – перевороты, путчи, иностранное вторжение (интервенция).

К настоящему времени традиционные формы противодействия отдельными государствами и блоками все более приобретают характер гибридной войны (Арутюнян, 2015), в которой акцент делается не на применение традиционных видов вооружений, направленных на физическое уничтожение живой силы и материальных ценностей, а на иные виды чувствительного воздействия на противника. Это могут быть информационные, экономика-правовые, финансовые, социально-психологические и другие воздействия, которые по своим последствиям ничуть не уступают применению вооруженной силы и позволяют целенаправленно проводить социальную деструкцию массового сознания населения и дезорганизовывать социальные, экономические, финансовые, правоохранительные и даже военные институты страны-мишени.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683) в качестве одной из ключевых угроз государственной и общественной безопасности выделена деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, де-

стабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая экзистирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Можно констатировать наличие своего рода «отработанной» технологии свержения власти путем проведения «цветной революции», которая является достаточно эффективной и постоянно совершенствуется. Возможность реализации этой деструктивной технологии в современном мире обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, после распада СССР и слома системы коллективной безопасности Варшавского договора у стран Запада появилась возможность активного вмешательства во внутренние дела бывших социалистических государств без риска спровоцировать глобальный военный конфликт. Во-вторых, для транснациональных монополий, являющихся истинными заказчиками геополитических трансформаций, корректировка местной повестки через «цветные революции» является значительно более дешевой, чем ведение военных операций по типу иракской. В-третьих, созданная в ходе научно-технической революции глобальная цифровая платформа, объединяющая разнообразные формы глобального сетевого взаимодействия, и повсеместно применяемые на ее основе информационные технологии открыли возможности целенаправленно формировать в заданном формате цели, ценности и мотивацию поведения больших социальных групп и отдельных индивидов, а также контролировать их контакты, передвижение, интересы и даже состояние здоровья. В-четвертых, глобальный экономический кризис сделал востребованными технологии «цветных революций» для очередного передела мира в интересах США и их союзников.

Понятие цветной революции

Ключевым для понимания сущности цветных революций является тезис о том, что они представляют собой «комплекс краудсов, акти-варующих социально-политическую революцию» (Гапич, Лушников, 2000), и являются, по меткому выражению Е. Г. Пономаревой, *симулядром революции*. (Пonomарева, 2012). Данным последователем выделяются следующие отличительные их признаки:

1. В отличие от классических революций XIX–XX вв., представляющих не только политический и социально-экономический, но идеологический и духовно-нравственный перенормиров в общественном сознании, «цветные революции» не имеют не только великих, но и вообще новых идей. В качестве их идеологической

основы выступают давно известные идеи западного либерализма либо радикальные религиозные доктрины.

2. В «цветных революциях» отсутствуют достаточные условия, формирующие революционную ситуацию. Ни в одной из стран, где апробировались технологии «цветных революций», «классической» революционной ситуации не было. В то же время для успеха «цветной революции» необходим момент наибольших трудностей, с которыми сталкиваются те или иные правительства, — резкого или длительного и явного ухудшения экономического или политического положения.
3. «Цветные революции» не ставят важнейшую для классических революций цель — изменение политического строя и формы собственности, т. е. социальной системы. Они «питочны» лишь под смену правящих режимов. Развитие революционного процесса происходит в условиях «некасающегося» перехвата власти у того правительства, которое не редуется, но воспользоваться или останавливается перед применением легитимного, но относительно массового насилия.
4. Действия «цветных» революционеров носят экспрессивный и молниеносный характер за счет массованного применения финансовых, информационных и социальных ресурсов.
5. Характеристикой «цветных революций» является создание с использованием технологий сетевого маркетинга безлидерских движений и рекламного менеджмента гигантских партий-големов, охватывающих значительное число протестного электората всех спектров. Эти партии-големы в нужный момент активизируются для проведения массовых акций неповиновения, а по достижению переворота могут быть полностью ликвидированы. Такими были движения «Отпор» (Сербия), «Свобода», «Вакум» (Армения), «Жмаки» (Грузия), «Движение 6 апреля» (Египет) и др.; такими же представляются «Движение-№», «Стратегия-№», «Солидарность» или «Лига избирателей» в России.
6. Большинство «цветных революций» активизируется либо в момент проведения выборов, либо в связи с выдвижением требований их досрочного проведения. Выборы — это именно то событие, которое позволяет оппозиции «мотивированно» вывести максимально возможное количество недовольных на улицу. Оппозиция заранее заявляет о своей победе, а любые другие данные объявляет фальсификацией.
7. В «цветных революциях» ключевую роль играют внешние силы, которые:

- обеспечивают финансирование, обучение и мотивирование организаторов революции в течение нескольких лет до ее осуществления;
- присваивают и активно используют статус верховного арбитра, определяющего легитимность (объявляют легитимными действия оппозиции, даже если они нарушают закон, и объявляют нелегитимными действия власти в свою защиту);
- в критический момент предъявляют ультиматум действующей власти, используя зависимость правящей элиты от этих внешних сил (чаще всего правящая элита держит свою собственность в банках и недвижимости иностранных стран);
- участвуют в качестве посредников в переговорах в критический момент, при этом занимают не нейтральную позицию, а играют в союзе с оппозицией, используя в том числе и метод прямых ультиматумов действующей власти;
- шестуют часть старой элиты, ранее находившуюся у власти, но затем, после отставки, перешедшую в оппозицию (у этой оппозиции в лице бывших министров всегда есть союзники в числе министров нынешних, которые в решающий момент переводят на сторону оппозиции);
- обеспечивают «правильную» геополитическую и геологическую ориентацию победившей оппозиции в пользу той внешней силы, которая финансировала и легитимировала «цветную революцию».

Все это приводит к значительному росту общественного недовольства, острой жажде перемен и стремлению к справедливости, помноженным на желание немедленно изменить все и сразу и творить историю «здесь и сейчас». Особенно это касается молодежи – наиболее активной части населения.

Важным отличием «цветных революций» от революций традиционных является *аксуссованное упрощение объективно сложившихся противостоящих направлений*, которые технологическим путем могут усиливаться, «канализоваться» в нужную сторону и в нужный момент резко активизироваться. Применяемое в «цветных революциях» организационное оружие всегда использует имеющиеся узловые места системы (подробнее см.: Суздиев, 2013).

Одним из способов генерации протестных настроений является резкое «медальонание» той или иной *болезненной для общества проблемы*. Таковыми могут быть коррупция, социальное расслоение, произвол властей или иная значимая социальная проблема, кото-

рия долгое время существовала, но вдруг получает резкую актуализацию в массовом сознании благодаря действиям «цветных революционеров». Сегодня благодаря современным сетевым технологиям в общество можно «збросить» и быстро «раскрутить» любую протестную идею, заставив «молчаливое большинство» пробудиться и обратить пристальное внимание на определенный социальный недуг. Значительно увеличив «накал» общественного недовольства и доведя образ социальной патологии до гротескных форм, «менеджеры протеста» затем начинают настойчиво внедрять в общество идеи о недопустимости сохранения существующего статус-кво («так дальше нельзя») и невозможности позитивного решения наболтавшей проблемы в рамках «прогнившего» режима. В качестве первого обязательного шага «революционеры» предлагают смену действующей власти.

Заслуживает внимания развернутое описание технологий смены режимов в зарубежных странах, изложенное в книге американского политолога и дипломата М. Палмера «Сломать ось зла» (Palmer, 2003). Автор выделил следующие направления подрывной работы, составляющие матрицу государственных переворотов:

- 1) поиск в стране лиц, ориентирующихся на либеральные ценности и придерживающихся проамериканских взглядов, создание с участием этих лиц различных неправительственных организаций – студенческих, молодежных, правозащитных;
- 2) создание в стране либеральных, прежде всего прозападных, каналов коммуникации: ТВ, радио, печатных СМИ и интернет-сайтов;
- 3) распространение западных СМИ среди граждан данной страны западного общественного мнения и создание величественного и демонического образа так называемого недемократического режима в стране;
- 4) создание западными и внутренними демократическими СМИ образа оппозиционных групп и организаций как «настоящих» представителей народа страны;
- 5) принятие международными организациями резолюций, осуждающих «нарушения прав и свобод человека», «наступление на свободу прессы» в стране, где готовится «демократическая революция»;
- 6) подготовка оппозиционных групп и организаций к проведению уличных «ненасильственных» акций – демонстраций, митингов, пикетов, массовых акций (например, блокирования зданий, где находятся органы власти);

- 7) создание в стране психологической атмосферы, парализующей способность сторонников власти к сопротивлению;
- 8) использование политических, дипломатических и финансовых методов давления на лидеров страны, членов правительства, чтобы они добровольно ушли в отставку.

Приведенное описание является весьма точным. Перечисленные технологии применялись в большинстве «цветных революций» последнего времени. Обращает на себя внимание значительная организационная работа, которая предшествует началу активной (уличной) фазы революционных выступлений. В ходе нее создаются и развиваются организационные ячейки, которые позже будут задействованы для смены политического режима. Также происходит формирование необходимого внутреннего и внешнего социально-психологического фона, подготавливающего общественное мнение к будущему «народному» протесту против «диктатуры».

В организационном плане основу «цветных революций» составляют методы «ненасильственного сопротивления», охватывающие совокупность форм выражения социального протеста, носящих ненасильственный характер и преследующих политические цели. В наиболее полном и систематизированном виде они разработаны американским ученым Джимом Шарпом. Его ключевой идеей, изложенной в труде «От диктатуры к демократии: концептуальные основы освобождения», является возможность изложения диктаторских режимов через *подъем их легитимности*. Отталкиваясь от тезиса о том, что власть элиты базируется на согласии управляемых, ученый определяет «источники политической власти» (по сути, факторы легитимности) и последовательно описывает в работе стратегию их перекрытия методами ненасильственной борьбы («политического неповиновения») (Sharp, 1993). Он выделяет 198 способов ненасильственных действий, с помощью которых можно подготовить не только саму «революционную почву», но и планомерно осуществлять процесс смещения действующей власти (Sharp, 1977).

Как отмечают исследователи, позиционирование протестных акций как «ненасильственных» преследует цель срывания действий силовых структур: неоднократно в подобных ситуациях «различные общественные организации и СМИ активно способствовали внедрению идеи о „недопустимости насилия“ со стороны правоохранительных органов и силовых структур по отношению к безоружным демонстрантам или митингующим, чем фактически лишали действующую власть рычагов влияния» (Нарузова, Авадеев, Наузов, 2013).

Вместе с тем участники протестных акций одновременно пытаются спровоцировать силовые структуры на применение насилия, которое, будучи записанным на информационные носители, будет использоваться в кампаниях по дискредитации правящего режима.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что среди факторов неудачи и провала «цветной революции» ключевыми является «наличие решительного и твердого главы государства, не стесняющегося „употреблять власть“ и пресекающего любые незаконные и провокационные акции „цветных революционеров“, даже и относительно массовые» (Новожилов, 2015, с. 42). Иными словами, развитие «цветного» революционного процесса происходит в условиях «ненасиленного» захвата власти у того правительства, которое не решается ею воспользоваться или останавливается перед употреблением легитимного, но при этом относительно массового насилия (район несанкционированных митингов, протестных шествий и т. п.).

Сила законной власти в целом и национального лидера — в частности, заключается также в наличии верных и преданных силовых структур, которые нельзя ни запугать, ни перекупить. Не менее, а может быть, даже более значимой является исключительная уверенность в своей правоте, законности и легитимности. Из сказанного следует очевидный вывод: крепкая, сплоченная и решительная властная группа, проводящая эффективную политику и пользующаяся поддержкой народа и силовых структур, способна успешно противостоять любым «цветным революциям», даже при их прямой поддержке ведущими державами мира.

Основные этапы проведения «цветных революций»

На основе анализа теории и реальных исторических примеров «цветных революций» можно выделить три основных этапа ее осуществления.

На первом этапе проводятся исключительно символические акции, целевые акции для решения локальных проблем, создания мифа о том, что «власть нелегитимна». Главными задачами, решаемыми в ходе проведения первого этапа, являются: определение мобилизационного протестного потенциала общества; проверка реакции власти; индоктринирование (формальное, целенаправленное внушение политических идей, ценностей, символики, норм поведения группам людей), объединение локальных протестных групп в антиправительственное движение. Первый этап наиболее важен для понимания не только общего состояния антиправительствен-

ных настроений в обществе, но и определения потенциального социального контингента, готового участвовать в планируемых акциях. Установление уровня готовности общества к политическим переменам является предпосылкой к подготовке второго этапа развития сценария «цветной революции».

Второй этап включает в себя процесс дискредитации государственного аппарата и силовых структур. В ходе реализации данной цели организаторы стараются продемонстрировать обществу явные или скрытые недостатки, выявленные в ходе подготовки и проведения выборов или в самой политической деятельности стоящей «у руля» партии или режима власти. Потребность в убеждении народных масс в их полной неспособности управления государством, подкреплённая реальными или сфальсифицированными примерами, продиктована тем обстоятельством, что дискредитация правящего режима выступает залогом реализации «цветной революции». В сознании активных членов общества закладывается мысль о необходимости срочных (или радикальных) перемен, исключавшая возможность принятия взвешенного решения не только об участии в «ненасильственных» акциях, но и о целесообразности их проведения вообще. Также на этом этапе ведётся активная пропаганда среди государственных служащих и сотрудников учреждений, имеющих прямое отношение к государственной власти. В своих программах политтехнологи «цветных революций» рекомендуют использовать работников указанных госструктур для сбора компрометирующей действующую власть информации, ее обнародования, а также призывать их к ведению саботажа и вредительству на вверенных им участках. Наличие сильных «подрывных» позиций в государственном аппарате может сыграть решающую роль в деле создания предреволюционной ситуации даже в самой политической словобитной и социально благополучной стране.

Третий этап ознаменовывается самим процессом непосредственного свержения власти. Естественно, в открытых программах по подготовке и проведению «цветных революций» не прописывается конкретный комплекс акций и действий, направленных на достижение этого результата. Однако необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что методы и средства, с помощью которых должен осуществиться процесс смены власти, вряд ли будут иметь исключительно «ненасильственный» характер. Свержение государственного строя, режима или смена руководящей в стране властной «команды» невозможны только за счёт применения методов ненасильственного сопротивления.

Важно отметить, что в случае возникновения затруднений с переходом ненасильственных протестов в «горячую фазу» могут использоваться методы внешнего вмешательства и умышленной эскалации конфликта. Одним из них является привлечение наиболее опасных команд снайперов, которые одновременно ведут скрытный огонь по силам правопорядка и толпе демонстрантов. Подтверждено, что такая тактика использовалась силами НАТО в Ливии в 2011 г. Для этой цели была организована транснациональная команда снайперов из элитных подразделений вооруженных сил Великобритании, Италии, Франции и США, а также ветеранов и камикадзе, которая была тайно переправлена в Триполи. Основной их задачей было уничтожение войск, верных М. Каддафи. Но, по свидетельству итальянского командос, участника группы, наевские снайперы вели огонь и по манифестантам, вышедшим на улицы с требованиями «демократических реформ», тем самым «страхливая» стороны конфликта (Игнатченко, 2012). Привлечение тайных команд снайперов имело место и в ходе евромайдана на Украине (Дело о киевских..., 2017). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что технологии «мягкой» и «жесткой» силы, как правило, применяются в связке и комбинируются в зависимости от текущей ситуации развития протестных выступлений.

Обобщая вышесказанное, «цветную революцию» можно определить как процесс свержения политического режима, осуществляемый разнородной коалицией протестных сил гражданского типа при активной поддержке международных партнеров с применением различных методов ненасильственного сопротивления.

Организационные центры подготовки и проведения «цветных революций»

Для подготовки будущих активистов протестного движения используются специализированные обучающие программы, в которые могут быть вовлечены отдельные фонды и иные неправительственные организации (например, Национальный фонд поддержки демократии – The National Endowment for Democracy, германский Фонд Фридриха Науманна – Friedrich Naumann Stiftung für die Freiheit), аналитические центры (например, Бруклинский институт – Brookings Institution, британский Международный институт стратегических исследований – International Institute for Strategic Studies), государственные внешнеполитические учреждения (например, Государственный департамент США – United States Department of State, Агентство США по международному развитию – USAID). Как правило, координ-

нация данной деятельности осуществляется специальными службами государства (ЦРУ США – CIA, Пакистанской межведомственной разведкой – ISI и др.), которые, однако, стараются не афишировать свою роль в таких «обучающих проектах», дабы не привлечь внимание контрразведывательных служб страны, в которой планируется проведение «цветной революции». Однако ключевую роль в подготовке и проведении «цветных революций» играют именно *неправительственные и некоммерческие организации* (далее – НПО/НКО). Отечественными и зарубежными экспертами все чаще отмечается тенденция политизации деятельности НПО/НКО и вмешательство с их стороны во внутренние дела суверенных государств. В последние годы накопилось немало фактов того, как деятельность недобросовестных НПО/НКО приобретает очевидный деструктивный характер, оказывается связанной с прямой или косвенной поддержкой религиозного и политического экстремизма, сепаратизма, терроризма и иных форм подрывной деятельности.

Можно выделить следующие *основные направления деятельности НПО/НКО по созданию предпосылок «цветной революции»*:

- 1) работа с оппозиционными партиями, блоками и их молодежными структурами;
- 2) работа с представителями органов местного самоуправления, якобы направленная на развитие самостоятельности областей, а на практике – на ослабление их управляемости из центра;
- 3) развитие СМИ и интернет-ресурсов, осуществляющих подрывную информационную работу;
- 4) создание новых и укрепление уже существующих общественных организаций, а также реализация через них методов ненасильственной борьбы.

В результате деятельности международных НПО/НКО создается целая система приемов и технологий, направленных на оказание влияния на внутриполитическую ситуацию в стране и обеспечение смены режима. Основная форма поддержания контактов – интернет-коммуникация и проведение регулярных выездных семинаров, на которые приглашаются активисты из России и стран СНГ.

Приоритетное внимание в последнее время уделяется стимулированию протестной активности посредством работы в информационном пространстве, прежде всего в сети Интернет. Согласно имеющейся информации, Госдепартаментом США выделены значительные средства для финансирования блогеров и интернет-активистов в странах с якобы авторитарными режимами. Перед ними

ставятся задачи донесения «испанской» информации до национальной аудитории и разоблачения «пропаганды властей». Другими словами, речь идет о целенаправленном формировании информационного поля с позиций, выгодных США и их союзникам.

Одной из актуальных тенденций ведения информационной работы против правящего режима выступают антикоррупционные журналистские расследования на национальном и международном уровнях (например, обнаружение Международным консорциумом журналистов-расследователей так называемого «панамского досье» в 2016 г. или результатов расследования «Он вам не Димон» Фондом борьбы с коррупцией А. Навального в 2017 г. в России). Последний случай является особо примечательным в контексте изучаемой тематики, поскольку отличался необычайно быстрой трансформацией информационного вброса в уличные протестные акции по всей стране.

Вместе с этим следует выделить в отдельное направление деятельность сетевых структур по прививанию молодежи либеральных ценностей. Используется открытый метод проведения семинаров, тренингов, лекций, занятий, программ обмена студентами. Лекторами и преподавателями могут выступать как представители НПО/НКО, так и штатные преподаватели местных вузов. Разовая оплата через неправительственные фонды зачастую значительно превышает их месячный заработок. Преподаватель имеет возможность получить грант в том случае, если ему удастся обеспечить продолжительную программу. Из неформальных лидеров формируются пирамиды сетевого маркетинга. Студент-лидер, создавший свою группу в количестве десяти человек и возглавивший ее, получает вознаграждение. Высший доход получает тот, кто становится во главе тысячи человек.

Весьма значимым, но наиболее латентным видом подрывной деятельности НПО/НКО выступает *работа с представителями оппозиции и правящей властью группы, направленной на формирование ядра поддержки будущей «цветной революции» внутри государственного аппарата*. В качестве ее приоритетных объектов выступают высокопоставленные члены правительства страны, влиятельные парламентарии, высший командный состав вооруженных сил и правоохранительных органов, а также руководители крупнейших государственных компаний страны. Задачей-минимум работы с членами правящего режима выступает обеспечение их нейтралитета в отношении планируемой «цветной революции», задачей-максимум – вовлечение их в ее организацию и проведение.

Отдельно необходимо остановиться на рассмотрении уникального специализированного учебного центра подготовки политических активистов. Им является сербский Центр прикладных ненасильственных действий и стратегий CANVAS (Center for Applied Nonviolent Action and Strategies), который представляет собой негосударственный учебный институт, специализирующийся на ненасильственном сопротивлении. Данный Центр был основан в 2004 г. в Белграде лидерами сербского молодежного оппозиционного движения «Отпор!», сыгравшего ключевую роль в белградской революции и смещении Милошевича в 2000 г.

В период с 2002 по 2012 гг. CANVAS организовал более двухсот тематических семинаров и конференций по ненасильственному сопротивлению, в которых приняли участие свыше 3 тысяч человек из 46 стран мира (данные с сайта организации). Методика обучения CANVAS успешно показала себя в действиях прошедших обучение групп активистов в Грузии (2003), Украине (2004), Ливане (2005), Мальдивах (2008) и Египте (2011). Они готовили активистов грузинской «Кхмары», украинской «Пора», египетских «Движение 6 апреля» и «Кафайя» (подробнее см.: Rosenberg, 2011). Единый стиль организационных подходов CANVAS можно увидеть по плакатам, которые использовались представителями оппозиционных движений (см. рисунок 5).

Питая и вестая колонны в механизме «цветных революций»

Поскольку зарубежные державы, выступающие организаторами «цветных революций», как правило, не могут действовать напрямую на территории иностранного государства (за исключением информационно-пропагандистской деятельности), они осуществляют под-

Рис. 5. Единый стиль среды и оппозиционной символики

бор, вербовку, а в необходимых случаях и подготовку агентов влияния, через которых будет осуществляться процесс свержения власти. Для обозначения подрывной агентуры вражеских стран обычно используется термин «пятая колонна». Как известно, впервые он был применен во время гражданской войны в Испании в 1936 г., когда командующий армией франкистов (сторонников-фашиста генерала Франко) генерал Эмилио Мо при наступлении на Мадрид обратился к его населению по радио, с заявлением, что помимо имеющихся в его распоряжении четырех армейских колонн он располагает еще и пятой колонной в самом Мадриде, которая в решающий момент ударит с тыла. Впоследствии термин приобрел широкое хождение и стал применяться по отношению к различным типам внутренних врагов, действующих в интересах внешних враждебных сил.

В механизме «цветных революций» роль «пятой колонны» такова: а) разжигание общественного недовольства и стимулирование протестных настроений; б) организация протестных акций и участие в них; в) выполнение функций политического представительства в протестном движении; д) участие в формировании «постреволюционного» правительства под контролем внешних сил. Лица и организации, входящие в состав «пятой колонны» и вовлеченные в ведение подрывной деятельности, могут работать против интересов своей страны по разным причинам: идеологическим (искренняя вера в идеалы западной демократии либо неприятие действующего политического режима), политическим (стремление использовать протестное движение для прихода к власти), корыстными (желание заработать и обогатиться).

Несмотря на всю значимость фактора «пятой колонны», решающую роль при попытках раскачать ситуацию в стране играют уровень силы и сплоченности правящей властной группы, эффективность ее деятельности по управлению государством. Анализ исторического опыта «цветных революций» на постсоветском пространстве показывает, что они имеют успех во многом за счет наличия раскола в высшей элите государства, коррупционности и низкой эффективности правящего режима. В этих условиях внутри него формируется группа, которая может оказывать содействие подготовке и реализации государственного переворота в стране.

В публицистической книге, посвященной истории 5 управления КГБ СССР, приведена интересная выдержка из выступления начальника контрразведки Чехословацкой республики Волгмара Мольнера на встрече представителей органов государственной безопасности социалистических стран, которая состоялась в Гане

(Куба) в 1974 г. В ней он очень четко обозначил серьезность угрозы, которая может исходить изнутри государственного аппарата: «Все выступавшие рассказали много интересного о положении дел на линии борьбы с идеологической диверсией противника. Опасность ее для всех понятна: противник ищет силы внутри наших государств и находит тех, кто идет на сотрудничество с ним, подрывает власть, борется с социалистическим строем. Все правильно. Но хочу предупредить вас, каковы-то опасность каковы-то опасность, когда не сотрудничать с противником победит преобладающей властью структура, люди, стоящие у власти» (Макаренко, 2015).

Именно фактор предательства части высшей советской политической элиты стал ключевой причиной разрушения Советского Союза. Так, в печати широко цитируются слова последнего руководителя советского государства, бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, сказанного следующим: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, возвышение диктатуры над людьми. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране... Когда же я лично познакомился с Западом, я понял, что я не могу отступить от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах. Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран. Плановая экономика не позволяла реализовать потенциал, которым обладали народы социалистического лагеря. Только переход на рыночную экономику мог дать возможность нашим странам динамично развиваться. Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы» (Горбачев, 1999).

А вот откровенное признание упомянутого М. С. Горбачевым его ближайшего сподвижника А. Н. Яковлева, который описывает свою разрушительную деятельность на высокой государственной должности в соответствии со старой тактической схемой «завлечь в овечьей шкуре»: «Я в качестве железного правителя занял следующую позицию: осторожность, осторожность и еще раз осторожность. Сюда вкладываю простую формулу: смело идти на практические дела демократического характера и одновременно утверждать, что это делается ради укрепления социализма... а не противно ли было притворяться и разыгрывать из себя дурачка? Да, притворно. Но, может быть, кто-то знает более эффективный путь с точкой зрения конечного результата?» (Яковлев, 2003).

Политолог А. Дутин для обозначения группы правящей политической элиты страны, формально поддерживающей главу государства, но ориентированной при этом на либеральные западные ценности, ввел понятие «пятой колонны»: «Шестая колонна подразумевает тех, кого мы еще не можем точно квалифицировать в нашем политологическом словаре: ее представители за Путина и за Россию, но при этом за либеральную, прозападную, модернизированную и вестернизированную Россию, за глобализацию и интеграцию в западный мир, за европейские ценности и институты, за то, чтобы Россия стала процветающей корпорацией в мире, где правила и законы устанавливает глобальный Запад, частью которого Россия и суждено стать — на как можно более достойных и выгодных основаниях... Тем самым мы имеем дело с двойным влиянием: с открытой (эксплицитной) пятой колонной в лице радикальной антипутинской уличной либеральной прозападной оппозиции и со-скрытой (имплицитной) пятой колонной в лице тех олигархов, политиков, чиновников, аналитиков, экспертов, общественных деятелей, владельцев СМИ, которые нашли для себя возможным, будучи не менее радикальными атлантистами, нежели антипутинские радикалы, оставаться внутри политического режима, идя с Путиным и его патриотическим курсом на компромисс» (Дутин, 2014). Об этом четко говорит сам А. Г. Дутин: «В мире сетевых войн именно такое глубоко внедренное в структуры власти змеиное тело влияния чаще всего становится решающим фактором при демонтаже политических режимов и свержении правителей» (там же).

Наиболее опасной и одновременно очень распространенной является ситуация, когда подобная «колонна» формируется в силовом аппарате — вооруженных силах и правоохранительных органах страны. В этом случае режим, как правило, обречен, поскольку, будучи оставленными без силовой поддержки, даже самые патриотичные и решительные руководители государства не способны успешно противостоять протестным акциям, поддерживаемым влиятельными зарубежными государствами.

Последним средством в таком случае остается прямое обращение к народу за поддержкой, однако и оно может не спасти правящий режим, поскольку захватившая власть зунта может силовым путем подавить народное недовольство (подобная ситуация наблюдалась на Украине после победы «Евромайдана», когда начавшиеся народные акции протеста в Одессе, Харькове и ряде иных городов Украины были разгромлены боевиками «Правового сектора» при попустительстве, а иногда и прямой поддержке властей). Кроме того,

широкие народные массы вполне могут и отказаться идти защищать властный режим, в случае если результаты его деятельности были плачевными (высокий уровень коррупции, обнищание населения, разрушение социальных институтов, тотальная несправедливость). В такой ситуации общество может предпочесть пассивно наблюдать смену «ненавистного режима», даже при отсутствии положительных ожиданий от новых властей («так им и надо, все равно хуже уже быть не может»).

Технологические основы «цветных революций» в XXI веке

Вследствие развития информационно-коммуникационных технологий произошло кардинальное изменение базовых параметров глобальной информационной среды. Во-первых, стерлись барьеры между различными каналами трансляции информации и формами ее существования. Во-вторых, появилась возможность глобального охвата аудитории единым контентом. В-третьих, значительно увеличилась скорость прохождения информационных сообщений. В-четвертых, наблюдается интеллектуализация организации и функционирования информационной инфраструктуры (Гарск, 2010).

В настоящее время можно говорить о формировании единой цифровой платформы, которая охватывает совокупность современных технологических комплексов связи и коммуникации (СМИ, сеть Интернет, мобильная связь) и обеспечивает ее функционирование.

Рассматривая современные информационно-коммуникационные технологии в качестве технологической основы «цветных революций», необходимо вначале обозначить ключевые факторы их влияния на сферу информационной безопасности в целом. Они выражаются в следующем:

- 1) с развитием данных технологий развивается комплекс не имеющих исторических аналогов информационных угроз, связанных с деструктивным воздействием на компьютерную информационную инфраструктуру и/или содержащуюся в ней информацию (системные сбои, вредоносное программное обеспечение, компьютерные атаки на информационные системы);
- 2) значительно возрастает потенциал информационно-психологического воздействия традиционных и новых массмедиа на аудиторию за счет роста уровня их проникновения, повышения качества изображения и звука, появления уникальных возможностей компьютерной графики, систем виртуальной реальности;

- 3) для ведения пропаганды и манипуляции сознанием все шире применяются так называемые «когнитивные технологии», аккумулирующие достижения психологии, социологии и иных отраслей научного знания, накопленного в XX в.;
- 4) информационные угрозы приобретают все более выраженный трансграничный характер, и их нейтрализация на национальном уровне становится все более затруднительной;
- 5) глобальная информационно-телекоммуникационная сеть Интернет приобретает значение одной из ключевых сфер проявления традиционных и новых информационных угроз.

В глобальном информационном обществе СМИ завоевали роль *главного субъекта массовой коммуникации и наиболее эффективного источника информационно-символического воздействия на социум*. Это обусловлено следующими факторами: высоким уровнем развития самих СМИ и качества распространяемой ими информационной продукции; высоким уровнем проникновения СМИ в домохозяйства; значительным количеством времени, отводимым гражданами на потребление информационной продукции массмедиа.

Наиболее распространенным и востребованным видом СМИ является *телевидение*, активное развитие и рост популярности которого происходило на протяжении второй половины XX в., продолжает происходить до настоящего времени, даже несмотря на активное развитие сети Интернет. На рубеже XX–XXI вв. телевидение превратилось не просто в средство передачи информации, но и в *инструмент производства субъективной реальности* — виртуальной и символической, находящейся в сложных, а порой и противоречивых отношениях с объективной реальностью социальной жизни (Шаранова, 2005).

Отмеченная тенденция еще более усилится в связи с развитием в конце 1990-х годов так называемых «новых медиа» (*new media*). Новые медиа благодаря используемым в них цифровым технологиям получили беспрецедентные возможности манипуляции с аудиовизуальной информацией, закладывающей основу той символической реальности, которая формируется благодаря СМИ.

Можно выделить следующие основные направления использования потенциала СМИ для организации «цветных революций».

Во-первых, *легионирование протестных настроений в обществе*. Данная фаза начинается задолго до непосредственного начала самих протестных акций. Роль СМИ в этом процессе состоит в формировании негативной картины окружающей действительности, отрицательного отношения к политике руководства страны, убеждений

в необходимости смены правящего режима любой ценой. Поскольку проблем в политической, экономической, социальной, культурной и иных сферах общественной жизни достаточно много в любой стране, архитекторами «цветных революций» аффилированным СМИ ставится задача по максимальной актуализации данных проблем в общественном сознании, их удержанию в фокусе внимания («информационной повестке дня»), преувеличению и «раздуванию». Одновременно минимизируется освещение позитивных событий в жизни страны, достигнутых успехов на международной арене, в развитии народного хозяйства, культуре, спорте и т.д. Конструируется образ катастрофического положения дел в стране.

На следующем этапе СМИ осуществляют возложение всей полноты вины за создавшееся положение на правящие элиты либо их определенную часть, которую необходимо «вывести из игры», обосновывают их общую неспособность и потребность их скорейшей замены. Для усиления контрастности образа «прогнившего режима» осуществляется персональная дискредитация государственных деятелей, для чего используются обвинения в реальных или вымышленных проявлениях коррупции крупных чиновников, совершенных ими преступлениях или антиобщественных действиях, «неблаговидном» поведении и даже в нетрадиционной сексуальной ориентации (Григорян, 2015).

Создав общий негативный информационный фон, СМИ резко активизируются в нужные моменты. Таковыми могут выступать проведение каких-либо значимых общественно-политических мероприятий (выборов, массовых публичных мероприятий), резонансные происшествия (терракты, аварии, стихийные бедствия и т.п.), политические заявления руководства страны или известных оппозиционных деятелей. В эти периоды острая критика в адрес правящего режима значительно усиливается, формируются предпосылки для выхода людей на массовые акции протеста.

Во-вторых, распространение информации о планируемых протестных акциях и привлечение к участию в них. С началом работы по подготовке протестных акций их организаторами обеспечивается их информационная поддержка в СМИ. Последние распространяют информацию об их целях и задачах, дате и времени проведения, предполагаемом составе и количестве участников. Наряду с этим осуществляется «накачка» в медийном пространстве предстоящих протестов, которые вначале могут и не вызывать общественного интереса. Для этого в СМИ организуется серия выступлений и комментариев высокопоставленных должностных лиц иностранных государств и междуна-

родных организаций, известных политиков и общественных деятелей, «звезд» шоу-бизнеса, а также «простых людей» в поддержку данных акций.

В-третьих, *поддержка действий и требования протестующих при одновременной дискредитации ответных действий властей.* Используя свою способность выделять определенные события и акцентировать на них внимание, СМИ будут стараться преподнести значащиеся протестные акции как чрезвычайно важное общественно-политическое событие, обеспечивая общественный интерес к ним и приток новых участников. Однако основной их задачей на данном этапе будет выступать легитимация целей и действий протестующих при одновременной дискредитации ответных действий руководства страны и государственных органов.

Одним из проверенных приемов, используемых СМИ на данном этапе, является демонтирование государственных деятелей и правоохранительных органов при одновременном «обеднении» и героизации самих участников протеста. СМИ могут в деталях описывать факты любого применения силы правительственными войсками, но при этом замалчивать либо искажать самые чудовищные проявления насилия со стороны повстанцев. Известно такую ситуацию на протяжении нескольких лет мы наблюдали применительно к сирийскому конфликту, где западные СМИ настойчиво «рисовали» образ благородных инсургентов, противостоящих «кровавому режиму Башара Асада, убивающему свой народ», тогда как массовые жестокие казни военнослужащих и лиц из числа гражданского населения членами «сирийской оппозиции» зачастую оставались за границами объективов телекамер (Сундиков, Сырнов, 2016).

Особым эффективным приемом воздействия на общественное сознание выступает технология «сакральной жертвы», когда осуществляется максимальная драматизация гибели или ранения участников протестных акций, которые преподносятся как тяжкое преступление «кровавого режима», хотя причастность властей к данным событиям может быть не доказана. Образы пострадавших демонстрантов в дальнейшем используются как «иконы революции», обеспечивающие радикализацию протестных акций на основе мотивов «отмщения режиму за невинно убиенных». Одним из примеров такого рода выступает так называемая «Небесная сотня» Евромайдана на Украине, которую составили жертвы среди участников массовых беспорядков в центре Киева. Большая часть из них погибла из-за стрельбы неустановленных снайперов, но это не помешало обвинить отряды «Беркута» в их гибели (Дело о киевских..., 2017).

В-четвертых, оказание информационного давления на правящий режим и поддержка альтернативных властных структур. В ходе проведения «цветных революций» СМИ осуществляют массированное информационное давление на правящий режим в целях сдерживания силового воздействия в отношении участников протестных акций, усиления раскола в политической элите и склонения главы государства к отставке.

При «пропротестной» ориентации СМИ они, наряду с самими участниками протестов, стараются четко фиксировать и широко освещать любые факты применения силы со стороны органов правопорядка для создания негативного резонанса в обществе. Следствием этого выступает эффект «свалы слез» драматической, когда она, боясь попасть под шквальный огонь критики, медлит с отменой приказов о применении мер государственного принуждения (Черныбай, 2011).

Другой целью информационного давления СМИ выступает склонение главы государства к принятию требований протестующих и к его собственной отставке. Делается это различными способами: трансляцией заявлений политических деятелей иностранных государств и международных организаций о необходимости «прислушаться к мнению народа» и уйти в отставку, распространением через СМИ прямых ультиматумов главе государства со стороны лидеров протеста, публикацией аналитических материалов, обосновывающих «неизбежность» свержения режима, вбросом компрометирующих сведений и т. п. В случае создания организаторами «цветной революции» параллельной властной структуры («народного правительства» и т. п.) СМИ начинают активно «раскручивать» его в медийном пространстве: осуществляют постоянное освещение его деятельности, публикацию заявлений его лидеров, результатов опросов общественного мнения о поддержке его деятельности и т. п.

Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет в механизме «цветных революций»

По данным Internet World Stats, в марте 2017 г. количество интернет-пользователей в мире превысило 3,73 млрд человек, что составляет 49,6% мирового населения. Рост числа пользователей Интернета за 15 лет составил 933,8% (World Internet users..., 2017).

Глобальную информационную сеть Интернет характеризуют следующие признаки: преобладание пользовательского контента; относительная анонимность субъектов производства и распространения

ния информации; трансграничный характер передачи информации; высокая скорость передачи информации; ключевая роль поисковых систем в отыскании необходимой пользователю информации; интерактивный характер взаимодействия пользователя с контентом. Рассматривая ее роль в механизме «цветных революций», следует отметить, что выделенные нами выше основные направления использования потенциала СМН для их организации и осуществления вполне относятся и к Всемирной паутине.

Вместе с тем сеть Интернет имеет и ряд специфических черт, которые ее выделяют среди других массмедиа, представляющих интерес в контексте нашего рассмотрения. Первая из них состоит в *транснациональном характере распространения информации в Интернете*. Интернет во многом упраздняет значение пространственного фактора и легко «пронизывает» национальные границы, выступая одним из основных факторов диффузии суверенитета в современном мире (Биргер, 2013). Это исключает возможность полного контроля государства за своим информационным пространством и значительно облегчает возможности вмешательства иностранных держав во внутренние дела государства посредством ведения подрывной пропагандистской деятельности. Многие сайты экстремистских группировок и антисистемной политической оппозиции с русскоязычным контентом, с которыми велась и продолжает вестись информационная работа против нашей страны, зарегистрированы за рубежом.

Еще одна отличительная черта Интернета – *анонимность создания интернет-сайтов и аккаунтов в социальных сетях*. В отличие от традиционных СМН, для организации которых требуется проходить ряд бюрократических процедур (подготовка учредительных документов, регистрация, получение лицензии и др.), запуск нового интернет-сайта занимает гораздо меньше времени и, главное, не требует раскрытия его учредителей.

С этим связаны и другая важная отличительная черта Интернета – *анонимность анонимности виртуального общения*. Помимо анонимного механизма создания учетных записей и возможности размещения комментариев на различных информационных платформах, относительную анонимность гарантируют также специальные инструменты обеспечения анонимности в Сети, такие как анонимайзеры, прокси-серверы, программы шифрования сообщений и т. д.

Ключевым революционным отличительным признаком сети Интернет в плане распространения информации стало предоставление возможности размещения пользовательского контента. Он распространяется преимущественно через социальные сетевые ре-

судсы, хотя большинство обычных интернет-сайтов также создали возможность оставления пользовательских комментариев, отзывов и т.п. Вследствие этого источником создания и трансляции массовой информации в глобальном масштабе потенциально становится любой житель нашей планеты, имеющий доступ к Сети. Уже сейчас большая часть интернет-контента в мире производится пользователями, и в ближайшей перспективе данная тенденция будет только усиливаться.

В механизме «цветных революций» данная особенность Интернета находит проявление в *прямом участии интернет-пользователей в виртуальных сообществах в различных протестных настроениях*. Эту мысль в положительном ключе развивают руководители компании Google Э. Швидт и Дж. Коэн: «Большое не нужно терпеть несправедливость в изоляции и одиночестве, и возможность получить глобальную обратную связь, т.е. комментарии и реакцию людей со всего мира, позволит жителям многих стран встать во весь рост и заявить о том, что они чувствуют. Как показала „Арабская весна“, стоит только людям преодолеть так называемый „барьер страха“ и понять несправедливость правительства, как к революции (без колебаний) присоединяются даже прежде тихие и лояльные граждане» (Швидт, Коэн, 2013, с. 143).

Еще одним следствием фактора размещения пользовательского контента в «цветных революциях» выступает *основное медийное обеспечение участниками протестов своих действий и описания действий своих структур в социальных сетях*. При этом основным техническим средством фиксации информации являются смартфоны и планшеты, которыми ведется фото- и видеосъемка событий. Кроме того, могут применяться специальные портативные камеры типа «GoPro», которые обеспечивают высококачественную видеосъемку в движении (на бегу, при стрельбе и т.п.). Помимо размещения фото- и видеоматериалов, участники массовых акций постоянно размещают текстовую информацию (пишут посты) с описанием происходящих событий и своими комментариями по этому поводу.

Эффект воздействия информации, распространяемой самими участниками протеста, усиливается вследствие *выручного типа механизма распространения информации в Интернете*. В контексте изучаемой проблематики данный фактор может проявлять себя в *высоком уровне активности определяемых массовых настроений в обществе (близки, слезы, протеста и т.д.)*.

Ключевое значение для организации «цветных революций» имело появление *социальных компьютерных сетей (social networks)*. Они

стали основой второго поколения интернет-технологий, которые принято обобщенно именовать «Web 2.0».

Количество активных пользователей самой популярной в мире социальной сети Facebook в конце 2016 г. превысило 1,8 млрд человек (Facebook Reports..., 2017).

В последние годы резко росла популярность социальной сети Instagram, число пользователей которой в 2016 году превысило 500 млн человек (Число пользователей Instagram..., 2017). На постсоветском пространстве крупнейшей социальной сетью является «Контакт»: ее совокупная активная месячная аудитория составляет 95 млн человек, примерно 65% посетителей проживают в России.

Социальные сети стали ключевой площадкой для генерации политической протестной активности современной молодежи. Данный факт был признан на высшем уровне. 3 мая 2013 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в ходе выступления на заседании, посвященном Всемирному дню свободы прессы, заявил, что «новые медиа» сыграли центральную роль в падении авторитарных режимов, правивших в арабских государствах.

Социальные сети выполняют роль не только площадок для общения, но и делявателя информации: они способны распространять информацию по всему миру за считанные секунды, ускоряя тем самым ход той или иной операции. «Идеи распространяются как вирусы. Постинг может появиться на „стенах“ пользователей? и со временем его увидят тысячи или даже миллионы» (Гоним, 2012).

События «арабской весны», равно как и протестные выступления в России в 2012–2017 гг., отчетливо показали, что для привлечения союзников протестующие использовали новые интернет-приложения и мобильные телефоны, перебрасывая ресурсы из киберпространства в городское пространство и обратно (Сундиев, Смирнов, 2016).

Для посетителей социальных сетей намеренно создавалось впечатление, что в протестные действия включились миллионы людей, хотя в действительности число реально протестующих было совершенно иным. Достигалось это с помощью специальных программ типа *Persona Management Software* (программы по управлению персонажами), которая активно используется для создания и управления фиктивными аккаунтами на сайтах социальных сетей. Издание Daily Kos сообщило, что *Persona Management Software* позволяет небольшому числу людей создавать «армию виртуалов» (фиктивных пользователей), которые могут искажать правду, формируя впечатление «массо-

якого «лайк-регистрация», что активно использовалось для борьбы против правящего режима в Сирии и поддержки «Движения белых ленточек» в Москве (Сундлер, 2017).

Ярким примером использования социальных сетей в «цветных революциях» стала технология «Twitter Storm» (см. рисунок 6). Ее использовали, например, активисты Евромайдана с целью привлечь внимание иностранных СМИ и общественных деятелей к событиям на Украине. Результат был впечатляющим. Тем, кто 27 января 2014 г. в 17:40 запустили акцию #DigitalMaidanTwitterStorm, уже через полчаса после старта флешмоба удалось добиться поставленной цели – хэштег #digitalmaidan вышел на первое место в мировых трендах социальной сети. В последние дни января 2014 г. интенсивность постов с этим хэштегом составляла 3–4 твитов в секунду. Успешность этой акции утвердила дальнейшее использование твиттер-стормов в «цветных революциях» и информационных компаниях против любого правящего режима (Печуров, 2011).

Рис. 6. Примеры интерфейсов технологии «Twitter Storm»

Вместе с тем воздействие «активистов» в социальных сетях может отчасти блокироваться недружественными глобальными и местными СМИ, а также проправительственными или независимыми блоггерами, отстаивающими альтернативную точку зрения. Поэтому ландшафт поля современного информационного противоборства в период протестных выступлений весьма неоднороден и может сильно отличаться от страны к стране.

Роль средств мобильной связи в механизме «цветных революций»

Жизнь современного человека нельзя представить без мобильной связи. Одной из весьма важных тенденций использования современных устройств мобильной связи (смартфонов и планшетов) высту-

паст активное применение программы обмена мгновенными сообщениями (*англ.* Instant messaging, IM) – мессенджером. Хотя клиентские программы такого рода включены в большинство социальных сетей и программы интернет-телефонии (Facebook, Skype, Mail Agent и др.), в последнее время получили особую популярность специализированные мессенджеры. Задействуя интернет-трафик, они позволяют в режиме реального времени обмениваться текстовыми сообщениями, пересылать фото- и видеофайлы, совершать видеозвонки. Среди мессенджеров наибольшей популярностью у молодежи пользуются WhatsApp, Viber, Telegram, Line.

Кроме того, еще одним направлением применения средств мобильной связи выступает *оперативное управление толпой и отдельными участниками массовых акций*. Наличие мобильного телефона практически у каждого активиста позволяет эффективно синхронизировать действия разнородной толпы, маневрировать силами и средствами, обеспечивать при необходимости подмену резервных сил и средств.

Обобщая вышесказанное, необходимо сделать вывод о том, что современные средства мобильной связи являются основным техническим средством, обеспечивающим коммуникацию участников «цветных революций». Если на стадии подготовки протестных акций мобильные устройства используются для доступа в Интернет и социальным сетям наряду с ноутбуками и стационарными компьютерами, то во время их проведения они становятся доминирующим средством коммуникации и передачи данных в силу своей портативности.

Открытый характер современной цифровой платформы позволяет разрабатывать и внедрять в нее новые технологии. Применительно к мобильным телефонам таковыми за последнее время стали, в частности, программы для передачи голосового трафика (*«Zello»*) и стриминговых видеотрансляций (*«Periscope»*). Существенно возрос функционал социальных сетей и мобильных мессенджеров.

Создаются и узкоспециализированные программы для использования в протестных акциях. Так, в апреле 2017 г. в рамках подготовки к массовой акции протеста «Грядущее» общественное сетевое движение «Открытая Россия» при поддержке сайта «ОРДинфо» подготовило и внедрило мобильный онлайн-сервис «Красная кнопка», позволяющий оповещать правозащитников о задержании сотрудников правоохранительных органов участников публичных мероприятий. Приложение, помимо информирования о задержании,

обозначает на карте отделение ОВД, в котором находится задержанный, или то, в которое его доставят (Появилось приложение..., 2017).

Учитывая ключевое значение Интернета и социальных сетей в организации и проведении «цветных революций», в ряде государств предпринимались попытки нейтрализации данной угрозы путем технического отключения сетевых ресурсов. Они увенчались успехом в Китае, Иране и, отчасти, в Белоруссии (Фильтрация контента..., 2013). В ответ на эти технические отключения, свободный доступ граждан к сетевым ресурсам был объявлен ООН одним из фундаментальных прав человека. Так, 12 апреля 2011 г. на конференции Freedom House в Вашингтоне был представлен подготовленный этой организацией доклад «Руководство в помощь пользователям Интернета в репрессивных государствах».

Компьютерные игры как технология подготовки участников «цветных революций»

В Интернете с первой половины 1990-х годов начался процесс стыковки технологий виртуальной реальности (VR) с сетевыми технологиями. Первая такая реализация воплотилась в форме массовых сетевых ролевых игр (MMORPG). Получились настоящие обитаемые VR-миры, т.е. искусственные миры, генерируемые при помощи компьютеров, в которые можно заходить, перемещаться, действовать.

Компьютерная реальность может исказить у игрока историческую память (как, например, «Hitzklieg»), напрочь выключить эмпатию («Counter-Strike»), формировать установки на исключительно насильственные способы решения любых жизненных ситуаций («Machinar»). Сформировалась весьма своеобразная субкультура геймеров, часто теряющих границы между «онлайном» и «офлайном» (подробнее см.: Степанцева, 2007).

Первым зафиксированным случаем использования компьютерных игр в «цветных революциях» стала игра «Republic: The Revolution» (2003 г., см. рисунок 7), которая повествовала о ненаследственной революции в одной из стран бывшего СССР, а многие ее эпизоды были очень похожи на рекомендации из книги Джона Шарпа «198 способов ненасильственного свержения власти». Выручка от продажи игры не окупила затрат. Но через год в одной из постсоветских стран Восточной Европы действительно произошли аналогичные сюжету игры события, и игровая оранжевая эмблема превратилась в оранжевые банты и флажки.

Рис. 7. Интерфейс игры «Republic: The Revolution» с символикой, реально используемой оппозиционерами

Рис. 8. Первая компьютерная игра, обучающая методам ненасильственного сопротивления

Еще одним примером компьютерной игры, используемой для обучения тактике протестных действий, является симуляционная стратегическая игра «Мощная сила» (A Force More Powerful, AFMP), выпущенная в 2006 г. (см. рисунок 8). Ее разработчики – Международный центр ненасильственного конфликта (International Center on Nonviolent Conflict, ICNC) и американская медиакомпания «Йорк-Циммерман» (York Zimmerman, World Away Games). При выходе игры было заявлено, что AFMP – это «первая и единственная игра, обуча-

ющая методом влияния или вмешательств политической обстановки невластительными способами. Она предназначена для использования активистами и лидерами сопротивления и движений оппозиции. Игра также расскажет СМИ и общественности о потенциале невластительных действий и послужит инструментом для моделирования и исследований ненасильственного сопротивления» (Болотов, 2005, с. 9). Игра учит, что для свержения авторитарных лидеров требуется выносливость, долгосрочная стратегия и хорошие взвешенные решения (там же).

«Игру уже высоко оценили реальные, а не виртуальные „революционеры“. Как заявил Иван Марович, один из основателей сербской группы студенческого сопротивления „Отпор“, борющейся против режима Слободана Милошевича, „игра поможет оппозиции больше, чем кино или литература, поскольку активисты смогут моделировать различные ситуации и опробовать различные стратегии прежде, чем испытать их в действии. Да и с компьютером человек проводит больше времени, чем с кино или книгой» (Журавлева, 2006). Любопытно, что американские разработчики включили Россию в список стран с историческими прецедентами такой борьбы.

Данные игры ориентированы прежде всего на обучение инсургентов наиболее эффективной тактике борьбы с государством. Однако существует целый класс «игр в альтернативных реальностях» (ARG), которые позволяют, во-первых, включить под видом игры участвующих в экстремистскую и террористическую деятельность (пример – «Большая игра: Сломай систему», рисунок 9; подробнее см.: Сундзев, Смирнов, 2016).

Рис. 9. Интерфейс компьютерной игры, основанной на включении игрока в экстремистскую и террористическую деятельность

Во-вторых, помочь всякому молодым людям, увеличивать социальное напряжение в обществе, дискредитировать власть. Пример: группы смерти «Синий кит» и «Человек» (см. рисунок 10). На их рассмотрении стоит остановиться подробнее.

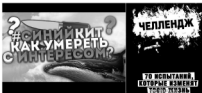

Рис. 19. Интерфейс компьютерной игры сундального контекста

Виртуальные «группы смерти» как новая форма технологий социальной деструкции

В настоящем подразделе речь пойдет о возникновении и развитии феномена так называемых «групп смерти», оформившихся в социальных сетях преимущественно в сервисе «ВКонтакте», участники которых, подвергаясь различным формам психологического давления, совершают акт суицида.

Необходимо отметить, что при наличии достаточно значительного количества научного опыта исследования суицида в целом, попыток разобраться в сути и технологиях склонения к самоубийству с использованием информационно-телекоммуникационных сетей несомненно больше ввиду крайней «молодости» явления. Данная позиция несколько ограничивает масштаб представленного исследования, поскольку в настоящее время отсутствуют официальная статистика жертв «групп смерти», научно обоснованные определения понятий, используемых при описании феномена, а также публикации, содержащие развернутое описание методики склонения к суициду с использованием сети Интернет.

Широкое общественное внимание к данному феномену в нашей стране было привлечено публикацией в 2016 г. в «Новой газете» (№ 51 от 16.05.2016) статьи «Группы смерти» журналиста Галины Мурзалевой, которую, собственно, можно считать автором термина. Она описала существовавшие в российском сегменте Интернета большое количество закрытых групп, в которых распространялся контент сундальной направленности и осуществлялось склонение подростков к совершению самоубийства посредством применения методов

психологического воздействия. Детям со стороны администраторов данных групп давались жесткие инструкции по выполнению игровых заданий, последним из которых выступало совершение суицида. Мурсалиева насчитала 130 суицидов детей, случившихся в России с ноября 2015 по апрель 2016 г., почти все из которых состояли в «группах смерти»¹.

- 1 Отсчет появления самих «групп смерти» и игры «Синий кот» (она же – «Тихий дом», «57» и т.п.) как популярного интернет-феномена ведется с публикации 23 ноября 2015 г. пользователем социальной сети «ВКонтакте» Р. Паленковой своей фотографии непосредственно перед совершением самоубийства с подписью «На Пола». По некоторым свидетельствам, данная девочка состояла в суицидальном сообществе «57», и, по слухам, могла совершить самоубийство под влиянием администратора данного сообщества. Предсмертная публикация получила определенную резонанс среди подростков в Сети, а фигура самой Паленковой впоследствии была умалзительно превращена в некий культовый образ, в дальнейшем широко использовавшийся в пропаганде суицидального поведения. В данном случае был задействован так называемый «эффект Вертера», описанный американским социологом Д. Феллатом и состоящий в порождении фактом самоубийства, получившим широкую огласку в литературе, кинематографе или СМИ, волны подражательных самоубийств. Информационной средой в данном случае выступили социальные сети, в которых был раскручен образ Рины Паленковой, в том числе с использованием соответствующих мемов. Однако современное молодое поколение «отличается крайним непостоянством, и одного «примера для подражания» было бы недостаточно. В этой связи были задействованы и иные образы, в частности заимствованные из достаточно популярных мультипликационных фильмов в стиле аниме, а также городских легенд в жанре «криминал». Одновременно с этим в сети появляются виртуальные сообщества «Море китов», «Разбуди меня в 4.20», «Тихий дом» и т.п., которые образуют целый кластер групп суицидальной направленности, объединенный общими характеристиками публикуемых текстовых и аудиовизуальных материалов деструктивного плана, проповедующих идею о бесполезности жизни и указывающих самоубийство как способ решения проблем. Использование образов синих китов в названиях и контенте виртуальных суицидальных сообществ связано с известной в мире зоологии их предрасположенностью к самоубийству через выбрасывание из воды на берег. Концепция «Тихого дома» пришла из сетевой культуры «нетсталкеров», в основе которой лежит поиск и разгадка зашифрованных сообщений, как размещенных в Сети, так и спрятанных в офлайн-реальности. В культуре «нетсталкеров» «Тихий дом» представляет собой инфологема о существовании в Сети места (сайта, сообщества), где грань между реальным миром и виртуальной средой размыта и, более того, интегрирована с мистической составляющей (Сундлев, Смирнов, 2016).

Само словесное к самоубийству подростков в указанных сообществах было организовано в игровой форме посредством выполнения ребенком определенных заданий, которые определяются для него «куратором» в ходе онлайн-общения. Сами задания преимущественно выполняются в реальной жизни, последним из них обычно выступает совершение самоубийства. В этой связи вполне обоснованно отнесение игры «Синий кит» к классу так называемых ARG (Alternate reality games) – интерактивных компьютерных игр, использующих в качестве платформы реальный мир. Сегодня в большинстве этих игр так или иначе используется Интернет – для сбора участников, для публикации заданий и отправки отчета об их выполнении, для коммуникации игроков.

Важную роль в продвижении суицидальной субкультуры сыграли книга «50 дней до моего самоубийства», написанная С. Крамер (это псевдоним, настоящее имя автора – А. Холова, проживает в Астрахани) и выпущенная издательством АСТ. Книга написана очень понятным для девочек-подростков языком. Она является своеобразным камертоном, по которому психологическое состояние подростка настраивается на последующие суицидальные действия. Но книга – это только начало. После нее у подростка появляется желание больше узнать на эту тему, как, собственно говоря, и было запланировано. В игре в «Синий кит» 50 заданий, в книжке – 50 дней...

В период апреля–мая 2017 г. нами был проведен анализ количества и возрастных характеристик подписчиков трех наиболее популярных суицидальных сообществ в социальной сети «ВКонтакте» под названиями «Синий кит», «Разбуди меня в 4:20», «Алиса в стране боти» (см. рисунки 11–13). В ходе него использовались исключительно открытые данные, обработка которых в автоматизированном режиме осуществлялась с применением информационно-аналитической системы «Демон Лапласа».

Необходимо оговориться, что далеко не все подписчики рассматриваемых групп принимают непосредственное участие в «игре», однако полученные результаты иллюстрируют объем интереса аудитории Сети к данному феномену и позволяют выявить закономерности, характерные для группы риска.

Итак, представленные данные позволяют сделать вывод: *максимальный интерес к феномену «группы смерти» проявляют пользователи в возрасте 15–16 лет.*

Далее рассмотрим способ попадания пользователя в игру. Характерно, что «куратор» осуществлял поиск потенциальных «игроков» по размещенным на их страницах записям с такими пометками

Рис. 11. Количество пользователей сообщества «Синий кот» с разбивкой по возрастным группам. Здесь и далее (рисунки 12–13) числа в выносках обозначают год рождения, указанный пользователем, и количество пользователей в сообществе

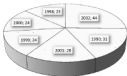

Рис. 12. Количество пользователей сообщества «Разбудил меня в 4:20» с разбивкой по возрастным группам

Рис. 13. Количество пользователей сообщества «Алиса в стране ботов» с разбивкой по возрастным группам

(хэштегами), как #синийкит, #ворскаитов, #куратор, #кураторжду и другие. Такая форма вовлеченности в «игру» свидетельствует о добровольности желания потенциального игрока принять в ней участие. И мотивы, лежащие в основе такого желания, могут иметь вполне традиционный характер для подростковых самоубийств (отсутствие заботы со стороны родителей, неразделенная любовь и т. п.).

Кроме того, новых адентов вербовали через рекламу в пабликах с депрессивным содержанием и развивали собственные сайд-проекты вроде «Синий кит» и «Скорби, душа моя» – группы, где подростки делились своими психологическими проблемами.

Условно задания можно разделить на несколько групп. Основанием для классификации в данном случае будет являться действие, предписанное «куратором» для выполнения «игроком».

Первая группа заданий направлена на побуждение нанесения «игроком» самому себе телесных повреждений. В основном речь идет о порезах, иногда имеющих какую-либо специфическую форму – кита, имени, слова. «Куратор» требует от игрока предоставления доказательства выполнения задания в виде фотографии.

Цель второй группы заданий – оказание деструктивного влияния на сознание «игрока». «Куратор» обязывает игрока вставать в ночное время, когда родители спят (една из известных «групп смерти» «ВКонтакте» называлась «Разбуди меня в 4:20»), просматривать определенные аудиовизуальные материалы, режэ – фотоизображения и прослушивать специально подобранные музыкальные композиции.

Третья группа заданий – квестовые в оффлайне. Теловыми выступают следующие: сделать «селфи» на высокой крыше или башне строительного крана, пробежать перед приближающимся транспортным средством, уйти из дома на определенное время. Последние две формы заданий получили отдельные названия «Беги или умри» и «24hourschallenge» соответственно. Исследователи феномена «групп смерти» обоснованно считают перечисленные квесты звеньями одной цепи. Рассматриваемая группа заданий призвана снизить порог страха «игрока» перед смертельно опасной деятельностью и притупить инстинкт самосохранения. А форма заданий, связанная с уходом из дома, неизбежно ведет к обострению конфликта «отцов и детей», что подкрепляет постулируемую «куратором» идеологии о том, что игрока и его переживания может понять только «куратор» и, как следствие, лишь «куратор» может помочь «игроку» найти выход.

Четвертая группа заданий обеспечивает «куратору» контроль над «игроком». Дело в том, что есть свидетельства об «игроках», ко-

торым пытались выйти из игры, однако для несовершеннолетнего это оказывалось не так просто сделать. Описываемая группа заданий направлена на получение «куратором» компрометирующей и личной информации «игрока». Это могут быть обнаженные и иные «нелицеприятные» фото, данные о месте жительства «игрока» и его родственниках и друзьях. Иногда «куратор» просит «игрока» перейти по определенной ссылке для просмотра каких-либо материалов. На самом же деле это позволяет «куратору» определить IP-адрес точки доступа «игрока» в Интернет. В случае отказа «игрока» от дальнейшего выполнения предписаний «куратора» полученные сведения используются для угроз и шантажа в виде обещаний причинить физический вред близким и самому «игроку».

Пятую группу заданий назвать таковой можно весьма условно, поскольку она включает в себя лишь одно задание – непосредственно совершение суицида (30 фактов..., 2017).

Социологи не первый год говорят о перенасыщении социальных сетей деструктивным контентом, направленным на формирование у подростковой аудитории ощущения «иснужности», «ничтожности» и отсутствия перспектив развития.

Кроме того, в суицидальных сообществах были применены давно известные специалистам манипулятивные техники, – например, лишение сна, – многократно апробированные руководителями деструктивных сект и организаторами женевских психологических тренингов (Амелина, 2017).

Описанный выше механизм психологического воздействия «кураторов» на подростков в игровой интерактивной форме проявил себя с некоторыми отличиями в разных регионах страны. Он носит достаточно «грамотный» и изощренный характер, учитывающий психологические особенности современных детей. Все это свидетельствует о наличии некоего тщательно разработанного сценария проведения данной информационной акции и существовании организационной базы для его проведения.

Исследование активности различных языковых сегментов Сети позволяет говорить о распространении феномена «групп смерти» не только в России и странах СНГ, но и за рубежом. Более того, выявленные закономерности «сетевых повведений» «групп смерти» в различных странах имеют схожие тенденции, что видно на приведенном рисунке 14) (для анализа с использованием информационно-аналитической системы «Демон Лапласа» авторами были взяты наиболее ассоциируемые с «группами смерти» идентификационные маркеры, а именно «3T», «Синий кит» и их производные, в перево-

дены на португальский, английский, арабский. Сбор данных проводился в социальной сети Twitter).

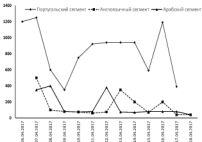

Рис. 14. Результаты анализа распространения идентификационных маркеров в социальной сети Twitter

Как видно на рисунке 14, кривые, характеризующие англоязычный и арабский языковые сегменты Сети, имеют одну и ту же дату начала «вброса». Более того, «арабская» и «англоязычная» кривые схожи по форме, хоть и различны по количественным значениям.

Однако дальнейшее наблюдение за «сетевым поведением» феномена «группы смерти» в зарубежном сегменте Интернета показало наличие еще более сложных моментов. Покажем это на примере «португальской» и «испанской» кривых (см. рисунок 15).

На наш взгляд, данные «особенности» достаточно красноречиво говорят о наличии централизации при организации информационного вброса «группы смерти» с использованием ботов, а также о факторе внешнего контроля и управления поддержанием интереса к феномену «группы смерти».

Подводя итога, хотелось бы отметить, что феномен «группы смерти» на сегодняшний день, по мнению авторов, стал вполне четко оформившимся социальным явлением, — более того, достаточно

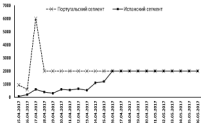

Рис. 15. Результаты анализа распространения идентификационных маркеров в социальной сети Twitter

модным среди современной молодежи. Как отмечает автор тематического доклада Я. Амелина, несмотря на широкий общественный резонанс вокруг темы, на сегодняшний день околосудимый и в целом депрессивно- (ауто)агрессивный контент продолжает составлять значительную часть содержания десятков массовых (от сотен тысяч до миллиона и более участников) постоянно обновляемых пабликов (Амелина, 2017).

Авторы солидарны с мнением экспертов, которые считают изощренные методики склонения детей к самоубийству в «группах смерти» разновидностью новых технологий социальной деструкции, предполагающих управление массовым поведением людей с помощью информационно-коммуникационных технологий. После необходимой апробации и доработки они могут быть использованы для внедрения новых негативных паттернов поведения, включая совершение террористических актов.

По мнению профессора И. Ю. Сундина, вероятнее всего, в ближайшее время мы можем столкнуться с явлениями *краудфандинговых преступлений* или даже *краудфандингового террора* (Сундина, Смирнов, 2016). Разведка, реконструкция местности, перевозка и доставка грузов, логистика — все эти необходимые для совершения теракта

функции можно делегировать никому не подозревающим «игрокам». Человек думает, что участвует в интерактивном квесте, а на самом деле – используется террористами. Технология ARG подразумевает анонимность организаторов (так называемых «кукловодов») и непредсказуемость сценария. Эти факторы открывают безграничные возможности для манипуляции людьми.

Глава 20

Интернет как психологический ресурс геополитического противоборства

С появлением глобальной информационной сети Интернет в современном обществе начали воспроизводиться новая логика социальной жизнедеятельности. Она развивается по законам и формам не существовавшим ранее моделей общественных отношений, в рамках которых изменяется роль всех ресурсов развития человека, общества, государства и мирового сообщества в целом. Глобальный по существу процесс информатизации регулирует и самоорганизует все уровни развития человека и общества (международный, национальный, региональный, муниципальный, локально-личностный), воздействуют практически на все сферы жизнедеятельности государств. Практически ни одно современное государство не свободно от влияния глобальных информационных процессов и не может считать себя закрытой и/или самодостаточной системой.

Быстро активизируются во многих странах мира, информатизация оказывает влияние в первую очередь на экономические процессы: растет авторитет крупных транснациональных корпораций, увеличивается скорость перемещения капиталов, создаются предпосылки к разрушению устойчивых экономических систем. Но не свободны от такого влияния и психологические сферы жизнедеятельности, так как изменяется традиционный уклад жизни людей, трансформируются мировоззренческие позиции, культурные ценности, поведенческие стереотипы.

Рассматривая глобализацию как ведущую тенденцию современного мирового развития, некоторые специалисты отмечают преимущественно ее позитивные стороны. Так, А. Тойнби и Д. Ниседа утверждают, что мы являемся свидетелями возникновения единой мировой цивилизации, зарождение которой начиналось в технологических границах западного мира, но сегодня она существенно обогащается духовно, благодаря общему вкладу всех исторических

субъектов региональной политики (Тойбиб, Исхеда, 1998). С этой позицией согласен и У. Андерсон, определяющий глобализацию как «поток конвергирующих сил, которые создают подиндно единый мир» (Андерсон, 2001, р. 122).

Есть исследователи, которые относятся к глобализационным процессам полностью негативно. Их опасения связаны с возможностью превращения культурного многообразия современной цивилизации в унифицированную «серую кашу» «макдональдсов», дешевых свитерсов, джинсов, компьютерных игр и оболванивающих телевизионных сериалов (Арсентьева, 2008, с. 8). Об опасности такой унификации предупреждал еще Н. Я. Данилевский, который остерегал человечество от утверждения на Земле одного культурно-исторического типа, поскольку господство одной цивилизации и культуры может лишить человеческий род разнообразия, которое является необходимым условием совершенствования и развития (Данилевский, 1991).

Осторожное отношение к процессам глобализации сопряжено и с возможными техногенными и экологическими проблемами, которые могут быть ими порождены и уже порождаются. Немецкий социолог У. Бек, особую известность которому принесли работы по комплексному исследованию современной глобализации, обращает внимание человечества на возможность глобальных катастроф. Он отмечает, что технологические достижения влекут за собой глобальные проблемы и угрозы, и это формирует «глобальное общество риска» (Бек, 2001). Автор не далек от истины: в ряду глобальных угроз современности уже широко выделяются такие проблемы, как истощение природных ресурсов, глобальные изменения климата (известной этимологии), многочисленные природные и техногенные катастрофы, бесконечное загрязнение окружающей среды, не всегда полноконтрольное распространение в мире оружия массового уничтожения, связанное с этим разрастание террористических угроз, бездумное преследование частных национальных и/или корпоративных интересов ограниченным кругом лиц и т. д. Таким образом, наличие глобальных угроз, необходимость всеобщего противодействия этим угрозам и понимание возможных последствий подобных катастроф для продолжения жизни на Земле – все это становится примечательной особенностью современного этапа мирового развития. А. Печнев отмечает, что разнообразные и разноразмерные проблемы, связанные с глобализацией, «сцепились друг с другом... окутали всю планету, а число нерешенных проблем растет, и они становятся все запутаннее» (Печнев, 1980, с. 7).

Есть и третья точка зрения на развитие глобальных процессов, которая сопряжена с традиционной историко-эволюционной оценкой происходящего и носит относительно нейтральный характер. В качестве примера можно привести позицию В.А. Рюмина, рассматривающего глобализацию как исторический процесс, который начался в конце XV—начале XVI в. и связан с эпохой великих географических открытий. Этот процесс продолжился и в XVIII в. как порождение промышленной революции и проявление единого мирового пространства, созданного рынком и обменом. Конец XX столетия, когда информационно-коммуникационные технологии начали преодолевать и даже размывать территориальные границы, сокращая расстояния между странами, был охарактеризован очередным, третьим этапом развития глобальных процессов (Рюмин, 2003). Еще один из сторонников эволюционной оценки глобализации, В.И. Кузнецов, отмечает, что глобализационные процессы доказали свою прорывную сущность, и нужно совершенно спокойно относиться к тому, что глобализация не является линейным процессом, а ее эволюционирование происходит волнообразно (Кузнецов, 1998).

Существуют и оригинальные оценки и трактовки современного развития глобальных процессов. Так, например, бывший сотрудник британских спецслужб Д. Колеман, автор книги «Комитет 303», утверждает, что вся власть в мире уже давно находится в руках тайного мирового (т. е. глобального) правительства (Колеман, 2003). Широко известно и негативное высказывание Н. Хомского, который назвал глобализацию результатом действий влиятельных государств и олигархов, которые желают «господствовать в экономике самых разных стран, не имея перед их населением никаких обязательств» (Семь блестящих..., 2017, с. 1).

Объективно возможны разные, в том числе и взаимно исключаящие друг друга, варианты толкования, оценки и осуществления глобализации — как по ее целям и задачам, так и по конкретным путям и средствам их достижения. Специалисты едины лишь в одном — в трактовке глобализации не столько как сформировавшейся реальности, сколько как динамично-формирующейся, открытой, многокомпонентной и многоуровневой системы, системообразующие факторы которой вырабатываются «в самом процессе формирования глобального мира» (Арсентьева, 2008, с. 8).

Научное исследование феномена глобализации имеет сравнительно молодую историю. Если его начало считать со времени постановки глобальных проблем в научной сфере, то термин «глобализация» имеет возраст порядка двадцати лет. Поэтому пока объективно

трудно ожидать немедленной разработки завершённой, целостной и системной научной картины данного явления (Барлыбас, 2008).

Глобализационные процессы благодаря интернет-технологиям обретают еще и мощные психологические мотивы развития, их точником становится каждый пользователь глобальной Сети. Если ранее «глобализация подталкивалась в основном державами-гегемонами и их ТНК, то теперь этот процесс приобретает мощные собственные движущие силы с новой системой мотивации» (Коллонтай, 2002, с. 27). И эти новые движущие силы глобальных процессов связаны с тем, что «глобализация относится к сжатию мира и интенсификации мирового сознания как единого целого» (Воблыков, 1998, р. 199). Таким образом, сегодня уже очевидно, что Интернет выступает мощным системообразующим фактором развития мировой цивилизации и должен стать объектом пристального внимания различных отраслей современной научной мысли. В данной главе предпринята попытка исследовать глобальную информационную Сеть с психологической точки зрения.

Психологические аспекты глобального сетевого взаимодействия

Итак, с психологической точки зрения каждый пользователь Интернета может быть признан условной структурно-функциональной единицей глобальных процессов. Включаясь в Сеть, каждый участник виртуального взаимодействия воспринимает, обрабатывает, хранит, воспроизводит и передает информацию, опосредованную его психологией (мировоззрением, ценностными ориентациями, потребностями, интересами и т. п.). При этом любой пользователь глобального пространства имеет не только определенную психическую конституцию, но и конкретные диспозиции, которыми он руководствуется в процессе сетевого взаимодействия. Участие в глобальных процессах отражает обычно одну или несколько ведущих диспозиций личности, — ее намерений, желаний, потребностей или интересов.

Данные теоретические позиции в условиях Интернет-пространства экстраполируются на огромную совокупность людей. Так, по данным пресс-релиза Международного союза электросвязи (МСЭ) от 22.07.2016 г., количество пользователей Интернета в мире составляет 3,5 миллиарда человек (Пользователи Интернета..., 2017). А поскольку все пользователи имеют возможность распространять в Сети свою информационную продукцию, общаться с другими или созда-

вать совместные информационные проекты, то эти люди и их действия в глобальной Сети формируют структурную и содержательную сущность Интернета.

Таким образом, сложность и многообразие Интернета как глобальной системы определяются действиями отдельного человека и особенностями его взаимодействия с другими людьми. Словом, в одном из своих психологических проявлений Интернет выступает своего рода зеркалом психологической сущности и состояния как отдельного человека, так и связей и отношений между людьми, образуя глобальное социально-психологическое пространство. В этом плане перед исследователями-психологами открывается множество новых областей исследования психологических закономерностей возникновения, функционирования и развития психологических феноменов активности человека и групп в Интернете.

С позиции социальной психологии, наиболее важно изучение закономерностей *виртуального взаимодействия (общения)* и деятельности людей, обусловленных их принадлежностью к определенным социальным группам, а также выявление психологических особенностей самих этих групп. На сегодняшний день в социальной психологии выявлен целый ряд закономерностей, свойственных поведению человека в группе (социальная фасилитация, социальное давление, конформность, эмоциональное заражение, групповая поляризация и т.д.). В связи с этими знаниями возникает закономерный вопрос: какие психологические особенности социального поведения человека могут сохраняться (или не сохраняться) в виртуальной социальной среде?

Получение новых знаний о социально-психологических характеристиках личности и группы, проявляющихся в процессах взаимодействия в глобальном пространстве, важно как для понимания происходящих в современном мире изменений, так и для эффективной организации различного рода взаимодействий личности и группы, группы и общества (см.: Доверие и недоверие в условиях..., 2013; Новое в науках о человеке..., 2015; и др.). Подобный социально-психологический анализ должен касаться разных *психологических уровней социального взаимодействия* – социальной психологии личности, психологии группы и психологии общества, макропсихологических и глобальных психологических процессов. Все эти уровни оказывают существенное влияние на развитие глобальных процессов и определяют в значительной степени их сущность, направленность и динамику.

Дивергентно-асимметрическая обусловленность сетевого взаимодействия

В связи с информатизацией происходят различные изменения, которые связаны со столкновениями различных культур в рамках одной человеческой жизни, с возможностями ее виртуального взаимодействия и общения с представителями различных стран. Одни авторы видят суть таких изменений в том, что «культурные, политические, экономические и правовые границы перестают совпадать» (Бек, 2003, с. 27), а другие усматривают в этом основу для рассуждений о «специфике космополитического самосознания, связи локального и глобального, дистанцировании от собственной культуры... утрате значимости национальных идентичностей, принадлежностей, локальностей» (Зерке, 1997, р. 263). Опираясь на приведенные позиции, для понимания психологических предпосылок глобальных процессов целесообразно изучить особенности потребностей, мотивов, эмоций, личностных характеристик человека, обуславливающих его стремление к социальному взаимодействию и активность в интернет-пространстве.

Включение человека в систему глобальных социально-психологических отношений вызывает много вопросов, которые наводят свое отражение в научной литературе: произойдет ли принципиальное усиление (развитие) форм взаимодействия различных национальных культур в современном мире, опирающемся прежде всего на свое историческое прошлое, или же начнет формироваться глобальное коллективное будущее; каковы будут последствия современной перестройки индивидуального и коллективного сознания (Шебанова, 2010); как будет существовать «общая, разделяемая всеми убежденность, на фоне которой происходит институционализация глобальных норм, примером которых может служить транснационализация экологичности» (Бек, 2003, с. 28); можно ли будет говорить о чувстве глобальной ответственности в мировом сообществе, в котором «других» фактически не существует, и т.д.

Групповая обусловленность сетевого взаимодействия

Ведущим основанием для анализа групповых психологических факторов взаимодействия в Сети (как и в иных условиях взаимодействия) будет опора на участие членов группы в некоторой деятельности (взаимодействии или общении), связанной системой отношений. Последняя, в свою очередь, опосредована индивидуально-целостной системой субъективно-оценочных отношений личности к дей-

ительности и определяет характер ее переживаний, «особенности восприятия действительности, характер поведенческих реакций на внешние воздействия» (Маснецв, 1957, с. 142). В этом ключе было бы интересно выдвигать и понятия, например, виртуальные коллективные смыслы, которые могут стать предпосылками личных переживаний.

Для понимания психологии виртуальных групповых процессов логично использовать в качестве научной опоры результаты реальных (не виртуальных) исследований, отражающих особенности группового взаимодействия людей. В частности, рассмотреть мотивационный и духовно-нравственный потенциалы личного в социальном, а социального – в развитии глобального информационного взаимодействия людей (Журавлев, Юрвич, 2014). Не менее интересно обращение к социальным тенденциям, связанным со стремлением к урбанизации (Дробышева, Журавлев, 2006) или с пониманием сущности коллективной психологии и присущих человеку коллективных эмоций (Емельянова, 2006), к анализу феномена праздников, разделяемых членами социальных групп (Воловикова, Борисова, 2012).

Макропсихологическая обусловленность сетевого взаимодействия

Весьма важно и обращение к макропсихологическим тенденциям развития современного информационного общества, затрагивающим интересы практически каждого человека, социальных групп и общества в целом. Как быстро процессы глобализации будут вынуждать правительства «включать в новостку политики новые вопросы, мобилизовать новые группы электората, по-иному формулировать понимание интересов граждан и приводить к государственным преобразованиям» (Khagat, Riker, Sikkink, 2002, p. 199) «Будет ли усиливаться транснационализм и будут ли транснациональные сообщества все сильнее влиять на деятельность, отношения и идентичности все большего числа людей» (Castles, Miller, 2003, p. 8)? Способен ли Интернет искоренить веру и поощрить саморефлексию различающихся между собой и параллельных друг с другом типов современности (Бек, 2003)? Или можно утверждать, что «в психологическом измерении, вопреки стереотипам, идея Родины не потеряет смысла, а напротив, обретет дополнительный смысл „пространства ответственности“» (Migration and Development..., 2013, p. 1)? Как будет развиваться глобальная Сеть с позиции взаимодействия трех основных парадигм развития цивилизации – западной, восточной и рос-

сийской? Будет ли усиливаться чувство причастности к макронсихологическим событиям у рядового населения, так как «феномен соучастия» является важнейшим социально-психологическим фактором воздействия Интернета на массовую аудиторию? Как видим, перед исследователями встает масса вопросов политической, социальной и экономической направленности, на которые пока сложно дать однозначные ответы.

Социальные и психологические детерминанты развития глобальной Сети

Не хотелось бы, будучи психологами, формулировать какие-либо политические или экономические прогнозы развития глобальных процессов. Но если исходить из психологической сущности человека, то непринято говорить о возможной психологической унификации (когнитивной, мировоззренческой, ценностно-смысловой и др.) людей, поскольку весь эволюционный путь человечества свидетельствует об обратном¹.

Имея в виду перспективы развития психологических составляющих глобальных процессов, целесообразнее говорить о следующей двуединной тенденции. Во-первых, об *индивидуализации глобальностей*, т. е. о разных группах людей, которые будут все теснее общаться и взаимодействовать, объединяясь в глобальные общности на основе совместных интересов (политических, экономических, социальных, спортивных, музыкальных и т. д.), практически не пересекаясь между собой в силу разнородности интересов, находясь как бы в параллельных мирах. В качестве примера можно привести сообщества-антиподы: клуб любителей классической музыки и тяжелой рок-музыки; клуб любителей вегетарианской пищи и любителей бифштексов с кровью и т. д. Во-вторых, об *глобализации индивидуальностей*, т. е. о разных людях, которые будут все больше тяготеть друг к другу на основе уникальных социально-психологических интересов (к языкам, литературе, живописи и т. д.) и возможностей (интеллектуальных, музыкальных, физических и др.) и объединяться в своеобразные *уникальные сообщества*, не свойственные большому количеству людей. В качестве примеров в данном случае можно привести клуб любителей экстремальных опущений или клуб победителей олимпиад и т. п.

¹ Например, эволюционный концепт развития видов Ч. Дарвина, который повествует о разных чертах организмов, приводящих к различиям в их приспособимости (и впоследствии — к возникновению видов).

Конечно, пока нет возможности дать точное и выверенное определение глобализации в силу еще не совсем сформировавшихся реалий, надежно связанных с этим явлением, тем более что «научные исследования отражают различные ракурсы видения глобализации, которые различны для специалистов разных отраслей знания и зависят от целей исследования, идеологических ориентиров» (Арсентьева, 2008, с. 9). И было бы неуместно говорить уверенно о раскрытии ее сущности, содержательных и структурных элементов, о принципах управления глобальными процессами. В понимании этих процессов и в возможностях их научного анализа еще много неопределенностей и «белых пятен». Тем не менее, назревшая совокупность теоретических вопросов и гипотез в современном научном мире является уже достаточным основанием для обращения к эмпирическому социально-психологическому исследованию глобальных процессов как *новой социальной реальности*.

Любой человек функционирует, взаимодействуя не только с природой, но и с другими людьми и социальными системами, которые образуют по отношению к нему социальную среду. Являясь частью этой среды, он, в свою очередь, оказывает на эту среду воздействие, получая взамен обратное воздействие, что и детерминирует его состояние и поведение. Роль различных факторов в системе социальной детерминации не является одинаковой: если одни детерминанты определяют возникновение, функционирование и развитие социальной среды, то другие незначительно влияют на ее состояние и развитие, определяя лишь специфические черты, неповторимые и своеобразные особенности. В таком ключе причинной или предшествующим условием развития глобальной информационной Сети можно считать также социально-психологические факторы, как мотивы и действия пользователей. Тогда изучение психологических потребностей пользователей, обуславливающих их различного рода активность в Сети, должно стать первым шагом на пути выявления и классификации социально-психологических детерминант развития Интернета.

Личностные детерминанты развития глобальной Сети

Тезис о том, что человек все делает с целью удовлетворения какой-либо одной или нескольких из своих многочисленных потребностей, озвученный еще К. Марксом (Маркс, Энгельс, 1955), означает признание потребности исходным источником активности личности¹.

1. Внутренние психологические механизмы формирования, развития и актуализации потребностей подробно изучались и продолжают иссле-

Потребности человека исследуются целым рядом научных отраслей – философией, экономикой, психологией, биологией, социологией. Каждая отрасль изучает и объясняет потребности человека сообразно своим интересам и точкам зрения. В психологической науке потребности рассматриваются через призму ощущения дискомфорта, которое осознается на уровне реакций мозга и нервной системы, возникая от дисбаланса между желаемыми и ожидаемыми состояниями. При возникновении такого дисбаланса человек стремится к психологическому равновесию и вынужден проявлять активность в поиске факторов стабилизации дискомфортного состояния, что обусловлено биологической природой человека. Потребности, выступая источником личностной активности, обнаруживаются в мотивах, влечениях, желаниях и намерениях человека. В свою очередь, мотивы управляют поведением, определяют его направленность, организованность, активность и устойчивость.

Такой подход к исследованию глобальных процессов переводит внимание психологов на изучение когнитивной деятельности пользователей Сети, связанных с *ублажительным коммерциальным* конкретными субъектами.

Обратимся к результатам исследований, в которых рассмотрены основные виды мотивов интернет-пользователей. В частности, О. Арестова с коллегами (Арестова, Бабанин, Войскунский, 2017) выделяли следующие:

- *деловой мотив* – поиск конкретной информации, необходимость контактов и взаимодействий с определенными людьми, получения консультаций и др.;
- *когнитивный мотив* связан с получением новых знаний (это может быть информация, идеи и мнения, виртуальные и слуховые образы или новые сервисные возможности для бизнеса);
- *коммуникативный мотив* (мотив общения) отражает потребность в социальном взаимодействии, которая выражается в поиске новых знакомств, в обретении нового круга друзей и единомышленников;
- *корпоративный мотив* (мотив сотрудничества) предполагает профессиональное сотрудничество, обмен результатами деятельности, совместное решение рабочих проблем;
- *мотив самореализации* связан с желанием реализовать свои возможности, получить оценку своего творчества со стороны значимых людей или экспертов;

доваться в рамках многих научных направлений в психологии – прежде всего во фрейдизме, неофрейдизме и экзистенциальной психологии.

- *мотив рекреации* (игровой мотив) направлен на восстановление работоспособности после трудового дня, овладение новыми видами деятельности, тренировки способностей и проверка своих возможностей;
- *мотив аффилиации* проявляется в потребности принадлежать к определенной группе (сообществу), занимать значимое место в группе, разделять ее ценности и следовать им;
- *мотив самореализации* – осознанное стремление к реализации собственных творческих возможностей (познавательных, коммуникативных, музыкальных и т.д.);
- *мотив саморазвития* связан с возможностью удовлетворения познавательных способностей, общения с компетентными людьми, создания в Сети новых продуктов (интеллектуальных, музыкальных, художественных и т.п.).

Выделенные типы мотивов репрезентируют основные описанные в исследовании виды потребностей личности: *когнитивные, социальные-коммуникативные, продуктивные (деятельностные)*.

Приведенный выше подход к психологическому анализу потребностей личности позволяет рассматривать интернет-пространство как пространство удовлетворения потребностей человека, проявления его интересов и способностей.

Групповые детерминанты развития глобальной Сети

Можно ли говорить об Интернете и как о пространстве удовлетворения потребностей целой группы лиц, различных сообществ? Что дает, а что не может дать работа в Интернете для социального взаимодействия человека, включая его общение с другими людьми, и какие предполагает дополнительные возможности в реализации профессиональных целей и задач?

Глобальная Сеть позволяет любым ее пользователям: создавать объединения единомышленников по относительно общим и/или частным интересам, проводить тематические форумы и телеконференции в онлайн режиме, использовать Интернет в целях профессионального взаимодействия с клиентами (проводить профессиональные онлайн консультации, например) или общения с друзьями и родственниками и др. Таким образом, Сеть создает особое *социально-психологическое пространство*, которое способно обогащать сферу социального взаимодействия, включая общение.

Организационно-психологические детерминанты развития глобальной Сети

Как уже говорилось выше, для психологической науки потребность – это состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в чем-либо, которое выступает источником его активности и обнаруживает себя в мотивах деятельности. Источником удовлетворения потребностей личности, как известно, выступает целенаправленная деятельность, направленная на достижение конкретной цели. Цель является источником удовлетворения актуальной потребности. При этом образ предвосхищаемого результата приобретает побудительную силу, лишь связываясь с определенным мотивом или системой мотивов (о чем уже говорилось выше). Но ни мотивация деятельности, ни ее цели не могут быть воплощены в конкретном результате без использования определенных инструментов преобразованная ситуация, в которых протекает деятельность. В частности, А. Н. Леонтьев отмечал данную особенность следующим образом: «Всякая цель... объективно существует в некоторой предметной ситуации. Конечно, для сознания субъекта цель может выступить абстракцией от ситуации, но его действие не может абстрагироваться от нее. Поэтому помимо своего интенционального аспекта (что должно быть достигнуто) действие имеет и свой операционный аспект (как, каким способом это может быть достигнуто), который определяется не самой по себе целью, а объективно-предметными условиями ее достижения. Иными словами, осуществляющееся действие отвечает задаче; задача – это и есть цель, данная в определенных условиях» (Леонтьев, 1975, с. 55).

Таким образом, следующий шаг анализа связан с выделением социальных возможностей Интернета в самых разных сферах жизнедеятельности общества, которые способны оказывать психологическое воздействие на человека. Например, в Сети «вырастают новые организации торговли, науки, искусства, здравоохранения» (Воронцова, 2005, с. 445), которые имеют массу самых разнообразных преимуществ.

В *экономической сфере* Сеть предоставляет возможность, например, создания Интернет-магазина, который имеет многочисленные преимущества: небольшой стартовый капитал; экономия на аренде офиса, торговых и складских помещений; возможность работать в домашних условиях и самостоятельно строить рабочий график; комфортные условия труда без дресс-кода; экономия времени на дорогу к офису и обратно; высокую степень автоматизации, позволяющую

минимизировать штат сотрудников; возможность работы из любой точки мира, где есть Интернет, и др. Многие другие направления бизнеса в Сети – создание сайтов, дизайнерские услуги, организация научных исследований и т. п. – также дают хорошую прибыль уже после первого клиента (Бизнес в Интернете..., 2007, с. 2).

В политической сфере преимущества интернет-технологий не менее очевидны. В их числе находится и возможность выхода на международный политический уровень, пересекая государственные границы и минуя правительственные структуры. В частности, всемирное распространение получают современные протестные движения, которые активизируются и управляются посредством использования интернет-ресурсов. К примеру, только в один день (16 октября 2011 г.) демонстрации против экономического неравенства прошли в 850 (!) городах Европы, США, Канады, Австралии и Японии. При этом участники вкладывали разные цели и идеалы. Но общий политический и психологический знаменатель был очевиден: рядовых людей – американцев, греков, арабов, русских и многих других – не устраивал сложившийся порядок вещей, и они требовали перемен (Соснин, 2016).

Информационная революция, происходящая в современном мире, существенно расширила границы нашего познания и начинает менять социальный облик человечества. В сфере образования в свою очередь Интернет становится едва ли не самым значимым катализатором социальных изменений. Например, крупнейшая в мире поисковая система Google ставит своей целью сделать общедоступными все мировые знания на всех возможных языках мирах, любому человеку, в любое время, в любом месте. И ее успех, (поисковая система обрабатывает в среднем 41 млрд 345 млн запросов в месяц) иллюстрирует, по мнению Т. Фридмана, тем, насколько сильно людей привлекает возможность «иметь все знания мира на кончиках пальцев» (Фридман, 2014, с. 67).

Информатизация обуславливает коренные изменения в образовательной сфере, которые связаны с предъявлением новых требований к ее содержанию и форме. Так, в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» как одна из важнейших задач заявлено «расширение использования информационных и телекоммуникационных технологий для развития новых форм и методов обучения, в том числе дистанционного образования и медиаобразования, создание системы непрерывной профессиональной подготовки в области информационно-коммуникационных технологий» (Концепция долгосрочного...

2008). А в социальной практике давно очевидно, что на современном этапе развития информационных технологий любая профессиональная подготовка включает в себя овладение компьютерными технологиями для решения самых разнообразных целей и задач (Некрасов, Макаров, 2009). Более того, по прогнозам некоторых ученых, новое общество потенциально будет функционировать на основе синергетической рациональности, которая заменит принцип свободной конкуренции индустриального общества (Масуда, 1983).

Общественно-психологические детерминанты развития глобальной Сети

Обратимся еще к одному постулату функционирования потребностей человека. Так, известно, что развитие человеческих потребностей происходит, во-первых, через расширение и изменение круга их предметов; во-вторых, социальные потребности человека не являются врожденными, они формируются в процессе становления его личности и освоения социальной действительности. Таким образом, трансформация общества ведет к изменению потребностей человека, а измененные потребности личности, в свою очередь, выступают источниками трансформации общественного развития. Следовательно, общественное развитие в одном из своих значений выступает как отражение многообразных трансформаций человеческих потребностей. При таком подходе современная глобальная Сеть выступает серьезным источником социального развития не только человека или коллективов, но и становится значимым социальным механизмом воздействия на массовое сознание и поведение больших социальных групп.

В связи с этим целесообразно говорить и о возможности разработки социально-психологических концепций воздействия на большие социальные группы (или сообщества), в том числе и на «виртуально-коммуникальные», посредством интернет-ресурсов. Первый вопрос, который возникает при таком подходе, связан с осознанием места психологических механизмов воздействия на развитие глобальных процессов. Второй вопрос имеет отношение к пониманию универсальных психологических механизмов регулирования, которые, скорее всего, будут интегрировать в себе содержание гуманистических концепций управления и концепций совместной деятельности.

1 Употребляю это понятие по аналогии с термином «транснациональные корпорации», используемым в современной экономической и политической теории.

Эти вопросы побуждают к анализу следующих проблем: места и роли психологических технологий воздействия в развитии глобальных процессов; возможности перехода от парадигмы конфликта к парадигме толерантности в развитии человечества в целом; жизненных ориентаций человека в макропсихологическом проектировании современного общества; ресурсов социально-экономического взаимодействия как фактора развития глобальных процессов. Эта новая проблематика, возникшая на пороге тысячелетий и связанная с использованием Интернет-технологий в воздействии на массовое сознание и поведение, пока еще не располагает богатыми научными ресурсами, но все интенсивнее становится объектом профессионального внимания представителей социогуманитарных наук, в том числе и социальных психологов (см.: Журавлев, Нестик, 2016; Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.).

Интернет как ресурс геополитического развития

Процесс глобализации не есть нечто совершенно новое. Вся предшествующая современности экономическая история развития человечества является историей поиска форм наиболее эффективного разделения труда и интеграции усилий для достижения социально значимых целей, и современные глобальные процессы можно рассматривать в этом смысле лишь как новую страницу исторической летописи.

Интернет выступает современным инструментом воздействия на психологию больших массовых объединений, предоставляет возможность прямого взаимодействия людей и сообществ, создает новую социальную реальность. С психологической позиции, с помощью Сети происходит опосредование в сознании населения современного мира и его содержания – политического, экономического, социального и психологического. Именно поэтому Интернет – лакомый кусок для политиков, экономистов, социальных сообществ.

Эта всемирная система объединенных компьютерных сетей, с ее несомненными возможностями сохранения и передачи информации, участвовала в образовании *глобального информационного общества*, поставив перед человечеством совершенно новые, дотоле не известные ему, вопросы. Интернет стал источником *новых моделей взаимодействия общества и государства*, в виртуальном пространстве возникли новые политические практики воздействия на массовое сознание и поведение населения, которые оказывают огромное влияние на особенности и тенденции развития массового поведе-

ния и на современные политические процессы в целом. Как мы уже говорили, сетевая организация массовых выступлений людей (социальных движений), как правило, связана с политико-идеологическими, экономическими и религиозными проблемами их взаимодействия с властными структурами своего государства. Базовой психологической мотивацией таких выступлений обычно является нарушение принципа справедливости (в представлении масс) в идеологической, экономической и национальной политике властных структур (Массовое сознание и поведение..., 2016). «Эта реальность пока не оформлена, поэтому очень сложно говорить о законодательном регулировании информационного пространства... То есть не только национальные государства и не только правительства, не только народ как выразитель суверенитета, согласно прежним теориям, являются политическими акторами, но, благодаря распространению сети Интернета, возникают новые центры притяжения власти, новая элита. Возникает новая модель демократии – электронная демократия, или «демократия участия» (Лобза, 2002, с. 218–219). Появляются новые политические практики, в основе которых лежит прямая коммуникация между гражданами. Особенно важно разобраться с этими новыми тенденциями с точки зрения социальной психологии.

Интернет-пространство не только усиливает потенциал развития человеческого сообщества, но может таить в себе и угрозы. Среди них – широкая возможность прямой трансляции идейных, религиозных и других ценностных представлений, включая оппозиционные и провокационные, для мобилизации протестных движений, минуя официальные каналы. «Иными словами, есть основания говорить о том, что состав аудитории и технические возможности превращают Интернет в уникальную среду с совершенно новым уровнем свободы, открытости и коммуникации» (Лобза, 2002, с. 222). Именно поэтому перед властными структурами государства сегодня так остро стоят вопросы о необходимости выработки новых технологий управления этими процессами в интересах стабильности функционирования государства в новых условиях. Какие негативные информационные технологии в ближайшее время получит распространение? Какие информационные источники и как будут определять дальнейшее развитие цивилизации? Что в этой связи может предложить психологическая наука? Необходим поиск ответов на эти вопросы.

Важная социально-психологическая проблема исследования угроз, исходящих из виртуального пространства, сопряжена с из-

участием состава и возрастных особенностей интернет-аудитории (Очичникова, 2005; Чугунов, 2006; Вершинина, 2001; Vartalova, 2004, р. 84–98). Полученные данные свидетельствуют о том, что молодые, образованные и обеспеченные в материальном плане люди – наиболее активные пользователи – нередко становятся прелекательными объектами внимания организаторов массовых социальных движений по самым разным основаниям (политическим, экономическим, религиозным, деструктивным и др.). Агрессивность все чаще является мотивом массового поведения различных слоев населения.

Исследование глобальных угроз, так или иначе связанных с Интернетом, также должно ориентироваться на поиск мер противодействия таким угрозам. Психологические основания нравственного развития, выстраиваемые на синергии принципов «морального релятивизма», отражающих особенности российской культуры, и принципов «морального универсализма», имеющих универсальное значение для любой культуры и каждого человека, являются основой осмысления проблемы. В это аспекте современными авторами рассмотрены проблемы психолого-мировоззренческого противодействия терроризму в современном мире, духовно-нравственные технологии противодействия глобальным манипуляциям в мировом информационном пространстве, место нравственной элиты в общественной жизни современной России и мирового сообщества, развитие личностных ресурсов молодежи как фактор противостояния глобальным рискам и угрозам и др. (Журавлев, Соснин, Котова, Нестях, Юрвич, 2017).

Психологические стратегии противодействия глобальным угрозам напрямую связаны с осмыслением человеком своего места в жизни общества, с пониманием сложной природы общественного устройства, с формированием ответственности перед настоящим и будущими поколениями.

С конца прошлого века в условиях непрерывного усиления международных интеграционных процессов мировое сообщество начало осознавать необходимость координации и регулирования мировых глобализационных процессов, что получило практическую реализацию в деятельности международных организаций: Организации Объединенных Наций (ООН), Большой восьмерки (G8), Всемирной торговой организации (WTO), Европейского союза (EU) и пр. Однако до сих пор остается пока еще не до конца понятным, какие концепции, принципы, технологии и механизмы должны быть заложены в основу глобального информационного управления.

Информационные войны как крайняя форма проявленная агрессии в Сети

Основной целью любых войн, в какой бы форме они ни проявлялись, является обладание ресурсами (Арендт, 1996). Отметим при этом, что в современных информационных войнах наиболее востребованными являются ментальные и социальные ресурсы (Дэксон, 2002), что предопределяет специфику характера современной войны: важнейшим ресурсом геополитического развития государства, а также общества, становится сознание населения, а социальная идентичность каждого члена общества – главным объектом «вражеского воздействия».

В XX веке выявилась не присущая более раннему этапу развития государств закономерность. Оказалось, что «принцип самоопределения народов в сочетании с крайним национализмом ведущих самоопределения этносов» может в рамках правового поля разрушать многонациональные государства. В процессе развития информационных платформ выработались и соответствующие технологии: так, для дипломатического признания «повстанцев» и проявления международной симпатии к ним в современных условиях достаточно спровоцировать «оборонительную» национально-освободительную войну (Комлева, 2013, с. 30).

Участником политических действий (обмена информацией, координации политического давления) на национальном или глобальном уровнях теперь может стать любой человек или организация, располагаящие доступом к глобальной сети Интернет (Смэйт, 2002). Американский военный исследователь Ф. Хоффман отмечает, что в современных условиях развития информационных технологий для наиболее точного отражения характера военной действительности необходимо обращаться к понятию «гибридной войны» (Хоффман, 2009).

Для описания виртуальных сетевых войн уже выработался целый арсенал разнообразных терминов и дефиниций: информационные войны, виртуальная атака, виртуальный шпионаж, виртуальное вторжение, виртуальные преступления, виртуальная дезинформация, виртуальная безопасность, виртуальные военные (разведывательные, наступательные и оборонительные) операции. В виртуальные боевые действия наряду со спецслужбами и специальными подразделениями вооруженных сил включаются практически все общественные институты, в том числе СМИ, учреждения культуры, а также неправительственные организации и общественные движения как агрессоров, так и стран-жертв агрессии (Славин, 2013). Вырабатываются соответствующие приемы агрессивных воздействий.

Так, например, известно, что размещение негативной, вызывающей острые ощущения, информации оказывается более быстрым и более действенным приемом виртуальных атак для нанесения точечных и разрушительных «ударов по социальной системе», нежели размещение позитивных новостей. «Основным оружием сетевых войн являются не пушки, а интеллектуальные и социально-психологические aberrации, „социальные перевертыши“» (Комлева, 2013, с. 30). Современным объектом агрессивного воздействия становится человек виртуальный, а «объектами разрушений и преобразований являются ценностные установки противоборствующих сторон» (Сетевые войны..., 2009). Кроме того, Интернет создал беспрецедентные возможности для «подавления противника без использования традиционных средств поражения» (Lathé, 1997).

Существует еще одна серьезная особенность виртуальных войн. В реальных боевых действиях каждый гражданин государства понимает необходимость отставания человеческих, географических, природных и технологических ресурсов, а возможность их утраты воспринимается как угроза физическому выживанию населения. В виртуальных же войнах преобладают «угрозы и разрушающие воздействия психолого-идеологического и экономического характера, в значительной степени скрытые от массового сознания»; они размыты, неочевидны, а потому не могут быть адекватно восприняты всем обществом. Напротив, информационная инородность может трактоваться рядовым человеком – и, как следствие, массовым сознанием – как «возможность освобождения от определенных социальных комплексов» (Комлева, 2013, с. 31).

Таким образом, на современном этапе развития информационных технологий появились новые возможности для достижения политических, социальных, экономических или иных целей путем воздействия на массовое сознание и поведение людей. Субъекты политического противоборства активно используют эти возможности посредством распространения недостоверной информации и информационных материалов. И главная задача современности состоит в том, чтобы научиться эффективно бороться с негативными проявлениями на всем спектре виртуального пространства (Handel, 2001).

Психологические векторы глобальных информационных процессов

Эволюционные развитие человека и общества можно рассматривать как единое целое, в котором все фрагменты и действия взаимосвязаны. Когда в эволюционном процессе изменяются строение и функции

одного элемента, то это неизбежно влечет соответственные (коррелятивные) изменения в других элементах и системах, которые соединены множественными и неразрывными связями.

Современные концепции развития человека и общества зародились в недрах эволюционных теорий, затем усилители научными представлениями о значимости социальных изменений и постепенно стали опираться уже на теории революций. Сейчас мы все чаще начинаем говорить о теориях социальных взрывов, а «социальная революция» представляется уже излишне тяжким, в смысле реализации последствий, процессом. «На бескрайних информационных просторах интернет-ресурсов можно найти массу работ, использующих термины «динамика», «сетевая война», «долготерпимость», «синергетика», «бифуркации» и «социальный взрыв»» (Чернышский, 2012, с. 413). Многие из этих терминов заимствованы из точных наук — физики, химии, математики, но, хотя сам термин «социальный взрыв», например, указывает на изменения в социальной среде, тем не менее, речь идет о социальных процессах, которые происходят с очень большой скоростью.

Если продолжить эти традиции и говорить о социальных изменениях психологической этимологии, обращаясь к естественнонаучным терминам, нам представляется наиболее показательным обращение к понятию *сингулярности* (которое пока еще не устоялось в научных кругах, имеет как своих сторонников, так и противников, но уже хорошо известно). Термин заимствован у астрофизиков, которые используют его при описании космических черных дыр, а в некоторых теориях начала Вселенной говорится о точке сингулярности с бесконечно большой массой и температурой и нулевым объемом. По аналогии, в будущей психологической теории социальных взрывов-бум могут быть множественными, разнородными, разнонаправленными, с разными масштабом охвата, мощностью, амплитудой, скоростью распространения и др. — это тема для отдельного анализа) было бы целесообразно говорить о психологических точках сингулярности, способных привести к *мгновенным* и *масштабным* социальным изменениям. Здесь возникает еще один вопрос: можно ли рассматривать глобальную информационную Сеть как такого рода «психологическую точку сингулярности», как пространство, которое не всегда себя проявляет как источник социальных изменений, но заключает в себе силу, способную привести при определенных условиях к достаточно быстрым, в том числе мгновенным, социальным действиям, последствия которых могут быть самыми различными?

Если исходить из позиции, что «история представляет собой арену бесконечной борьбы, в которой непрерывно меняются субъекты действия и доминирующие, их цели, союзники и противники» (Касов, Манюлин, Харичкин, 2016, с. 169), то происходящие изменения представляются серьезным основанием для новых исследований в области воздействия глобальной Сети на массовое сознание и поведение больших социальных групп. Как уже известно, глобальная информационная Сеть таит в себе, наряду с позитивными возможностями, немало опасностей и угроз, имеет огромный потенциал для организации масштабных социальных действий.

Некоторые итоги и перспективы психологического исследования социальных конфликтов (Вместо заключения)

Конфликты являются неотъемлемыми составляющими развития цивилизации. Исследование этой глобальной проблематики в политологии, социологии и психологии — важная задача социальных наук, и, в частности, социальной психологии.

К проблемам возникновения и эффективного разрешения конфликтов проявляют огромный интерес не только профессиональные психологи и социологи, но и политики, руководители, педагоги, т.е. все те, кто в своей практической деятельности связан с проблемами взаимодействия людей. Реальности сегодняшней жизни вызывают необходимость осмысления причин роста конфликтности в разных обществах и поиска новых форм работы в условиях различных типов конфликтов. Так, на практике возникают новые проблемы, которые исследуются самостоятельно и не интегрированы в рамки психологии конфликта, хотя и относятся к конфликтной проблематике. В социальной психологии уже накоплен большой массив данных, которые требуют рефлексии и нового осмысления, собственно, в рамках психологии конфликта.

За последние 15–20 лет в жизни российского общества произошли огромные изменения. Обострились противоречия, которые неизбежно повлекли за собой увеличение масштаба и остроты конфликтных явлений: на макроуровне — это межнациональная и межрелигиозная конфликтность; на мезоуровне и межличностном уровне — это целый комплекс проблем, сопровождающихся столкновением интересов, конфронтацией и межличностной напряженностью; на внутривличностном уровне растет психическая напряженность из-за утраты чувства безопасности, уверенности в завтрашнем дне и т.д. Таким образом, сама социальная реальность актуализирует интерес исследователей к конфликтной проблематике.

В монографии проведен анализ ряда психологических проблем социальных конфликтов:

- актуальных направлений проблематики конфликта как системного социополитического и социально-психологического феномена современной психологии; к их числу относятся исследование феноменов социальной справедливости, массового поведения, терроризма, технологий социальной деструкции, включение духовно-религиозных, социально-экономических и др. аспектов данной проблематики;
- макропсихологических конфликтов современного российского общества и их связей со многими жизненными факторами, в том числе: с усилением межэтнических и межконфессиональных конфликтов, с низким уровнем жизни населения, с обострением коллективных представлений о социальной справедливости, с возрастанием агрессивности населения, с разрастанием коррупционных утроб, с утратой чувства безопасности (и/или уверенности в завтрашнем дне), с угрозой социальных взрывов, которые могут иметь и внешнеполитическую детерминацию, и др.;
- зарождающихся глобальных конфликтов современности, а именно: геополитических конфликтов Запада и Востока; «столкновения» коллективистических и индивидуалистических ментальностей и социокультурных парадигм; стратегической стабильности и ядерного сдерживания; проблемы космополитизма и русофобии; террористических угроз и деструктивных интернет-технологий воздействия на человека; новых технологий агрессивного политического воздействия на социальную идентичность граждан различных государств, мигруя их границы, и т.д.;
- Интернета как нового пространства конфликтного взаимодействия, в связи с чем исследованы следующие проблемы: Интернет как ресурс детерминации социальных конфликтов и в то же время как ресурс геополитического воздействия и пропаганды; интернет-технологии разжигания общественных конфликтов; виртуальная информационно-психологическая война как механизм международного противоборства; роль виртуальных СМИ в детерминации противоправного поведения; технологии социальной деструкции в Сети (например, «цветные революции»); Интернет как фактор распространения терроризма (наркомания, религиозного экстремизма и пр.); интернет-технологии манипулятивного воздействия на массовое сознание и поведение и др.

В современных условиях развития цивилизации и усиления глобальных конфликтов в зарубежной и отечественной психологии интерес к проблеме социальных конфликтов неизменно возрастает. Происходит активное накопление теоретических концепций, методологических и методических подходов, эмпирических исследований и экспериментальных результатов. Необходимость непрерывного осмысления (и переосмысления) конфликта как социального явления, в том числе в свете высочайших темпов изменений в современном обществе, сохраняется неизменной.

На сегодняшний день можно выделить два важных, перспективных направления в исследовании социальных конфликтов с целью их разрешения: «психология мира», или парадигма неэскалаторного урегулирования конфликтов, и создание новых технологий выявления и мониторинга конфликтных ситуаций.

Первое направление исследований изучает индивидуальные и коллективные проблемы конфликта с позиции возможности их мирного разрешения (Baro, Zapretini, 2007). Оно возникло в социальной психологии на рубеже веков в связи с проблемой распространения терроризма (Соснин, Вестник, 2008).

Представители концепции психологии мира полагают, что у каждого народа существует своя исторически сложившаяся культурная среда — в публичном пространстве, в памятниках его истории, в его праздниках. Эта среда выступает символом его суверенитета. И поскольку культура любого народа связана с длительным периодом его развития, переговоры являются единственно приемлемым вариантом разрешения международных и межгрупповых конфликтов.

Таким образом, различия традиционными концепциями конфликтов и концепцией «психологии мира» заключаются в принципиальной разнице подходов к разрешению конфликтов. Если в первом случае психологические знания могут быть использованы для воздействия на противника с целью достижения превосходства над ним или нанесения урона, то во втором их планируется применять исключительно для достижения компромиссных решений в возникающих противоречиях (Galving, 2007; Klafit, 2001; Zuber, Beth Asher, Karte, 1999).

Макропсихология мира как одна из отраслей общей «психологии мира» зародилась совсем недавно и отстаивает позицию мирной трансформации геополитических конфликтов. Начиналось это направление с того, что философы в конце XX в. создали научные сообщества, которые пропагандировали проблемы неэскалаторного разрешения конфликтов: «Обеспокоенные философы за мир»,

«Радикальная философия», «Международное объединение философов по предотвращению ядерной войны» (*Handbook of peace...*, 2007). Вслед за философами такие объединения были созданы в мировом психологическом сообществе (*Peace, conflict and violence*, 2004; Маспай, 2003). В рамках данного направления также исследуются психологические детерминанты агрессивного поведения, насилия и войны, анализируются последствия такого поведения для его участников, проводится работа с жертвами насилия с целью стабилизации их психологического самочувствия, преодоления ими последствий травматического стресса (*Handbook of peace...*, 2007).

В настоящее время не существует единого подхода к психологическим концепциям и технологиям мирного разрешения конфликтов (Chigas, 2005; Page Fortna, 2004; Walter, 2002). Но есть уже зарекомендовавшие себя научные направления. Так, в рамках таких научных направлений можно выделить *теорию коллективной асимметрии*, или коллективного поведения (Christie, Montiel, 2013; Fisher, 2005; Kelman, 2000), основная идея которой заключается в следующем. Социологический анализ внутренней структуры государства и структуры их взаимоотношений по шкале «равноправность — зависимость» показал, что возникновение агрессии тем вероятнее, чем разбалансированное индустриальное развитие государств в мире. Экономически более развитые страны, в силу присущего им более высокого уровня возможностей, выступают в роли учителей слаборазвитых стран. Такое «структурное насилие» (по сути, «структурный конфликт») может существовать внутри отдельно взятого государства и быть вызвано зависимостью менее развитой «периферии» от «центра». Я. Галлуэг обосновывает эту позицию тем, что основой детерминантой международных и социальных конфликтов является насилие, проявляемое социальными системами государства, — культурное, структурное и личное. При этом совершаемое насилие предыдущего порядка создает условия для проявления последующих его форм: культурное насилие вызывает структурное, а структурное — личное (Galving, 1968). В качестве примера «структурного насилия» можно привести идеологическое: тот, кто нарушает «структурные идеологии», может понести личное наказание.

Как мы уже убедились, сторонники инновационных подходов к разрешению социальных конфликтов часто противопоставляют свои взгляды традиционному взгляду на социальный конфликт как на неизбежное явление (*Presidential task...*, 2005; Soldz, Olson, 2008), считая данную позицию «игнорировавшей себя». Однако целесообразно рассмотреть критику и в адрес самих сторонников «психоло-

гии мира». Так, критическим замечанием подвергается, например, их анализ глобальных конфликтов, связанных с культурными ценностями, суверенитетом и величием (Bag-Tai, Halregia, 2013). В частности, специфика глобального конфликта заключается в том, что он, как правило, продолжается длительное время, так как его стороны, будь то национальные группы или государства, не могут одержать «сиюминутную» победу над соперниками, но идти на компромисс и вступать в переговоры для мирного разрешения конфликта не желают (типичный современный пример – ситуация на Украине). В психологической литературе для такого конфликта были предложены разные определения: затяжной (*protracted*), продолжительный (*enduring*), эскалаторный (*escalating*), глубинный (*deep-rooted*); выведен целый ряд его характеристик (Kriesberg, 1993, 2007, 2009; Bag-Tai, 2007, 2013), среди которых:

- тотальность, поскольку подобные конфликты затрагивают такие фундаментальные цели, потребности и ценности существования конкретных исторических субъектов, отказ от которых приводит к распаду (уничтожению) сообщества;
- убеждение сторон в абсолютной невозможности компромиссов;
- титанические усилия сторон (военные, технологические, экономические и психологические), чтобы победить противника;
- восприятие конфликта обеими сторонами как неразрешимого мирными средствами, откуда – широкое применение физического насилия.

Для полноценного понимания проблемы глобального конфликта необходимо рассмотреть его основные причины. Ведущим условием его возникновения считается угроза депривации базовых социальных потребностей, связанных с *социальной идеальностью* сообществ. При возникновении глобального конфликта именно социальная идентичность становится основой для мобилизации социума (Weber, 2011). На стадии эскалации конфликта, как показывает практика, состояние сообщества – участников конфликта – начинает все более определяться их религиозными убеждениями, установками, чувствами и мотивациями. Огромную роль начинают играть коллективная память – репрезентация прошлой истории народа. И только на стадии, когда субъекты конфликта приходят к осознанию реальной альтернативы – либо взаимное уничтожение, либо сохранение жизни, – противники начинают задумываться о возможностях мирного разрешения конфликта. Таким образом, далеко не всегда процесс мирного разрешения конфликтов заканчивается

поволятельно, так как выявить базовые ценности целых народов, да еще и в короткие сроки, не представляется возможным. Нередко противостояние затягивается (Северная и Южная Корея, Грузия и Абхазия и т. д.), и «психологи мира» часто бывают бессильны.

Трудно предсказать, будут ли противоречия между традиционными направлениями разрешения конфликтов и психологией мира уживаться или они обретут какие-либо точки взаимодействия, но, скорее всего, мировое сообщество будет стремиться к поиску возможностей мирного сосуществования, а психология мира станет востребованным научным направлением.

Второе перспективное направление исследования конфликтов — создание новых технологий выявления и мониторинга конфликтных ситуаций. В перспективе инструментом для изучения конфликтных ситуаций глобального и макросоциального уровней могла бы выступить сеть ситуационных центров, использующих информационно-аналитические системы (ИАС) анализа больших объемов данных. В данную структуру должна быть включена система автоматического сбора данных: как структурированных числовых показателей, так и неструктурированных текстовых (артефактов). В процессе разработки такой системы необходимо создание модели предметной области (онтология) для формирования хранилища информации и прогностической системы. Модель, в свою очередь, должны быть формализована в подсистеме метаданных.

Для разработки ИАС мониторинга и прогнозирования социальных макроконфликтов можно, в качестве одного из подходов, ориентироваться на анализ социальных сетей и интернет-сервисов посредством сочетания методов машинного обучения (искусственных нейронных сетей, глубокого обучения и т. д.) с классическими статистическими методами анализа данных (кластерным, регрессионным, дисперсионным и т. д.).

В рамках программы «Метаанализ социальных процессов» была бы возможна разработка общероссийских ИАС социальных макроконфликтов, которые могли бы функционировать в «равном режиме загрузки» (в отличие от «равномерного» режима загрузки систем традиционной онлайн-обработки больших данных (big data)), что станет их неоспоримым преимуществом.

Накопленный к настоящему времени огромный массив данных и зарождающийся, еще не исследованных, проблем требует профессиональной рефлексии и нового осмысления в рамках социальной психологии конфликта как системного феномена современной социальной реальности, что возможно через обращение к интолерантно

развивающимся IT-технологиям мета-надна. Разработка общероссийской ИАС социальных конфликтов – сложная, трудоемкая, дорогостоящая, но крайне необходимая задача, значимая как для научного познания, так и для общественного развития.

В заключение хотелось бы отметить, что современные условия развития мирового сообщества способствуют усилению глобальных процессов: возрастает влияние крупных транснациональных корпораций на национальные экономики, увеличивается скорость перемещения капиталов, создаются предпосылки к разрушению устойчивых экономических систем, изменяется традиционный уклад жизни людей, трансформируются мировоззренческие позиции, культурные ценности и поведенческие стереотипы. Все эти явления пока еще не признаны традиционными детерминантами социальных конфликтов, но их изучение, как видно из материалов монографии, уже становится насущной необходимостью как для социальной практики, так и для фундаментальной науки.

Литература

- 30 фактов о современной молодежи: исследование Сбербанка и Validata // Young Space. 2017. URL: <http://youngspace.ru/tag/issledovanie-molodezhi/sberbank-issledovanie-molodezhi> (дата обращения: 17.03.2018).
- Авдеев Ю. И. Основные тенденции современного терроризма // Современный терроризм: состояние и тенденции / Под ред. Е. И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 137–175.
- Алексеев В. А. Психология межгрупповых отношений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Алексеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Александров Г. Ф. Космополитизм — идеология империалистической буржуазии // Вопросы философии. 1948. № 3. С. 182.
- Алексеев С. В. Коррупция в переходном обществе: социологический анализ. Дис. ... д-ра социол. наук. Новокузнецк, 2008.
- Алексаки Н. В., Комиссарова Т. А., Кузьмичев А. Д. и др. Национальная программа «Российская деловая культура». М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1997.
- Амелина Я. «Грунты смерти» как угроза национальной безопасности России: аналитический доклад. М.: Издатель А. В. Воробьев, 2017.
- Анализ положения детей в РФ. М.: ЮНИСЕФ, 2007.
- Аманжол О. Г. Проблема коррупции в уголовно-исполнительной системе ФСИН России: социально-психологические аспекты // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 164–181.
- Андреева Г. М., Богомолова Н. И., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2002.
- Антонова Ю. М., Беленгуров Г. И., Боловникова А. К. Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю. М. Антонова. М.: Аспект-Пресс, 2006.

- Авдупов А. В., Шамалов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов. М.: Юнити, 1999.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996.
- Арсенова О. В., Бабаных Л. В., Войсковский А. Е. Мотивация пользователей интернета. URL: <http://it-portal.ru/article/arsenova-oribabanin-in-boyskovskiy-ve-motivatsiya-polzovateley-interneta> (дата обращения: 21.04.2018).
- Арутюнян Р. Стратегия ирегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в опирационной среде ирегулярных военных действий / Под общ. ред. А. Б. Михайловского. М., 2015.
- Арсеньева И. И. Глобализация и перспективы мирового развития // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 81. С. 7–15.
- Арутюнян А. С., Смагарев С. Ф. Геополитика как наука в России: история и современность // Геополитика и безопасность. 2009. № 4 (8). С. 56–67.
- Асхи Я. Ф. Философский детерминизм и научное знание. М.: Мысль, 1977. С. 30.
- Авласин В. А. Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Сер. 6. «Политология. Международные отношения». 2013. № 4. С. 71–77.
- Ан-Шахравама Книга о религиях и сектах. Часть I. Ислам. М.: Главная редакция восточной литературы, 1984.
- Баев А. А. Управление силами и средствами органов внутренних дел при освобождении заложников: Учеб. пособие. М.: Академия МВД России, 1996.
- Балбура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
- Балбура А., Жюльер Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М.: Апрель-Пресс—Эксмо, 1999.
- Бадматов Т. А. Глобализация: вопросы теории и практики // Век глобализации, 2008. Вып. 2. С. 12–20.
- Бадричани Дж. Подпольный Интернет: темная сторона мировой паутины. М.: Эксмо, 2017.
- Бадричани А. В. Реализация концепции информационной войны на современном этапе военно-политическим руководством США: Дис. ... канд. полнт. наук. М., 2007.
- Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3. С. 25–53.
- Бизнес в Интернете – обзор бизнес-идей, как начать и можно ли без вложений? // Как зарабатывать. ru. 2017. 2 декабря. URL: <http://>

kakzarabativai.ru/business-idei/business-v-internete/#4 (дата обращения: 15.04.2018).

Барбер П. Люди будущего. Как отец WWW Тим Бернерс-Ли создаст новый Интернет // *Slovo*. 2013. 17 октября. URL: <http://slovo.ru/biz/1005395> (дата обращения: 20.04.2018).

Бобиков А. Ф. Психологическая война империалистических государств против стран социализма и пути борьбы с подрывной пропагандой противника: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1966.

Болдырев Ю. Ю. Коррупция как системный порок российского капитализма // *Неэкономические грани экономики: непознанные взаимодействия* / Под ред. О. Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий, 2010. С. 456–474.

Болотов К. Игра готовит оппозицию к борьбе с диктатурой и кровавым режимом // *Metabara*. 27 октября 2005 г. URL: <http://www.metabara.ru/article/476> (дата обращения: 27.04.2018).

Большовский В. Грохит ли Россия развал? // *Наши современники*. 2007. № 9. С. 148.

Бонд П. Албука медведя. М.: Европа, 2011.

Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М.: Прайм-Европик, 2003.

Борисовская К. Информационное противоборство и его особенности // МГИМО – Университет МИД России. 2009. 31 сентября. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experta/document138528.shtml> (дата обращения: 17.04.2018).

Бородский Ф. М., Корях Н. М. Витализм: конфликт! Новосибирск: Наука, 1983.

Брайтман Д., Томсон С. Основы воздействия СМИ. М.: ИД «Вильямс», 2014.

Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Будыцкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX–начало XX в.). М.: Россия, 2000.

Будыцкий О. В. Терроризм глазами историка: идеология терроризма // *Вопросы философии*. 2004. № 5. С. 3–19.

Бурмастрова Н. Н., Журалов А. Л. Изменение оценок эффективности разрешения конфликта в условиях изменения представлений участников конфликта о третьей стороне // *Вестник университета (государственный университет управления)*. 2012. № 8. С. 236–243.

Буррн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1999.

- Васильев Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Валин А. А. О некоторых особенностях мотивации и целеполагания экономического поведения социальных субъектов // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе: Тезисы докладов к международной научно-практической конференции к 100-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 31–32.
- Валин А. А., Журавлев А. Л. Социально-психологические аспекты исследования конфликта // Современная конфликтология в контексте культуры мира: Материалы I международного конгресса конфликтологов. М.: Эпистола УРСС, 2001. С. 357–372.
- Валин А. А., Журавлев А. Л. Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ // Знание, Понимание, Умение. 2004. № 1. С. 101–108.
- Валин А. А., Сословская А. А. Динамической поведенческой профильности «консультант по управлению» на основе концепции У. Марстона DISC // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. № 1. С. 35–42.
- Вдовин А. Мировое правительство и будущее русского народа // Наш современник. 2013. № 1. С. 90–101.
- Вересов Н. В. Формула противостояния, или как устранить конфликт в коллективе. М.: Флинта, 1998.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юренича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Васильев В. В. Терроризм постиндустриальной эпохи // Социальные исследования. 1993. № 2. С. 42–50.
- Выборных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. № 1. С. 48–51.
- Волкова Е. В. Проблемы изучения распространенности и выявления случаев насилия над детьми // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). Сентябрь. С. 44–47.
- Волковичев Д. А. Психологическая война: Подверженные действия имперриализма в области общественного сознания. М.: Восница, 1994.
- Волковичева М. В. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. 2004. № 5. С. 16–23.
- Волковичева М. В., Журавлев А. Л. Роль нравственной элиты в воспитании молодежи // Ресурсы развития социально-профессиональной траектории учащейся молодежи: вызовы XXI века: Материалы

Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. Т. А. Антопольской. Курск: ООО «Планета+», 2015. С. 25–29.

Воловикова М. И., Журавлев А. Л. Имплицитные представления о признаках нравственной злости // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 50–59.

Воловикова М. И., Журавлев А. Л., Суваровова В. А. Испытание страхом (Чернобыль в судьбе человека) // Сознание личности в кризисном обществе / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995. С. 95–108.

Вопросы безопасности и стратегической стабильности: в терминах и определениях / Под ред. В. Н. Михайлова. М.: Госкорпорация «Росатом», 2009.

Ворожцова И. В. Сетевые педагогические сообщества как форма повышения профессиональной компетентности учителя // Молодой ученый. 2015. № 18. С. 444–449.

Выдацкий П. Е. Космополитизм и отечество // Вопросы философии. 1948. № 2. С. 63.

Газетов В. И., Ветров М. И. Сетевые бан на Ближнем Востоке // Независимое военное обозрение. 2013. № 27. URL: http://nvo.ng.ru/war/2013-08-02/1_media.html (дата обращения: 21.04.2018).

Галустов В. Неомарксизм и социология международных отношений. М.: Новая школа, 1996.

Гаван А. Э., Лушников Д. А. Технологии «цветных революций». М.: РИОР, 2010.

Гарев В. А. Информационные угрозы современного международного терроризма. М.: Институт Африки РАН, 2010.

Головкин В. А., Вильямсовский М. И. Эволюция концепции стратегической стабильности: ядерное оружие в XX и XXI века. М.: ЛКИ, 2008.

Гудбек Э. Социология / При участии К. Берасола. М.: Едиториал УРСС, 2005.

Гутельмахер Р. Б., Козловская А. С., Морозкин Ю. Б. Конфликт: Социально-психологический аспект. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1995.

Гуманова С. И. Коррупция: фатальная угроза? // Незакономерные грани экономики: негативное взаимовлияние / Под ред. Ф. Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий, 2010.

Гумачев Е. О. Социальные представления о справедливости как составляющая правосознания: Дис. ... канд. психол. наук, 2004.

- Гоним В. Революция 2.0: Документальный роман / Пер. с англ. Т. Даниловой. СПб.: Изд. группа «Лениздат»—Команда А, 2012.
- Горбачев М. Лекция в Американском университете в Турции // Газета USVT («Заря», Словакия). 1998. № 24.
- Горбачева Т. В. Память русской души. Рязань, 2011.
- Горбаченко В. М. Оценка качества программного обеспечения для создания систем тестирования // Фундаментальные исследования. 2013. № 6 (4). С. 823—827.
- Государственный доклад Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 17 ноября 2011 г. «О положении детей в Российской Федерации (2008—2009 гг.)». М., 2006.
- Гречев А. А. Психологическое проектирование производственной организации. СПб.: Институт практической психологии, 2003.
- Гречев Г. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. Волгоград, 2004.
- Григорян А. Для дискредитации российских чиновников используют ЛГБТ-активистов // Известия. 18 ноября 2015. URL: <http://izvestia.ru/news/596078?inset=tsarinline> (дата обращения: 18.03.2018).
- Гришков С. В. Поле битвы — киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. М.: Харвест, 2004.
- Гришкова Н. В. Опыт построения социально-психологической типологии производственных конфликтов // Психология — производству и воспитанию / Ред. колл. А. А. Крылов, Е. С. Кузьмин и др. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 19—24.
- Гришкова Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2006.
- Гришко А. Я., Сечышко Д. В., Гагарина Е. Е. Личность осужденного за террористическую деятельность. Рязань, 2006.
- Гудков Г. Коррупция для России страшнее НАТО! // Комсомольская правда. 2010. 15 января.
- Гузьяков О. А. Направления и изучаемые представления о справедливости // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 123—132.
- Давлатский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
- Демидов В. В., Лудов В. В. Процесс принятия политических решений: Учебное пособие. Новосибирск: САУМК, 2008.
- Дмитриев А., Курьянов В., Курьянов С. Введение в общую теорию конфликтов: Юридическая конфликтология. Монография. Часть 1. М.: ИНИОН РАН, 1993.
- Добавов И. П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика: Дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2003.

- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Долгова А. И. Учение о детерминации и причинности преступности // Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. М.: Норма, 2005. С. 252–259.
- Долгов А. И. Проблемы конфликта в западной социальной психологии // Психологический журнал. 1986. Т. 1. № 6. С. 119–133.
- Достаточно общая теория управления. М.: Концептуал, 2014.
- Думачко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Черо–Курит, 2000.
- Дрежкова Р. В. Интернет-преступность: Монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008.
- Дробышева Т. В., Журалов А. Л. Динамика экономического сознания: факторы вторичной экономической социализации // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. 2006. № 3 (2). С. 129–135.
- Дроздов А. Ю. Агрессивное телевидение: социально-психологический анализ феномена // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 17–27.
- Духак А. Шестая колонна // Визд.ру. 2014. 29 апреля. URL: <http://www.vz.ru/opinion/2014/4/29/684247.html> (дата обращения: 14.03.2018).
- Дуралева Э. Самоубийство: Социологический этюд / Изд. подгот. В. А. Луковым. СПб.: Союз, 1998.
- Емельянова Т. В. Кросс-культурная психология: проблемы и тенденции развития // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 61–69.
- Евдокимов С. В., Лебедев С. В., Бобосов Е. А. Влияние экстремального события на косвенных участников // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 73–81.
- Жданов И. Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения, 2003.
- Журавов Д. В. Компьютерные игры и подростковая агрессия. URL: <http://kaz2.docsdat.com/docs/index-145243.html> (дата обращения: 21.04.2018).
- Жмылов А. А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
- Журалов А. Л. Психология управленческого взаимодействия: теоретические и прикладные проблемы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004а.

- Журавлев А. Л. Социально-психологический подход к изучению конфликтов // Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия: Тезисы докладов и выступлений на II Международном конгрессе конфликтологов. В 2 т. Т. 2. / Отв. ред. Е. И. Степанов. СПб.: Наука, 2004б. С. 57–60.
- Журавлев А. Л., Котова Д. А. Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017а. № 4 (83). С. 307–314.
- Журавлев А. Л., Котова Д. А. Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017б. № 3–4. С. 10–21.
- Журавлев А. Л., Весник Т. А., Соскин В. А. Проблемы психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы V Международной практической конференции (15–16 апреля 2011 г.) / Под ред. С. В. Петрушина. Казань: Отечество, 2011. С. 158–163.
- Журавлев А. Л., Весник Т. А., Соскин В. А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Соскин В. А. Психология массового поведения: истоки и современные тенденции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 49–41.
- Журавлев А. Л., Соскин В. А., Д. А. Котова, Т. А. Весник, А. В. Юревич. Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Журавлев А. Л., Соскин В. А., Ересмаков М. А. Социальная психология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Форум–Инфра-М, 2014.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 8–21.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коллективные смыслы как предпосылка личного смысла // Психологический журнал. 2004. Т. 35. № 1. С. 5–15.
- Журавлева Е. Грязные игры: Кто и почему вытягивает геймеров в политическую борьбу // Популярная механика. 2006. № 6 (44). URL: <https://www.popmech.ru/technologies/5476-gryazyne-igry-cto-i-pochemu-vtyagivayet-geymeyrov-v-politicheskuyu-bovbu> (дата обращения: 21.04.2018).

- Журавлева Н. А., Журавлев А. Я.* Программа социально-психологического исследования экономического сознания личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований: Юбилейная научная конференция, посвященная 30-летию Института психологии РАН и 75-летию со дня рождения Б. Ф. Ломова. Часть 5. Программы и методики психологического исследования личности и группы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 11–41.
- Зеленин С.* Диалог или война? // Завтра. 2011. №9 (902). С. 2.
- Зеленский Г.* Психологическая война НАТО. М.: Воениздат, 1963.
- Зороховский Г. М.* Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009.
- Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Учебн. пособие. М.: Аспект-Пресс, 1995.
- Зюлер Х.* фон Стратегемы: О китайском искусстве жить и выживать: В 2 т. М.: Эксмо, 2006.
- Зюлер В., Лом В.* Руководить без конфликтов / Науч. ред. и авт. предисл. А. Л. Журавлев. М.: Экономика, 1990.
- Земель Г.* Человек как враг // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 114–119.
- Иванов В. В.* Современный терроризм. М.: ИСПИ РАН, 2004.
- Иванченко А.* Ислам и политика. М.: Новиздат, 2004.
- Иванченко В.* Неприметные друзья сирийской оппозиции // Независимое военное обозрение. 2012. 24 февраля. URL: http://ivo.ng.ru/war/2012-02-24/1_sigla.html (дата обращения: 13.03.2018).
- Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: Коллективная монография / К. В. Патырбаева, В. В. Козлов, Е. Ю. Мазур, Г. М. Канонов, Д. В. Мазур, К. Марипас, М. И. Патырбаева; науч. ред. К. В. Патырбаева.** Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2012.
- Изард К.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000.
- Изучение межличностных отношений в военных подразделениях: Методическое пособие / Разработал С. Е. Поддубный.** М., 1991.
- Ильминков В. П.* Переговоры с преступниками. М., 1993.
- Ильминков В. П.* Организация ведения переговоров с преступниками. М.: Юрид. институт, 1994.
- Ильин Н. А.* Отрядущей России: Избранные статьи / Под ред. Н. П. Полторяцкого. М.: Воениздат, 1993.
- Информационная безопасность / Рук. авт. коллект. Д. Н. Шакин.** М.: Оружие и технологии, 2009.

- Информационные, специальные, воздушно-десантные и автомобильные операции армий ведущих зарубежных государств: Информационно-аналитический сборник / А. Н. Сидорин, И. А. Рыбченко, В. П. Герасимов и др. М.: Воениздат, 2001.
- Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: МГУ, 2004.
- К вопросу об изучении социально-психологических конфликтов на производстве: Методические указания: В 2 ч. / Сост. С. И. Ерина. Ярославль: ЯрГУ, 1984.
- Кабанов О., Васс Л. Р. Революционный невроз. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»—КСП+, 1998.
- Каламашков В. Я. Славянская цивилизация: Монография. М.: Граница, 2001.
- Каро-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.
- Каро-Мурза С. Г. Императив перехода к инновационному развитию России: Состояние на старте // Наука. Инновации. Образование. 2007. № 2. С. 214–232.
- Каро-Мурза С. Г. Приватизация промышленности: результаты и отношение населения // Наука. Культура. Общество. 2013. № 2 (3). С. 93–132.
- Карацун А. Г., Сыроманников В. В. Прикладная возрастная психология. СПб: Питер, 2006.
- Карышев А. Д., Бурменко Т. Д., Иванова Е. А. Человек и собственность: Учеб. пособие. Иркутск: БГУЭИ, 2006.
- Касьяныч М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
- Касян А., Миколов Н., Карачкин Н. Глобальное доминирование Запада, сложившееся после «холодной войны», заканчивается // Вестник МГЛУ. 2016. № 99. С. 179–184.
- Келавелл Д. Т. Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: Эволюционный аспект // Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М. И. Бобисва, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1979. С. 76–102.
- Киво А. В., Федоров В. А. Анатомия терроризма // Общественные науки в современность. 2003. № 1. С. 130–142.
- Кихов А. В. Экономическая психология. М.: Экономика, 1987.
- Кихов А. В. Личность и группа в системе отношений собственности // Проблемы экономической психологии: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. А. Д. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 109–124.

- Катова Д. А. Материальное самообеспечение личности в изменяющихся социально-экономических условиях России. Психологическое исследование. Ставрополь: Изд-во Сев-КавГТУ, 2003.
- Катова Д. А. Психологическая готовность молодежи к экономическим отношениям в современных условиях // Гуманизация образования. 2009. № 1. С. 103.
- Катова Д. А. и др. Формирование экономического правосознания молодежи как стратегический фактор развития современного общества. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского гос. ун-та им. У.Д. Аллева, 2011.
- Катова Д. А. Отношение населения к коррупции и коррупционным правонарушениям: эмпирический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016а. Т. 1. № 4. С. 145–167.
- Катова Д. А. Представления молодежи о коррупции и причинах ее распространения // Наука. Культура. Общество. 2006б. № 3. С. 154–166.
- Катова Д. А. Представления о коррупции в сознании старшеклассников // Гуманизация образования. 2016а. № 6. С. 131–140.
- Катова Д. А. Психологические аспекты отношения населения к коррупции // Вестник Университета Российской академии образования. 2006г. № 5. С. 91–97.
- Катова Д. А. Представления молодежи о сферах распространения коррупции // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017а. № 1. С. 43–48.
- Катова Д. А. Психологические особенности отношения современной молодежи к коррупции // Гуманизация образования. 2007б. № 2. С. 37–41.
- Катова Д. А., Амирбеков Д. М., Копурова С. Т., Балова Д. Ю. Психологическая готовность молодежи к управлению семейной экономикой. Карачаевск: Изд-во КЧГУ, 2010.
- Катова Д. А., Журакале А. Л., Соскин В. А., Юрская А. В. Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2007. Т. 2. № 3. С. 6–38.
- Катова Д. А., Калоз М. А. Психологические критерии в структуре моделей государственного управления // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. Коллективная монография / Отв. ред. А. Л. Жу-

- равлев, Д. А. Катова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 333–350.
- Кам И. В. Конфликт как предмет философско-антропологического анализа: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1998.
- Камыев Е. А. Конфликтующие реальности в работе с людьми (психологический аспект). М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2006.
- Камыницкий С. В., Карелова С. Г. Концепция социально-психологического измерения коррупции. М.: ИСПИ РАН, 2013.
- Клиш М., Малер М. Ненависть и благодарность. СПб.: Б. С. К., 1998.
- Козлова В. А., Соскин В. А. Психовторостороннее противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология, 2017. Т. 2. № 1. С. 119–142.
- Кочетов П., Мельникова В. Предупреждение и разрешение конфликтов: Методические рекомендации для руководителей. М.: Институт психологии РАН–Международный институт психологии, социологии и экономики труда, 1994.
- Котлер Л. Основы конфликтологии. СПб.: Светлячок, 1999.
- Котлер Л. Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги, 2006.
- Козлов В. Конфликт. Участвовать или создавать. М.: Эксмо, 2014.
- Козлов М. И. Социальная справедливость в контексте русской традиции. Архангельск: Кира, 2010.
- Козлова А. А. Ядерные конфликты в XXI веке: Типы, формы, возможные участники. М.: Медиа-Пресс, 2003.
- Козлова А. А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы. М.: Крисанд, 2009.
- Козлова А. А. Стратегическая стабильность: научно-технические, военные и политические аспекты // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 11. С. 963–970.
- Коллектив Д. Комитет 300. Тайны мирового правительства. М.: Витязь, 2003.
- Колыбельный В. М. Эволюция западных концепций глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1. С. 24–30.
- Колыбель В. А. Психологические предпосылки революционных преобразований общественной жизни // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи» (30 июня–2 ию-

- ля 2016 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 526–530.
- Колычева В. А., Соскина В. А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–97.
- Комлева И. А. Геополитические ресурсы: попытка классификации // Пространство и Время. 2013. № 4 (14). С. 29–33.
- Коммунистическое Ф. Великое оружие борьбы за коммунизм // Литературная газета, 1949. 27 апреля.
- Коммунистической Д. Л., Волосенко Е. Д. Образование за рубежом: социокультурный аспект // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 97–114.
- Контрразведывательный словарь / Отв. ред. В. Ф. Никитченко. М.: Научно-издательский отдел ВШКГБ им. Ф. Э. Дзержинского, 1972.
- Конфликты и переговоры: Практическое руководство для менеджеров. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
- Конфликты: теория и практика разрешения: Опыт зарубежных исследований: В 3 т. / Под общ. ред. Е. Ю. Садовой, И. Ю. Чупрыниной. Алматы: Конфликтологический центр; М.: Центр конфликтологии Института социологии РАН, 2002.
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития российской федерации на период до 2020 года. URL: http://www.socinf.ru/document/sova_doc_LAW_82134/28c779c359c8af09d7244d8033c669280a27e527 (дата обращения: 17.12.2017).
- Корваллус К., Фэйр Ш. Выиграть может каждый: Как разрешать конфликты. М.: Странгер, 1992.
- Коровак Е. Абсолютный суверенитет или абсолютная неправда // Новое время. 1947. № 41.
- Косляковский Я. Девизагенные эффекты Интернета // Девизантность в обществе потребления: Коллективная монография / Под ред. Я. И. Гилникова, Т. В. Шинковой. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. С. 272–294.
- Кремль В. Единый фронт антитеррора // Военно-промышленный курьер. 2007. 17 июля. № 26.
- Кудрявцев В. И., Лукоянов В. В., Петрова В. Е. Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. № 1. С. 3–9.
- Кудрявцев С. В. Конфликт и насильственное преступление. М.: Наука, 1991.

- Куликов В. В. Что такое глобализация? // МЭМО. 1998. №2. С. 9–12.
- Куликова И. Ф. Проблемы криминологической детерминации / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Куликова С. В. Криминализация молодежной среды российского общества: социокультурный аспект. Дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2009.
- Куркина С. Опа страху. О праве оперировать понятием «оружие» // Оружие: о том, что злое может быть рукотворным. Сводная аналитическая группа Центра Кургинава об угрозах суверенитету России. М.: Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр», 2007. URL: <http://www.kurgin.ru/rub/sheni/auth=40&std=ar&id=1957> (дата обращения: 23.04.1979).
- Лайбарджер П. Психологическая война. М.: МО СССР, 1962.
- Ларус Я. Влоск и мистика Новой Римской империи // Интервью. 2001. Июль. URL: http://www.radiotica.ru/actual/latush_block.html (дата обращения: 13.03.2018).
- Лассулы Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.–Л.: Государственное издательство, отдел военной литературы, 1929.
- Лашман В. В. Конфликт: протекание, способы разрешения, поведение конфликтующих сторон // Иностранная психология. Т. 1. 1993. №2. С. 87–93.
- Лебедев А. И., Лавренко И. И. Прогнозирование межличностных конфликтов в условиях нововведений // Социально-психологические резервы повышения эффективности деятельности трудового коллектива / Отв. ред. А. Л. Журавков. М.: ИП АН СССР, 1985. С. 42–54.
- Лебедев М. М. Вам предстоит переговоры... М.: Экономика, 1993.
- Левин Г., Тард Г. Психология толп. Мнение и толпа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»–Изд-во КСП+, 1998.
- Левина В. К. Социополитическая динамика российского общества: 2000–2006 гг. М.: Асафетia, 2007.
- Левин К. Типы конфликтов // Психология личности: Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962.
- Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
- Левинский Р., Сандерс Д., Барри Б., Малтон Дж. Самое главное о переговорах. М.: Форум, 2006.
- Левин Н. В. Основы конфликтологии: Учебн. пособие. Ижевск: ИД «Удмуртский ун-т», 2000.
- Левинья А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

- Добле О. В.* Региональная власть как социальный институт: Дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2002.
- Домье Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Доркин К.* Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс-Универс, 1994.
- Дубс Б.* Ислам в Запад. М.: Библиейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2003.
- Дубов В. В.* Политическая, социальная и экономическая несправедливость в мире и терроризм // *Общественные науки и современность*. 2004. № 3. С. 31–87.
- Дурья А. Р.* Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека / Под общ. ред. В. И. Беленького. М.: Когито-Центр, 2002.
- Дэкс Дж.* Финтинг: Техника компьютерных преступлений. М.: ИТ Пресс, 2004.
- Максимова Э. Ф.* Финанш Бобов и патос Управление КГБ: след в истории. М.: Алгоритм, 2015.
- Макеев Я. А.* Институциональные особенности коррупции в местном сообществе: Дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2013.
- Макрокосмология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юренич.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Мареева Е. В.* Философия науки: Учеб. пособие для аспирантов и соискателей / Е. В. Мареева, С. Н. Мареев, А. Д. Майдацкий. М.: Инфра-М, 2012.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 39 т. Т. 4. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955.
- Масленченко С. В.* Субкультура хакеров как порождение информатизации общества: Автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2008.
- Масленчук К.* Управление конфликтными ситуациями и развитие организации. М.: Инфра-М, 1996.
- Международная конвенция о борьбе с захватом заложников. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15477@0387847052105885> (дата обращения: 21.04.2018).
- Мельник В. К.* Уловки споров. М., 1991.
- Мерлин В. С.* Личность и общество. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 1990.
- Мертон Р. К.* Социальная структура и аномия // *Социология преступности (современные буржуазные теории): Сборник статей / Под ред. Б. С. Никифорова.* М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

- Минделл А. Лидер как мастер единоробства (введение в психологию демократий) В 2 ч. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993.
- Минко А. И., Болотова З. Н., Волотов М. Ю., Маркелова Л. М., Мусиленко Г. А., Махуляк Ю. А., Момот М. В., Шаламов В. В., Сердюк А. А. Презицизм индивидуально-личностной и популяционной профилактики развития зависимости от алкоголя у детей и подростков // Актуальні питання дитячої психіатрії в Україні: Матеріали республіканської конференції дитячих психіатрів «Реформа психіатричної допомоги дитячому населенню України», Харків, 1999. Вып. 2. С. 140–144.
- Морозов В. П. Невербальная коммуникация: Экспериментально-психологическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Мухомачов С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
- Мурзалова Г. Группы смерти // Новая газета. 2006. № 51. 16 мая.
- Мухомов В. В. Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1960.
- Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения: Лекции. М.: Пер Св, 2001.
- Назаров М. М. Массовая коммуникация и общество: Введение в теорию исследования. М.: КД «Либроком», 2009.
- Найманова Е. А., Кавына Д. А. Правовые аспекты в представлениях студентов о способах достижения экономического благополучия // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 1. С. 87–91.
- Наркомания в России. Доклад. Статистика наркозависимых. 2006. URL: <http://balmolel.ru/narkomaniya/narkomaniya-v-rossii-doklad-statistika-narkozavisimyx-narkomaniya-zabolevanie-ili-prestuplenie> (дата обращения: 20.05.2018).
- Насилье над детьми: Доклад Всемирной неправительственной организации ЕСРАТ (2006) // Криминальное насилие против женщин и детей: Международные стандарты противодействия: Сборник документов / Сост. В. С. Овчинский. М.: Норма, 2008.
- Паукова А. Ю., Андреев В. Е., Пауков А. О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве. СПб.: Алетейя, 2015.
- Покрасов С. И., Мохамед З. В. Трансформация духовности в процессе информационного развития общества. Минск: Изд-во БелГУ, 2009.
- Пестель Т. А. Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. 4. Теневая экономика в советском

- и постсоветском обществе. Ч. 2. 2002. № 4. URL: <http://cognation.ru/magazine/3/n4-05.html> (дата обращения: 11.03.2018).
- Несмак Т. А., Журавлев А. Я.* Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Владимир: ВГУ, 2016. С. 12–17.
- Несмак Т. А., Лавров Ю. В.* Что инновато — «плохие» законы или культурные традиции? // Общественные науки и современность, 2002. № 3. С. 35–47.
- Печатило Д. А.* Современный радикальный исламизм: стратегия и тактика. М.: Наука, 2011.
- Романко И. С.* Декларации о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера публичных должностных лиц: применение в России и в мире // Материалы XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества: В 4 кн. Кн. 1 / Под ред. Е. Г. Янина. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. С. 521–530.
- Романко К. Ю.* Психология. Дети. СМН. М.: ИКАР, 2008.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика Н. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Лань, 2015.
- Романская О. И.* Понятие и виды национальных органов безопасности // Право и государство: Теория и практика. 2015. № 2. С. 44–48.
- Рорберг Б.* Алфубка медиа. М.: Европа, 2011.
- Овчинский В. С., Суднев И. Ю.* Организационное оружие: Функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) // Изборский клуб. Русские стратегии. 2013. № 6. С. 43–59.
- Ольвинский Д. В.* Психология террора. М.: Академический проект, 2002.
- Орлова И.* Всероссийская перепись: цифры и комментарии // Наш современник. 2004. № 3. С. 163–176.
- Орлова Д. Я.* Патриотизм и историческая память (по материалам социологического экспресс-опроса) // Университет ИТМО. 2003. № 39. Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. URL: <http://newspaper.ifmo.ru/article.php?rid=41&id=164> (дата обращения: 23.04.2018).
- Омаров Р.* FaceChat: на связи без мобильных сетей и Интернета // Голос Америки. 20.09.2014. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/view-full-face-chat-interview/2471654.html> (дата обращения: 10.03.2018).

- Павел Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4. С. 113–124.
- Паварин И. В. Информационно-психологическое обеспечение национальной безопасности России: Дис. ... д-ра политич. наук. М., 1997.
- Паварин И. В. Информационная война и геополитика. М.: Поклонник, 2006.
- Паварин И. В. Информационная война, РФ и мировая политика: Курс лекций. М.: Отис, 2004.
- Пашенцев Е. Н. Стратегическая коммуникация США: «Имперское перенапряжение сил» // *Мир и политика*. 2012. № 8. С. 110–119.
- Петровская Л. А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта // *Теоретические и методологические проблемы социальной психологии* / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 126–143.
- Печуров С. Арабский Восток: технология управленческого хаоса в действии // *Независимое военное обозрение*. 2011. 25 марта.
- Печев А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.
- Пивоваров Ю. С. Наука о политике и Правда о «Русской Системе»: Беседа с директором ИНИОН РАН Ю. С. Пивоваровым // *Политс*. 2002. URL: <http://old.politstudies.ru/university/exse/Эрвч.htm> (дата обращения 15.03.2018).
- Подвахов В. М. Коррупционные преступления в сфере образования: нравственно-психологический и правовой аспекты // *Прикладная юридическая психология*. 2012. № 3. С. 25–32.
- Поляков В. П., Журавлев А. Л. Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм самовоспитания // *Психологический журнал*. 1992. Т. 13, № 4. С. 24–32.
- Подвахова М. Е. Влияние интернет-сообществ на распространение девиантных форм поведения в современной России (на примере наркотизма) // *Россия реформирующаяся. Ежегодник* / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 128–149.
- Подухалова Н. А. Телевидение как механизм социального контроля // *Вестник Московского университета. Социология и политология*. 1998. № 1. С. 49–60.
- Пользователи Интернета в мире. URL: http://www.bizhit.ru/index/rolzovately_interneta_y_mire/0-404 (дата обращения: 12.03.2018).
- Поломарова Е. Секреты «цветных революций» // *Свободная мысль*. 2012. № 1 (2). С. 87–98.

- Пора поставить действенный заслон информационной войне // Коммерсант. 2016. 18 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2961578> (дата обращения: 12.04.2018).
- Портер М. Конкуренция. СПб.: Питер, 2009.
- Решетов Г. Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2009.
- Появилось приложение, автоматически сообщющее правозащитникам о задержаниях // Открытая Россия. 2017. 24 апреля. URL: <https://openrussia.org/notes/708743> (дата обращения: 15.03.2018).
- Резвякова Г. В. Проектирование интегрированных реляционных баз данных: Учебник. М.: Наука, 2006.
- Прикладная конфликтология: Хрестоматия / Сост. К. В. Сальченко. Минск: Харвест, 1999.
- Проблемы субъектов в постклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2007.
- Прокофьев В. Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсолнечие. М.: Синтез, 2003.
- Прокофьев В. Ф. К проблеме формирования основных понятий в области информационной безопасности // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке: Сборник научных статей / Под ред. Ю. Н. Балусевского. М.: ЦВСИ, 2005. С. 377–389.
- Против буржуазной идеологии космополитизма // Вопросы философии. 1948. № 2. С. 15.
- Психологи о терроризме: крутой стол // Психологический журнал. 1993. Т. 16. № 4. С. 37–48.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Кнотова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологические исследования личности в ее ценностном мире в современном российском обществе: Сб. науч. трудов / Ред.-сост. Н. М. Герасименко; отв. ред. Б. С. Алишев, А. Л. Журавлев, М. Г. Рогов. Казань: КГТУ, 2007.
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология человека и общества: научно-практические исследования / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергеевко, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

- Психология: Учебник для экономических вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2009.
- Пушкыпаев Т. В. Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
- Разрешение и предупреждение конфликтов в СНГ: Международный справочник организаций. Алматы: Конфликтологический центр, 2002.
- Райс В. Психология масс и фашизм. СПб.–М.: Университетская книга–Прогресс, 1997.
- Раскоруцев С. И. Формула информационной войны. М.: Белые Альфы, 2005.
- Рейтинг стран мира по уровню жизни. Организация Объединенных Наций (ООН). 2017. URL: <http://yvetorota.ru/statyi/uzloven-zhizni-v-stranah-mira-reyting-2017/> (дата обращения: 12.04.2018).
- Рывальков М. М. Особенности состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных ситуациях с витальной угрозой // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / Под ред. проф. М. М. Рывалькова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004.
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1998.
- Российский статистический ежегодник: Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2002.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Рываль С. Е., Соскин В. А. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6. С. 133–146.
- Рубель В., Селев А., Рывальков Е. Пев-войны. Запад и Восток. История в свидетельских показаниях. М.: Постум, 2016.
- Рубин Дж., Дривин Д., Кил Х. С. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.
- Рудская К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. М.: Прогресс, 1993.
- Рывальков М. М. Пик напряженности под знаком белого коня // Социологические исследования 1990. № 10. С. 14.
- Рываль В. А. Глобализация и цивилизационные перспективы человечества // Глобализация в социально-философском измерении: Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 64–69.

- Резникова Л. В. Манипуляции в СМИ как следствие «разорванной коммуникации» // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2 т. Т. 2. М.: Аспект-Пресс, 2008. С. 226–234.
- Сайблин А. Закат Европы // Завтра. 2011. № 14 (907). С. 5.
- Саченко Т. В. Моделирование поведения в ситуации конфликта: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.
- Сайварды И. А. Культура межличностных отношений. М.: Астрель, 2004.
- Самаров Г. А. Диагностика российской коррупции: социологический анализ // Право и безопасность. 2002. № 23 (34). URL: http://dpr.ru/rsofo/pravo_3_15.htm (дата обращения: 12.03.2018).
- Самыкин В. О. Современные вызовы виртуальных войн. В 3 ч. Ч. 3 // Прометей. 2013. № 12 (38). С. 180–185. URL: <http://www.prometei.net/materials/3/2013/12-3/41.html> (дата обращения: 13.03.2018).
- Сводный глоссарий Совета Россия–НАТО по сотрудничеству / Под общ. ред. Н. Е. Макарова, Дж. Ди Паоло. Москва–Брюссель, 2011.
- Семезкин М. Путь к процветанию: Новое понимание счастья и благополучия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Семезкин В. Е. СМИ и молодежь: социально-психологический анализ // Вестник политической психологии. 2004. № 1. С. 56.
- Семь блестящих мыслей Ноама Хомского об американской империи // ИНОСМИ. РУ. 2013. 22 января. URL: <http://inosmi.ru/iss/20130122/2044908139.html> (дата обращения: 12.03.2018).
- Сетевые войны: угрозы нового поколения. М.: Евразийское движение, 2009.
- Сковье Дж. Г. Конфликты, пути их преодоления. Киев: Внешторгиздат, 1991.
- Смерть в прямом эфире: ЧП. Расследование. URL: <http://www.ntv.ru/video/1524040> (дата обращения: 12.04.2018).
- Смирнов А. А. Роль и место СМИ в механизме детерминации противоправного поведения // Библиотека криминалиста. 2012. № 1. С. 288–299.
- Смирнов А. А. Сеть Интернет в механизме криминалистической детерминации // Библиотека криминалиста. 2013. № 5. С. 161–173.
- Смирнов А. А. Эволюция угроз информационной безопасности // Информационные войны. 2015. № 2. С. 69–74.
- Современная конфликтология в контексте культуры мира (Материалы I Международного конгресса конфликтологов) / Под ред. Е. И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

- Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия: Тезисы докладов и выступлений на II Международном конгрессе конфликтологов: В 2 т. / Отв. ред. Е. И. Степанов. СПб.: Наука, 2004.
- Современная психология: многообразие научного поиска / Под ред. Р. А. Ахмерова, С. П. Дарина, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Современная психология: Справочное руководство / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М.: Инфра-М, 1999.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 г.: В 2 т. Т. 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Соловьева Г., Зюкова Е. Тона риска. Российские и европейские школьники: проблемы онлайн-социализации // Дети в информационном обществе. 2011. № 7. С. 46–55.
- Солдере Ф. С. ЦРУ и мир искусства: Культурный фронт холодной войны. М.: Кучково поле, 2014.
- Соскин В. А. Идеология глобального Джихада как духовно-религиозная мотивация оправдания суицидального терроризма исламскими радикалами // Национальная безопасность. 2012. № 1 (18). С. 92–101.
- Соскин В. А. Исследования социального конфликта в социальной психологии США: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1979.
- Соскин В. А. О некоторых проблемах использования мирового опыта урегулирования конфликтов в российских условиях // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. 1994а. № 7. С. 177–198.
- Соскин В. А. Операциональные уроки противодействия суицидальному терроризму государством Израиля // Прикладная юридическая психология. 2014а. № 1. С. 125–139.
- Соскин В. А. Переговорный процесс: теоретические и практические проблемы преодоления конфликтных ситуаций // Анализ и прогноз международных конфликтов в России и СНГ / Под ред. А. Г. Здравомыслова, С. Я. Матвеевой, А. Ю. Чесурсенко. М.: РАН-СинП, 1998. С. 124–142.
- Соскин В. А. Переговоры по урегулированию этнополитического регионального конфликта // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 16–22.
- Соскин В. А. Проблема ИГИЛ в современной геополитической ситуации: детерминанты феномена привлекательности в стратегии противодействия // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 126–142.

- Соскин В. А. Психология массового поведения. М.: Форум–Инфра-М, 2015.
- Соскин В. А. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Соскин В. А. Роль СМИ и системы образования в воспитании исторической памяти в современной России // Психологический журнал. 2009. Т. 30. №4. С. 102–105.
- Соскин В. А. Урегулирование и разрешение конфликтов: проблема посредничества в прикладной исследовательской практике Запада // Психологический журнал. 1994 г. Т. 15. №5. С. 130–141.
- Соскин В. А. Феномен коррупции в России как социополитическая, социокультурная и социально-психологическая проблема // Психологический журнал. 2016. Т. 35. № 3. С. 78–90.
- Соскин В. А., Журавлев А. Л. Коррупция в России как политическая и социально-психологическая проблема // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013. №4 (67). С. 6–16.
- Соскин В. А., Званко Л. М. Проблема социальной справедливости и межэтнические конфликты // Этическая психология в обществе: Материалы I конференции секции этнической психологии при Российском психологическом обществе / Отв. ред. М. Н. Лебедева. М.: Старый сад, 1997. С. 156–164.
- Соскин В. А., Луныч Н. А. Как стать хозяином положения: анатомия эффективного общения. М.: Академия–Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Соскин В. А., Весник Т. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Соскина Л. М. Сравнительное исследование социальных представлений о справедливости в различных этнических обществах: на примере русских, молдаван и цыган. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- Соскина Л. М. Тенденции исследований справедливости в зарубежной социальной психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 40–49.
- Состояние преступности в России за январь–декабрь 2012 г. URL: http://rosstat.ru/upload/site1/document_file/1XMMRlab8.pdf (дата обращения: 21.03.2018).
- Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

- Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Степанова О. Субкультура геймеров в контексте информационного общества: Дис. ... канд. культурологии. СПб., 2007.
- Судачев Т. С. Социальная работа в конструктивном разрешении конфликтов: Учеб. пособие для студентов. М.: Институт практической психологии, 1996.
- Судачев В. Ю. Организационное оружие: функциональный тенезис и основные направления использования в современной истории России // Экономические стратегии. 2013. № 6. С. 26–37.
- Судачев В. Ю. Когнитивные технологии: темная сторона прогресса. 2017. URL: http://cgitpravo.ru/blog/deviantnos_razvedenie/1458.html (дата обращения: 12.05.2018).
- Судачев В. Ю., Смирнов А. А. Обитаемый остров 2.0 // Экономические стратегии. 2014. № 2. С. 48–59.
- Судачев В. Ю., Смирнов А. А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). Монография. М.: Русский биографический институт—Институт экономических стратегий, 2016.
- Судачев В. Ю., Смирнов А. А., Костин В. Н. Информационно-пропагандистская деятельность террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» // Библиотека криминологии. 2015. № 1. С. 208–218.
- Судачев В. Ю., Смирнов А. А., Кудряков А. В., Федотов В. П. Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности: Монография. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014.
- Тарабрина В. В., Журавлев А. Л. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (Вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 3–21.
- Твиттер-шторм в поддержку спронтайла вывел украинский хештег на первое место в мире // Власть.нет. 2014. 28 января. URL: <http://vlasti.net/news/185601> (дата обращения: 17.03.2018).
- Терроризм в современной России: состояние и тенденции (круглый стол) // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 3–11.
- Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 3–36.

- Ташков В. А. Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.
- Ташков В. А. Рескрипты по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Тейба Э. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. М.: Ин-Октаво, 2005.
- Тойнби А. Дж., Икеда Д. Диалог Тойнби–Икеда. М.: Леан, 1998.
- Уденок Т. М., Козлова Д. А. Представления студентов о целях и средствах достижения экономического благополучия // Гуманизация образования. 2009. № 3. С. 129–133.
- Уровень счастья в России-2016 // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3258. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115976> (дата обращения: 12.03.2018).
- Уэллс Г. Яд, именуемый историей // Г. Уэллс. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 15. М.: Правда, 1964. С. 406–424.
- Федоров А. В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе: Учебное пособие. М.: МГИМО–Университет, 2006.
- Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999.
- Филатов А. Наркомафия освоила «черный Интернет» // Известия. 2017. 14 апреля. URL: <http://iz.ru/news/682517> (дата обращения: 18.03.2018).
- Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001.
- Фильтрация контента в Интернете. Анализ мировой практики: Доклад Фонда развития гражданского общества. 2013. URL: http://civilfund.ru/Fitraciya_Kontenta_V_Internete_Analiz_Mirovoy_Praktiki.pdf (дата обращения: 22.06.2018).
- Фишер Р., Юри Э. Путь к согласию, или Переговоры без поражения. М.: Наука, 1992.
- Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого Я. Тбилиси: Мерани, 1921.
- Фрейд З. «Я» и «Оно». Тбилиси: Мерани, 1991.
- Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ и новый цикл. М.: Фирма СТД, 2006.
- Фридман Г. Плоский мир: Краткая история XXI века. М.: АСТ, 2014.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.
- Фролов И. В. Глобализация и судьбы России: По страницам газеты «Советская Россия». 2011. 23 июня. URL: <https://krest.ru/ru/84133.html> (дата обращения: 13.03.2018).
- Фурсов А. И. Русофобия – псевдоисторическое оружие Запада // Наш современник. 2006. № 1. С. 141–148.

- Давыдов С. Ф. Теория столкновения цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- Касян Б. И. Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1996.
- Кавецко В. А. Способы разрешения межличностного конфликта в экстремальных условиях жизнедеятельности // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 3. С. 38–46.
- Корняк Е. Наши внутренние конфликты. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и БСК, 1997.
- Дубова Р. Г., Катова Д. А. Психологическая готовность молодежи к экономическим отношениям в современных условиях // Гуманизация образования, 2009. № 1. С. 104–109.
- Худякова Л., Ямалчева Е. Девочки-подростки жестоко избili подругу и выложили видео в Интернет // Vesti.ru, 6.04.2012. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=763195> (дата обращения: 13.03.2018).
- Павленко В. И. Количественная оценка макросоциологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2007. № 4. С. 23–34.
- Петров В. А. Переговоры: психология, воздействие, практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Пинко А. Россия для русских? Сила террора умножается слабостью национальной политики // Аргументы и факты. 2010. 7 апреля. URL: <http://aif.ru/index.php?newsid=5246> (дата обращения: 13.03.2018).
- Чельцова Ю. В. Основные направления социально-педагогической работы по предупреждению безнадзорности и беспризорности среди несовершеннолетних // Подросток с девиантным поведением: поиск модели обучения, воспитания и развития. Из опыта работы городской экспериментальной площадки на базе специальной школы № 5 «Доверие». М., 2006. С. 117–123.
- Черныбай А. В. Роль социальных сетей в мобилизации протестных настроений на Ближнем Востоке и в Северной Африке в январе-марте 2011 г. // Идеологические аспекты военной безопасности: Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. 2011. № 1. С. 40–47.
- Чернышев А. С. Практикум по решению конфликтных педагогических ситуаций. М.: Педагогическое общество России, 1999.
- Чернышова Ю. В. Роль этнической самоидентификации в самосознании народа // Личность. Культура. Общество. 2012. № 3. С. 121–125.
- Чернышова А. Д. Информационная модель «Социального взрыва» // СИСП. 2012. № 1. С. 406–426.

- Число пользователей (плагат) превысило 500 миллионов // *Лента.ру*. 2016. 21 июня. URL: <https://lenta.ru/news/2016/06/21/plata500/> (дата обращения: 03.03.2018).
- Шахов А. М., Каткова Д. А.* Отношение к собственности как предмет психологического исследования // *Гуманизация образования*. 2017. № 1. С. 74–80.
- Шалеева В. В.* Методы конструктивного разрешения конфликтов: посредничество. М.: Соционтологическая ассоциация «Деловое сотрудничество», 1997.
- Шаранова А. А.* Динамика социокультурных функций телевидения в условиях постиндустриального общества: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2005.
- Шарп Дж.* От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2005.
- Шарфаревиц В. Р.* Русофобия. М.: Эксмо—Алгоритм, 2005.
- Шейдер А.* Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1991.
- Шейнова М. А.* Различные формы трансакционных социальных взаимодействий // *Гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 5. С. 218–229.
- Шевков А. Ю.* Неравенство в формировании новой социальной политики государства // *Вестник РАН*, 2008. Т. 78. № 4. С. 304–313.
- Шевков Т., Жаров М.* Хроника информационной войны. М.: Европа, 2009.
- Шейкина Г.* Правосудие запаздывает: почему следствие над коррупционерами тянется годами? // *Аргументы и факты*. 2012. 21 марта.
- Шестопал Е. Б.* Теоретико-методологические проблемы исследования образов власти // *Психология восприятия власти*. М.: Се Мысль, 2002.
- Шидди Э., Козл Д.* Новый цифровой мир: Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Шислов Э.* Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. М., 1994.
- Шмелева В.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2010.
- Шербатова Н. В., Ядов В. А.* Культура предупредительного поведения в большом городе // *Социологический журнал*. 2007. № 4. С. 129–137.
- Экономическая психология в России и Беларуси: Сборник научных работ /* Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Поликарпова. Минск: Эко-номпресс, 2007.

- Куреня А. В. Макропсихологический анализ социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Куреня А. В., Журавлев А. Л. Психологические факторы коррупции в современной России // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 3. С. 43–52.
- Куреня А. В., Журавлев А. Л. Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 3. С. 4–14.
- Куреня А. В., Журавлев А. Л. Количественная оценка психологического состояния современного российского общества // Современная социальная реальность России и государственное управление: Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 г.: В 2 т. Т. 1. М.: ИСПИ РАН, 2014. С. 92–100.
- Куреня А. В., Журавлев А. Л. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016а. Т. 37, № 3. С. 48–59.
- Куреня А. В., Журавлев А. Л. Психологические аспекты поиска российской национальной идеи // Вопросы философии. 2016б. № 8. С. 69–78.
- Куреня А. В., Сосная В. А., Пестяк Т. А. Психология массового сознания и поведение: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Ковалева А. А. Корпоративное управление и реструктуризация предприятий в России: Формальные институты и неформальные интересы собственников // Экономический журнал ВШЭ. 2003. № 7. С. 221–230.
- Кудряков В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью: Монография. М.: Научный эксперт, 2009.
- Adams J. S. Inequity in social exchange // *Advances in experimental social psychology* / Ed L. Berkowitz, V. 2. N. Y.: Academic Press, 1965. P. 267–299.
- Along O. M. J., Sizer C. J. Preparing for Euro 2004: Policing international football matches in Portugal. Unpublished report for the Portuguese Public Security Police, 2004.
- Agnew R. E. Commentary on "Understanding mass panic and other collective responses to threat and disaster": Emergency evacuations, panic, and social psychology // *Psychiatry*. 2005. V. 68. P. 121–129.
- Albar S. A. Islam today: A short introduction to the Muslim world. N. Y.: St Martin's Press, 1999.
- Allen P. D. Information operations planning. L.: Artech House, 2007.

- Anderson W.* All connected now: Life in the first global civilization. Oxford, 2001.
- Atan S.* Genesis of suicide terrorism // *Science*. 2003. V. 299. P. 1534–1539.
- Australia EM: Manual 2-safe and healthy mass gatherings. A health, medical and safety planning manual for public events.* Commonwealth of Australia: Dickson ACT, 1999.
- Basilaro A.* Moral disengagement in the perpetration of inhumanities [Special issue] // *Personality and Social Psychology Review*. 1999. V. 3. P. 193–209.
- Barber F.* Political violence, social integration and youth functioning: Palestinian youth from the Intifada // *Journal of Community Psychology*. 2011. V. 29. P. 259–280.
- Bassett F. R.* Political warfare and psychological operations. Washington: National Defense University and National Strategy Information Center Inc., 1989.
- Bar-Tal D.* Sociopsychological foundations of intractable conflicts // *American Behavioral Scientist*. 2007. V. 50. P. 1430–1453.
- Bar-Tal D.* Intractable conflicts: Socio-psychological foundations and dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013a.
- Bar-Tal D.* Why does fear override hope in societies engulfed by intractable conflict, as it does in the Israeli society? // *Political Psychology*. 2013b. V. 22. P. 601–627.
- Bar-Tal D., Halperin E.* The psychology of intractable conflicts: Eruption, escalation, and peacemaking // *The Oxford handbook of official psychology* / Eds L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy. N.Y.: Oxford University Press, 2013. V. 28. P. 923–956.
- Bar-Tal D., Halperin E., de Rivera J.* Collective emotions in conflict situations: Societal implications // *Journal of Social Issues*. 2013. V. 63 (2). P. 441–460.
- Bassett J. F.* Psychological defenses against death anxiety: Integrating terror management theory and firestone's separation theory // *Death Studies*. 2007. V. 31. P. 727–750.
- Bemis B. M.* Cooking up psychological operations: the ingredients of successful PSYOP. Thesis. Naval Postgraduate School, Monterey, California. 2011. June. P. 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/23512932_Cooking_up_Psychological_Operations_The_Ingredients_of_Successful_PSYOP (дата обращения: 14.03.2018).
- Blazak R.* White boys to terrorist men: Target recruitment of Nazi skin-heads // *American Behavioral Scientist*. 2011. V. 44. C. 982–1000.
- Blumer H.* The mass, the public and public opinion // *Readers in public opinion and communication*. N. Y.: Symon and Shuster, 1950.

- Brewer M. B. Identity and conflict // Intergroup conflicts and their resolution: Social-psychological perspectives / Ed. D. Bar-Tal. N.Y.: Psychology Press, 2011. P. 125–143.
- Bull M. J., Newell J. Corruption in contemporary politics. Hampshire; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003.
- Burton J., Dacks S. Conflict: Practices in management and resolution. N.Y.: St Martin's Press, 1990.
- Campor J. E., Pradhan S. The many faces of corruption: Tracking vulnerabilities at the sectoral level. Washington DC, 2007.
- Capozzo M. Unsportsmanlike conduct // Philadelphia Inquirer. 1990. December, V. 7. P. 1–5.
- Castells M. The network society: A cross-cultural perspective. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2004.
- Castells M. Communication power. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Coxley S., Miller M. J. The Age of migration: International population movements in the modern world. N.Y.: Guilford Press, 2003.
- Cherhoff J. M., Koshigian R. H. Don't panic: The psychology of emergency egress and ingress. Westport: C. T. Praeger, 1999.
- Chigar B. Negotiating intractable conflicts: The contribution of unofficial intermediaries // Grasping the Nettle: Analyzing cases of intractability / Eds C. A. Crocker, F.O. Harrigson, P.R. Aull. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2005. P. 123–160.
- Chigar G., Tiew T. A translation and analysis of a Cambodian literary classic. Documentation Center of Cambodia, 2005.
- Christie D. J., Mueller C. J. Contributions of psychology to war and peace // American Psychologist. 2013. V. 68. P. 501–513.
- Cockcroft L. Global corruption: Money, power, and ethics in the modern world. University of Pennsylvania Press, 2012.
- Cockcroft R. Persuading people. M.: Springer, 2012.
- Cohen J. L. Strategy of identity: New theoretical paradigms and contemporary social movements // Social Research. 1985. V. 52. P. 663–716.
- Collins A. My Jihad: The true story of an american mujahid's amazing journey from Osama Bin Laden's training camps to counterterrorism with the FBI and CIA. N.Y.: Pocket Books, 2003.
- Collins R. Social Movements and the focus of emotional attention // Passionate Politics: Emotions and Social Movements / Eds J. Goodwin, M.J. James, F. Polletta. Chicago: University of Chicago Press, 2001. P. 27–44.
- Corruption, global security and world order / Ed. R. L. Rotberg. Washington: Brookings Institution Press, 2009.

- Courbage Y., Fraquet P. *Christians and Jews under Islam*. N. Y.: St Martin's Press, 1998.
- Cresshaw S. R. A. Averting a terrorist attack: A case study // *International terrorism: operational issues* / Eds R. H. Ward, H. E. Smits. Chicago: University of Illinois at Chicago Press, 1988. P. 47–59.
- Cresshaw S. R. A. The logic of terrorism // *Origins of terrorism: Psychologies, ideologies, theologies, and states of mind* / Ed. W. Reich. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 1998.
- Cresslaw M. The psychology of terrorism: An agenda for 21-st century // *Political psychology*. 1998. V. 21. P. 405–420.
- Crosby P., Reicher S. A study of the factors that influence how senior officers police crowd events: On SIDE outside the laboratory // *British Journal of Social Psychology*. 2006. V. 45. P. 175–196.
- Dee J. L. Media accountability for real-life violence: A case of negligence or free speech? // *Journal of Communication*. 1987. V. 37 (2). P. 106–138.
- Deutsch M. *The resolution of conflict: Constructive and destructive processes*. New Haven: Yale University Press, 1993.
- Deutsch M. Constructive conflict resolution: Principles, training and research // *Journal of Social Issues*. 1994. V. 50 (11). P. 13–32.
- Deutsch N. *The constructive and destructive processes*. New Haven–London, 1973.
- Diani M. *Green networks: A structural analysis of the Italian environmental movement*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1995.
- Dinstein Y. *Laws of War*. Tel Aviv: Schocken, 1983.
- Ditzler T. F. Malevolent minds: the theology of terrorism // *Understanding terrorism: psychological roots, consequences and interventions* / Eds F. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 187–206.
- Dollard J., Miller N. E., Doob L. W., Mowrer O. H., Sears R. R. *Frustration and aggression*. New Haven: Yale University Press, 1939.
- Donald I., Canter D. Intentionality and fatality during The King's cross underground fire // *European Journal of Social Psychology*. 1992. V. 22. P. 203–218.
- Donnerstein E., Slaby R. G., Eron L. D. The mass media and youth aggression // *Reason to hope: A psychosocial perspective on violence and youth* / Eds L. D. Eron, J. H. Gentry, P. Schlegel. Washington, DC: American Psychological Association, 1994. P. 219–250.
- Doosje B., Spears R., Ellemers N. Social identity as both cause and effect: The development of group identification in response to anticipated and actual changes in the intergroup status hierarchy // *British Journal of Social Psychology*. 2002. V. 41. P. 57–76.

- Drury J., Cocking Ch., Reicher S.* Everyone for themselves? A comparative study of crowd solidarity among emergency survivors // *British Journal of Social Psychology*. 2009. V. 48. P. 487–506.
- Drury J., Reicher S.* Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // *British Journal of Social Psychology*. 2010. V. 39. P. 579–604.
- Drury J., Scott C. J., Faraiden T.* The role of police perceptions and practices in the development of “public disorder” // *Journal of Applied Social Psychology*. 2003. V. 33. P. 1480–1500.
- Dyer J. R. G., Ioannou C. C., Morrell L. J., Croft D. P., Gouzin I. D., Waters D. A., Krause J.* Consensus decision making in human crowds // *Animal Behavior*. 2008. V. 75. P. 461–470.
- Emerson S.* American Jihad: The terrorists living among us. Columbus, OH: Free Press, 2005.
- Facebook reports fourth quarter and full year 2016 results. URL: <https://investor.fb.com/investor-news/press-release-details/2017/facebook-reports-fourth-quarter-and-full-year-2016-results/default.aspx> (дата обращения: 11.03.2018).
- Fisher R. J.* Paving the way: Contributions of interactive conflict resolution to peacemaking. Lanham, MD: Lexington Books, 2005.
- Fletcher C., Folger R.* Distributive and procedural justice: Combined impact of “voice” and improvement on experienced inequity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1977. V. 35. P. 108–119.
- Fletcher C., Herrmann D.* The internationalisation of corruption: Scale, impact and countermeasures. Gower publishing Ltd, 2012.
- Furnham A.* Just world beliefs in twelve societies // *Journal of Social Psychology*. 1993. V. 133 (3). P. 317–330.
- Gabriel M.* Islam and terrorism. Lake Mary, FL: Charisma House, 2002.
- Galtung J.* Measuring the immeasurable: Boundaries and functions of (macro)corruption indices 2006 // *Measuring Corruption* / Eds Ch. Sampford, A. Shacklock, C. Connors, F. Galtung. Ashgate e-Book, 2006. P. 101–130.
- Galtung J.* Small group theory and the theory of international relations: A study in isomorphism // *New Approaches to International Relations* / Ed. M. Kaplan. N.Y., 1968. P. 270–295.
- Galtung J.* Peace by peaceful conflict transformation: A transcend model // *The handbook of peace and conflict studies* / Eds C. Webel, J. Galtung. L.–N. Y.: Routledge, 2007.
- Geertz C.* The interpretation of cultures. L.: Hutchinson, 1973.
- Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorie W. N.* The “Mainstreaming” of America: Violence profile // *Journal of Communication*. 1979. V. 11. P. 10–29.

- Girding J., Girding J. L. S.* Corruption, capitalism and democracy. L.–N. Y.: Psychology Press, 1997.
- Global corruption: Money, power and ethics in the modern world.* Lourens Cockcroft, 2012.
- Global social movements / Eds R. Cohen, M. R. Shirin.* New Brunswick: The Athlone Press, 2000.
- Goldziher I.* Introduction to islamic theology and law. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1981.
- Graber D.* Media power in politics. Washington: Congressional Quarterly Press, 1994.
- Grossberg J., Pyszczynski T., Solomon S.* The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory // *Public self and private self / Eds R. F. Baumeister, F. Roy.* N. Y.: Springer-Verlag, 1986. P. 189–212.
- Haddidy F.* Islam and the myth of confrontation: Religion and politics in the Middle East. N. Y.: Tauris, 1996.
- Handbook of peace and conflict studies / Eds Ch. Webel, J. Galtung.* L.–N. Y., 2007.
- Handbook on building cultures of peace / Ed. J. de Rivera.* N. Y.: Springer, 2009.
- Haslam S. A., O'Brien A., Jetten J., Forssedal K., Perna S.* Taking the strain: Social identity, social support and the experience of stress // *British Journal of Social Psychology.* 2005. V. 44. P. 355–370.
- Health and safety executive: The event safety guide (A guide to health, safety and welfare at music and similar events).* L.: Her Majesty's Stationery Office, 1999.
- Hefner R. W.* Civil Islam. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2000.
- Ho Sh. M., Hancock J. T., Booth Ch., Liu X.* Computer-mediated deception: Strategies revealed by language-action cues in spontaneous communication // *Journal of Management Information Systems.* 2016. V. 33 (2). P. 393–420.
- Hoffman F.* Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2009.
- Howe L. R., Eron L. D.* Childhood aggression and adult criminality: Facts, frameworks and forecasts // *Advances in criminological theory.* Transaction Publishers, 1992.
- Hunter S. T.* The future of Islam and the West: Clash of civilizations or peaceful coexistence? Westport, CT: Praeger, 1998.
- Imbric R.* The Al Qaeda reader. N. Y.: Broadway Books, 2007.
- Inside terrorist organizations / Ed. D. C. Rapoport.* L.: Frank Cass and Co., 2001.

- Islam and modernity: Muslim intellectuals respond / Eds J. Cooper, R. Nettler, M. Mahmood. N. Y.: Palgrave, 2010.
- Johnston R. W.* Negotiation strategies: different strokes for different folks // *Personnel*. 1982. V. 59. P. 36–45.
- Johnson M.* Civil society and corruption: Mobilizing for reforms. University Press of America, 2005.
- Joppie C.* Asylum and state sovereignty: A comparison of the United States, Germany and Britain // *Comparative Political Studies*. 1997. V. 30. P. 259–298.
- Joris J. S.* Networked social movements: Global movements for global justice // *The network society: A cross-cultural perspective* / Ed. M. Castells. Mass.: Edward Elgar Publishing Inc., 2004. P. 341–362.
- Kahn H.* On escalation: Metaphors and scenarios. N. Y.: Frederick A. Praeger, 1965.
- Kaplan D. E., Marshall A.* The cult at the end of the world: The terrifying story of the Aum doomsday cult, from the subways of Tokyo to the nuclear arsenals of Russia. N. Y.: Crown, 1996.
- Kelman H. C.* Applying a human needs perspective to the practice of conflict resolution: The Israeli–Palestinian case // *Conflict: Human needs theory* / Ed. J. Burton. N. Y.: St Martin's Press, 1990.
- Kelman H. C.* Interactive problem solving: Changing political culture in the pursuit of conflict resolution. Peace and conflict // *Journal of Peace Psychology*. 2009. V. 16. P. 389–413.
- Kennedy M.* The 21-st century condition likely to inspire terrorism // *The future of terrorism: Violence in the new millennium* / Ed. Y. Kushner. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.
- Khagram S., Riker J. V., Sikkink K.* From Santiago to Seattle: Transnational advocacy groups restructuring world politics. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.
- Kop N., Eeuwema M., Schaufeli W. B.* Burnout, job stress and violent behaviour among Dutch police officers // *Work and Stress*. 1999. V. 13. P. 326–340.
- Kotkin S., Sajat A.* Political corruption in transition: A skeptic's handbook. CEU Press, 2002.
- Krueh B.* The social psychology of aggression. Howe: Psychology Press, 2001.
- Kriesberg L.* Lessons from transformed intractable conflicts. PARC News, 1993.
- Kriesberg L.* Constructive conflicts: From escalation to resolution. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2007.
- Kriesberg L.* Changing conflict asymmetries constructively // *Dynamics of Asymmetric Conflict*. 2009. V. 2 (1). P. 4–22.
- Kugihara N.* Effects of aggressive behavior and group size on collective escape in an emergency: A test between a social identity model and deiri-

- division theory // *British Journal of Social Psychology*. 2001. V. 40, P. 575–598.
- Loeb Cr. J.* The impact of information age technologies on operations other than war // *War in the Information Age. New Challenges for U.S. Security Policy*. Washington, 1997.
- Loussamer P., Tomescu-Hatto O.* French ambiguities in understandings of corruption: Concurrent definitions, in *perspectives on European politics and society*. 2008. V. 9 (1). P. 24–38.
- Lepser W.* The new terrorism: Fanaticism and the arms of mass destruction. N. Y.: Oxford University Press, 1999.
- Leung K., Early C., Lind A.* Cultural collectivism and work attitudes: An empirical study in the U.S. and Hong Kong // Paper presented at the 22nd International congress of applied psychology in Kyoto, Japan, 1990.
- Levant R., Barbanel L., DeLeon P.* Psychology's response to terrorism // *Understanding terrorism: psychological roots, consequences and interventions* / Eds F. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 265–282.
- Levine M., Prosser A., Evans D., Reicher S.* Identity and emergency intervention: How social group membership and inclusiveness of group boundaries shape helping behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. V. 31 (4). P. 443–453.
- Levine P.* Online campaigning and the public interest // *The civic web: Online politics and democratic values* / Eds D. M. Anderson, M. Cornfield. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003. P. 47–62.
- Lieber R. M., Sprafkin J.* The early window: Effects of television on children and youth. N. Y.: Pergamon, 1988.
- Lind E. A.* In the eye of the beholder: Tort litigants' evaluations of their experiences in the civil justice system // *Law and Society Review*. 1998. V. 24. P. 953–996.
- Lind E. A., Early P. C.* Procedural justice and culture // *International Journal of Psychology*. 1992. V. 27 (2). P. 227–242.
- Lind E. A., Leung K.* Procedural justice and culture: Effects of culture, gender and investigator status on procedural preferences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 50. P. 1134–1140.
- Lind E. A., Tyler T. R.* The social psychology of procedural justice. N. Y.–L.: Plenum Press, 1988.
- Ling R.* New tech, new ties: How mobile communication is reshaping social cohesion. Cambridge–Massachusetts–L.: Massachusetts Institute of Technology, 2008.
- Macdonald S.* Propaganda and information warfare in the twenty-first century: Altered images and deception operations. L.–N. Y.: Routledge, 2007.

- Marcus R. M. *The psychology of peace: An introduction*. Westport, CT: Praeger, 2003.
- Mares M. The role of source confusions in television's cultivation of social reality judgments // *Human Communication Research*. 1996. V. 23. P. 278–297.
- Marsella A. J. Reflections on international terrorism: issues, concepts and directions // *Understanding terrorism: psychological roots, consequences and interventions* / Eds F. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 11–48.
- Marston W. Systolic blood pressure symptoms of deception // *Journal of Experimental Psychology*. 1917. V. 2 (2). P. 117–163.
- Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job burnout // *Annual Review of Psychology*. 2001. V. 52. P. 397–422.
- Mawson A. R. Understanding mass panic and other collective responses to threat and disaster // *Psychiatry*. 2005. V. 68. P. 95–113.
- McGuire W. J. The myth of massive media impact: Savagings and salvagings // *Public Communication and Behavior*. 1986. V. 1. P. 173–257.
- McLeod D. M., Perse E. M. Direct and indirect effects of socioeconomic status on public affairs knowledge // *Journalism Quarterly*. 1994. V. 71. P. 433–442.
- McPhail C. *The myth of the madling crowd*. N. Y.: Aldine De Gruyter, 1991.
- McQuail D. *Mass communication theory*. L.: Sage, 1994.
- Mintz A. Non-adaptive group behavior // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1951. V. 46. P. 150–159.
- Moghaddam F. M. Cultural preconditions for potential terrorist groups: Terrorism and societal change // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions* / Eds F. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 103–117.
- Mosby G. *Terror in Quebec*. Toronto, 1970.
- Morgan M., Shanahan J. Two decades of cultivation research: An appraisal and meta-analysis // *Communication yearbook* / Eds B. R. Burksen, A. W. Kunkel. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997. V. 20. P. 1–45.
- Morris S. A., Bebbitt E. A., Buxton J. C., Arnacott R. L. A test of environmental, situational and personal fluencies on the ethical intentions of CEOs // *Business and Society*. 1995. V. 34 (2). P. 119–146.
- Nathanson A. I. Identifying and explaining the relationship between parental mediation and children's aggression // *Communication Research*. 1999. V. 26. P. 124–143.
- National television violence study. V. 1–2. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.

- Newswiser N., Kaptein M.* Spiraling down into corruption: A dynamic analysis of the social identity processes that cause corruption in organizations to grow // *Journal of Business Ethics*. 2008. V. 83. P. 133–146.
- Nayi J., Njoboka P., Kakonza C.* Moral schemas and corruption in Ugandan Public procurement // *Journal of Business Ethics*. 2013. V. 112. P. 417–436.
- Page F. V.* *Peace time: Cease-fire agreements and the durability of peace.* Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2004.
- Palmer J., Cowe W., Kirby D.* The adaptive significance of “dysfunctional impulsivity”: Presented at the human behavior and evolution society conference, Tucson, AZ, 1997.
- Peace, conflict and violence: Peace psychology for the 21st century /* Eds D. J. Christie, R. V. Wagner, D. D. Winter. Upper Saddle River, N. J.: Prentice Hall, 2003.
- Pearlstein R. M.* *The mind of a political terrorist.* Wilmington, DE: Scholarly Resources, 1991.
- Perse E. M.* *Media effects and society.* Mahwah, N. J.–L.: Lawrence Erlbaum associates, 2001.
- Philip M.* *Corruption definition and management // Measuring corruption /* Eds Ch. Sampford, A. Shacklock, C. Connors, F. Galtung. Ashgate e-Book, 2006.
- Pilavski M., Wang A.* *State terrorism: When the perpetrator is the government // Psychology of terrorism /* Ed. C. Stout. Praeger Publications, 2002.
- Pines A., Maslach C.* *Experiencing social psychology.* N. Y.: McGraw-Hill, 1993.
- Pinto J., Leason C., Pil F.* *Corrupt organizations or organizations of corrupt individuals? Two types of organizational-levels corruption.* University of Pittsburgh, 2008.
- Prati G., Pietrasoli E.* *Elaborating the police perspective: The role of perceptions and experience in the explanation of crowd conflict // European Journal of Social Psychology.* 2009. V. 39. P. 991–1001.
- Presidential task force on psychological ethics and national security.* 2005, June. P. 8. URL: <http://www.apa.org/pubs/info/reports/pena.pdf> (дата обращения: 25.04.2018).
- Preason N., Sampford C., Cameron C.* *Encouraging ethics and challenging corruption: Reforming governance in public institutions.* Sydney: Federation Press, 2002.
- Prutz D. G., Rubin J. Z.* *Social conflict: Escalation, stalemate and settlement.* N. Y.: Random House, 1986.
- Prutz D. G., Kim S. H., Rubin J. Z., Parris D. G., Kim S. H.* *Social conflict: Escalation, stalemate, and settlement.* N. Y.: McGraw-Hill, 2004.

- Quattrò E. L. Panic sociology // *International encyclopedia of the social and behavioral sciences* / Eds N. J. Smelser, P. B. Baltes. N. Y.: Pergamon Press, 2001.
- Rabl T. The impact of situational influences on corruption in organizations // *Journal of Business Ethics*. 2011. V. 100. P. 85–101.
- Rabl T., Kähkönen T. M. Understanding corruption: Organizations development and empirical assessment of an action model // *Journal of Business Ethics*. 2008. V. 82. P. 477–495.
- Reicher S., Poster J. Psychological theory as intergroup perspective: A comparative analysis of “scientific” and “lay”. *Accounts of crowd events* // *Human Relations*. 1985. V. 38. P. 167–189.
- Reicher S., Shott C., Crossin P., Adang O. An integrated approach to crowd psychology and public order policing // *Policing: An international journal of police strategies and management*. 2004. V. 27. P. 558–572.
- Reis H. T. Self-presentation and distributive justice // *Impression management theory and social-psychological research* / Ed. J. T. Tedeschi. N. Y.: Academic Press, 1981.
- Reis H. T. The Multidimensionality of Justice // *The science of injustice: Social psychological perspectives* / Ed. R. Folger. N. Y.–L.: Plenum Press, 1984.
- Ripley A. How to get out alive // *Time*. 2005. 16th May. P. 48–52.
- Robbins T. V., James M., Owen A. M., Sahachan B. J., NacJones L., Rabbit P. Cambridge neuropsychological test automated battery (CANTAB): A factor analytic study of a large sample of normal elderly volunteers // *Dementia*. 1994. V. 5. P. 266–281.
- Robertson R. Globalization. L., 1998.
- Robins J. S. Battlefronts in the war of ideas: Countering terrorism and insurgency in the 21st century: *International perspectives* / Eds J. P. Forest, H. Morgenshtern. V. 1–3. Westport, Connecticut–L.: Praeger Security International, 2007. P. 299–318.
- Ross T. P. Weapon system and information war. Seattle: Boeing Aerospace Co., 1976.
- Rose-Ackerman S. *International handbook on the economics of corruption*. Edward Elgar Publishing, 2007.
- Rosenberg T. *Join the club: How peer pressure can transform the world*. N. Y.: W. W. Norton, 2011.
- Roth V., Aguilera R., Vaquera K. The dark side of authority: Antecedents, mechanisms, and outcomes of organizational corruption // *Journal of Business Ethics*. 2008. V. 77. P. 431–449.
- Sapio A., Zamparini A. Peace psychology: Theory and practice. // *Handbook of peace and conflict studies* / Eds Ch. Webel, J. Galtung. L.–N. Y., 2007. P. 265–295.

- Soderer L., Ryan K., Rubin J.F.* The psychological impact of terrorism: Policy implications // *International Journal of Mental Health*. 2003. V. 32 (1). P. 7–19.
- Senior J.* Corruption – the World's Big C cases, causes, consequences, cures. L.: The Institute of Economic Affairs, 2006.
- Sharp G.* 198 methods of nonviolent action. Boston: Porter Sargent, 1973.
- Sharp G.* From dictatorship to democracy: A conceptual framework for liberation. Boston, Mass.: The Albert Einstein Institution, 1993.
- Shraw L.J.* The role of source confusion in cultivation effects may depend on processing strategy: A comment on Mares // *Human Communication Research*. 1997. V. 24. P. 349–358.
- Slutske L.J., Crosby F.J.* Trends in the social psychological study justice // *Personality and Social Psychology Review*. 2003. V. 7 (4). P. 282–285.
- Smolger N.J.* Theory of collective behavior. L.: Routledge and Kegan Pau, 1962.
- Smith R.S., Harris S.G., Phipps R., Iglewski B.* The pseudomonas aeruginosa quorum-sensing molecule, N-(3-oxododecanoyl) homoserine lactone contributes to virulence and induces inflammation in vivo // *Journal of Bacteriology*. 2002. P. 1132–1139.
- Soldz S., Olson B.* Psychologists, detainees interrogations and torture: Varying perspectives on nonparticipation // *The trauma of psychological torture* / Ed. A.E. Ojeda. Westport, CT: Praeger, Soldz and Olson, 2008. P. 70–91.
- Speiser B.J. (Ed.)*. Fighting corruption in developing countries: Strategies and Analysis. A Kumarian Press Book, 2005.
- Staub E.* The roots of evil: The origins of genocide and other group violence. N. Y.: Cambridge University Press, 1989.
- Staub E.* The origins and prevention of genocide and other on group violence: Peace and conflict // *Journal of peace psychology*. 1999. V. 5. P. 303–336.
- Staub E.* Understanding and responding to group violence, mass killing and terrorism // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions* / Eds F. M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004.
- Stil K.* Crowd dynamics. Ph. D. dissertation, Department of Mathematics, University of Warwick, 2007.
- Stott C., Drury J.* The intergroup dynamics of empowerment: A social identity model // *Transforming politics: Power and resistance* / Eds P. Baguley, J. Hearns. N. Y.: Macmillan, 1999. P. 32–45.
- Stott C., Drury J.* Crowds, context and identity: Dynamic categorization processes in the "poll tax riot" // *Human Relations*. 2000. V. 53. P. 247–273.
- Stott C., Pearson G.* Football "hooliganism": Policing and the war on the "English disease". L.: Pennant Books, 2007.

- Stott C., Reicher S. B. Crowd action as intergroup process: Introducing the police perspective // *European Journal of Social Psychology*. 1998. V. 28. P. 509–529.
- Suicide terror: understanding and confronting the threat / Eds O. Falk, H. Mergenshtern. N.J.: John Wiley Sons Inc., Hoboken, 2009.
- Tagfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict // *The Social Psychology of Intergroup Relations* / Eds W. G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks-Cole, 1979.
- Takenishi M., Takenishi A. Why Japanese citizens evaluate the tax as unfair? Fairness criteria and their importance. Unpublished manuscript. Kochi University, 1990.
- Taylor D. M., Louis W. Terrorism and the quest for identity // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions* / Eds F. M. Moghaddam, A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 169–183/
- Thibaut J., Walker L. *Procedural justice: A psychological analysis*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1975.
- Tierney K. J., Bruc C., Keligowski E. Metaphors matter: Disaster myths, media and their consequences in Hurricane Katrina // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2006. V. 604. P. 57–81.
- Triandis H. C. Culture and conflict // *International Journal of Psychology*. 2010. V. 32 (2). P. 145–152.
- Turner J. C., Oakes P. J., Haslam S. A., McGarty C. Self and collective: Cognition and social context // *Personality Social Psychology Bulletin*. 1994. V. 20. P. 454–463.
- Tyler T. R., Lind E. A. A relational model of authority in groups // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. V. 25. P. 115–191.
- Wagner W. Social representations, group affiliation and projections: Knowing the limits of validity // *European Journal of Social Psychology*. 1995. V. 25 (2). P. 125–139.
- Wagner W. Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds // *Culture and Psychology*. 1998. V. 4. P. 297–329.
- Wagner W., Elizabarrieta F., Labastrie J. How the sperm dominates the ovum: Objectification by metaphor in the social representation of conception // *European Journal of Social Psychology*. 1995. V. 25. P. 671–688.
- Wagner W., Farr R., Jouchelovitch S., Rose D. Theory and method of social representations // *Asian Journal of Social Psychology*. 1999. V. 2. P. 95–125.
- Wagner W., Valencia J., Elizabarrieta F. Relevance, discourse and the “hot” stable core of social representations: A structural analysis of word associations // *British Journal of Social Psychology*. 1996. V. 35. P. 331–351.

- Walter B. F. *Committing to peace: The successful settlement of civil wars*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2002.
- Waltz E. *Information warfare: Principles and operations*. Boston—L.: Artech House, 1998.
- Wexler D. E. A few empirical observations concerning the relationship between the mass media and disaster knowledge: A research report // *Disasters and the mass media: Proceedings of the committee on disasters and the mass media workshop*. Washington, DC: National Academy of Sciences, 1980. P. 241–266.
- Wenger E., Snyder H. Communities of practice: The organizational frontier // *Harvard Business Review*. 2000. V. 21. P. 332–348.
- Werve J. *The corruption notebook*. 2006.
- White House 2009. National framework for strategic communication. URL: <http://www.fas.org/man/eprint/pubdip.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).
- White J. R. Political eschatology: A theory of antigovernment extremism // *American Behavioral Scientist*. 2002. V. 44. P. 937–956.
- World Internet users and 2016 population stats // *Internet World Stats*. 2017. December 31. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 12.03.2018).
- Young K. Standard deviations: An update on North American sports crowd disorder // *Sociology Sport Journal*. 2002. V. 19. P. 237–275.
- Zeitz K. M., Bolton S., Dippy R., Dowling Y., Francis L., Thorne J., Butler T., Zeitz Ch. J. Measuring emergency services workloads at mass gathering events // *Australian Journal of Emergency Management*. 2007. V. 22 (4). P. 4–30.
- Zeitz K. M., Tan H. M., Grief V., Zeitz Ch. J. Crowd behavior at mass gatherings: A literature review // *Personal and Disaster Medicine*. 2009. V. 24 (1). P. 32–38.
- Zeitz K. M., Zeitz Ch. J., Arbon P. Forecasting medical work at mass-gathering events: Predictive model versus retrospective review // *Prehospital and Disaster Medicine*. 2005. V. 20. P. 164–168.
- Zilbans D., Bryant J. Effects of massive exposure to pornography // *Pornography and sexual aggression* / Eds N. M. Malamuth, E. Donnerstein. N. Y.: Academic Press. 1984. P. 115–141.
- Zinn S., Beth Asher S., Kurtz R. L. *Nonviolent social movement*. Oxford: Blackwell, 1999.
- Zyglidopoulos S. C., Fleming P. J., Rothenberg S., Stelios C. Rationalization, overcompensation and the escalation of corruption in organizations // *Journal of Business Ethics*. 2008. V. 84. P. 65–73.

Научное издание

Серия «Психология социальных явлений»

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ
В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ**

сущность, детерминанты, регулирование

Редактор – *Т.А. Сарычева*

Оригинал-макет, обложка и верстка – *С.С. Фёдоров*

Лицензия ИР №03726-от 12.01.01
Издательство – Институт психологии РАН
129388, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: +7(495) 540-37-27
E-mail: svetlora@ipran.ru, <http://www.ipran.ru>

Сдано в набор 01.06.18. Подписано в печать 09.06.18
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Барсеттура NewtonС. Ул.-мил. д. 28; ул.-печ. л. 25,35
Тираж 150 экз. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая Полиграфическая»,
филиал «Человская Печатный Двор», в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
142100, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Факс: +7(496) 726-54-18
www.cspdl.ru; e-mail: info@cspdl.ru

Книги издательства «Институт психологии РАН»

2018 г.

Анатолий Лактионович Журавлев. Библиография научных трудов: К 70-летию со дня рождения / Авт.-сост. В. И. Беломольский, Е. Н. Аксамит, О. В. Шапошникова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 120 с.

Поникова В. И. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 330 с.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы: Коллективная монография / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 448 с. (Психология социальных явлений)

Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 716 с. (Методология, история и теория психологии)

2017 г.

Когнитивные исследования. Вып. 7. Избранные труды конференции «Когнитивные исследования на современном этапе» / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. А. Мельников. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»—Когнито-Центр, 2017. 188 с.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы: Коллективная монография / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 448 с. (Психология социальных явлений)

Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Жу-

равлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 2714 с.

Психология – наука будущего: Материалы VII Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». 14–15 ноября 2017 года, Москва / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 998 с.

Кармышев А.Д., Исаева Е.А., Кармышева О.А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 480 с.

Артемцева Н.Г. Феномен совпадений: общее, типологическое, индивидуальное. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 228 с.

Журавлев А.Л., Соснин В.А., Котова Д.А., Восток Т.А., Юрков А.В. Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 424 с. (Психология социальных явлений)

Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е., Подун М.А., Хажуров И.С., Казылова Н.Н., Быховцев Ю.В., Дал М.В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Под общ. ред. Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 344 с. (Социальнокультурные аспекты национальной безопасности)

Давыдова А.И. Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 236 с. (Психология социальных явлений)

Суздальев А.В. Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 398 с. (Методология, история и теория психологии)

Харламенкова Н.Е., Тарабрина Н.В., Быховцев Ю.В., Ворона О.А., Казылова Н.Н., Дылова Е.И., Шамалова В.Е. Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 262 с. (Труды Института психологии РАН)

Александров Ю.И., Седрых О.Е., Зеленинская И.И., Колбенева М.Г., Арутюнян К.Р., Крылов А.К., Булавин А.И. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 191 с.

Яковлева Л.А., Белавина О.В. Социальный интеллект детей и подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 181 с.

Тыльчук В.А. Профессиональная карьера как социально-психологический феномен. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 262 с. (Фундаментальная психология – практике)

- Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соскин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 285 с. (Психология социальных явлений)
- Павлова Н. Д., Гребеняшкова Т. А. Интент-анализ основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 151 с. (Методы психологии)
- Марова В. П. Язык эмоций и эмоциональный слух. Избранные труды 1964–2016. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 398 с.
- Госнеев А. А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-правственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 467 с.

2016 г.

- История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня–2 июля 2016 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 637 с.
- Историко-генез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холодкович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 487 с. (Методология, теория и история психологии)
- Ожиганова Г. В. Душевные способности как ресурс жизнестойкости. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 282 с.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабарина, Н. Е. Харламышкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 496 с.
- Хаджиев В. А. Личность и группа в системе экономических и управленческих отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 535 с.
- Зверев Т. В., Нислова О. Г. Психологическое наследие К. К. Платонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 214 с. (Методология, теория и история психологии)
- Воропан А. Н., Горюхова Н. Б. Когнитивный ресурс: структура, динамика, развитие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 276 с.
- Технологии сохранения и восстановления когнитивного опыта / Отв. ред. В. Н. Несуденко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 457 с. (Фундаментальная психология – практика)

- Пономарев В. П., Виноградская Т. С.* Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 320 с. (Психология социальных явлений)
- Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 2–24 июня 2016 г. / Отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анюхин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 720 с.
- Журавлева А. Л., Ушаков Д. В., Нестых Т. А., Поддьяков А. И., Курочкин А. В.* Социальная психология знания / Под общ. ред. А. Л. Журавлевой, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 446 с. (Психология социальных явлений)
- Ананидзе Н. А.* Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 366 с. (Методология, теория и история психологии)
- Валкова Е. В.* Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 256 с. (Методы психологии)
- Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В. А. Барыбанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 950 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Журавлева А. Л., Нестых Т. А., Соснов В. А.* Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 122 с.
- Прохоров А. О.* Образ психического состояния. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 245 с. (Экспериментальные исследования)
- Волыкова М. В., Мустафина Л. Ш.* Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 144 с. (Психология социальных явлений)
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Мухомет, Л. Г. Дюкан. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 755 с.
- Психологические исследования: Вып. 8 / Под ред. А. Л. Журавлевой, Е. А. Сергеева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 231 с.
- Смирнов О. Е.* Активность мозга: Специализация нейрона и дифференциация опыта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 190 с. (Перспективы психологии)
- Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования: Материалы третьего международного симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 383 с. (Труды Института психологии РАН)